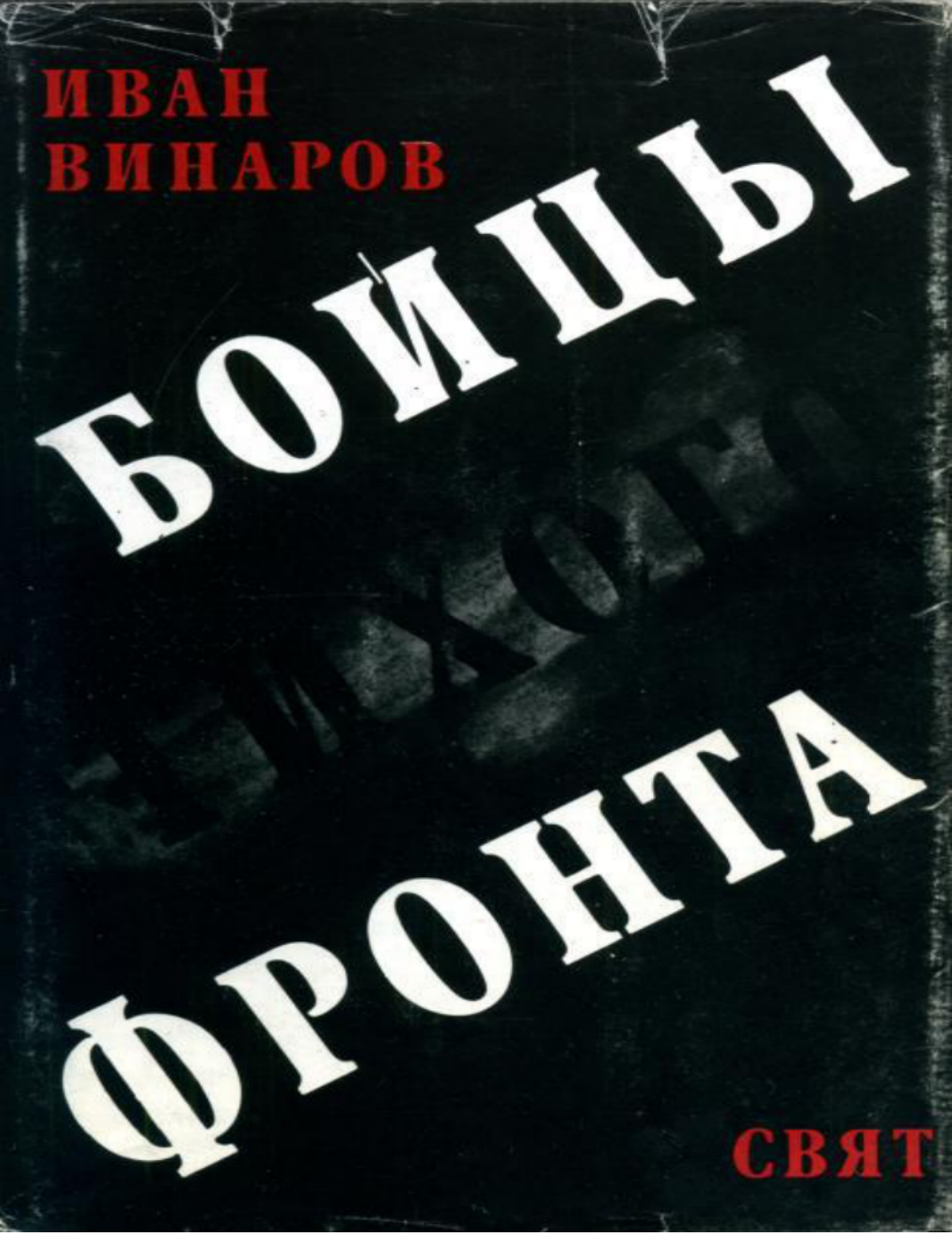
ИВАН
ВИНАРОВ

БОЙЦЫ ФРОНТА



СВЯТ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Путь пламенного революционера, интернационалиста, профессионального разведчика Ивана Винарова начался в его родном городе Плевене. В годы монархо-фашистской диктатуры он был вынужден эмигрировать в СССР, где окончил Московскую военную академию им. М. В. Фрунзе. Ему, профессиональному советскому разведчику, довелось выполнять трудные задания в странах Европы и на Дальнем Востоке. Он сражался в Испании, в составе Интернационального полка участвовал в обороне Москвы, разрабатывал операции на захваченных гитлеровцами территориях Болгарии и Югославии.

После победы социалистической революции в Болгарии Иван Винаров вернулся на родину, где самоотверженно трудился на ответственных постах, отдавая все силы упрочению нового строя.

Свой нелегкий, но славный путь разведчика он описывает в книге «Бойцы тихого фронта».

- Бойцы тихого фронта
  - ○
  - ○ Часть первая
    - ■ 1. ГОРОД РУССКОЙ БОЕВОЙ СЛАВЫ И БОЛГАРО-СОВЕТСКОЙ ДРУЖБЫ
    - ■ 2. С 9-Й ПЛЕВЕНСКОЙ ДИВИЗИЕЙ НА ЮЖНОМ ФРОНТЕ
    - ■ 3. ПЛЕВЕНСКИЕ ТЕСНЫЕ СОЦИАЛИСТЫ — ВОИНЫ МИРА
    - ■ 4. ВООРУЖЕНИЕ ПЛЕВЕНСКОЙ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
    - ■ 5. ВООРУЖЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ. ПОМОЩЬ СОВЕТСКОЙ РОССИИ
    - ■ 6. ПАРТИЙНАЯ ШКОЛА В СОФИИ. НЕВЫПОЛНЕННАЯ ЗАДАЧА
    - ■ 7. ТИПОГРАФИЯ ПОД ЗЕМЛЕЙ
    - ■ 8. АРЕСТ, ТЮРЬМА, БЕГСТВО ИЗ ТЮРЬМЫ
  - ○ Часть вторая
    - ■ 1. ЧЕРЕЗ ЧЕРНОЕ МОРЕ. СОВЕТСКАЯ РОССИЯ — ЗЕМЛЯ НАШИХ НАДЕЖД
    - ■ 2. БЕРЗИН — СОЗДАТЕЛЬ СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ
    - ■ 3. ЭХО ИЗ ПЛЕВЕНА. ПЛЕВЕНСКОЕ ИЮНЬСКОЕ ВОССТАНИЕ — ПОДВИГ И ТРАГЕДИЯ
    - ■ 4. ОРУЖИЕ — МОРЕМ

- 5. «ИНОСТРАНЕЦ» У СЕБЯ НА РОДИНЕ
- 6. ВЕНА, 1925 ГОД. КАНАЛЫ СПАСЕНИЯ

○ Часть третья
- 1. БОЕВЫЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ
- 2. О КИТАЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ЕЕ ВОЖДЕ СУНЬ ЯТСЕНЕ
- 3. В ДАЛЬНИЙ ПУТЬ. ТРАНССИБИРСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА
- 4. МИССИЯ БЛЮХЕРА — МИССИЯ ДРУЖБЫ. ПЕРВАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В КИТАЕ
- 5. СЕВЕРНЫЙ ПОХОД. ИЗМЕНА ЧАН КАЙШИ
- 6. ТОРГОВЦЫ В ШАНХАЕ И ПЕКИНЕ. КРОВЬ — ЦЕНА ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАИВНОСТИ

○ Часть четвертая
- 1. КОНФЛИКТ НА КВЖД. ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ ГРАНИЦЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА — ГРАНИЦЫ МИРА
- 2. СНОВА СО СПЕЦИАЛЬНЫМ ЗАДАНИЕМ К БЛЮХЕРУ

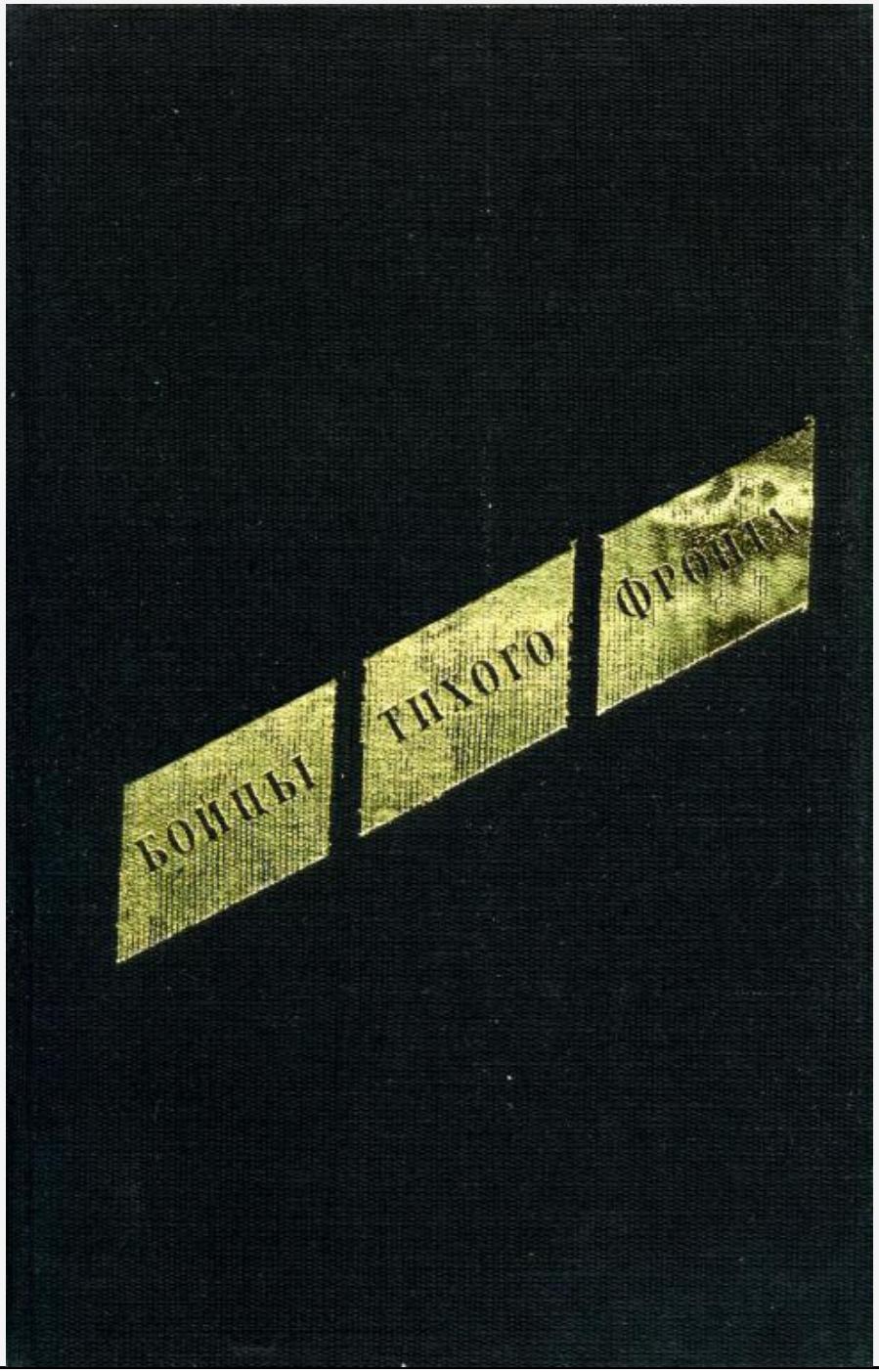
○ Часть пятая
- 1. ЗАДАЧИ В ЕВРОПЕ
- 2. ВЕНА 1930 ГОДА. ВСТРЕЧИ С ГЕОРГИЕМ ДИМИТРОВЫМ
- 3. МАШИНА ПУЩЕНА В ХОД. ТАКТИЧЕСКАЯ ОШИБКА БЕЗ РОКОВЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ. ТОРГОВЦЫ В ВЕНЕ
- 4. НОВЫЕ ЗАДАЧИ. «ЭКСПОРТНО-ИНФОРМАЦИОННОЕ БЮРО» В ПРАГЕ. ИНТЕЛЛИДЖЕНС СЕРВИС ЗАПАЗДЫВАЕТ
- 5. ВЫСОКИЙ ГОСТЬ ИЗ ЦЕНТРА. ВСТРЕЧА С ОСКАРОМ. ПОЖАРНИК «Z-9»
- 6. ПОЖАР РЕЙХСТАГА. ВОЗВРАЩЕНИЕ В МОСКВУ
- 7. ПАРИЖ 1936 ГОДА. В ПОМОЩЬ ИСПАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ
- 8. РАДИОСИГНАЛЫ В ЭФИРЕ. ПЕРЕПИСКА С МУССОЛИНИ
- 9. ВЕСНА В ПОРТУГАЛИИ. ВСТРЕЧА С ГРИШЕЙ САЛНИНЫМ В МАДРИДЕ. ХЕМИНГУЭЙ И ХАДЖИ-КСАНТИ
- 10. ПРОЩАНИЕ С ПАРИЖЕМ

○ Часть шестая
- 1. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
- 2. «ПОДВОДНИКИ» И «ПАРАШЮТИСТЫ»

- 3. МОСКВА НЕПОБЕДИМА. БРИГАДА ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ
- 4. 7 НОЯБРЯ 1941 ГОДА. ПАРАД НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ. В НАСТУПЛЕНИЕ
- 5. В ГРУППЕ СТАНКЕ ДИМИТРОВА-МАРЕКА. НА САМОЛЕТЕ К ЮГОСЛАВСКИМ ПАРТИЗАНАМ
- 6. ПОБЕДА. С МИССИЕЙ К ТОЛБУХИНУ

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7

Бойцы тихого фронта


БОЙЦЫ
ТИХОГО
ФРОНТА

ПАВЛУ ИВАНОВИЧУ БЕРЗИНУ — СОЗДАТЕЛЮ И РУКОВОДИТЕЛЮ СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДКИ, ДОБЛЕСТНОМУ ЗАЩИТНИКУ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ И

ВОИНУ МИРА ПОСВЯЩАЮ

АВТОР

Часть первая
В РОДНОМ ПЛЕВЕНЕ

1. ГОРОД РУССКОЙ БОЕВОЙ СЛАВЫ И БОЛГАРО-СОВЕТСКОЙ ДРУЖБЫ

Особую роль в моей жизни, особенно в молодом возрасте, сыграл Плевен, мой родной город.

Лицо города, его характер, его достоинство определялись теми эпическими сражениями, которые Скобелев — «Белый генерал» — вел здесь с многочисленной армией Османа-паши в 1878 году и победил ее. А эта победа — о чем знают даже первоклассники — в значительной степени предопределила дальнейший ход и завершение русско-турецкой войны, положившей конец вековому османскому игу. Поэтому Плевен и является городом русской боевой славы.

И Скобелевский парк был не просто парком для прогулок и отдыха, а местом поклонения и для молодых, и для старых.

Никогда не сотрется в моей памяти пережитое в далекие дни 1903 года, когда в Плевене закладывали первый камень в фундамент мавзолея.

Плевенский мавзолей — один из самых крупных мемориальных памятников, которые Всенародный комитет, возглавлявшийся старым деятелем нашего Возрождения Стояном Заимовым, решил воздвигнуть в честь и во славу павших за наше освобождение русских солдат. В те годы были созданы памятник освободителям в Софии, памятник на вершине Шипка, Скобелевский парк-музей и музеи в честь освободителей в Плевене, Пордиме, Горна-Студене и Бяле. Средства на их строительство собирали за счет добровольных взносов от населения всей страны, а часть необходимой суммы должна была обеспечить государственная казна. Помогла и Россия.

Как и следовало ожидать, население городов и сел, старые и малые, бедные и богатые, с радостью вносили свою лепту. Каждый считал участие в подписке делом личной чести. На торжество в Плевен прибыли на телегах, верхом и пешком тысячи крестьян из Плевенской области, из самых далеких краев Болгарии. Ни один человек не хотел пропустить этот необычный праздник, о котором потом мог бы рассказывать внукам и правнукам…

Народ собрался сюда не из простого любопытства: безошибочным чутьем он понимал глубокое значение будущего мавзолея и своим присутствием подчеркивал его значение подлинного символа признательности и верности

освободителям…

Строительство мавзолея и музея освобождения, работы в Скобелевском парке в Плевене связаны с именем видного революционера, общественного деятеля и народного учителя Стояна Заимова.

Он часто заходил к моему отцу, еще чаще у него бывал мой отец, особенно когда после завершения работ в Скобелевском парке (1907 год) Стоян Заимов был назначен его пожизненным директором.

Пока взрослые беседовали, я играл в тихих аллеях парка с сыном Заимова Владимиром, кадетом военного училища.

Владимир был на несколько лет старше меня, но я не замечал с его стороны ни тени высокомерия, так часто присущего юношам его возраста. Этот крепкий, стройный, красивый, как мать, юноша отличался сдержанностью. Он был тихий, начитанный, прекрасно воспитанный. Свое преклонение перед Россией Владимир, еще совсем юный, умел внушить и другим. Он был достойным сыном своего отца, для которого отношение к России граничило с религиозным благоговением. Для него не существовало более священной земли, более великого народа, более могучей державы. Таким был и мой отец. В сущности их любовь к России и ко всему, что было связано с великой русской землей, послужила основой дружбы, продолжавшейся до конца их дней.

Стоян Заимов, человек строгий и справедливый, был заботливым отцом. Семья — кроме сына у него было две дочери — жила в полном согласии. Его жена Клавдия Поликарповна, родом москвичка, — была красивая, добрая и тихая женщина. Она как мать опекала сирот. Детей Стоян Заимов воспитывал патриотами своего отечества, он внушал им любовь к России. За эту любовь и преданность России спустя несколько десятилетий его сын поплатился жизнью…

Наша дружба с Владимиром Заимовым прервалась, когда его произвели в юнкеры: в военном училище летом проводились лагерные учения, и он не мог приезжать в Плевен. Он почти окончательно оторвался от прежней среды, но уроки отца не пропали даром: и в военном училище, и после его окончания Владимир вел себя как истинный болгарский патриот, храбрый воин и доблестный гражданин.

Через три десятилетия, в 1935—1936 гг., мне пришлось вспомнить о друге детства. Сначала Берзин, а потом мой товарищ по совместной работе в Китае попросили меня дать сведения о заинтересовавших их болгарских военных и политических деятелях. Часть оказалась приверженцами провалившегося режима 19 мая и Офицерской лиги. Среди других имен мне

бросилось в глаза одно, взволновавшее меня, напомнившее годы детства, — Владимир Заимов.

— Генерал, бывший секретарь Офицерской лиги, бывший начальник гарнизона города Шумена, бывший инспектор артиллерии, противник монархизма и подлинный демократ! — так вкратце охарактеризовал его мой товарищ. — Ты хорошо знаешь этого человека, Ванко? Он ведь из твоего города?

Я рассказал все, что знал о молодом Заимове, его отце, об атмосфере любви к России, в которой он вырос.

— Могу ли я рассчитывать на него?

— Яблоко недалеко падает от яблони. Но на всякий случай проверь, разузнай. Я не видел его тридцать лет…

Яблоко действительно упало недалеко от яблони. Сын, унаследовавший любовь отца к России, хранил в душе верность и преданность Советскому Союзу. Генерал Владимир Заимов достойно исполнил свой патриотический и интернациональный долг: в канун и в первые, самые суровые годы войны он активно помогал советской разведке в Софии и в ряде других стран гитлеровского тыла. Как известно, его предал провокатор. Красный генерал был расстрелян в июне 1942 года в Софии, на стрельбище школы офицеров запаса. После победы я узнал, что Заимов встретил смерть гордо, как настоящий воин. Перед смертью он крикнул: «Советский Союз и славянство непобедимы! За мной идут тысячи. Да здравствует свободная Болгария!»

В полночь с 1 на 2 июня, сообщив о расстреле, Московское радио передало: «Болгары, встаньте на колени Сегодня вечером расстрелян славный сын Болгарии и славянства, генерал артиллерии Владимир Заимов!» Советский Союз оказал высокие почести герою…

Я начал говорить о Плевене, а перешел на генерала Заимова и его расстрел. Это не случайно.

Духовное величие Заимова связано со специфической атмосферой Плевена. Для болгарина, выросшего среди священных реликвий этого города, дышавшего в молодости его воздухом, ступавшего по его земле, политой кровью тысяч русских солдат, воспитанного на рассказах о храбрости русских богатырей, было легче разобраться в событиях окружающей жизни, понять, откуда всходит солнце.

Так было с Заимовым-младшим, так было со многими моими земляками, братьями по классу. Так было и со мной.

2. С 9-Й ПЛЕВЕНСКОЙ ДИВИЗИЕЙ НА ЮЖНОМ ФРОНТЕ

Когда в пятнадцатом году меня призвали под знамена «служить царю и отечеству», мне исполнилось девятнадцать лет.

Меня зачислили в 6-й пехотный полк 9-й Плевенской дивизии. После краткого обучения дивизия направилась к месту назначения.

На фронте — в районе станции Гевгелия и на Дойранском озере — наша дивизия стояла до конца войны. Против нас выступали в основном английские, а под конец и французские части. В 1917 году северо-западнее позиций нашей дивизии появились русские. Это, как и следовало ожидать, подействовало на солдатскую массу обескураживающе. Было мучительно думать, что нужно стрелять в своих освободителей. И вскоре там началось братание.

К началу 1917 года германские и австро-венгерские армии на Балканском фронте начали постепенно отходить. Войска Антанты, оправившись после первоначальных неуспехов, начали на центральных фронтах всеобщее контрнаступление. Они были усилены за счет свежих пополнений из Соединенных Штатов Америки, которые на третий год наконец-то включились в войну. (Странное совпадение с открытием второго фронта в годы второй мировой войны!)

Открывшиеся на балканских фронтах «бреши» заполнили мы. Постепенно тяготы фронтовой жизни становились все более ощутимыми: росли потери, усилился голод, все более остро чувствовалась нехватка снаряжения. Война, начавшаяся под звуки фанфар, принимала драматический характер, и фронтовики понимали это с каждым днем все яснее.

Активнее становилась антивоенная пропаганда тесных социалистов. Военная цензура все реже пропускала на фронт «Работнически вестник»: газета доходила до нас главным образом благодаря отпускникам и курьерам партии. Партийное слово рассеивало иллюзии о благоприятном исходе войны, смело и беспощадно разоблачала антинародную политику правительства.

Здесь уместно сказать, что в своей антивоенной агитации мы пользовались поддержкой членов и сторонников Болгарского земледельческого народного союза (БЗНС) в дивизии.

Члены земледельческого союза («земледельцы»), служившие в нашей дивизий, получали по почте (когда это было возможно) и через отпускников свою газету «Земеделско знаме», тоже

помещавшую антивоенные материалы.

Совместная борьба против войны, которую мы вели на фронте, стала основой будущего боевого единого фронта коммунистов и земледельцев Плевенской области, столь блестяще проявившегося во время восстания 9 июня в нашем крае. Большинство земледельцев, с которыми мы вместе сражались на фронте и боролись против войны, позже стали героями восстания.

Необычайным толчком в революционизировании солдатских масс послужило сообщение о голодных бунтах женщин. К тому же письма близких, описывавших самоуправство местных властей и бесчинства реквизиционных комиссий, подливали масла в огонь. В окопах росло недовольство войной, участились случаи невыполнения приказов, увеличивалось число дезертиров и добровольно сдавшихся в плен. У военно-полевых судов прибавилось работы. Впрочем, их «работа» была кратковременной и почти всегда сопровождалась казнями. Расстреливали по всему фронту — на севере, на западе, на юге. Расстреливали и в нашей дивизии.

Но эти расстрелы оказывали обратное воздействие — они разжигали ненависть к командирам и преступным правителям, сидящим в Софии. Тут и там возникали открытые бунты. В любой момент была готова сорваться лавина. Нужен был только один, последний толчок.

3. ПЛЕВЕНСКИЕ ТЕСНЫЕ СОЦИАЛИСТЫ — ВОИНЫ МИРА

Пришел 1918 год. Очень многое переменилось в жизни. В мире произошло необыкновенное событие — Великая Октябрьская социалистическая революция. Теперь все выглядело другим, чем вчера. Глубокие перемены произошли и в душах солдат. Декрет Советской власти о мире без аннексий и контрибуций, о немедленном прекращении бессмысленной человеческой бойни находил в наших сердцах глубокий отзвук. Мир! Это была единственная наша мечта!

Об Октябрьской революции и первых декретах Советской власти мы узнали от Асена Михалева. Несколько позже в дивизии были получены через тайных партийных курьеров печатные материалы. Партия тесных социалистов восторженно приветствовала рождение первого в мире государства рабочих и крестьян, поддерживала лозунги Октябрьской революции. Дело большевиков, дело великого Ленина обрело широкое международное значение.

Октябрьская революция, как читатель убедится в этом далее, придала новый смысл и моей личной жизни. Случилось так, что спустя несколько лет партийный долг привел меня в Советскую Россию. С того момента я посвятил свою жизнь служению делу Октябрьской революции.

В материалах нашей партии, даже в изувеченной цензурой газете «Работнически вестник» (все чаще выходившей по воле цензуры с огромными белыми полосами), стали появляться призывы к фронтовикам последовать примеру русских большевиков. «Повернем оружие в обратную сторону! Подлинные враги отечества — в Софии!»

В духе полученных через курьеров директив во всех полках Плевенской дивизии началась перестройка подпольных партийных ячеек в солдатские революционные комитеты. В эти комитеты мы включали и земледельцев и даже беспартийных солдат, которые зарекомендовали себя надежными боевыми соратниками. Наша агитация на фронте и в тылу становилась все более наступательной. И действительно, нужно ли было пространно объяснять бывалому фронтовику, закутанному вместо шинели в старое одеяло и обутому в деревянные сандалии вместо сапог в суровую зиму 1917—1918 гг., несмотря ни на что остававшемуся на фронте и проливавшему кровь, — нужно ли было объяснять ему, что жертвы его напрасны, что никому до

него нет дела, что его кровь превращается в золото в сейфах бесчестных дельцов, что своей грудью он защищает трон «Долгоносого»[1], которому милее всего венские кабаре, у которого один бог — кайзер… Солдаты готовы были пойти за нами, в их душах давно назревал бунт.

Наша агитация охватывала бойцов всех подразделений, и никакое судебное следствие, никакие угрозы начальства не в состоянии были запугать нас. Мы писали наши лозунги повсюду, они гласили: «Заключим немедленно мир и вернемся по домам!», «Долой кровавую болгарскую монархию!», «Долой немцев из Болгарии вместе с их агентом Фердинандом!», «Да здравствует рабоче-крестьянская и солдатская власть!». Эти лозунги почти целиком были заимствованы у большевиков, чей подвиг стал главной темой разговоров фронтовиков. Лозунги, призывающие к бунту, ширились по всему южному фронту.

Тогда, вероятно, по распоряжению главной квартиры, командование полка негласно начало создавать специальные «штурмовые группы» из доверенных лиц. Целью этих групп являлась охрана начальства, опасавшегося гнева и мщения солдат. Это яснее ясного говорило о том, что уже нет ни армии, ни фронта, что нет ничего страшнее, чем страх перед собственными солдатами… То было начало конца. И в самом деле, понадобился только один, последний толчок, чтобы в сентябре 1918 года лавина, сорвавшись с фронтов, понеслась к Софии.

Все началось с прорыва. Мощный артиллерийский огонь войск Антанты у Добро-Поля отрезал фронтовые позиции от тыла, и бойцы, оставленные без боеприпасов, после трехдневной героической обороны отступили. Но это было не просто отступление, какие бывали раньше на некоторых участках фронта. Солдаты с Добро-Поля показали чудеса воинского мужества и выдержки. Но во имя чего? Теперь они поняли: винтовки нужно пустить в ход против ненавистных правителей и царедворцев в Софии.

Они не просто отступили. Они оставили фронт, чтобы открыть новый — против внутренних врагов отечества.

Армии Антанты, превосходившие нас в вооружении и живой силе, разбили 34-й пехотный полк, державший Кале-Тепе и участок дороги Дойран — Гевгелия. Туда направили наш полк, чтобы вернуть оставленные позиции. Произошло жестокое, кровопролитное сражение, в котором пали тысячи солдат… Враг был отброшен. Но уже никто не мог и не хотел драться…

Часть бойцов нашей дивизии выступила в направлении

Костурно и Струмицы. Шоссе на Струмицу было забито обозами, кавалерией, артиллерией. И тут случилась новая беда. Самолеты Антанты целыми эскадрильями летали, как осы, над запруженной дорогой и с небольшой высоты безжалостно строчили из пулеметов. На земле остались тысячи трупов…

Немало фронтовиков погибло и на окраине Берово, за Струмицей. Не от самолетов противника — от рук своих. Кавалерийские части, стоявшие в резерве, встретили отступающих, приближавшихся к Берово. Это были 23-й и 24-й эскадроны 1-го кавалерийского полка, получившие приказ остановить «дезертиров»… Было страшно смотреть, как болгары убивают своих братьев — измученных, раненных… К кавалеристам присоединились и малочисленные немецкие части — жалкие тыловые подразделения, которые не нюхали фронта, косили наших из пулеметов…

Мы отступали, а гнев, страшный гнев исстрадавшихся сердец взывал к мщению. К мщению и расплате с теми, кто сидел в Софии, кто был виноват во всем.

— В Софию! В Софию! — слышались все громче призывные голоса, и это стремление охватило всех.

К Софии двинулись тысячи солдат. Одни из них шли сражаться за республику, другие же просто расходились по домам. Но все уносили с собой оружие, зная, что оно еще может пригодиться.

А мы, тесные социалисты полка? Что мы могли решить в этих новых обстоятельствах?

Гнев и жажда мести испепеляли наши души. Но мы были организованными бойцами за великую идею, нам надо было точно знать, куда мы идем, зачем, какой дорогой?

Глубоко убежденные в том, что настало время присоединиться к восстанию и повернуть оружие против Софии, как призывала партия, мы не знали, что нужно делать. Ни по телеграфу, ни через партийных курьеров не поступало никаких приказов. Партия, казалось, выжидала.

Но мы не могли больше ждать. И группа, состоявшая из двадцати тесняков, членов солдатского совета нашего полка, отправилась на север.

В Радомире мы нашли многих своих товарищей — тесных социалистов, которые ввели нас в курс событий.

Было 30 сентября 1918 года.

Мы связались с тесными социалистами из Радомирского солдатского революционного совета. Это были Антон Иванов,

высокий, стройный унтер-офицер из Радомирского железнодорожного депо, и Станке Димитров, худой, среднего роста, с болезненным скуластым лицом, разжалованный военным трибуналом в рядовые за антивоенную деятельность. Антон Иванов, вернувшийся из Софии, куда ездил тайно, передал нам инструкции Центрального Комитета. Он был крайне лаконичен.

— Вот и все, товарищи, — сказал он в заключение. — Возможно, завтра история упрекнет нас, но сейчас партия приняла такое решение…

Инструкции Центрального Комитета партии в связи с Солдатским восстанием хорошо известны. История уже дала им оценку, да и сорок лет спустя сам Георгий Димитров на V съезде партии пересмотрел эти инструкции с критических позиций. Болгарская рабочая социал-демократическая партия, в те дни еще не освоившая опыт большевиков, не довела до конца восстание, к которому сама призывала фронтовиков, не сумела превратить — по примеру большевиков — империалистическую войну в гражданскую… Разумеется, партия была за восстание. Но она считала неприемлемым лозунг свержения монархии и провозглашения республики. Партия была нацелена на восстание, цель которого — установление в стране Советской власти. Максимализм, по словам Васила Коларова, стремление к ультрареволюционным лозунгам привели к тому, что тесняки оказались в хвосте событий…

Я думаю, что события сентября 1918 года могли бы сложиться по-иному, если бы Центральный Комитет нашей партии иначе оценил характер и революционные возможности восстания, если бы во главе солдатских масс Южного фронта встали, например, 25-й пехотный полк и другие воинские части, возглавляемые своими, «красными» командирами — подтянутыми, дисциплинированными, готовыми выполнять любые боевые и политические задачи…

С некоторыми из них — Гаврилом Геновым, Цвятко Радойновым, Фердинандом Козовским, Петром Григоровым и другими — впоследствии мне пришлось выполнять революционные задания в Югославии, Австрии, Франции. Мы часто обменивались мнениями о тех временах… Да, Солдатское восстание могло иметь другую судьбу…

Вспоминается, как мы, группа единомышленников из нашей роты, комментировали полуистлевший документ — приказ по армии, подписанный главнокомандующим генералом Жековым. Огонь пощадил только последние два абзаца.

> «Пусть каждый с любовью и самоотверженностью вносит свою лепту в преодоление вооруженным болгарским народом временных невзгод и несправедливостей, и пусть каждый руководствуется одной мыслью, одним началом, одной верой — Болгария прежде всего и превыше всего!»

«Болгария прежде всего и превыше всего!» — красивая фраза… Но где находился главнокомандующий в тот момент, когда Болгария нуждалась в защите, когда простые солдаты понапрасну гнили в окопах, когда Фердинанд, как заядлый картежник, ставил на карту кровные интересы отечества?

Красивая, помпезная, фальшивая фразеология прикрыла коварное предательство Фердинанда и реакционной буржуазии — начало и конец нашей трагедии.

Как только полк собрался в Кюстендиле, на второй или на третий день после нашего прибытия, туда вошли германские части… «Победители»! Наши солдаты и все население смотрели на них с нескрываемой ненавистью. Битые на всех фронтах «швабы» демонстрировали свое военное искусство перед малым, ограбленным, отчаявшимся народом. Хороши «союзники»…

Итак, первая мировая война завершилась. Это была черная страница нашей истории. Но национальная катастрофа и солдатское восстание явились для народа уроком. Много истин открылось его глазам, много заблуждений сгорело в огне страданий. Народ хорошо разбирался, кто свой и кто чужой, кто враг и кто доброжелатель. А это было исключительно важно для его будущей судьбы, для будущих беспощадных классовых битв, для будущих побед.

4. ВООРУЖЕНИЕ ПЛЕВЕНСКОЙ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Война закончилась, но мир не наступил.

В сознании каждого в отдельности и всего народа в целом наступили необратимые перемены. Одни чувствовали, но не понимали, другие — их оказалось большинство — сознавали: Болгария на новом пути, надо что-то предпринимать, правящие партии и старых политиканов надо арестовать за то, что они привели страну к катастрофе; народ имеет право на труд, право на хлеб, право на счастье; идеалы социальной справедливости не утопия. После Октябрьской революции во всем этом мог отчетливо разобраться любой грамотный человек.

Новые испытания оказались тяжелыми. К сотням тысяч невинных жертв на фронтах прибавились жертвы эпидемий и голода в тылу. Страна оказалась во власти оккупантов. Ее границы были искромсаны, территория урезана. Со старых болгарских земель стали стекаться болгары-беженцы: фракийцы, македонцы, добруджанцы… С узлами, в которых хранились остатки домашнего скарба, с малолетними детьми, они иногда с разрешения новых властей, а иногда тайно переходили границу, ища в Болгарии спасение и приют. То были сотни тысяч бедствующих людей, потерявших родной дом, лишенных надежды на будущее.

Часть этих беженцев добралась и до Плевена, хотя город расположен далеко от границы.

Начался послевоенный голод, а вместе с ним и страшная эпидемия «испанки». Истощенное продолжительной войной население постигло новое бедствие: грипп косил и только что вернувшихся фронтовиков, уцелевших в огне войны, малолетних детей, женщин и обессиленных голодом стариков. Грипп унес и мою старшую сестру Евлампию.

Есть было нечего. Вспоминаю пустые полки магазинов. На воскресные базары в Плевен никто не вез продуктов. Продукты удавалось приобрести только на «черном рынке».

Тяжело жилось и в деревне. Некому было сеять и жать — мужчины уже несколько лет были на войне. Амбары пустовали. Съедено было даже зерно, предназначенное для посева, а все, что не успели съесть, увезли реквизиционные комиссии. Пришла зима 1918—1919 гг., снег лег на незасеянные поля. Это означало, что на следующий год голод охватит всю страну…

Болгария вступила в новую эпоху. Но лечить ее от

социальных противоречий и национальных несчастий нужно было не лекарствами — требовался хирургический нож. Именно так поступили большевики в России. Болгарские тесные социалисты — правда, еще несмело, — предлагали то же самое.

Я не знаю, как и когда началось вооружение коммунистов в других районах страны, но плевенская партийная организация приступила к этому еще во время войны.

Плевенские тесные социалисты-фронтовики, пользуясь очередным отпуском, привозили винтовки, пистолеты, гранаты, патроны… Я трижды приезжал в отпуск, и каждый раз мне удавалось захватить с собой опасный груз. Мы прятали оружие дома или там, где находили нужным. В то время мы еще не думали об общем потайном складе.

Вскоре после окончания войны из Софии было получено секретное указание собирать оружие. Очевидно, руководство партии, учитывая ошибки Солдатского восстания, решило предпринять шаги для их исправления. Октябрьская революция со всей ясностью доказала, что повсюду в Европе назрела необходимость решать вопрос о власти.

Задача для нас оказалась не новой. Зимой 1920 года Тодор Луканов, секретарь плевенской организации и член Центрального Комитета, созвал в городе тайное собрание. Присутствовала только часть членов организации — фронтовики, офицеры, унтер-офицеры запаса и некоторые активные члены партии из гражданских. Коротко и по-деловому Тодор Луканов, только что вернувшийся с заседания в Софии, обрисовал послевоенное положение страны и задачи партии. Потом передал нам распоряжение центра об изъятии и закупке оружия.

Партия дала указание о сборе оружия, но вопрос о власти поставила на повестку дня позже, в августе 1923 года. Возможно, это было результатом политической незрелости и слабости стратегии.

После гигантского взрыва, с каким можно сравнить Октябрьскую революцию, почти во всей Европе всколыхнулась революционная волна. В нашей памяти были свежи сто дней Венгерской красной республики. В Германии бушевала гражданская война, и многие ждали, что германский рабочий класс, прекрасно организованный, дисциплинированный и грамотный, создаст в центре Европы новую крепость социализма. Чехословацкий народ освободился от ненавистного рабства распавшейся Австро-Венгерской империи и встал на путь самостоятельного развития. Получила государственную самостоятельность Польша. На политической карте Европы появились четыре прибалтийских государства: Финляндия, Литва,

Латвия и Эстония. Последние три через двадцать лет вступили в дружную семью социалистических республик. Важные события произошли и у наших соседей — Сербия, Хорватия и Словения объединились в триединое южнославянское Сербо-хорвато-словенское королевство, которому предстояло превратиться в Югославию. Турция, наша юго-восточная соседка, оставалась султанской, но вскоре и в ее историческом развитии произошел коренной, перелом: Кемаль Ататюрк поставил себе целью вывести страну из вековой отсталости. Он приветствовал своего великого северного соседа, первое социалистическое государство в мире, оказавшее ему бескорыстную помощь.

Поистине вся Европа сотрясалась от революционных взрывов, самые большие оптимисты из нас уже предвидели победу коммунистических идей в мировом масштабе! Но мировая реакция, смертельно перепуганная победой большевиков и прокатившейся на Западе волной революций, организовала кровавую военную интервенцию против Советской России.

Совещание, на котором присутствовал присланный из Софии Антон Недялков, обсудило вопрос о том, где изыскивать оружие.

— В первую очередь взять на учет оружие, привезенное с фронта, — вмешался Васил Каравасилев. — Может, не все сохраняют его в должном порядке. Надо создать тайники в сухих и надежных местах. Разумеется, с созданием таких тайников можно немного повременить, но к сбору нового оружия надо приступить немедленно.

Война закончилась недавно, многие бывшие фронтовики и повстанцы, хотя и не были революционерами, хранили дома — кто пистолет, кто гранату или же пачку патронов. После восстания и бунтов в войсковых подразделениях начальство не решалось строго взыскивать и наказывать за исчезнувшее оружие.

Кое-кто из офицеров и унтер-офицеров, выйдя в запас, продавал, причем по низким ценам, свое личное оружие, которое после войны у них никто не потребовал. Его нужно было купить на партийные деньги.

Но больше всего мы рассчитывали на оружие, имевшееся в казарменных складах.

Болгария, побежденная и оккупированная войсками Антанты, была полностью разоружена — это предусматривал один из параграфов Нейисского мирного договора. Дивизии и полки, вернувшиеся в свои гарнизоны, распустили, а их оружие без особого учета свозили в военные и государственные склады.

Гражданские и военные власти еще до подписания договора тайно предприняли шаги к тому, чтобы сохранить хоть часть оружия. Прежде всего они позаботились о тайниках. Им

понадобились большие, удобные, сухие помещения, где можно было спрятать не только тысячи винтовок и пистолетов, миллионы пачек патронов и гранат, но и орудия с боеприпасами.

У нас были свои люди в плевенских казармах, через них мы узнавали о всех шагах военного начальства. Если власти могли скрыть свои действия от наблюдателей Антанты, то скрыть что-либо от нас оказалось невозможно. Плевенская партийная организация через свои «глаза и уши» вела за ними круглосуточное наблюдение.

Наблюдение вели те члены нашей организации, которые участвовали в упомянутом выше закрытом совещании. Сначала мы разделились на пятерки по кварталам, причем каждая пятерка имела своего руководителя. Общим руководителем этой нашей организации стал Васил Каравасилев. (Я называю нашу организацию военной условно, так как настоящая военная организация в Плевене, как и во всей партии, была создана после провокации реакционеров 24 мая 1921 года). Одной из пятерок руководил я.

В середине мая 1919 года группа из тридцати человек отправилась в Софию. Шестеро из них являлись делегатами очередного Второго съезда партии, который вошел в историю как Первый учредительный съезд БКП (т. с). Это были Асен Халачев, Христо Градинаров, Димитр Петков, Васил Табачкин, Христо Василев и Васил Каравасилев. Делегатом по праву являлся и признанный создатель Плевенской партийной организации, член ЦК Тодор Луканов. Остальные были приглашены на правах гостей и членов вооруженной охраны съезда.

Считаю своим долгом сказать несколько слов об учредительном съезде — исключительно важном моменте в жизни партии. Это крупное событие внесло перелом и в деятельность Плевенской организации.

Как известно, в зале театра «Ренессанс» в Софии во второй половине мая 1919 года собралось 636 делегатов со всей страны. Плевенская организация считалась одной из самых массовых. В ней числилось 6 городских (Плевен, Ловеч, Троян, Севлиево, Свиштов и Никопол) и десятки сельских партийных организаций.

На некоторых заседаниях (в свободные от дежурства часы) я сидел рядом с Василом Каравасилевым и делился с ним мыслями по поводу докладов и высказываний. Мы обсуждали основные положения отчета Центрального Комитета, с которым выступал Димитр Благоев, обменивались мнениями по поводу обширного, прекрасно аргументированного доклада Васила Коларова о внутреннем и международном положении, комментировали принципиальные установки доклада о новых задачах, новой

программе и организационных принципах партии, изложенных Христо Кабакчиевым… Мы сознавали, что своими решениями Первый съезд подводил итоги, закладывал начало нового этапа в деятельности партии. Выступление и отчет Благоева были встречены бурными, долго не смолкавшими овациями. Особое воодушевление вызвали слова, которыми он обосновал необходимость переименования партии: «Имя социал-демократической партии скомпрометировано предательством Второго Интернационала, — громко сказал Благоев (цитирую по памяти) и пророчески продолжал: — Наша партия будет называться Коммунистической, поскольку ее целью является создание бесклассового коммунистического общества. Воспринимая опыт большевиков, наша партия обязательно реализует эту высшую цель в ближайшем или более далеком будущем!»

Потом съезд принял программную декларацию партии, в которую вошли принципиально новые положения: насильственное свержение буржуазии и капитализма путем вооруженного восстания; установление советской власти как формы диктатуры пролетариата и объявление нашей партии неделимой частью Третьего Коммунистического Интернационала. В конце работы съезд одобрил решения Первого конгресса Коминтерна. Этим партия положила начало своей большевизации.

Съезд, как известно, принял решение образовать при существующем Центральном Комитете партийный совет из представителей всех округов страны; были созданы также окружные комитеты, в которые вошли комитеты окружных центров, а также представители околийских, городских и сельских организаций округов.

Когда повестка дня была исчерпана, Васил Коларов, секретарь партии, предложил и съезд принял поздравительное письмо выдающемуся строителю и организатору партии, верному соратнику Благоева Георгию Киркову. Прикованный к постели тяжелой болезнью, Кирков не мог принять участие в работе съезда, но прислал восторженное приветствие, которое было выслушано делегатами с огромным волнением. Нам было тяжело сознавать, что из наших рядов уходит один из самых достойных сынов партии и болгарского народа, тот, кто плечом к плечу с Благоевым участвовал во всех решающих битвах партии.

Вся партия горевала по поводу предстоящей неминуемой потери (это произошло через три месяца), горевали и мы, плевенские коммунисты. Кирков был родом из Плевена. Он как мудрый, терпеливый сеятель, повсеместно сеял семена

социалистических идей, которые уже давали всходы.

Мы вернулись из Софии окрыленные. Первый учредительный съезд партии, его решения преисполнили нас неведомым до тех пор чувством: перед нами вставали сияющие вершины социалистической революции. Те вершины, которых русские большевики уже достигли и которые теперь служили маяком для всего международного революционного движения.

После учредительного съезда состоялись выборы во всех окружных партийных организациях. Прошли они и у нас в Плевене. Мы единодушно избрали секретарем Васила Каравасилева. Это была высокая и заслуженная честь.

Васил пользовался большим авторитетом и в Центральном Комитете. Сразу же по окончании работы съезда его вызвал секретарь партии Васил Коларов. Нам было объявлено, что Центральный Комитет распорядился создавать окружные комиссии для руководства подпольной партийной работой, главной задачей которых было незамедлительное вооружение.

— Но мы в Плевене уже делаем это! — воскликнул я. — Или, может, Центральный Комитет будет централизованно распределять оружие? На свои деньги?

— У Центрального Комитета нет ни банка, ни арсеналов. Из Софии нам только будут сообщать сведения о тайных правительственных складах оружия. А также давать указания. В ближайшие дни ожидается приезд инструкторов…

Вскоре после выборов на новом, закрытом заседании под председательством Каравасилева, мы избрали военное партийное руководство. Ответственным за вооруженную работу окружкома избрали Асена Халачева, поручика запаса, участника войны, высокообразованного и боевого коммуниста, пользовавшегося большим авторитетом у плевенской бедноты.

Ядром военной организации оставались пятерки, но их число от четырех-пяти, как это было вначале, в канун переворота 9 июня возросло до тридцати во всех кварталах города. Были созданы и десятки. Они являлись серьезной боевой силой.

Я рассказываю главным образом о вооружении, но это не означает, что только этим исчерпывалась вся деятельность партийной и военной организации. Партийная военная организация решала и другие неотложные задачи: проведение военной подготовки членов партии; поиски тайных государственных складов оружия, информирование руководства о настроении в казармах; ведение пропаганды среди солдат; охрана первомайских демонстраций, митингов, собраний; подрывная

работа во врангелевских армейских частях и оказание содействия Союзу возвращения на родину.

Во главе партийной и военной работы в Плевенском округе стоял Васил Каравасилев. На одном из заседаний военной комиссии он сказал:

— Итак, мы получили необходимые сведения. Остается самое важное: приступить к изъятию оружия и созданию своих складов.

Одновременно с подготовкой складов началась «экспроприация» оружия из тайных военных складов. За несколько недель нам удалось изъять сотни винтовок и гранат, тысячи патронов, восемь станковых пулеметов с десятками пулеметных лент.

Два пулемета мы взяли из дома полковника Христова, командира пехотного полка.

Первый успех окрылил нас. А вскоре Каравасилев поставил перед нами новую задачу: товарищи из придунайского села Муселиево сообщили, что в его окрестностях укрыто оружие и что им удалось изъять несколько пулеметов. Нужны были люди, которые бы доставили их в Плевен.

Ранним осенним вечером мы с Костой Первановым отправились в путь. В помощь нам выделили Первана Маринова с его телегой. Мы должны были за одну ночь доехать до места и вернуться. В Муселиево, которое находилось в тридцати километрах от Плевена, мы приехали незадолго до полуночи. В селе нас ждал руководитель местной партийной пятерки Петко С. Лавчев. Каравасилев предупредил его о времени нашего прибытия.

У околицы села, на берегу Дуная, в старых полуразрушенных укреплениях военные спрятали винтовки и пулеметы. Чтобы не вызывать подозрения, они приставили сторожем не болгарского военнослужащего, а белогвардейца. Он оказался честным русским человеком, случайно попавшим к деникинцам. Вскоре после приезда, как только он познакомился с местными жителями, ему удалось наладить связи с партийной организацией. Он помог изъять из склада четыре пулемета, а потом тщательно закрыл отверстие и замаскировал.

Петко погрузил на телегу сундуки с разобранными пулеметами, а сверху набросал початков кукурузы. Попрощавшись с ним по-братски, мы пустились в обратный путь.

С Петко Лавчевым мы встретились спустя несколько лет. Только не в Муселиево и не в Плевене. Мы встретились в Москве. Это произошло в 1933 году. Заручившись согласием Павла Ивановича Берзина, я послал Петко письмо с приглашением

приехать ко мне в Москву и деньги на билет. Через несколько месяцев Петко оказался в Москве, в целях конспирации он ехал через Прагу, Берлин, Варшаву. Петко был несказанно счастлив, что дышит воздухом первого в мире социалистического государства. Он пробыл в СССР четыре месяца и тем же путем вернулся на родину. Вернувшись в Болгарию после десяти лет работы на разных широтах, я попытался разыскать Петко. Но встретиться больше не пришлось: в годы антифашистской борьбы он вступил в ряды партизан и пал смертью героя.

Оружие мы доставили и из плевенского села Ясен, где партия имела солидную базу. Георгий Цончев (Доктор) — один из бунтарей на фронте и участник Солдатского восстания, основатель Ясенской партийной организации и ее секретарь — доложил Асену Халачеву, что военные спрятали оружие в пирамиде Русского памятника, воздвигнутого после освобождения их села.

Следует признать, что военные, проявив находчивость, показали плохую бдительность. Наши люди, выбрав ночь потемнее, перевезли большую часть винтовок, спрятанных в памятнике, в плевенские тайники.

5. ВООРУЖЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ. ПОМОЩЬ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Поздней весенней ночью 1920 года Васил Каравасилев после очередного партийного собрания сообщил мне доверительно:

— Приехал товарищ из Софии. Привез новые установки. Жду тебя в полночь, но смотри, чтобы тебя никто не видел.

Когда в полночь я тайком пробрался в его дом, там, кроме хозяина и Асена Халачева, сидел еще один товарищ. Я сразу его узнал: это был Антон Недялков, член Центральной военной комиссии, который уже приезжал в Плевен. Антон приехал не столько инспектировать нашу работу, сколько ознакомиться с опытом Плевенской военной организации. Он привез тревожное сообщение: правительство, по договоренности с контрольной комиссией Антанты, отправляло по южной и северной железным дорогам оружие для белогвардейцев Деникина и Врангеля. Центральный Комитет поставил задачу немедленно приступить к изъятию оружия из железнодорожных эшелонов: таким образом можно было не только саботировать контрреволюционные планы белогвардейцев, но и пополнять оружейные запасы партии.

— Операцию нужно начинать немедленно, — сказал Недялков. — Разведка партии доложила, что несколько судов с оружием уже отплыли из варненского и бургасского портов…

Антон Недялков объяснил, что, по существу, правительство Стамболийского лично не несет прямой ответственности за происходящее, что помощь белогвардейцам оно оказывает вопреки своей воле; еще в декабре 1918 года коалиционное правительство Т. Тодорова подписало секретный договор со странами Антанты о поставке 20 тысяч винтовок армии Деникина. Винтовки с патронами и тысячи снарядов весной 1919 года погрузили на пароходы «Арарат», «Бентау» и «Борис», державшие курс на Крым. В конце того же года в Крым отплыли два новых парохода с грузом примерно в 45 тысяч винтовок, а в январе 1920 года еще 50 тысяч винтовок и почти 50 миллионов патронов были отправлены по тому же маршруту с той же целью. В один из последних рейсов пароход «Борис» был нагружен гаубицами и тысячами снарядов…

— Оружие перевозится и сейчас, — сказал нам Антон Недялков. — По нашим сведениям, суда «Борис» и «Кирилл» продолжают курсировать между Варной и Крымом. Склады 2-го Искырского полка, 11-го Сливенского, 10-го Родопского и другие почти полностью опустели…

— Значит, оружие, которое вывозят из плевенских казарм, вовсе не идет на переплавку, как уверяла контрольная комиссия! — воскликнули Халачев и Каравасилев.

— Из него ведут огонь по русским рабочим и крестьянам… Но все это делается в абсолютной тайне. В судовые документы вписываются ложные данные о грузах в трюмах. Фальсифицируются накладные железнодорожных вагонов. Если же приходится признавать факт погрузки оружия, то пускается в ход версия, будто его вывозят, чтобы потопить в открытом море… Разведка партии, однако, выяснила все. Нам помогли портовые грузчики Варны и Бургаса…

Антон Недялков уехал так же незаметно, как и появился.

Возложенная на нас задача поставила Плевенскую организацию перед большим испытанием. До приезда в Плевен, Антон Недялков побывал в городке Червен-Бряг. Условия для изъятия оружия там оказались вполне благоприятными — около станции Хума поезда обычно ползли в гору и там было удобно осуществлять подобную операцию. Но в Червен-Бряге все еще не существовало крепкой партийной организации, которая могла бы взять на себя ответственное поручение.

— Окружной комитет возлагает эту задачу на твою пятерку, — сказал мне Васил Каравасилев после встречи с членами Центральной военной комиссии. — Подумайте и в кратчайший срок предложите план ее осуществления. И вот еще что, — добавил Каравасилев. — Вам будет помогать наш товарищ-железнодорожник с плевенской станции. Через него мы будем узнавать, когда, каким поездом и в каких вагонах будет перевозиться оружие…

Наша нелегальная пятерка тогда состояла из Косты Перванова, Илии Кючукова, Асена Нанова, Христо Згалевского и меня. Когда я ознакомил товарищей с заданием, глаза их радостно сверкнули. Я ожидал этого, но все-таки был глубоко тронут: поистине, есть ли что-нибудь дороже, чем верная дружба, на которую ты всегда можешь рассчитывать!

Через трое суток план был готов. Мы обдумали, проверили все на месте, изучили участок железнодорожной линии на протяжении тридцати километров в обе стороны от плевенского вокзала, еще раз подсчитали, сколько оружия могут вместить готовые тайники, определили место для временного тайника в придорожных кустах, обзавелись необходимыми инструментами.

— Готов доложить, — сказал я вполголоса Каравасилеву на третью ночь, постучавшись в его окно.

— Как раз вовремя, Ванко. Из Софии мы уже получили

сведения об отправке оружия. Через двое суток (и Васил назвал точно день и час) железнодорожный состав, идущий в Варну, на короткое время остановится на плевенском вокзале… Ну а теперь рассказывай!

Я доложил. Будем караулить состав на крутом подъеме за станцией Гривица — дальше, у станции Пордим, начинается равнина и поезда ускоряют ход. В нашем распоряжении почти полных пятнадцать минут; за это время мы распломбируем вагоны, побросаем ящики с оружием в высокую траву вдоль железнодорожной насыпи в определенном месте, где будут ждать товарищи о телегами. Выбросив оружие, снова запломбируем вагоны. Оружие временно сложим в кустарнике близ дороги и постепенно вывезем его оттуда на телегах.

— У меня нет возражений! — одобрил наш план Каравасилев. — Но не кажется ли тебе рискованным, что громыхающие телеги среди ночи будут курсировать между Плевеном и Гривицей? Или, может, ты собираешься прятать оружие в пещерах Кайлыка?

— Ни Плевен, ни Кайлык в мои планы не входят. Если одна и та же телега несколько раз проедет среди ночи по одному и тому же маршруту, это возбудит подозрение. Мы решили ориентироваться на Пордим.

— Пордим! — воскликнул Каравасилев. — Неплохая идея! Там у нас есть один товарищ, на которого можно целиком положиться. Еще раз проверим!

На следующий день мы с Каравасилевым отправились в Пордим. Пордим — третье село после Гривицы и Згалево по железнодорожной линии между Плевеном и станцией Левски. Село большое, половина плодородной земли занята виноградниками. Кроме того, Пордим — село историческое. В дни осады Плевена во время освободительной войны в селе размещалась русская главная ставка и штаб румынского короля Кароля. Старанием Стояна Заимова дома, где они находились, были превращены в музеи. Это не только украшало село, но и повышало чувство собственного достоинства пордимцев. После военной катастрофы в восемнадцатом году в селе была создана сильная партийная организация, во главе которой стоял Иван Божинов — учитель местной школы, достаточно образованный для своего времени человек, пользовавшийся большим авторитетом у крестьян. Незадолго перед этим его избрали старостой. К нему и направился Васил.

Как он и ожидал, Иван Божинов, человек лет тридцати, встретил нас очень сердечно и высказал готовность выполнить партийное поручение.

Мы пробыли в Пордиме до вечера, а потом Иван Божинов отвез нас на своей телеге в Плевен. Мы расстались у окраины. Договорились встретиться на следующую ночь. Иван должен был выделить одного-двух товарищей из пордимской партийной организации для оказания нам помощи, а также позаботиться о тайниках.

— Не трудитесь делать их солидными, — сказал Каравасилев при расставании. — Оружие пролежит в тайниках не больше месяца…

Эти слова привели меня в изумление. Я промолчал, но когда мы расстались с Божиновым, попросил Каравасилева объяснить мне, что он имел в виду. Вероятно, через месяц оружие придется перевезти в Плевен?

— Нет, — сказал Каравасилев, — Плевен не входит в наши планы. Часть оружия мы отправим в Ловеч, Троян, Севлиево, Червен-Бряг и Свиштов. Остальное поступит в распоряжение Центрального Комитета. Мы передадим его для вооружения других окружных организаций.

«Раз это оружие пойдет на вооружение других окружных организаций, — думал я тогда, — значит, Центральный Комитет считает, что в Плевене достаточно оружия, спрятанного в тайниках?» Достаточно? Я знал каждую винтовку, каждый пулемет, каждую гранату и каждую обойму патронов, укрытого в городе и на виноградниках, они были мне дороже драгоценных кладов, мне казалось, что этого мало, что завтра, когда и мы начнем революцию, не всем хватит винтовок, гранат, патронов…

Приближалась полночь, царил непроглядный мрак… Мы с Костой Первановым стояли в зарослях акации в десяти шагах от железнодорожной линии, прислушиваясь, не раздастся ли гудок поезда, идущего из Плевена. Секундная стрелка совершала очередной круг, время по расписанию уже миновало, а поезда все не было. Мной овладели тревожные мысли…

И когда я уже решил про себя, что все кончено и что нам нужно как можно скорее покинуть опасное место, послышался гудок паровоза.

Через одну-две минуты стал слышен стук колес, он был все яснее. Вскоре паровоз поравнялся с нами, мы разглядели машиниста, один за другим двигались мимо товарные вагоны.

Дальше все протекало так, как и было предусмотрено. Мы живо распломбировали вагоны. Первой моей задачей было распахнуть до конца двери, что легко удалось. В вагон проник яркий лунный свет, но только на это нельзя было рассчитывать. Я зажег карманный электрический фонарик и осмотрел каждый уголок. Вагон оказался заполненным деревянными ящиками, они

были тщательно уложены один на другой. Ящики были несколько видов, разных размеров, без каких-либо надписей. В таких ящиках мог находиться любой груз, трудно было догадаться, что в них лежит оружие.

Я напряг все силы и принялся сбрасывать ящики на откос железнодорожной насыпи. Один, два, три…

То же самое я повторил и в третьем вагоне. Там мне помог Коста, успевший «экспроприировать» оружие из своего вагона.

Выбросив ящики, мы приступили к пломбированию вагонов, это оказалось труднее, чем снимать пломбы. Но мы справились с делом успешно: железнодорожник научил нас, как это делать быстро и надежно.

Все прошло хорошо. Отдышавшись, мы почувствовали страшную усталость. Но об отдыхе нельзя было даже подумать. Мы осмотрелись и пошли назад, туда, где находились наши товарищи.

Они ждали в условленном месте и не теряли времени зря. Часть оружия уже была перенесена в чащу, во временный тайник, а остальные ящики помогли перетащить мы. Божинов отлучился и через несколько минут подъехал на телеге.

Мы погрузили часть ящиков. Божинов старательно накрыл их старым рядном, а сверху навалил стеблей кукурузы. Телега медленно тронулась. Божинова сопровождал товарищ из Пордима. Обоим дали оружие.

Они не заставили себя долго ждать и быстро вернулись. «Почасовой график» соблюдался с большой точностью. Нагрузили телегу еще раз, но стало светать, и перевозку оружия пришлось приостановить. Остальные ящики спрятали в кустарнике.

Прежде чем уйти мы вскрыли несколько из них. В них лежали винтовки — в фабричной упаковке, смазанные, совершенно новые, способные взволновать любое мужское сердце…

Операция на железнодорожной линии только начиналась…

— Все в порядке, Васил! — отрапортовал я по-военному Каравасилеву. — По нашим подсчетам, мы лишили Врангеля пятидесяти винтовок, тридцати пистолетов, сотни гранат!

По его настоятельной просьбе я подробно доложил о ходе операции. Разумеется, я был доволен проделанной работой, но постепенно мое настроение изменилось. Каравасилев заметил это.

— Что с тобой? — спросил он. — Разве ты недоволен проведенной операцией?

— Доволен, Васил. Сам знаешь, как я радовался каждой винтовке, которую удавалось раздобыть…

— Так в чем же дело? — Каравасилев недоумевал.

— Я думаю: мы изъяли часть оружия. А ведь остальное движется дальше, к морю…

После краткого молчания Каравасилев промолвил:

— Это оружие не спасет белогвардейских бандитов, Ванко, я уверен в этом. Не помогут им и интервенты. Народ, вкусивший сладость свободы, не позволит, чтобы ему вновь сели на шею цари, князья, помещики… Я верю в партию и народ Ленина…

— Все же, Васил, я думаю, мы можем делать больше…

— Сможем. Я с тобой согласен. Подготовим новые тайники, мобилизуем новые пятерки…

— Я имею в виду другое, Васил, — перебил я его. — Что ты скажешь, если мы попытаемся помешать перевозить оружие вообще?

— Я тебя не понимаю, Ванко.

— Что ты скажешь, если мы нарушим железнодорожное сообщение? Взорвем железнодорожную линию? Мост? Например, мост на реке Вит у цементного завода…

Этот мост, построенный еще в конце прошлого века, был одним из самых крупных по тому времени железнодорожных сооружений в стране. Я полагал, что если мы взорвем этот длинный железный мост и обрушим его на дно реки, то сумеем прервать железнодорожную связь с Варной на недели и месяцы.

— Если нужно, чтобы я благословил эту идею, я благословляю! — вскочил Каравасилев. — Но подожди. Я внесу это предложение на одобрение Центрального Комитета…

Пока из Софии пришло согласие, мы продолжали изымать оружие из железнодорожных составов. Опыт первых операций помог нам улучшить все звенья организации.

Мне трудно сказать, сколько винтовок и пистолетов, сколько гранат и патронов нам удалось выгрузить тайком из железнодорожных вагонов. Оружие было совершенно новое, а то, что было в употреблении, находилось в полной исправности.

В дальнейшем нам предстояло заботиться о его перевозке на захолустные железнодорожные станции для пересылки в города и села страны по указанию Военной организации партии. Инструкции привозил Антон Недялков, отвечавший в то время за военную работу в Северной Болгарии. Мы отправляли оружие в Тырново, Русе, Врацу, Шумен и Софию…

Часть винтовок, пистолетов и гранат мы оставили для нужд нашей организации, пока Васил Каравасилев не решил, что с нас достаточно. И действительно, накануне восстания 9 июня Плевенская партийная организация была одной из наиболее вооруженных в стране: почти каждого коммуниста мы вооружили

винтовкой или пистолетом, а общее командование располагало пулеметами, гранатами, достаточным количеством патронов.

Были у нас и орудия. Только мы добывали их совершенно другим путем.

Однажды мы с Каравасилевым отправились в Пордим, чтобы увидеться с Иваном Божиновым: из Софии пришло новое сообщение о прибывающих вагонах с оружием. Божинова не оказалось дома, и в ожидании его мы решили осмотреть сельские музеи. Эти святыни боевой дружбы были нам хорошо известны, мы слышали о них еще на школьной скамье. У нас возник чисто военный интерес: хотелось проверить, не сможем ли мы в случае крайней нужды использовать часть экспонатов музеев.

Мы смотрели все. И тут же отказались от первоначальной идеи: рука истинного болгарина не позволит себе прикоснуться к этим священным реликвиям освободительной войны…

Побывали мы и в ставке румынского короля, превращенной в музей. Прежде чем уйти, заглянули в подвал.

— Там нет ничего особенного, — предупредил нас смотритель музея, — только два заржавевших орудия…

Действительно, в подвале мы не нашли ничего, кроме двух орудий. Они отлично сохранились — без пятнышка ржавчины, отполированные и чистые, словно только что сошли с фабричного конвейера.

— Артиллеристы говорят, — объяснил смотритель, заметив наш интерес, — что такие орудия использовали в мировую войну… Та же марка, тот же калибр.

Мы подошли к орудиям, нас притягивало к ним, как магнитом. На дулах ясно просматривалась марка «Крупп», калибр 76 мм. Действительно, такими орудиями располагали и мы на наших позициях под станцией Гевгелия. То ли немецкий оружейный концерн «Крупп» продолжал выпускать этот тип артиллерийских орудий до самой первой мировой войны, то ли кайзеровская Германия снабжала своего балканского «союзника» музейными экспонатами…

Мы с Василом переглянулись, осененные одной и той же идеей. «Так или иначе, — думали мы, — раз эти орудия стреляли всего три-четыре года тому назад, значит, снаряды для них найдутся и сейчас…»

Наше настроение заметно поднялось, когда мы покинули румынский музей. «Нужно только найти затворы и снаряды, и Плевенская партийная организация будет иметь в своем распоряжении артиллерию».

— Снаряды?! — воскликнул Иван Божинов, когда мы поделились с ним своим открытием. — Найдем. В окрестностях

Пордима военные упрятали целые вагоны этого добра.

Вскоре после этого Иван Божинов доложил, что снаряды для нескольких десятков залпов уже есть. Каравасилев затребовал дополнительное количество снарядов в Севлиево: севлиевским товарищам было известно местонахождение тайных складов. Вскоре пришла радостная весть: нашли. Там же обнаружили и затворы к орудиям. Дошло дело и до артиллерийского расчета. Это оказалось делом нетрудным: девять пордимцев, служивших во время войны в Севлиевском артиллерийском полку, входившем в 9-ю Плевенскую дивизию, знали этот тип орудия и выразили готовность откликнуться по первому зову.

Когда мы сообщили об орудиях Тодору Луканову, он пришел в восторг. И тут же предупредил нас, чтобы мы хранили все в полной тайне, пока о новом приобретении не будет уведомлен Центральный Комитет.

— Боевой коммунистический привет от Центрального Комитета! — заявил Тодор Луканов через двадцать дней, вернувшись из очередной поездки в Софию. — Вас поздравляют Тодор Атанасов и Коста Янков, и сам Васил Коларов. Дерзайте, продолжайте в том же духе до победы социалистической революции!

Вместе с поздравлениями Тодор Луканов передал нам приказ Центрального Комитета: орудия передать в распоряжение Военного центра при ЦК, они могут вступить в действие только по приказу Центрального Комитета.

Все было готово. К орудиям имелись затворы и снаряды, были налицо артиллерийские расчеты, даже взводный командир. Он находился в прямом подчинении у Ивана Божинова. Орудия вполне могли стрелять в день восстания 9 июня 1923 года, и неизвестно, чем бы все завершилось. Помешал приказ Центрального Комитета, его роковая телеграмма о «нейтралитете». Эта телеграмма заставила восставший Плевен сложить оружие в тот момент, когда власть фактически уже находилась в его руках…

6. ПАРТИЙНАЯ ШКОЛА В СОФИИ. НЕВЫПОЛНЕННАЯ ЗАДАЧА

Согласие на взрыв железнодорожного моста мы получили накануне нового, 1921 года.

Накануне получения столь долгожданного сигнала я пробыл в Софии немного больше месяца. Плевенская партийная организация направила шесть активистов, в том числе и меня, для обучения на втором курсе только что открытой партийной школы при Центральном Комитете.

Как известно, Центральная партийная школа открылась осенью 1920 года и приостановила свою работу после переворота 9 июня. Школа имела задачей готовить руководящие кадры для местных партийных организаций.

Я приступил к занятиям 1 декабря. Четыре недели провел в Софии среди испытанных и верных товарищей. Мы сидели над книгами старательно и упорно. Нам было трудно, поскольку многие давно покинули школьные парты и утратили навыки к учебе.

Лекторами у нас были Васил Коларов, Георгий Димитров, Христо Кабакчиев, Тодор Луканов, Тодор Петров, Еню Марковски, д-р Наим Исаков, Иван Дечев и другие. Раз или два нам читал лекции Иван Недялков-Шаблин, первый представитель нашей партии в Исполнительном комитете Коминтерна. От его лекций веяло духом Советской России. Помню, с каким ненасытным интересом мы задавали ему всевозможные вопросы и как жадно впитывали каждое слово, когда он долго и подробно рассказывал обо всем, что видел на родине Ленина. Глубокое впечатление производили на нас лекции Христо Кабакчиева, редактора газеты «Работнически вестник», члена ЦК, одного из теоретиков партии. Он читал несколько раз в неделю лекции по вопросам научного социализма. Превосходным, темпераментным оратором был Георгий Димитров, которого я хорошо знал и неоднократно встречал в Плевене. Димитров знакомил нас главным образом с проблемами профсоюзного движения.

Партийная школа значительно обогатила мои политические и теоретические знания, которые в момент создания Третьего Интернационала и активизации европейской лжемарксистской социал-демократии становились абсолютно необходимым компасом для каждого коммуниста.

Полезными оказались наши контакты с софийской партийной организацией. Она была тогда разделена на несколько крупных

партийных секций, наиболее активными являлись Лозенская и Ючбунарская… Мы ходили на собрания, слушали доклады, наслаждались искусством чудесного самодеятельного хора имени Георгия Киркова, дававшего прекрасные литературно-музыкальные концерты, подолгу засиживались в библиотеке Центрального Комитета…

Обучение в школе завершилось общим собранием, на котором выступил секретарь партии. «К марксистскому образованию мы должны относиться как к революционному делу», — сказал Васил Коларов и призвал нас самостоятельно расширять знания, полученные в школе, следить за революционной теорией, распространять марксистское учение среди широких партийных и трудящихся масс.

В самый канун моего отъезда из Софии Тодор Луканов отвел меня в кабинет Коларова: «Он знает о тебе, следил за твоей работой в школе и хочет лично побеседовать по некоторым вопросам».

Я смутился. О чем хочет побеседовать со мной секретарь партии? О военной работе Плевенской организации и моей лично? Мои предположения подтвердились. При нашем появлении Васил Коларов энергично встал из-за большого письменного стола, заваленного книгами, и подал мне руку.

— Рад вас видеть, молодой товарищ, — улыбаясь, сказал он и пригласил нас сесть за небольшой столик. — Ну, вы довольны тем, что дала школа? Узнали что-нибудь ценное о работе Софийской партийной организации? Остались ли невыясненные проблемы? Удалось ли найти интересовавшие вас книги в библиотеке?

Коларов держался со мной как равный с равным.

— Всем, что дала мне школа, я доволен, — был мой ответ, — невыясненных вопросов не осталось, возвращаюсь в Плевен, готовый выполнять любое партийное поручение.

— Даже взрывать железнодорожные мосты, не так ли? — перебил меня Васил Коларов, лукаво улыбаясь.

Я удивился: неужели он знает о нашем намерении? А впрочем, почему бы секретарю партии не быть осведомленным о действиях Военного центра?

— Товарищ Недялков докладывал о вашем предложении, — продолжал Коларов. — Центральный Комитет благодарит вас за проявленную инициативу. Мы сообщили об этом Каравасилеву. Нужно только соблюсти одно условие — это требование категорическое, — подчеркнул Коларов, — взорвать товарный состав так, чтобы при этом не пострадал ни один невинный человек…

— Так мы и планировали, товарищ Коларов, — ответил я. — У нас было намерение взорвать не обычный состав, а состав с оружием…

— Великолепно! — одобрил Коларов. — Экспроприируя оружие из вагонов, мы оказываем помощь русским коммунистам, но, если мы добьемся полного прекращения подвоза оружия для Врангеля и Деникина, то такая помощь будет более эффективной… Разумеется, — добавил он, — не надо создавать иллюзий, что реакционная Европа надолго оставит белогвардейские армии без оружия. Существуют и другие пути в Крым и Одессу. При этом по всему Черному морю рыскают военные корабли Англии и Франции. Но как бы то ни было, даже если мы только на день сорвем поставку оружия и боеприпасов для белогвардейцев, то тем самым окажем поддержку Советской России. А это наш главный интернациональный долг.

На прощанье Васил Коларов передал привет Василу Каравасилеву и всей окружной организации.

— Я родом из Шумена, но начинал партийную деятельность в ваших краях… — объяснил он.

Этот факт был нам известен. В 1895—1897 гг. Васил Коларов, тогда учитель Никопольской трехклассной школы, не только вел культурно-просветительную работу среди населения, но и основал первую социал-демократическую организацию в этом глухом провинциальном городке. Ему пришлось покинуть Никополь: администрация школы уволила его за «антигосударственную агитацию».

Я вернулся в Плевен после обстоятельной беседы с Антоном Недялковым. Образованный партийный деятель, бывший офицер (во время войны он был на фронте), Антон Недялков слабо знал подрывное дело. То, что он сказал мне, я знал и сам, то были всего лишь самые общие и приблизительные сведения о подобного рода операциях. «Это все, чем мы можем помочь, товарищ, — извинился Недялков. — Пусть ваше руководство поищет необходимых людей и средства на месте».

…И вот однажды ночью мы с Костой Первановым, вооруженные пистолетами, сидели в зарослях сирени неподалеку от моста через реку Вит. Мост мы заминировали. Оказалось, что нам не с кем посоветоваться о том, какое количество взрывчатки нужно заложить под рельсы, Каравасилев, Халачев и Иван Зонков знали чуть больше нашего, то есть почти ничего. Пришлось положиться на свой фронтовой опыт. Мы наполнили небольшой деревянный патронный ящик взрывчаткой и установили его под шпалой где-то на середине моста. Примитивно изготовленный

взрыватель должен был вызвать взрыв, как только паровоз окажется на рельсах над патронным ящиком. Дальнейшее мы представляли себе так, как это описывалось в книгах: железный мост рухнет в реку, а вместе с ним с адским грохотом полетят в пропасть вагоны, весь железнодорожный состав… Солидный железный мост длиной в пятьдесят метров, весь искореженный взрывом, будет покоиться на дне реки Вит…

Так думали мы, предвкушая сладость успеха. Ночь была облачной, январский снег скрипел под ногами…

На железнодорожной линии не было ни души — мороз прогнал все живое. По существу, мы на это и рассчитывали. Перед этим мы с Костой провели в укрытии у моста две ночи, чтобы установить, в какое время совершает обход железнодорожный сторож. У нашего товарища-железнодорожника мы узнали точное расписание поездов. Из Софии нам сообщили данные об очередном составе с оружием. Предварительная разведка была проделана тщательно, теперь оставалось главное.

Мы сидели, не сводя глаз с того места, где должны были показаться огни паровоза.

Огни показались почти на час позже, чем мы предполагали. «Такое большое опоздание? Почему?» — мелькнула тревожная мысль. Несмотря на январскую стужу, мы обливались потом.

Состав приближался необычайно медленно. Почему? В результате двухдневных наблюдений мы установили, что товарные поезда следуют по железнодорожному мосту со скоростью примерно 40 километров. Почему же этот еле ползет?

Пыхтя и громыхая, паровоз наконец въехал на мост и так же медленно, как бы ощупью, приблизился к месту взрыва.

И тут из-под колес паровоза вырвалось пламя. Звук взрыва донесся до нас несколькими секундами позже. Долетел и заглох, повторенный эхом в ущелье реки Вит.

Мы с Костой вскочили и чуть не закричали от радости. Но крики радости застряли в горле. Мост стоял целехонький и невредимый. Целым и невредимым был и паровоз, замерший, как споткнувшийся конь, у места взрыва…

Провал! Позорный провал! Мы с Костой смотрели на перила железного моста, и на глаза набегали злые слезы.

На следующий день наш товарищ — железнодорожник с плевенской станции — осведомил нас о точных результатах происшествия. Паровоз успел преодолеть место взрыва почти без повреждений, первый вагон сошел с рельс. И все. Повреждения исправили за полдня: с помощью крана подняли сошедший с рельсов вагон, и состав ушел в Варну.

Никто в городе не узнал об этом событии, власти приняли все

меры, чтобы сохранить его в тайне: представители Антанты и правительство имели свои основания бояться народного гнева. После этого случая на мосту был установлен постоянный военный пост.

Мы очень тяжело пережили эту неудачу.

Примерно через неделю из Софии приехал Антон Недялков. Центральному Комитету уже было известно о нашей неудаче. Но вместо упреков Недялков начал нас утешать:

— Вы не виноваты. Представители Антанты ждали актов саботажа на наших железных дорогах и уже принимают меры предосторожности. Состав специально двигался медленно, чтобы избежать возможных неприятностей… Так же медленно ходят поезда, груженные оружием, и на южной ветке…

Никто нас не упрекал, но мы чувствовали себя виновными. Нужно было заложить побольше взрывчатки; установить взрыватели под обоими рельсами, чтобы, если один взрыватель не сработает, взорвался второй. Многое надо было сделать. Взрывчатки у нас хватало, смелости тоже было не занимать. Не хватало только опыта.

7. ТИПОГРАФИЯ ПОД ЗЕМЛЕЙ

Весной 1921 года Тодор Луканов прислал за мной человека. Я пошел к нему на дом. Он с семьей жил в нашем квартале.

Имя Тодора Луканова вписано золотыми буквами в героическую летопись нашей партии. Во время Сентябрьского восстания Тодор Луканов уже был партийным руководителем национального масштаба. Он пользовался всеобщим уважением. Что же касается Плевена, то он и его жена Коца имели признанные заслуги в создании и стабилизации плевенской партийной организации, в росте ее боевой подготовки, вооружении, в победе славной Плевенской коммуны 1921—1922 гг., в революционном воспитании нескольких поколений коммунистов края, которые и 9 июня 1923 года и в последующие годы антифашистской борьбы достойно отстаивали коммунистическую правду.

— Знаешь, Ванко, наступают тревожные времена. Обстоятельства требуют, чтобы мы готовились к работе в глубоком подполье. Возникла необходимость создания военной организации. Но для социалистической революции одного оружия мало… По решению Центрального Комитета все окружные партийные организации должны были создать подпольные типографии, которым предстояло вступить в действие, когда обстановка усложнится. Пока у власти находятся земледельцы, нам не грозит опасность, — продолжал Тодор Луканов. — Но реальная обстановка дает основания опасаться переворота. Реакция и военные поднимают голову. Царь тоже ненавидит Стамболийского, а представители Антанты относятся к правительству земледельческого союза с нескрываемой антипатией.

Короче говоря, партийное руководство округа по приказу Центрального Комитета требовало организовать подпольную типографию. Решить, где и как это сделать, — поручалось мне. Я должен был внести предложение.

После обстоятельной беседы с Каравасилевым и Халачевым было решено: типографию нужно устроить под землей. Выбор пал на подвал старого дома отца Халачева.

Теперь этого дома уже не существует. Стихия современного строительства изменила облик старого Плевена. Дом Халачевых был небольшой — комната, кухня и передняя, как во всех плевенских домах, в нем был погреб (где же иначе выдерживать вино?). Погреб оказался достаточно просторным и глубоким.

У старого дома Халачевых имелись и другие преимущества,

заставившие нас остановить свой выбор именно на нем. Его окружал большой двор, весь заросший цветами, виноградной лозой, фруктовыми деревьями. Дом, расположенный в глубине двора, был едва заметен с улицы. Это давало гарантию спокойствия и безопасности.

Я доложил об этом Тодору Луканову и Каравасилеву. Начертил план дома, объяснил все подробно.

Моя идея сводилась к следующему: по соседству с домом Халачевых находился старый, почти пересохший колодец глубиной около десяти метров, с прогнившим журавлем. После того как в городе провели водопровод, никто не пил воду из этого колодца. Я предложил устроить в двух метрах от поверхности тайник.

Луканов и Каравасилев полностью согласились со мной. Мы обдумали, кого позвать на помощь, и решили: Асена Иванова Нанова, — с которым мы уже выкопали несколько тайников для оружия.

Тодор Луканов позаботился о типографской машине. В этом помогла партийная кооперация «Освобождение», которая доставила ее из Софии в разобранном виде в числе прочих товаров. Это была немецкая ножная типографская машина типа так называемой «американки» — со всеми приспособлениями, с несколькими кассами типографского набора, красками, валиками и пр. На ней стояло клеймо: «Кобальт», Дрезден.

Как мы позже узнали, Центральный Комитет партии выписал из Вены и доставил через кооперацию «Освобождение» примерно двадцать таких «американок», которые были установлены в подпольных типографиях Софии и других городов на случай перехода на нелегальное положение.

Однажды вечером, когда все было готово, мы решили пригласить Васила Каравасилева и Асена Халачева «на инспекцию».

Они вслед за мной прошли через туннель и оказались в тайнике в полном мраке. Я хотел устроить им небольшой сюрприз, поэтому не сразу зажег электрический свет.

— Да это не тайник, а настоящий адвокатский кабинет, уютнее моего! — воскликнул Халачев. Полное удовлетворение выражало и лицо Каравасилева, человека, более сдержанного по характеру, чем Халачев, и скупого на похвалы.

Тайник оказался просторным. Нас было трое, но места хватало. Воздуха тоже. Мы только приступили к монтажу типографской машины, закончить его предстояло нашему товарищу — печатнику из Плевена.

— Еще немного и сможем печатать. Только дайте знак…

— Пока нам есть где печатать свои газеты, прокламации и брошюры, когда на свет божий, — и он указал пальцем на потолок тайника, — вылезут темные силы, тайник ваш понадобится… Он станет отличным укрытием для наших людей.

Кто мог предполагать, что уже через несколько месяцев в нем пришлось искать убежище именно ему, Каравасилеву… В апреле 1921 года, вскоре после неудачной попытки взорвать железнодорожный мост, контрольная комиссия Антанты и власти попытались убить Каравасилева: очевидно, шпионы донесли, кто стоит во главе «настоящей» работы в Плевенской партийной организации, кто руководит ее вооружением, вдохновляет операции по добыче оружия, кто послал людей взорвать железнодорожный мост… Власти попытались устроить облаву и арестовать Каравасилева во время одного из партийных собраний; арестовать и по дороге в тюрьму убить «при попытке к бегству»… Но Васил сумел перехитрить конвоировавших его солдат и бежал. Несколько дней он скрывался у товарищей из сельских партийных организаций, потом добрался до Плевена и укрылся в старом доме Халачевых. Немного позже Центральный Комитет партии помог ему бежать из страны. Через Згалево и Пордим Васил тайно выехал поездом в Варну, а из Варны — под чужим именем — в Советскую Россию.

8. АРЕСТ, ТЮРЬМА, БЕГСТВО ИЗ ТЮРЬМЫ

Изъятие из железнодорожных составов оружия, предназначавшегося для армий Деникина и Врангеля, прекратилось, когда телеграф во всех четырех концах света известил о том, что армии бесславных белогвардейских генералов сброшены красными в море, что разбитые белогвардейские войска погрузились на французские и английские корабли и отбыли в Турцию.

Радостная весть привела в восторг весь болгарский рабочий класс, всех болгарских коммунистов, особенно тех, кто участвовал в операциях по изъятию оружия. А подобные операции, как мы узнали позже, осуществлялись не только в Плевене. В декабре 1919 года бургасские коммунисты — железнодорожники и рабочие сахарной фабрики на станции Каялий отцепили вагон и забрали все оружие. Вагон с оружием, предназначенный для белогвардейцев, был отцеплен также на станции Нова-Загора, а оружие, как гласило официальное донесение, «разграбили неизвестные лица». Осенью 1920 года бургасские портовые рабочие тайно распломбировали вагон с оружием, часть его похитили, а остальное отказались грузить. При разгрузке ящиков с оружием в русском порту Поти врангелевцы обнаружили, что некоторые из них заполнены землей (как впоследствии выяснилось, корабли пришли из варненского порта, «преступление» являлось делом рук варненских коммунистов)…

Из последних партий оружия, конфискованного представителями Антанты из болгарских военных складов и отправленного в Россию, мы в Плевене сумели изъять часть винтовок, пистолетов, пулеметов. Все оружие, как и прежде, подлежало распределению через Центр.

Часть оружия, перевезенного болгарскими железными дорогами, попала в руки белогвардейцев, что были изгнаны из Турции в 1921—1922 гг. и временно под давлением Антанты были расквартированы в нашей стране. Ясно, что никакое оружие не могло спасти контрреволюцию.

Незадолго до прекращения этих операций из Софии приехали двое русских в форме белогвардейцев. Их сопровождал товарищ из Центрального Комитета. Оба представились «осознавшими свои ошибки и работающими на родину». Мы не стали расспрашивать их подробнее. Центральный Комитет потребовал, чтобы до Варны их сопровождал человек из Плевена и оказывал помощь до тех пор, пока они не закончат свою работу. Эту задачу

возложили на меня.

В Варне товарищи встретились с Димитром Кондовым, Григором Чочевым, Андреем Пеневым, Благоем Касабовым и другими деятелями партии. Нас устроили на квартиру к проверенным членам партии. Мы провели в Варне неделю, русские ездили в окрестности города, где в специальных лагерях были размещены белогвардейцы, беседовали с разными людьми и прежде всего с портовыми грузчиками. Их целью было узнать количество и состав белогвардейских частей, а также место и время погрузки оружия на пароходы. Одновременно товарищи уточняли, отправлено ли на морское дно оружие, подлежащее уничтожению.

Когда картина прояснилась во всех подробностях, русские уехали. Они оказались людьми немногословными, деловыми. И хотя держали в тайне свои настоящие цели, однако, покорили нас своей русской сердечностью.

Осенью 1921 года меня арестовали. Мы только что закончили кампанию по сбору средств в помощь голодающим Поволжья, Крыма и Украины (весь Плевенский край активно в ней участвовал — давали даже те, кто сам ничего не имел, — так помогают брату, попавшему в беду). По указанию Центрального Комитета, под его руководством мы вели агитацию среди белогвардейских частей, стараясь внести разложение в их ряды, приобщить к делу Октябрьской революции и убедить вернуться на родину. В результате мы проводили из Плевена первую группу — примерно двести солдат из армии Врангеля, пожелавших вернуться в Советскую Россию. Не успели мы порадоваться известию, что Васил Каравасилев благополучно отплыл на лодке в Одессу и даже послал через Ивана Недялкова-Шаблина привет Плевенской организации, как в моей пятерке произошел провал.

Провал явился следствием нашей недопустимой наивности.

Вербан Ангелов из моей пятерки уговорил одного солдата из плевенской казармы вынести несколько винтовок. Солдат, вообще-то честный парень, мой хороший знакомый, не имел опыта подобной работы и не спросил, где взять оружие. Вместо того чтобы взять винтовки из склада, он вынул их из пирамиды. В ту же ночь Вербан передал мне винтовки и коротко объяснил, где они взяты.

— Но почему из пирамиды? — набросился я на него. — Начальство завтра же обнаружит пропажу!

Была допущена крупная ошибка. Я почти физически ощущал приближение опасности, но не мог ничего исправить и потому

поторопился спрятать винтовки. Во дворе Коли Венкова стояла копна свежескошенного сена, и я решил временно спрятать в ней винтовки…

На третий или четвертый вечер фельдфебель с двумя солдатами явился среди ночи и арестовал меня.

Допрос начался в ту же ночь в штабе полка. Его вел пехотный поручик.

— Ты уговорил солдата украсть винтовки из пирамиды?

Я, разумеется, все отрицал: мол, знать не знаю никакого солдата из казармы, ни с кем не говорил о винтовках и вообще винтовки меня не интересуют.

— Лучше сознайся! Солдат все рассказал.

Мое спокойствие взбесило поручика.

— Не признаешься, коммунистическое отродье? Продаете Болгарию большевикам, а признать свою вину не хватает смелости! Предатели родины! Красная большевистская сволочь!

— Господин поручик, я три года был на фронте в рядах Плевенской дивизии, где и вы служите, даже имею орден за храбрость! — Я говорил спокойно, поручик встал. — Я кровь проливал за Болгарию! И не допущу, чтобы меня называли предателем родины и…

Поручик не дал мне договорить.

— Бейте его! Бейте! — закричал он истерическим голосом, и я понял, что в помещении есть еще люди. Двое со зверским выражением лица подошли ко мне, сжимая в руках плети.

Они били меня, окунали мои ноги в таз с холодной водой и снова били, пока пот не выступил у них на лбах. Поручик наблюдал за избиением и курил сигарету за сигаретой. Я молчал, прикусив до крови губы…

«Инквизиторы» остановились, чтобы передохнуть, а поручик вышел из комнаты, видимо, не вынеся зрелища.

Тогда я посмотрел на своих мучителей. Один из них, незнакомый фельдфебель, крупный и сильный, был похож на медведя, а другого я узнал сразу. Это был Тома — хорошо известный в нашем квартале ефрейтор, барабанщик полкового оркестра. Хилый, слабый, сгорбленный — в гроб краше кладут, — почти моего возраста. Он жил в полуразрушенной хибаре с отцом.

Я посмотрел на Тому, и в моем сердце что-то оборвалось. Я забыл, где я и что со мной, пораженный мыслью, что даже такие бедняки, как этот барабанщик, могут находиться на «той» стороне, могут служить буржуазии, выполняя самую грязную работу…

В комнату вошел поручик. Он подталкивал перед собой солдата. Руки у солдата были связаны, лицо распухло от побоев.

— Это он тебя уговорил взять винтовки?

— Он… Винаров… отдал приказ…

Солдат говорил, не решаясь посмотреть мне в глаза.

— Ошибаешься, дружище, — возразил я доброжелательно. Что-то мне подсказывало, что я должен протянуть ему руку помощи, спасти и себя, и его. — Я действительно Винаров. Но я никогда ни с кем не вел разговоров об оружии…

Солдата увели — очная ставка кончилась, и пытки возобновились опять. Поручик вскоре вышел — нервы его явно не выдерживали.

Боль была все нестерпимее: ступни вспухли, из ран текла кровь. Особенно старался барабанщик — откуда только сила бралась в его хилом теле?!

Выбрав момент, когда мои мучители сделали передышку, я, превозмогая боль, сказал барабанщику:

— Тома, мы выросли с тобой в одном квартале. Ты знаешь, кто я такой: профсоюзный активист. Ты знаешь моего брата — секретаря министра Оббова. Знаешь и отца моего Цоло Винарова. У него три гектара виноградников, и поля, и луга, которые он сдает в аренду. Но я все-таки коммунист. Наша партия борется за таких бедняков, как ты, как господин фельдфебель… Вы едва сводите концы с концами, буржуазия вам предлагает объедки…

— Молчать! — взревел фельдфебель, пнул меня в пах сапогом и выбежал из помещения.

— Видишь, Тома, — упрямо продолжал я. — Ему достаются куски побольше, чем тебе, вот он и старается.

Я попытался встать, но сильный удар свалил меня с ног.

— Не вставай, а то убью! — завопил Тома.

Прибежал и фельдфебель с поручиком.

— Значит, мало того, что ты не признаешься, так еще и позволяешь себе вести социалистическую агитацию здесь, под арестом! Большевистское отродье! Бейте! Бейте его, пока не признается или не сдохнет!

Фельдфебель и барабанщик не стали ждать напоминаний. При начальстве они, казалось, сдавали экзамен на благонадежность: били чаще и больнее…

Я пришел в сознание от того, что на меня лили из ведра холодную воду. Все лицо у меня было в крови, одежда тоже оказалась залита кровью. Что-то сдавило мне горло, в ушах звенело. Фельдфебель яростно ругался и тяжело дышал, а Тома бессмысленно метался по комнате, очевидно, в ужасе от того, что натворил…

С Томой-барабанщиком я встретился снова спустя двадцать четыре года. После победы революции, в начале 1945 года, меня

назначили командиром 9-й Плевенской дивизии. По старинной традиции полагалось принять вверенную мне дивизию полк за полком. Первым я принял пехотный полк, выстроенный на обширном казарменном плацу. Несколько тысяч человек прокричали громкое «ура»в честь нового командира. Я обходил роту за ротой и здоровался с солдатами, а в конце остановился перед стоявшим по стойке «смирно» полковым духовым оркестром. Я обходил ряд за рядом и всматривался в оркестрантов, пока, наконец, не нашел того, кого искал — Тому. Он был все такой же хилый, только еще более высохший. На костлявом, словно у древней старухи, лице барабанщика торчал тонкий нос, как клюв. Я остановился перед ним и посмотрел ему в глаза.

Он тоже узнал меня. Впрочем, наверно, его предупредили о неизбежности нашей встречи. Но теперь, когда я стоял перед ним лицом к лицу, он, наверно, решил, что наступил час расплаты…

— Здравствуйте, молодцы! — поздоровался я с оркестром, а глаза мои впились в лицо старого знакомого.

— Здравия желаем, господин генерал! — ответили все, кроме Томы. Он открыл рот, но не произнес ни звука.

Я отошел…

«Что же произошло с ним потом?» — спросит читатель.

Ничего. Пусть, подумал я, живет спокойно, если сможет, но, коли есть у него хоть капля совести, она не даст ему покоя до самой смерти…

Следствие длилось недолго… Процесс развивался, как мы и ожидали.

Моими защитниками на суде были Асен Халачев и Карло Луканов. Занятый военно-организаторской работой в окружной организации, а кроме того, и делами Плевенской коммуны, Халачев отказался от своей адвокатской практики и вел только дела отданных под суд коммунистов. Карло Луканов получил юридическое образование накануне, и я стал его первым и последним клиентом: подобно многим другим адвокатам, членам партии, он отказался от доходной профессии, чтобы посвятить свою жизнь революционной правде…

В суд явился, приглашенный моим отцом, еще один плевенский адвокат, д-р Иван Бижев. Он состоял в народняцкой партии. Из уважения к моему отцу, своему бывшему единомышленнику, он проявил похвальное рвение, стараясь спасти меня от наказания. Заступился и брат моей матери Димитр Соларов, священник. И отец, и Бижев посещали меня в тюрьме почти каждый день, уговаривали настаивать на улучшении тюремного режима и принять защиту Бижева. Я

любил отца, был ему благодарен за заботы в этот час, но не мог пойти на компромисс с совестью, отказаться от своих политических убеждений; и он меня понял: в те годы было абсурдно даже предположить, что коммунист может выступить единым фронтом с буржуа, даже если этот буржуа — защитник на суде.

Я наотрез отказался от его защиты, но, несмотря на это, д-р Бижев добровольно явился в суд и развил такую активную деятельность в мою защиту, что суд, состоявший из его единомышленников, зашел в тупик.

Речи защитников Асена Халачева и Карло Луканова, опиравшиеся на программу партии, звучали сдержанно, аргументированно и наступательно, как и полагалось речам защитников-коммунистов.

Я получил в общем-то не такой уж суровый приговор — 8 лет тюрьмы. То были сравнительно идиллические времена; после Сентябрьского восстания подобные «преступления» согласно зловещему Закону о защите государства карались чрезвычайно сурово.

До дня побега я провел в тюрьме немногим больше года.

Меня угнетала мысль, что я покинул моих товарищей в момент, когда ведется подготовка к революции (в те дни мы ею жили). Меня угнетало и то, что я потерял голос и слух. При избиении фельдфебель повредил мне голосовые связки, и я безвозвратно лишился своего баритона; а в правом ухе не переставая звенело. Тюрьма лишила меня надежды на поездку в Вену.

В те годы, когда у нас, как и во всем мире, спорт отличался весьма скромными достижениями, плевенское спортивное общество «Спартак», созданное при партийной организации, вело оживленную физкультурную работу. Я был членом общества и одним из его активистов. Мы не только готовили выступления для общих собраний, первомайских демонстраций и многолюдных товарищеских вечеров — наше общество воспитывало из своих членов будущих бойцов революции, проводило военное обучение, старалось всесторонне развивать людей физически, вырабатывать у них рефлексы, подвижность. Разумеется, занимались мы и спортом в чистом виде. Я прыгал с шестом. И — пусть это не воспринимается как нескромность — прыгал хорошо, считался чемпионом нашего города по этому виду спорта, мне случалось побеждать и в спартакиадах, проводившихся тогда по округам страны.

Летом 1921 года, незадолго до моего ареста, спортивное общество «Спартак» провело отборочные соревнования для

определения общеболгарской партийной команды, которая должна была принять участие в Общеевропейской спартакиаде в Вене. Я был включен в состав команды как прыгун с шестом.

Но судьба распорядилась иначе.

Сначала я отбывал наказание в старой плевенской тюрьме, находившейся на том месте, где сейчас стоит дом Окружного народного совета, а через несколько месяцев меня перевели в шуменскую тюрьму. Неизвестно каким образом, но администрация тюрьмы получила донесение о том, что я готовлюсь бежать. Впрочем, в этом была доля правды. Секретное указание партии гласило, что все коммунисты, попавшие в тюрьму, обязаны изыскивать возможности бегства («революция уже стучится в дверь»). У меня было двойное основание для побега (если принять во внимание Спартакиаду в Вене).

Но администрация тюрьмы сорвала мои планы: меня перевели в Шумен и надели на ноги кандалы.

Буквально через несколько дней после моего прибытия в шуменскую тюрьму ко мне на свидание явились шуменские коммунисты. Первым пришел Йордан Тютюнджиев, адвокат-коммунист, предложивший мне свои услуги. Позже приходили и другие коммунисты. Они ухитрялись передавать мне партийную литературу, газеты, еду и деньги. Однако бежать из тюрьмы не представлялось возможным — она зорко охранялась.

Пока я сидел в тюрьме, произошло много знаменательных событий, потрясших Европу, — как хороших, так и плохих. В Турции началась революция; в Италии фашистские легионеры Муссолини завершили свой «великий поход» на Рим и установили первую в Европе фашистскую диктатуру; революция в Германии была подавлена, а двое ее вождей — Карл Либкнехт и Роза Люксембург — зверски убиты. Но одно известие заставило забыть все невзгоды: молодая Советская Россия не только сбросила в море белогвардейские армии, но и, проявляя невиданный героизм, разгромила наемные армии интервентов, хлынувших, как хищники, с востока, севера и юга! Родина социалистической революции была спасена, и это событие стало великим праздником для всех коммунистов в мире.

А в Болгарии дела шли плохо. Правда, Земледельческий союз в первой схватке дал отпор черным силам реакции и военщины, готовившим переворот, но этот успех вместо того чтобы отрезвить его членов, заставить их обратить внимание на подлинную угрозу, толкнул их на войну против коммунистов. До нас, узников, дошла весть о событиях в плевенском селе Долни-Дыбник, где старых вождей партии высадили из поезда, сбрили им бороды. Они чуть не стали жертвами разгневанных крестьян…

Победа над реакцией вскружила голову руководителям Земледельческого союза, привела их к пагубному заблуждению, что «только коммунисты представляют угрозу режиму».

Пока коммунисты и земледельцы вели между собой борьбу, черные силы реакции уже плели сеть нового заговора. Первый заговор земледельцам с помощью нашей партии удалось провалить, белогвардейские армии были обезоружены, а эмиссары Деникина, Врангеля и Кутепова изгнаны; второй переворот, подготовка которого велась в глубокой тайне, стал роковым.

В конце 1922 года земледельческая власть усилила подозрения и репрессии против коммунистов, режим для коммунистов-узников стал жестче. Я мог почувствовать это на себе: за мной был установлен строжайший надзор. Члены Земледельческого союза страшились нас, а вовсе не тех, кто действительно желал им зла…

В один из холодных декабрьских дней 1922 года меня повезли под конвоем в Плевен. Тюремная администрация осведомила лаконично: «Вызван в качестве свидетеля по делу в плевенский суд», даже не соблаговолив сообщить имя подсудимого, по делу которого я должен был давать показания.

Но это не имело никакого значения: вызов в суд в качестве свидетеля устроили товарищи из Плевена, чтобы дать мне возможность бежать. «Беги при первой возможности», — посоветовал мне адвокат Йордан Тютюнджиев.

В поезде подходящего случая не подвернулось. Охранявший меня полицейский проявлял похвальное «служебное рвение». Но зато в часы, проведенные в арестантском купе, я сумел найти общий язык с моим стражем. Он оказался жителем плевенского села Учиндол (ныне Тодорово), потомственным бедняком, который пошел на государственную службу потому, что видел в этом единственный выход из беспросветной бедности. Узнав, что он член Земледельческого союза, я повел с ним разговор сначала осторожно, ощупью, а когда почувствовал, что он «схватывает», стал говорить более откровенно. Просто, доступно рассказал, за что, в сущности, борется наша партия и что угрожает существующему режиму, если наши братские партии схватят друг друга за горло… Он не только слушал меня, но и сам задавал вопросы, а на одной станции даже сошел на перрон и купил завтрак для меня и для себя на деньги, которые я ему дал. Так постепенно я подготавливал почву для побега.

Приехали в Плевен. В то время плевенский вокзал находился в трех километрах от северной окраины города. Мы отправились в город пешком. Создавшаяся между нами атмосфера доверия

мешала моему конвоиру относиться ко мне как к арестанту — он не пожелал следовать за мной в пяти шагах с винтовкой наперевес, как это предусматривалось уставом. Служба в полиции еще не успела наложить свой отпечаток на его здоровую крестьянскую натуру.

В суде мы пробыли примерно с час. Как я и предполагал, к делу товарища, которого судили, я был абсолютно непричастен. Я сказал, что нужно для облегчения его защиты, и суд отпустил меня.

В городе нам было больше нечего делать, отъезд был назначен на следующий день — согласно установленному порядку ночь мне предстояло провести в местной тюрьме. И полицейский повел меня туда.

У меня созрел план действий.

— Очень тебя прошу, — остановил я его. — Ты был так справедлив и человечен со мной. У меня к тебе последняя просьба. Вот там, в двух шагах, контора моего адвоката Асена Халачева. Мне нужно зайти к нему буквально на минутку, спросить, как дела с моей апелляцией… Будь добр…

Конвоир довольно долго колебался, но все-таки согласился:

— Ну, ладно, пойдем…

Мы остановились перед конторой Халачева. Полицейский посмотрел на табличку, прикрепленную у входа, и сомнения его полностью исчезли. Он проводил меня до дверей. Лицо его просветлело.

— Иди, улаживай свои дела. Я подожду здесь.

Контора Халачева помещалась в старой одноэтажной постройке по соседству с партийным клубом. Халачева на месте не оказалось, да он мне и не понадобился. Я застал его коллегу. «Давай, Ванко, — сказал я себе, — более удачный случай тебе вряд ли подвернется!» В коридоре перед конторкой стояла вешалка, на ней висели поношенная шляпа и сильно потрепанное зимнее пальто. Я сменил свои пальто и шапку на одежду незнакомца и вышел через черный ход. К счастью, никто не попался мне навстречу. Я легко перепрыгнул через невысокую ограду (ведь я был плевенским чемпионом по прыжкам в высоту), преодолел еще несколько заборов и очутился в другом конце квартала. Вышел на небольшую улочку, поднял воротник, нахлобучил на глаза шляпу и направился к дому Малты Гылыбовой.

Малта оказалась дома. Она накормила меня и спрятала, а на следующий день через сестер Шейтановых уведомила Карло Луканова и остальных товарищей из организации о моем побеге.

Что же произошло с полицейским?

Он долго стоял перед дверью конторы, переступая о ноги на ногу. А когда его терпение лопнуло, вошел в лом и постучался в контору. Увидев на вешалке мое пальто и шапку, он успокоился. Но ненадолго…

А потом? Он не поднял на ноги местную полицию, не сообщил о моем побеге, а просто вернулся в Шумен и доложил, что я исчез по дороге. Разумеется, его уволили, и он вернулся домой, в село.

Халачев и Иван Зонков, бывший в то время председателем Плевенской коммуны, и остальные товарищи из комитета решили, что меня нужно немедленно перебросить в Пордим, к Ивану Божинову. Сделать это поручили Косте Перванову и Первану Маринову. В Пордиме я должен был ждать дополнительных указаний.

Покидая дом Малты Гылыбовой, я не предполагал, что покидаю свой родной город более чем на двадцать лет. В ту декабрьскую ночь наступил поворот в моей судьбе. Я оставлял дорогих, верных товарищей, оставлял близких, оставлял родной город и Кайлык, оставлял Скобелевский парк, мавзолей, зеленые холмы вокруг города, где прошли мое детство, юность и молодость. Но куда бы меня не забрасывала судьба в последующие годы, я всегда носил в сердце не только воспоминания о товарищах и близких, но и образ родного края, его надежды и заветы, его зов, который мог утихнуть только с моей смертью.

Телега Первана Маринова задержалась у дома Малты недолго. Когда мы тронулись в путь, в ней сидели, как и раньше, двое. На козлы к Первану подсел крестьянин в бараньем полушубке и шапке. Крестьянин этот был я; Коста, переодетый в мою одежду, остался у Малты…

У Ивана Божинова я прожил трое суток. На третью ночь из Плевена приехал Коста Перванов. Он привез мне одежду, продукты, деньги. И новое распоряжение окружного комитета. В ту же ночь я должен был выехать в Варну в сопровождении Косты. Варненским товарищам поручили позаботиться об остальном.

— А вдруг поеду в Советскую Россию, Коста? — встрепенулся я, не смея поверить в свое предположение.

— Туда, Ванко! — Коста широко улыбнулся, и в следующий миг я заключил его в свои крепкие объятия.

Советская Россия! Даже сейчас, когда я чуть ли не каждый год езжу в Советский Союз, влекомый неодолимой силой, чтобы повидаться со своими старыми боевыми товарищами, увидеть Москву и Кремль, посмотреть на необъятные русские поля и вековые молчаливые леса, даже сейчас я испытываю невыразимо

светлое, праздничное чувство. А тогда? Тогда Советская Россия, колыбель социалистической революции, первое свободное государство рабочих и крестьян, была для нас, миллионов коммунистов во всем мире, землей обетованной, более желанной, чем все, что мы видели в самых прекрасных снах, землей нашей мечты. Хотя нас и отделяли от нее тысячи километров, мы жили ее заботами, тревогами и радостями, следили за каждым ее шагом. Наш пульс бился в унисон с пульсом советского народа, наши глаза были обращены к Москве и к Ленину, вождю, который привел Октябрьскую революцию к победе. С того дня, когда родилась Советская Россия, мы, коммунисты, поняли, что Советская Россия — детище не только русского, но и международного революционного движения.

Часть вторая

В СОВЕТСКОЙ РОССИИ. СВЯЩЕННЫЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ ДОЛГ

1. ЧЕРЕЗ ЧЕРНОЕ МОРЕ. СОВЕТСКАЯ РОССИЯ — ЗЕМЛЯ НАШИХ НАДЕЖД

Варна в послевоенные годы была, можно сказать, единственными «воротами», через которые осуществлялись нелегальные связи между Советской Россией и балканскими странами, в первую очередь с Болгарией. Из Варны на лодках, иногда на моторных, а иногда на парусных или просто на весельных, снабженных парусом, по Черному морю отправлялись в Россию подпольщики-коммунисты из всех балканских, а часто и других европейских коммунистических партий, делегаты конгрессов и пленумов Третьего Коммунистического Интернационала, партийные курьеры и всевозможные посланцы, для которых сухопутные железнодорожные связи с «красной Россией» были отрезаны.

Морской «канал» связи действовал безупречно. А годы, надо сказать, были жестокие. Небольшим суденышкам приходилось преодолевать множество препятствий и подвергать себя немалому риску, чтобы достичь советского берега. На их пути вставали болгарская морская пограничная охрана, белогвардейские суда, бороздившие море, блокада западных государств, которые стремились «спасти мир» от «большевистской заразы», задушив молодую Советскую республику еще в колыбели. Но все напрасно.

В 1921—1922 гг. Варне довелось выполнять важную интернациональную задачу. Когда наша страна превратилась в базу белогвардейских армий Деникина, Врангеля и Кутепова, варненские товарищи своевременно и быстро предупреждали — с помощью спецкурьеров, пересекавших море, — о переброске оружия и боеприпасов с нашей территории в Россию; саботировали подвоз оружия, помогали его изъятию. Все это было делом варненской партийной организации, возглавлявшейся Димитром Поповым, Димитром Кондовым и Гено Гюмюшевым. Нелегальной военно-организационной деятельностью, работой на «канале», обеспечивающим связь с Советской Россией, была занята целая группа прекрасных, беспредельно преданных революционеров, большинство которых тогда или несколько позже погибло. Из этих товарищей я лично знал Андрея Пенева и Благоя Касабова, руководивших военно-организационной работой в округе; Григора Чочева, отвечавшего за бесперебойную работу «канала»; Бояна Папанчева, активиста военной организации, а впоследствии курьера Центрального Комитета, ездившего в Москву и обратно; Жечо Гюмюшева, тоже курьера Центрального

Комитета. Среди этих товарищей был и Христо Боев, многократно преодолевавший неисчислимые опасности, пересекавший море, выполняя важные поручения партии.

С мая 1922 года наша партия располагала, как я выяснил позже, и судном, курсировавшим между Болгарией и советскими берегами. Судно называлось «Иван Вазов» и принадлежало фиктивному акционерному обществу «Матеев, Кремаков и К°» — с портом прописки Бургас. Оно было куплено Христо Боевым, который для этой цели в 1921 году нелегально вернулся на родину и отбыл в Стамбул, где США распродавали с торгов свои бракованные военные корабли. Боевым был куплен сравнительно неплохо сохранившийся «охотник» за подводными лодками. После капитального ремонта с середины 1922 года корабль, зарегистрированный как собственность акционерной компании, а в сущности являвшийся собственностью партии, начал осуществлять регулярные рейсы между Бургасом и Советской Россией. «Иван Вазов» доставлял на советский берег ценные сведения о планах врангелевцев и империалистических государств, перевозил нелегальных членов партии, делегатов конгрессов Коминтерна, русских солдат из армий Деникина и Врангеля, пожелавших вернуться на родину. Корабль перевозил также продовольствие для голодающих Крыма, Украины и Поволжья. Из обратного рейса «Иван Вазов» привозил различные грузы и большое количество нелегальной литературы для оказания помощи болгарскому революционному движению. Целый год, до фашистского переворота 9 июня 1923 года, корабль «Иван Вазов» неуклонно выполнял свой революционный долг, оказывая помощь Советской России в борьбе против внешних врагов. В конце 1923 года корабль был фиктивно «продан» и отплыл в советский порт Одессу.

Как и следовало ожидать, Варна стала средоточием болгарской и международной реакции, белогвардейских эмиссаров со сверхсекретными поручениями, резидентов английского и французского шпионских центров на Балканах, многочисленных «комиссий» по мирному договору, воинских подразделений Антанты и т. д. Все объяснялось просто: Варна в силу своего географического положения была самым удобным местом для подготовки нового похода против Советской России.

Хорошо понимая важность стратегического положения Варны, болгарская реакция послала туда своих испытанных слуг — офицеров, полицейских, сотрудников разведки, которые должны были парализовать деятельность местной коммунистической организации, «очистить» город от «большевистских элементов». После переворота 9 июня в Варне свирепствовала морская

полиция — специальный орган, созданный для того, чтобы препятствовать связям с Советской Россией. Страны Антанты реквизировали корабли Болгарии в счет репараций, но по отношению к вновь созданной морской полиции ими была проявлена особая щедрость: они доставили в Варну быстроходные катера, оснащенные прожекторами, и хорошо вооруженные моторные лодки, которые начали патрулировать вдоль берега…

Надо добавить, что в те годы из Варны отправлялись в Советскую Россию корабли, груженные продовольствием для голодающего населения Поволжья. В окрестностях города были сосредоточены тысячи белогвардейских солдат, пожелавших вернуться на родину. Для их временного размещения были созданы два охраняемых лагеря. В них находились и русские солдаты, бежавшие из воинских частей Антанты после февральской и особенно после Октябрьской революции, те, кому удалось добраться до Болгарии в надежде оттуда переправиться в Советскую Россию. Это была значительная масса людей, не желавших больше ни дня оставаться на чужбине. Они рвались на родину, которая переживала трудные времена и больше чем когда-либо нуждалась в помощи своих сыновей. Как известно, большая часть этих людей вследствие активной политической работы нашей партии осознала свои ошибки.

Власти разместили их в лагерях со строгим режимом, которые были объявлены «рассадниками чумы». Но что они могли с ними сделать? Уничтожать их? Да, их убивали. Десятки активных деятелей движения за возвращение на родину исчезали бесследно, других расстреливали под разным предлогом, согласно наскоро состряпанным приговорам белогвардейских судов…

Все это создавало в Варне накаленную атмосферу, способствовавшую быстрому росту партийных кадров, формированию их боевых революционных качеств. Город превратился в надежную базу партии для развертывания борьбы в защиту Советской Родины. Не случайно после войны Варненская община стала одной из первых окружных коммун в стране.

Для конкретной организации связи с Коминтерном и Советской Россией еще в 1919 году Центральный Комитет создал в Варне свою базу. В период до 1923 года для связи с Коминтерном использовались небольшие моторные лодки, снабженные парусами, — «Вера», «Заря», «Спаситель». Почти все члены их экипажей были из липован — казаков-староверов, переселившихся в Болгарию из-за религиозных преследований и занимавшихся рыболовством. Самым надежным был экипаж лодки «Спаситель», вмещавший до пятнадцати человек.

Некоторое время эта лодка обслуживала Варненский «Аквариум», экипаж мог легко доказать свое алиби, сославшись на то, что ищет редкие виды черноморских рыб. Это давало возможность совершать рейсы к советскому побережью Черного моря, выполняя задачи партии.

Я находился в Варне уже несколько дней. Скрываться не было нужды, потому что в этом городе меня никто не знал. Димитр Кондов, которому я привез письмо от Тодора Луканова, немедленно занялся подготовкой моего отъезда. Он связал меня с Благоем Касабовым, Жечо Гюмюшевым и Бояном Папанчевым, с которыми я познакомился во время своего приезда в Варну еще год назад, когда сопровождал двух советских товарищей, выдававших себя за «белогвардейцев». Варненские коммунисты снабдили меня одеждой и продовольствием. К вечеру четвертого дня мы втроем — Папанчев, Жечо и я — встретились в окрестностях города, готовые в путь.

Непроглядной декабрьской ночью лодка отплыла от пустынного берега и направилась в открытое море. Гребли трое незнакомых мне мужчин, а мы с Жечо и Бояном и еще двое товарищей из Пловдива, тоже командированных ЦК в Советскую Россию, в полном молчании сидели у небольшой каюты, наблюдая, как быстро удаляются огни города. Когда мы вышли из залива, со всеми мерами предосторожности обойдя пограничный пост, лодочники завели мотор. Лодка резко ускорила ход, и мы мысленно уже прощались с Варной… Но вышло иначе.

Через час после отплытия мотор отказал. Несмотря на все усилия товарищей, повреждение устранить не удалось, и к полуночи, когда появился ветер, мы поставили паруса и вернулись в город.

— Не переживай, — успокоил меня Димитр Кондов, когда на следующее утро я зашел к нему в общину (тогда Варна была коммуной, а Димитр Кондов — ее председателем). — Эта моторка не единственная. Подготовим другую.

Но мы отплыли не на моторной лодке, а на пароходе.

Случилось так, что на той же неделе примерно четыреста бывших солдат армии Врангеля изъявили желание вернуться при содействии нашей партии на родину.

Число желающих вернуться достигло десяти тысяч. Официальные власти выдали им специальные удостоверения, дававшие право покинуть страну. Их должен был увезти грузовой советский пароход, который стоял на якоре в варненском порту.

За короткое время Варненская организация приготовила для нас троих — Бояна Папанчева, Жечо Гюмюшева и меня —

соответствующие документы, согласно которым мы были «возвращающимися на родину белогвардейцами». Переодетые в белогвардейскую форму, однажды ранним утром мы затерялись в толпе, заполнившей пристань. У нас почти не было личных вещей, но, несмотря на это, и я, и оба моих товарища несли в руках по чемодану и узлу. В узлах были книги, архивные материалы Васила Коларова, который осенью 1922 года нелегально уехал в Москву вместе с семьей, не взяв никаких вещей. Мы не имели почтовой связи с Советской Россией, поэтому не было никакой другой возможности переправить ему его личные вещи, а главное — книги и рукописи. Нас построили в длинную шеренгу. Сначала тщательнейшим образом с неимоверной подозрительностью проверяли документы, задавали какие-то вопросы, но потом, увидев, что процедура чересчур затянулась, посиневшие от холода офицеры, болгарские и иностранные — из контрольной комиссии по мирному договору, стали проверять кое-как…

Экипаж корабля принял раскаявшихся белогвардейцев как родных братьев. Их угощали вкусными блюдами, поднимали тосты за «благополучный приезд». Пели старинные русские песни и революционные марши, плясали и танцевали до упаду. Эти несчастные, проливавшие кровь под позорными белыми знаменами продажных царских генералов, распродавшие, чтобы не умереть с голоду, одежду и сапоги, только теперь в полной мере осознали свою вину перед матерью-родиной и, как дети, не скрывали своих страданий.

Их надежда стала явью, когда пароход бросил якорь в Новороссийске и «блудные сыновья» оказались в объятиях родины. Музыка, цветы, нескончаемые речи… Я увидел своими глазами, как люди крестились и, обливаясь слезами, целовали родную землю, словно давали ей клятву в верности. Прослезились и мы с Жечо и Бояном — подобное зрелище не могло никого оставить равнодушным. Я запомнил его на всю жизнь. В нем таился большой смысл. И большой урок. Онемей, ослепни, будь готов принять любую смерть, но не поднимай руку на родину!

Мы представились советским пограничным властям, там же, на пристани, встретились с людьми из областного комитета партии большевиков. Бояна Папанчева и Жечо, которые и раньше бывали в Одессе, Севастополе и Новороссийске, приняли как своих. По нашей просьбе в тот же день нас соединили с Василом Коларовым по радиотелеграфу. Коларов поздравил нас с прибытием и сказал, чтобы мы, не задерживаясь, ехали дальше. На следующий же день мы втроем отправились в Москву.

В поезде ехали русские, украинцы, крымские татары, грузины, армяне. Это была главная железнодорожная магистраль, связывавшая Москву с Кавказом. Советская власть переживала трудные времена. Это было заметно даже по виду вагонов — стекла выбиты, сиденья переломаны. Была зима, а поезд не отапливался. Не было и освещения. Сначала холод мало беспокоил нас — зима на Кавказе несколько мягче нашей; но когда мы доехали до Украины и после Ростова-на-Дону направились на север, к Москве, январский мороз стал пробирать до костей. Проводник вагона безуспешно пытался улучшить положение. Горячий чай, который ему каким-то чудом удалось приготовить, показался нам высшим благом.

В то время бесчинствовали бандиты. Поезд не раз останавливался на небольших или более крупных станциях, и до нас доносилось эхо ожесточенной стрельбы. Проводник говорил вполголоса: «Банда Махно или Петлюры…»

То были суровые годы. Советская власть, отразив натиск интервентов, прилагала неимоверные усилия, чтобы преодолеть разруху, навести порядок в управлении, экономике, обеспечить население продовольствием, ликвидировать последствия невиданной засухи в Поволжье и на Украине, очистить леса и степи от анархо-националистических банд, привести обстрелянный, опаленный боями корабль революции к безопасному берегу.

Москва в те годы резко отличалась от сегодняшней огромной, блистательной столицы Советского Союза. Прошло всего несколько лет после революции, и это были годы неописуемых страданий и титанического напряжения. Все усилия советского народа были направлены на упрочение новой власти. Был первый год новой экономической политики, провозглашенной Лениным. Много было таких, кто открыто высказывал сомнение в необходимости нэпа, а еще больше оказалось скрытых врагов и саботажников, укрывшихся в подполье агентов контрреволюции и империализма, которые пускали в ход ножи и яд, устраивали поджоги и взрывы. Успехи Советской власти приводили их в неистовство. Воистину трудные годы. Но советский народ, разгромивший интервенцию, преодолевший бешеное сопротивление контрреволюции, сумел превозмочь и эти преграды: у него была великая и мудрая партия, был Ленин, чье имя облетело всю планету, кто вобрал любовь и веру миллионов пролетариев. Народ дерзновенно претворял в жизнь революционное дело и не имел намерения останавливаться на полпути.

2. БЕРЗИН — СОЗДАТЕЛЬ СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ

Жечо Гюмюшев и Боян Папанчев быстро акклиматизировались в оживленном городе; мне казалось, что если меня предоставят самому себе, то я непременно затеряюсь в людском водовороте. Переночевав в каком-то общежитии, мы на следующий же день с утра отправились в исполком Коминтерна. Двое моих товарищей пошли по своим делам, оставив меня у Станимира Сапунова, представителя нашей партии в Коминтерне, немолодого седого человека, который был мне незнаком. Он был одним из руководителей коммунистов города Видина, откуда эмигрировал после провала. Больше о нем мне ничего не удалось узнать: я даже не знаю, подлинное ли это имя, — все политэмигранты, прибывшие на более или менее продолжительный срок в Советский Союз, обязательно брали псевдонимы, — это диктовалось заботой об их безопасности после возвращения на родину.

Я рассказал товарищу Сапунову о себе, ответил подробно на его вопросы о моем житье-бытье и высказал желание поступить на работу.

— Будешь работать. Может быть…

— Прошу настоятельно, товарищ Сапунов! — повторил я свою просьбу. — А позже непременно поступлю учиться. Мне нужно получить образование. Но думаю, что надо заслужить это право. Я бы хотел поработать на каком-нибудь московском заводе по специальности.

Васил Коларов, с которым я увиделся вечером, после разговора с Сапуновым, полностью одобрил мои планы. Сапунов уведомил его о нашем прибытии, и Коларов попросил передать, чтобы вечером я пришел к нему в гостиницу «Люкс».

Гостиницу я нашел легко. Она находилась на нынешней улице Горького, вблизи Кремля. Васил Коларов с семьей занимал номер — две комнаты с необходимыми бытовыми помещениями. По сегодняшним требованиям эта квартира для семьи из четырех человек показалась бы чересчур скромной, но в те годы Москва, перенаселенная вдвое, втрое, переживала неописуемый жилищный кризис. Цветана Николаевна, жена Васила Коларова, сумела сделать свою квартиру чистой, приветливой и уютной. Половина гостиной была оборудована под кабинет. Одну стену кабинета занимала библиотека — многочисленные тома на болгарском, русском, французском, немецком, итальянском

языках. На других стенах кисели картины — некоторые из них писал сам хозяин дома.

После ужина Коларов увел меня в свой кабинет. До полуночи я рассказывал ему о Болгарии, об общем состоянии партии, об отношении к нам земледельческих властей[2], о поведении старых партий, объединившихся в организацию «Народный сговор»[3]. Рассказал — по его просьбе — со всеми подробностями о Плевене, о нашей работе по вооружению, об операциях на железной дороге, о пятерках, о военной организации.

Я рассказывал, отвечал на всевозможные вопросы Васила Коларова, развивал по его просьбе свои предположения о будущем общественной борьбы на родине, а он время от времени что-то записывал. Коларов начинал лысеть, волосы на висках совсем поседели, а ему было всего сорок шесть лет. Под глазами темнели черные круги от бессонницы, лоб покрывали морщины — любой мог легко предположить, сколько забот лежало на его плечах, — но зеленовато-голубые глаза были молодые, жизнерадостные. Я удивился, как точно он помнил факты, имена и события, связанные с Плевенской организацией. Он вспомнил о нашем разговоре после окончания партийной школы, вспомнил и неудачную попытку взорвать железнодорожный мост.

— Должен тебе сообщить, — сказал Васил Коларов, — что о работе Плевенской организации по изъятию оружия, о твоем аресте и тюремном заключении знают и здесь.

— Не понимаю. Кто знает?

— В Генеральном штабе Красной Армии…

Я удивился. Что общего имела наша деятельность в Плевене с Красной Армией? И ничего особенного мы не сделали. Неужели об этом знают даже в Генеральном штабе? Правильно ли я понял?

Коларову нетрудно было догадаться, что я поражен.

— Пусть это тебя не удивляет. — Он широко улыбнулся. — Любую операцию, направленную против действий белогвардейцев, против поползновений империалистической интервенции, независимо от того, в каком конце планеты она предпринята, советские люди воспринимают как боевую поддержку Советской России. И высоко оценивают любую помощь. Ценят и своих друзей. Тех коммунистов и честных людей во всех уголках земного шара, которые внесли свой вклад в дело защиты Советской России. В том числе и тебя.

Читатель легко представит себе мое состояние. Я испытывал смешанное чувство гордости оттого, что советские люди столь высоко оценили нашу работу, и удивления — все еще не мог осознать многое, а тем более найти органическую связь между

отдельными фактами.

— Товарищи знают о твоем аресте, а вот твой побег — для них новость, — продолжал Коларов. — Они хотят лично познакомиться с тобой. Завтра, — Коларов указал точное время, — пойдешь в Четвертое управление Генерального штаба. Все уже договорено. Тебя примет лично Павел Иванович Берзин.

Четвертое (Разведывательное) управление Генерального штаба Красной Армии тогда размещалось в небольшом здании вблизи Красной площади. Охранялось оно строжайшим образом — то были годы беспощадной борьбы с недобитым врагом.

У дежурного меня ожидал командир Красной Армии. Я сообщил свое имя, и он проводил меня в здание.

У секретаря начальника управления — это была молодая женщина с коротко подстриженными светло-каштановыми волосами — я задержался всего несколько минут. Мы познакомились, не предполагая, что в дальнейшем нам придется более двадцати лет работать на одном фронте. Наталья Звонарева, мой боевой товарищ, ныне полковник в отставке.

— Павел Иванович ждет вас, — приветливо улыбнулась мне Звонарева и распахнула дверь кабинета…

Надеюсь, читатель простит меня, если я прерву нить моего рассказа, чтобы кратко поведать о Павле Ивановиче Берзине, крупном советском разведчике, создателе советской разведки. То, что я расскажу о нем, до недавнего времени знали только ближайшие его товарищи — ведь жизнь действующего разведчика представляет собой абсолютную тайну; чем меньше известно о разведчике, тем больше гарантий его успеха, тем меньше риск возможного провала, опасность гибели.

Настоящее имя начальника Разведывательного управления — Ян Карлович Берзин, по национальности он латыш. Родился за двадцать семь лет до Октябрьской революции в семье крестьянина-бедняка. Его отец был не только безземельный, он не имел даже дома, не владел ничем, он сам не принадлежал себе: крепостное право на бумаге отменили еще в прошлом веке, но в том захолустном краю, где он жил, балтийско-немецкие помещики являлись абсолютными хозяевами всего. Маленький Ян проявлял незаурядные способности, увлекался книгами, он знал намного больше своих сверстников, и это заставило отца, несмотря на беспросветную нужду, направить его в Рижское педагогическое училище. Яну не удалось его закончить. В Риге началось революционное брожение, царское правительство послало туда казачьи карательные отряды. Училище было закрыто. Ян вернулся домой, вооруженный революционными

идеями. В его родном краю в то время действовал смелый партизанский отряд «Боевые братья», мстивший помещикам и полиции. Ян присоединился к партизанам. Ему еще не было и четырнадцати лет, но он отличался умом, сметливостью и хладнокровием взрослого. Поэтому всего через год после февральских событий, в 1905 году, Яна Карловича приняли в ряды Российской социал-демократической рабочей партии. Пятнадцатилетний юноша включился в борьбу против полицейского режима царского самодержавия не на жизнь, а на смерть. В шестнадцать лет военный суд в Ревеле приговорил его за революционную деятельность к смертной казни. Казнь заменили тюрьмой. Потом последовали ссылка в Сибирь, участие в революции, в гражданской войне. Берзин был заместителем комиссара внутренних дел Латвии, командиром боевого отряда, работал с Дзержинским. Многочисленные враги, внутренние и внешние, тайные и явные, наглые, жестокие, беспощадные, прилагали адские усилия, чтобы свергнуть только что родившуюся власть. Рыцарь без страха и упрека, с пламенным сердцем, руководитель Чрезвычайной комиссии (Чека) при Совете Народных Комиссаров — Феликс Эдмундович Дзержинский — сплотил вокруг себя для сверхопасной и сложной работы закаленных большевиков, готовых отдать все, до последней капли крови, для революционного дела. Дзержинский быстро оценил Берзина и давал ему ответственные задания по борьбе с контрреволюцией. И в 1921 году, сразу после разгрома белых, Берзин был назначен заместителем начальника, а вскоре и начальником Разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии. И это в тридцать три года! Если бы Дзержинский хотел копировать опыт западных империалистических центров разведки, он должен был бы назначить на этот столь трудный пост разведчика, имевшего многолетний, солидный профессиональный опыт. Но кадры ковались в горниле революционной борьбы, и Дзержинскому приходилось открывать новых людей. Берзин оказался достойным большого доверия. И в Европе, и на Дальнем Востоке Разведывательное управление Генерального штаба стало добиваться первых успехов. Вслед за большой советской дипломатией, вмешавшейся в политический диалог, который велся в мире, советская разведка, попавшая в талантливые руки, начала с неожиданным успехом отрубать длинные щупальца еще вчера всесильных империалистических разведок, обезвреживать их коварные планы, проникать в тайны военной машины и политики империалистических государств, пускавших в ход любые способы и средства для уничтожения молодого Советского государства. Герои баррикадных боев,

большевики наводили страх на своих смертельных врагов, умело сражаясь на «тихом фронте». Воистину много — и важнейших — задач решило, защищая советский строй, Четвертое управление Генерального штаба, руководимое стойким большевиком Павлом Ивановичем Берзиным! Берзин проявлял удивительные качества стратега, способность тончайшего анализа конкретной обстановки, талант наносить разящий удар там, где враг меньше всего ожидал. Первой его заботой был подбор и подготовка надежных кадров для работы в Управлении. Он почти не располагал старыми кадрами — все пришлось создавать с самого начала, на «пустом месте». Люди, на которых он обращал внимание, были представителями рабочего класса и рабочей интеллигенции, показавшими высокую идейную убежденность и беспредельную преданность партии большевиков. Таких людей он находил среди участников борьбы против самодержавия, героев Октябрьской революции и гражданской войны. Новые кадры, большинство которых должно было обучаться в ходе самой работы, Берзин воспитывал в духе подлинного интернационализма, смелости и самостоятельности при решении вопросов, возникавших в процессе практической работы. Уже при выполнении первых задач, поставленных перед Управлением, Берзин проявил исключительное умение видеть суть даже в самых, казалось бы, запутанных явлениях. При этом он не терял спокойствия и хладнокровия в случае провала. И умел внушить сотрудникам чувство веры в свои силы.

Именно это качество Берзина я хотел бы особенно подчеркнуть, поскольку мне кажется, что именно это, наряду с заботливой подготовкой людей и их точной ориентацией в обстановке — было тем основным условием, без которого немыслимо выполнение задания в глубоком тылу врага.

Это качество, как и остальные черты личности и характера Берзина, раскрылись мне за время моей долголетней совместной работы с ним.

Павел Иванович Берзин встретил меня посредине кабинета. Он встал, как только я открыл дверь, и направился ко мне, протягивая обе руки для приветствия. Стройный, высокий мужчина, в гимнастерке и галифе, в черных сапогах, мягко ступавших по ковру.

— Добро пожаловать в Москву, дорогой Иван Цолович, рады видеть вас на нашей земле!

Он крепко пожал мне руку, улыбнулся доброй улыбкой. «Смотри-ка, он знает мое имя и отчество, — думал я, пораженный яркой синевой его глаз, смотревших на меня так открыто, дружески, что нельзя было не ответить тем же.

— Вы можете многое рассказать, — продолжал Берзин, усадив меня в мягкое кожаное кресло напротив. — Мы очень мало знаем о вашем побеге и почти ничего о вашей переброске сюда…

Берзин говорил медленно, очевидно, хотел избавить меня от неудобства в связи с моим незнанием русского языка. Но я почти все понимал. Мне было понятно каждое его слово, потому что он умел изъясняться и выражением глаз, и мимикой, и интонацией голоса, и жестами.

Пока он говорил, я смотрел ему в лицо, на облегающую широкие плечи военную форму с петлицами, на которых краснели два маленьких металлических ромба. Он был из тех мужчин, внешность которых поражает сочетанием красоты и силы. Большой лоб, дуги русых бровей над синими спокойными глазами, правильный римский нос, массивный подбородок — лицо его говорило о внутренней гармонии, уравновешенности и решительности. Берзин был блондином. Коротко подстриженные волосы наводили на мысль о солдатской подтянутости и деловитости.

Я вкратце рассказал обо всем, что его интересовало. Говорил медленно, то и дело посматривая на него, — мне все казалось, что я неточно и неправильно выразился и он меня не поймет. Но мои опасения оказались напрасными. Берзин слушал с подчеркнутым вниманием и непрерывно приободрял меня вопросами.

— Говорите свободно, только чуть медленнее, — сказал он мне через некоторое время. — Я почти полностью понимаю ваш язык. Болгарский язык меня заинтересовал сразу же, как только я убедился, какого хорошего друга имеет Советская Россия на Балканах в лице вашего народа, вашей партии… Мы знаем многое о Солдатском восстании, — продолжал Берзин. — Знаем о Радомирской республике, о кровавых боях в окрестностях Софии. Владимир Ильич дал высокую оценку героизму болгарских революционеров. Большевики считают болгарских коммунистов своими верными боевыми товарищами…

Можете себе представить, как сильно подействовали на меня, болгарина, болгарского коммуниста, слова Берзина. Приехать из небольшой страны, почти незаметной на глобусе, сюда, в великую Страну Советов, страну Ленина, и услышать, что русские Прометеи считают нас, болгарских коммунистов, своими верными боевыми товарищами, — это не могло не взволновать!

— Мы особенно высоко ценим помощь, которую оказывает ваша партия в последние годы, — продолжал Берзин. — Продовольствие, собранное в помощь голодающим крестьянам

Поволжья, — это подлинно братский жест…

— Но, Павел Иванович, — позволил я себе прервать его. — Что все это значит по сравнению с кровью русских солдат, погибших за свободу Болгарии!

Берзин покачал головой.

— Много значит, мой дорогой болгарский товарищ… Русский народ сейчас больше чем когда-либо понимает цену настоящей дружбы. Сейчас, когда нашу страну окружают гиены и волки, готовые разорвать нас на куски… Но Советская Россия обязана вам еще и за другое, — продолжал мой собеседник. — Ваша партия сделала многое для разложения белогвардейской армии на болгарской территории, для того, чтобы обманутые белыми генералами честные русские люди осознали свою ошибку, сделала многое для того, чтобы саботировать подвоз оружия для белогвардейцев…

При последних его словах я почувствовал, что краснею от стыда: в этот миг я вспомнил провал операции по взрыву железнодорожного моста над рекой Вит. Я робко попытался возразить:

— Не всегда, Павел Иванович… Не всегда наш саботаж оказывался удачным…

— А разве действия русских большевиков всегда оказывались удачными и безошибочными! — прервал меня Берзин, прекрасно понимая, что я имел в виду. И продолжал: — Вы не справились с некоторыми мероприятиями, но героически провели операцию по изъятию оружия из вагонов и военных складов. Настоящие молодцы…

Я слушал начальника Разведывательного управления, мне казалось, что его похвалы относятся к другому народу, другой партии, другим коммунистам. Неужели наша скромная работа оценивается столь высоко? Или Берзин — он не раз поступал так впоследствии во время нашей совместной работы, — не преувеличивая ошибок, неудач и провалов, давал высокую оценку успеху, чтобы вдохнуть веру в свои силы, поделиться своим революционным оптимизмом? Большевики действительно высоко ценят нашу партию, размышлял я тогда, — не случайно сам Ленин ставил ее в пример другим партиям в Европе, не случайно секретаря нашей партии избрали — по предложению Ленина — генеральным секретарем Коминтерна!..

Разговор продолжался. Я подробно, по настоятельной просьбе Берзина, описал наши операции на железной дороге. Его удивила — и он этого не скрывал — организация всей работы, начиная с получения сообщений из Софии о том, в каких вагонах находится оружие и кончая «экспроприацией» оружия и

централизованным его распределением.

— Это возможно, — констатировал он, пока я рассказывал, — только при наличии сплоченной партии с высокосознательными и дисциплинированными членами.

Многие факты, о которых я рассказывал, были хорошо известны Берзину, но, несмотря на это, он хотел, чтобы я остановился на них подробнее — его интересовала моя точка зрения, моя оценка организации и выполнения операции, мой анализ допущенных ошибок… У меня возникло чувство, что Берзин желает не столько познакомиться с делами Плевенской организации, сколько взвесить мою реальную значимость бойца, организатора подполья и конспиратора… Позже я убедился, что такой подход был характерен для Берзина. Он не только знал лично каждого оперативного работника в управлении, но имел точное представление о его моральных качествах, деловых способностях, характерных склонностях и в зависимости от этого ставил такие задачи, которые в максимальной степени соответствовали их подготовке. Эта черта в работе Берзина явилась одной из предпосылок блестящих успехов советской разведки.

Берзин предложил мне работу в Четвертом управлении.

— Не говорите сейчас ни «да», ни «нет». Речь идет не об отдельном задании, даже не об известном периоде времени — речь идет о судьбе. Судьбе разведчика. Вы выдержали, по нашему мнению, необходимый практический экзамен. Второе — искусство разведчика — придет с опытом. Для нас важно, что у вас руки рабочего, сердце революционера-коммуниста, что вы любите Советскую Россию…

Наш разговор продолжался долго. Потом Берзин вызвал в кабинет некоторых своих помощников, с которыми познакомил меня. Один из них — о нем я еще расскажу в этой книге — Гриша Салнин. Он руководил отделом, в который меня потом зачислили. С ним мне предстояло выполнять за границей ответственные задания. Мы еще долго беседовали, потом расстались, договорившись, что я подумаю и дам ответ.

Я дал Павлу Ивановичу согласие работать в разведке, но попросил предоставить мне некоторую отсрочку.

— Прежде всего у меня к вам, Павел Иванович, большая просьба. — Берзин кивнул головой. — Я хочу заслужить право учиться. Хочу поработать на каком-нибудь московском заводе… Я еще ничего не сделал для советской власти, чтобы жить на всем готовом…

Тебе, дорогой читатель, трудно представить реакцию Павла Ивановича Берзина на эти мои слова. Сначала он онемел, его

синие глаза удивленно раскрылись, словно ему предложили трудно разрешимую загадку, потом в них засверкали веселые искорки и он расхохотался неудержимо, заразительно. Я смутился — неужели сморозил какую-то глупость?

Берзин тут же уловил мое состояние и обнял меня за плечи.

— Простите меня, но в последнее время так редко выдается случай посмеяться… Разумеется, ничего смешного в вашей просьбе нет. Но благодаря ей вы заставили меня подойти к этому вопросу с другой стороны, и многое неожиданно показалось мне интересным и непривычным. Мы непременно найдем вам подходящую работу, — подытожил Берзин. — Опытные мастера всегда пригодятся на наших заводах. Только не забывайте, Иван Цолович, — сказал Берзин, приняв серьезный вид, — что мастеров на заводах у нас более или менее хватает, тогда как в мастерах нашего дела мы испытываем острую нужду. Вы еще не стали мастером, но я верю, что станете… Верю. Работайте и учитесь, но знайте, мы вас ждем…

Я поступил на работу на большую фабрику по выпуску мебели и музыкальных инструментов. Выдержав производственное испытание, я получил высокий разряд. Почти сразу же мне дали квартиру на Цветном бульваре — одной из красивых московских улиц. И уже в апреле заводской коллектив предложил мне, несмотря на мое желание продолжать работу, стать слушателем трехгодичного Коммунистического университета имени Я. М. Свердлова. Вероятно, это произошло не без вмешательства Берзина.

Коммунистический университет готовил руководящие кадры партии большевиков исключительно из рабочего класса. Меня приняли после приемного экзамена. Экзаменационная комиссия, состоявшая из старых большевиков, проводила экзамен в виде беседы с каждым кандидатом, чтобы установить не только степень грамотности, но и его политический и идейно-теоретический уровень. Мне задавали вопросы о борьбе во Втором Интернационале, спрашивали о спорах на Циммервальдской и Стокгольмской конференциях, о решениях Третьего Интернационала, о характерных моментах послевоенного политического положения в Европе. Я отвечал четко, обстоятельно — все эти проблемы изучались в партийной школе в Софии, обсуждались на партийных собраниях в Плевене, были предметом наших горячих споров с широкими социалистами[4]. Они глубоко анализировались и в газете «Работнически вестник», которую читал каждый болгарский коммунист.

Меня приняли в университет, и я был горд, услышав от

экзаменаторов — седовласых большевиков — добрые слова о нашей партии, о ее революционной твердости, принципиальной и непримиримой борьбе против войны, против всяких ревизионистов и социалпредателей, о ее защите Октябрьской революции, способности вести за собой трудящиеся массы, готовить их к революции…

3. ЭХО ИЗ ПЛЕВЕНА. ПЛЕВЕНСКОЕ ИЮНЬСКОЕ ВОССТАНИЕ — ПОДВИГ И ТРАГЕДИЯ

О военном фашистском перевороте 9 июня 1923 года мы узнали из сообщений в газетах. Передавая информации западных корреспондентов из Софии и Белграда, московские газеты лаконично сообщали: в Софии в результате переворота свергнуто правительство Стамболийского, к власти пришло правительство во главе с Александром Цанковым. Ничего больше.

В то время в Москве находилось примерно пятьдесят болгарских коммунистов — представителей нашей партии в Коминтерне, политэмигрантов, людей, посланных в Советскую Россию учиться в партийных школах. Известие о перевороте, которое миллионы читателей в Москве, возможно, оставили без внимания, — столько других важных событий происходило в мире, — нас, болгарских коммунистов, потрясло. В мгновение ока все другое потеряло значение — и учеба, и военные занятия, и партийная работа. Партия давно предвидела возможность переворота, считала его неизбежным и готовилась встретить его с оружием в руках; следовательно, думали мы, пробил час, когда на родине должен решиться вопрос о Советской власти!

В тот же вечер мы собрались в нашем представительстве в Коминтерне. Все были лихорадочно возбуждены, встревожены. Расспрашивали друг друга о новостях, комментировали лаконичные газетные информации, высказывали предположения о возможном ходе событий. Через некоторое время пришел и Васил Коларов. Благодаря занимаемому положению он имел возможность первым узнавать новости из Болгарии.

— Ничего больше не могу сказать вам, товарищи, — пожал плечами непривычно взволнованный Коларов. — Советские товарищи меня попросили написать статью о событиях в Болгарии, и я ее уже написал. (Эта статья была опубликована сначала в «Правде» от 11 июня, а потом и в «Известиях» от 12 июня 1923 года.) Но в ней не приводится никаких новых фактов. Разумеется, я не утверждаю, что наша партия подняла трудящиеся массы на борьбу против заговорщиков, осуществивших переворот, будь то в сотрудничестве с Земледельческим союзом или самостоятельно. Но заявляю, что только Коммунистическая партия способна, благодаря своему авторитету, поднять массы на борьбу за рабоче-крестьянское правительство.

— А эта борьба уже начата или нет? — спрашивали мы. — Что конкретно предпринял Центральный Комитет, чтобы оказать противодействие участникам переворота?

— Удалось ли им установить свою власть?

— Оказала ли сопротивление оранжевая гвардия?[5]

Возникали всевозможные вопросы, порождаемые сознанием огромной ответственности, которая легла на плечи всех коммунистов, на всю партию во главе с ее Центральным Комитетом.

Васил Коларов не мог дать ответ ни на один из этих вопросов. Он сам хотел узнать, что у нас происходит. 12 июня был созван пленум Исполнительного комитета Коминтерна, и Васил Коларов, как генеральный секретарь (он оставался и секретарем Болгарской коммунистической партии) должен был проинформировать руководящие органы братских партий о том, что предприняла и что намеревается предпринять БКП в предельно ясной обстановке наступления фашизма.

В то время Коларов поддерживал прямую радиосвязь с нашим Центральным Комитетом в Софии. Но и этот канал молчал, несмотря на настоятельные запросы. Это приводило нас в замешательство. Что произошло в Болгарии? А может быть, связь прервалась потому, что наши сражаются? Ведь всего несколько месяцев назад наша партия выступила с декларацией: реакция сможет совершить переворот, только перешагнув через трупы коммунистов. Это решение было принято, несмотря на споры с земледельческими властями. Неужели это были только слова? Но ведь в последние годы партия не раз мобилизовала массы на борьбу и демонстрировала свою реальную силу, способную предотвратить любую попытку переворота! Неужели она свернула знамена, закрыла глаза перед опасностью, угрожавшей не только земледельческому режиму, но и всем демократическим силам в стране, и в первую очередь Коммунистической партии?..

Долгая неизвестность выбивала из колеи. Вечером 14 июня, узнав, что пленум Коминтерна завершил работу, мы, несколько болгар, собрались на квартире Васила Коларова. Окна гостиницы «Люкс» были темны, только в кабинете Коларова всю ночь до зари горел свет. Там сидели Васил Каравасилев, Боян Болгаранов, Димитр Георгиев, Кузман Стойков, я и еще кое-какие товарищи, чьи имена я уже не помню.

— Произошло необъяснимое! — сказал Васил Коларов. — Центральный Комитет занял пассивную позицию в отношении переворота! Объявил нейтралитет, заявив, что это борьба между двумя буржуазными группировками — сельской и городской…

Мы были изумлены. Неужели произошло то, о чем каждый из

нас боялся думать?..

— И еще одно, — продолжал Коларов, посмотрев на меня н Каравасилева. — Сегодня мы узнали, что Плевенская организация подняла восстание. Но в результате вмешательства Центрального Комитета борьба была прекращена в момент, когда наши уже брали власть в свои руки…

Мы с Василом переглянулись, не зная, что делать — ликовать или скорбеть.

— Наши восстали! Ну и что? Расскажите!

Коларов рассказал о том, что ему передали по радио из Софии. Восстание в нашем крае вспыхнуло сначала в сельских местностях Плевенского округа, его возглавил министр земледелия Оббов, находившийся в то время в Плевене. (Оббов был родом из Плевена и жил в нашем квартале, в окрестностях города у него имелись дом и участок земли.) Восстание вспыхнуло и в самом городе, восставшие рабочие занимали один квартал за другим. Спрятанное в тайниках оружие было роздано коммунистам. Враг поголовно отступал, оставались считанные часы до его полной капитуляции. И именно тогда пришла роковая телеграмма из Софии: «Не принимайте участия ни на той, ни на другой стороне…» Коларов из Москвы сразу же послал телеграмму о поддержке Плевенского восстания.

— А потом?

Мы с Каравасилевым сидели как в воду опущенные.

— Центральный Комитет упорно стоит на своем. Плевенские коммунисты отступили с занятых позиций. После этого участники переворота сравнительно легко подавили выступление крестьянских масс, которые уже находились на подступах к городу…

Июньское восстание плевенских коммунистов явилось красноречивым свидетельством их революционной зрелости и боевой готовности. Поражение явилось результатом доктринерства и недальновидности руководства, которое оторвалось от масс. Восстание вспыхнуло не только в Плевене, но и в Карлово, Бяла-Слатине, Харманли, в районах Шумена и Варны.

Мы сидели в небольшом кабинете Васила Коларова, угнетенные нерадостными вестями. Сердца наши сжимались от мрачных предчувствий.

Васил Коларов тяжело переживал ошибки Центрального Комитета, однако он не потерял присутствия духа.

— Мне надо сообщить вам нечто важное, — начал он. — Июньское восстание потерпело неудачу, коммунисты добровольно уступили завоеванные позиции. Но оно показало,

что наша партия готова с оружием в руках не только защищать демократию в стране, но и сражаться за рабоче-крестьянскую власть. Нужно правильное руководство. В связи с этим я должен ехать в Болгарию.

При этих словах Коларова все встали. Мы понимали, что настало время для решительных действий.

— Вы все поедете со мной, — Коларов посмотрел на каждого из нас, словно проводил командирский смотр. — Поедут и другие наши товарищи, находящиеся в Москве и в других городах Советской России. Наши силы нужны на родине. Если мы позволим монархо-фашизму стабилизироваться сейчас, то завтра уже будет поздно: за сегодняшние ошибки завтра придется расплачиваться кровью…

Мы по-солдатски вытянулись.

— Готовьтесь. Послезавтра с первым поездом едем в Крым. Вам четверым, — Коларов повернулся к Каравасилеву, Бояну Болгаранову, Кузману Стойкову и Димитру Георгиеву, — незачем являться в Военную академию: я уже все уладил. И ты, Ванко, — Коларов повернулся ко мне, — не ходи в университет, товарищи уже предупреждены… Итак, горнист играет сигнал «в бой», — улыбнулся он. — Когда победим, продолжим учебу в наших, болгарских партийных университетах и академиях…

Васил Коларов вместе с Василом Каравасилевым и Бояном Болгарановым выехали 16 июня в Крым, через трое суток они оказались в Севастополе. Задание Каравасилеву и Болгаранову было определено еще в Москве: на родине они должны были применить на деле военные знания, полученные в академии, им поручалась военно-техническая подготовка восстания.

Из Севастополя группа Васила Коларова не сумела выехать немедленно: на море бушевал шторм, кроме того, Григор Чочев, руководитель севастопольской базы, осуществляющий связь между БКП и Коминтерном, должен был вызвать моторку с Одесской базы, которую возглавлял тогда Боян Папанчев. Несмотря на непогоду, в Севастополь прибыла моторная лодка «Спаситель», регулярно совершавшая рейсы через Черное море. Моторка принадлежала Гаврилу Ершову, ее капитаном был Иван Цариков, матросами — Николай Попов и трое жителей казачьего поселка, расположенного на берегу Гебедженского озера, неподалеку от Варны, мотористом — севастопольский житель Гриша; помощником моториста — варненский коммунист Борис Бончев. С ними отплывал и курьер Коминтерна Жечо Гюмюшев. Моторка была довольно большая — примерно двенадцать метров в длину, водоизмещением три тонны, — но экипаж просил

отложить путешествие на два-три дня из-за шторма. Васил Коларов был непреклонен — он хотел как можно скорее попасть в Болгарию, чтобы помочь товарищам исправить ошибки, которые могли привести партию к катастрофе…

Поздно ночью лодка отчалила от берега одной из севастопольских бухт. Когда она вышла в открытое море, Васил Коларов убедился в невозможности продолжать путь. Моторка пристала к берегу неподалеку от Херсонского маяка. Однако никто не сошел на берег, было решено немедленно тронуться в путь, как только море поутихнет. Отправились через сутки. Море все еще бушевало, но ждать больше было нельзя.

Плыли трое суток. Всех, кроме капитана моторки Царикова, свалила с ног морская болезнь; хуже всех переносили качку непривычные к морским путешествиям Васил Коларов, Каравасилев и Болгаранов. Но никто не падал духом. Несмотря на плохое самочувствие, Коларов работал: он готовился опровергнуть ошибочные взгляды Центрального Комитета, осудить неправильную позицию нейтралитета, помочь товарищам не только осознать свою ошибку, но и повести партию на вооруженное восстание за рабоче-крестьянскую власть…

Выполняя распоряжение Васила Коларова, я отплыл из Севастополя на моторной лодке. Мне поручили доставить на болгарский берег радиостанцию, необходимую для того, чтобы поддерживать связь между Варной и Севастополем, и оружие. Коларов обратился за помощью к советским товарищам и получил их согласие. Могла ли советская власть остаться безучастной к стремлению братского народа свергнуть монархо-фашистское иго!

В Севастополе все шло как по маслу. Григор Чочев, бывший руководитель варненской базы связи между БКП и Коминтерном, с которым в последующие годы мне предстояло заниматься конспиративной работой по доставке оружия, оказал мне действенную помощь. Товарищи прибыли вовремя, оружие было подобрано, упаковано и вместе с радиостанцией погружено в небольшой трюм, и поздней ночью моторка вышла в море.

После шторма, свирепствовавшего несколько дней назад, море лежало спокойное и тихое, казалось, оно отдыхало. До Варны в зависимости от погоды было от трех до пяти суток пути, нам же нужно было во что бы то ни стало попасть туда через трое суток.

Так и случилось. Моторка приблизилась к болгарскому берегу после обеда, но дождалась ночи в открытом море — приходилось соблюдать все меры предосторожности. Мы остерегались как патрульных моторок пограничных властей, так и

рыбачьих лодок. Среди рыбаков могли быть агенты.

Управляемая опытной рукой, наша лодка обошла Варненский залив, завернула за мыс с маяком и вскоре скрылась в тени высокого берега. Вскоре ее нос уперся в прибрежный песок.

Как было уговорено с Василом Коларовым, нас ждали сотрудники Варненской организации. С одним из них, Благоем Касабовым, я был знаком. Мы по-братски обнялись.

— А товарищи прибыли? — спросил я Касабова, имея ввиду группу Коларова.

— Прибыли. Из-за шторма чуть не погибли в море…

— А лодка?

— Вернулась обратно. На ней несколько наших товарищей, которых преследует полиция.

Это были революционер из Добруджи Михаил Видов и ею жена, Михаил Лазаров и Христо Генчев, о котором я скажу позже.

— Мне необходимо повидаться с Василом Коларовым.

— Он предупредил нас об этом…

Варненские товарищи и мои спутники занялись разгрузкой, а мы с Касабовым отправились в город. Поднявшись наверх, на скалу, мы направились к лесу, где на дороге нас ждала телега. Возница, видимо, знал свое дело, как только мы сели, он поехал, не дожидаясь указаний.

— Касабов, а как же моторка? — спросил я. — Вдруг ее обнаружат пограничные власти?

Я беспокоился, зная, что летом рано светает.

— Все предусмотрено, брат, — успокоил меня Касабов. — Ее разгрузят и она еще ночью выйдет в море. К вечеру вернется снова. Так будет, пока она не уйдет в рейс…

Я не стал спрашивать, кого еще ждет моторка и почему не отплывает сразу, — об этом позаботятся другие люди. Они знают свое дело.

Варна была очень тихой, казалось, будто в городе все вымерло. Только в порту скрипели корабельные лебедки, раздавались гудки маневровых паровозов. Немыми казались и казармы над городом. Военные, заручившись поддержкой реакционных буржуазных партий, сделали свое черное дело и временно вложили шашки в ножны, чтобы завтра пустить их в ход с еще большей злобой и ожесточением.

Телега проехала мимо лагеря русских у Карантина и остановилась на окраине города. Потом возница поехал в сторону рабочих кварталов, а мы с Касабовым пешком отправились к центру города. Мы остановились в тени дерева на маленькой тихой улочке у Приморского парка. Улочка, как и весь город, была безлюдной. Выйдя из тени дерева, Касабов толкнул

железную калитку большого красивого дома. «Куда он меня ведет?» — подумал я.

Касабов легонько постучал в угловое окно — одна из дверей бесшумно отворилась. Мы вошли и в следующий миг в прихожей зажегся свет. Незнакомая красивая женщина с приветливой улыбкой пригласила нас в дом.

Этот особняк принадлежал видному варненскому адвокату, коммунисту Георгию Желязкову, а женщина, встретившая нас, была его жена Вера.

В одной из внутренних комнат за большим столом сидели Васил Коларов, Никола Пенев — член ЦК БКП и заведующий международными связями партии, Гено Петров Гюмюшев — брат Жечо Гюмюшева, коммунист и профсоюзный деятель, Димитр Попов — руководитель Варненской окружной организации, Димитр Кондов — председатель Варненской коммуны, Васил Каравасилев и хозяин дома Георгий Желязков. Окна были задернуты шторами и тяжелыми бархатными портьерами. Облака табачного дыма окутывали сидящих за столом — красноречивое свидетельство того, что заседание началось давно.

— Первое задание выполнено, товарищ Коларов! — бодро доложил я, тепло поздоровавшись со всеми. — Лодка с грузом и людьми уже здесь.

— Если бы и дальше все шло так, как до сих пор! — улыбнулся Васил Коларов воспаленными от бессонницы глазами.

Я коротко рассказал о проделанной работе. Потом, когда Димитр Попов, Кондов, Гено Петров и Никола Пенев один за другим тихо выбрались из квартиры и скрылись в темноте, Васил Коларов, обратившись ко мне, сказал:

— Вернешься обратно. На той же самой моторке. Мы попросили советских товарищей помочь нам оружием. Тебе поручается задача доставить это оружие в Варну. Варненская организация располагает известным количеством винтовок, гранат, пистолетов и патронов. Но этого мало. Другие организации тоже нуждаются в оружии. На стороне участников переворота государственный аппарат, полиция, армия, офицеры запаса, государства Антанты… Силе нужно противопоставить силу…

Я ни о чем не спрашивал. Революционер не имеет права выбора: он обязан находиться там, где нужна его помощь.

Прежде чем отплыть на моторке обратно, я попросил Каравасилева рассказать подробнее о восстании в Плевенском крае.

Васил обрисовал мне картину подвига народа и поражения.

…Крестьянские массы в нашем крае восстали еще вечером 9

июня под руководством Цоню Матева и майора Георгия Кочева. Их насчитывалось более двадцати тысяч — эта внушительная сила двигалась к городу со всех сторон. Но повстанцы были слабо вооружены: кроме охотничьих ружей, припрятанных после Солдатского восстания карабинов, вил и дубинок, у них ничего не было.

— Так ведь оружие было в их руках!

Оружие принадлежало власти, а власть находилась в руках Земледельческого союза. Но в момент нанесения удара военные не подпустили представителей гражданской власти и близко к военным складам. А оружие, спрятанное в тайниках, оказалось без затворов…

Плевенская партийная организация вышла на баррикады хорошо вооруженной, собранной, дисциплинированной, готовой осуществить планы повстанческого штаба.

Штаб состоял из трех человек — Асена Халачева, Ивана Зонкова, Христо Градинарова. В восстании участвовала вся Плевенская организация, весь ее актив вместе с женами.

В день переворота фашисты не встретили никакого сопротивления со стороны местных властей в городе, быстро заняли все полицейские участки, общественные заведения, главные улицы и площади. К обеду, почувствовав, что их положение стабилизировалось, они начали сосредотачивать на стратегических пунктах города группы из буржуазных сынков своих приспешников и всевозможного сброда, почуявшего добычу. Воинские части целиком перешли на сторону участников переворота. Офицеры запаса из сговористов взяли на себя командование карательными отрядами и хозяйничали в городе. В окрестностях Плевена были установлены станковые пулеметы, готовые по приказу стрелять в народ. Новая власть насильно мобилизовала граждан, далеких от политики. По улицам города расхаживали усиленные патрули.

«Сговористы» нервничали, потому что крестьянские массы готовились атаковать город. Наши спешно послали своих людей в села, чтобы установить контакт с руководством земледельческих организаций, договориться о взаимодействии. Курьеры получили задание поднять на ноги партийные сельские организации в Быркачево, Пордиме, Старосельцах, Вылчи-Трыне, Ясене и др. Это им удалось. Так в Плевене на практике осуществилось создание единого фронта коммунистов и земледельцев.

Участники переворота не только укрепили стратегические подступы к городу. Поняв, что самые мощные силы сопротивления, в лице коммунистов, в сущности, находятся в городе, они начали арестовывать активистов, не смея, однако,

посягнуть на руководителей — тогда бы им пришлось одновременно действовать на два фронта.

В первый день переворота 9 июня буржуазия располагала более чем 1200 мобилизованных, не считая 4-го пехотного полка в городе (полк был сведен до численности батальона, согласно параграфам мирного договора) — 450 вооруженных до зубов приверженцев, рота тяжелых пулеметов и неограниченное количество боеприпасов. Участники переворота вывезли тяжелое орудие из Скобелевского парка и установили его на позиции в районе площади Свободы, у мавзолея. Очевидно, у них не хватило времени на то, чтобы перебросить артиллерию из Севлиево.

Восстание в городе началось рано утром 11 июня призывным набатом церковных колоколов. Местное руководство коммунистической партии не было единым. Большая его часть вместе с секретарем Василом Табачкиным настаивала на том, что нужно дождаться указаний ЦК, однако рядовые коммунисты оказались едины в своей решимости бороться против фашистских узурпаторов.

Первым восстал Девятый квартал, выступили плевенские коммунисты. Штаб находился в общине. Плевен был еще коммуной! Боевой отряд молодых спартаковцев под командованием нашего учителя физкультуры и пулеметчика Александра Александрова занял позицию под Кованлыком, где уже развевалось красное знамя. Второй отряд под командованием Павла Ламбова залег в Скобелевском парке неподалеку от главного входа. Тут находился и Асен Нанов. Этот отряд располагал двумя пулеметами, доставленными из наших тайников. Пулеметный огонь сеял панику в рядах карателей, пытавшихся атаковать их со стороны города.

Перед штабом Девятого квартала собралось примерно четыреста вооруженных повстанцев. Тут находился и военный руководитель квартала Кольо Венков, надевший офицерскую форму. Квартал находился в наших руках, все оружие, обнаруженное в домах сговористов, было изъято. Коммунисты в любой момент были готовы двинуться к казармам, чтобы, соединившись с силами остальных кварталов, овладеть последними опорными пунктами врага…

На линии огня были и женщины Девятого квартала, в том числе Радка Качармазова, Н. Стефанова, сшившая красное знамя; Пенка Цветанова, раздававшая оружие и боеприпасы; Мара Бешева, с крохотной дочуркой Верой на руках, разносившая городским отрядам указания штаба, спрятанные в пеленках.

Восстание развивалось успешно и в Четвертом квартале, где

Атанас Гырков с товарищами обезоружил несколько военных патрулей. Стихийно восстали и другие кварталы. В ходе борьбы повстанцы получили дополнительное количество пистолетов «маузер», изъятых у обезоруженных патрулей, в полицейских участках, на складах.

И когда вооруженные повстанцы, численностью до двух тысяч, уже готовились занять казармы пехотного полка, околийское управление, телеграфно-почтовую станцию и взять власть в свои руки, пришло роковое распоряжение о нейтралитете… Этому приказу подчинились и члены штаба, которых участники переворота обманным путем арестовали и отвели в казарму.

Дальше события развивались трагически.

Еще 11 июня ночью «сговористы», получив подкрепления из Софии (несколько рот солдат, вооруженных артиллерией) и Врацы (весь Врачанский гарнизон), разгромили отряды крестьян под Гривицей, которыми командовал майор Георгий Кочев, под селами Ясен и Долна-Митрополия, которыми командовал Цоню Матев, и в районе сел Горни- и Долни-Дыбник, которыми командовали Пеню Симеонов, Мачо Пепеля и секретарь Дыбникской организации Илия Бешков, будущий известный карикатурист, народный художник. Плечом к плечу с земледельцами сражались коммунисты ряда сельских организаций; им не была известна позиция Центрального Комитета, а их классовый инстинкт безошибочно подсказывал: враг общий, общей должна быть и борьба… Крестьянские массы были слабо вооружены: они обнаружили в тупике на железнодорожной станции Долни-Дыбник вагон с оружием, но винтовки оказались без патронов; орудия захваченной в селе Мечка артиллерийской батареи оказались без замков (военные отвезли их в Плевен); на железнодорожной станции Гаврене (Милковица) были захвачены два вагона с винтовками без затворов.

Через некоторое время николско-свиштовская пограничная рота поручика Ганева открыла по восставшему народу огонь с тыла: царский офицер пришел на помощь участникам переворота — классовый долг взял верх над долгом перед нацией…

Поражение становилось неизбежным.

Аресты начались 12 июня. Повстанцев-коммунистов и земледельцев бросили в подземелье и нижние этажи плевенской казармы. Вместе с теми, кто возглавил восстание, были арестованы и многие военные руководители и активисты кварталов.

На пятый или шестой день после арестов, после продолжительных мучений «при попытке к бегству» был убит Асен Халачев. Зверски истязали и остальных заключенных.

Восстание, к которому Плевенская партийная организация готовилась так упорно, настойчиво, дисциплинированно, потерпело поражение вследствие ошибки центрального руководства. Борису Хаджисотирову и остальным коммунистам-адвокатам удалось взять арестованных под «защиту закона» и спасти многих из них от смерти. Но плевенская организация — одна из самых многочисленных и сплоченных в стране — понесла большой урон, прошло немало времени прежде чем она смогла встать на ноги и поднять красное знамя борьбы, пропитанное кровью своего достойного члена — Асена Халачева.

Васил Каравасилев остался в Варне по приказу Васила Коларова для руководства подготовкой восстания в Варненской организации. В глубь страны отправился Боян Болгаранов, на которого Центральный Комитет возложил ответственные партийные задачи. В ближайшие дни из Советской России прибыли Кузман Стойков, Димитр Георгиев и еще несколько испытанных коммунистов для участия в подготовке восстания.

Васил Каравасилев мне сообщил, что после разгрома плевенского восстания в Варну приехали руководители плевенских коммунистов Павел Ламбов, Георгий Павлов и Атанас Линков, которые были вынуждены уйти в подполье. Предоставив себя в распоряжение Варненского окружного комитета, эти трое товарищей приняли непосредственное участие как в подготовке, так и в проведении Сентябрьского восстания в округе, а после его поражения вместе с Каравасилевым эмигрировали из Болгарии.

…Поздно ночью наша моторка легла в обратный курс. Я простился с Каравасилевым, на сердце у меня лежал камень. Родной город, боевые товарищи попали в беду. Единственным утешением служила мысль, что настоящий бой еще не окончен, что в ближайшие месяцы вся партия, все организации страны поднимутся единодушно, под общим руководством на бескомпромиссную классовую битву, и все муки будут стократно искуплены торжеством победы.

4. ОРУЖИЕ — МОРЕМ

Август 1924 года, Севастополь.

Уже больше года мы переправляем оружие морем. До начала Сентябрьского восстания нам удалось переправить несколько лодок с оружием, которое товарищи из Варненской и Бургасской организаций принимали и распределяли в округе и по всей стране. Позже, когда восстание вспыхнуло и было подавлено, мы временно прекратили наши тайные рейсы. Нужно было разобраться, жива ли партия после жестокой расправы. Вести с родины приходили печальные, но обнадеживающие.

Партия болгарских коммунистов выдержала страшное испытание. Руководимая боевым Центральным Комитетом во главе с Василом Коларовым и Георгием Димитровым, она подняла первое в Европе вооруженное восстание против наступающего фашизма. Ей не удалось победить — враг был сильный, коварный, свирепый; но партия уцелела, накопила опыт, извлекла урок, воспитала тысячи борцов, которые знали, под чьим знаменем сражаться.

Продолжалась подготовка к новому восстанию. Разбитые партийные организации во всей стране залечивали раны, боевые группы — пятерки и десятки — проводили занятия с необученными, устраивали тайники, создавали сеть боевой организации. Никто не сомневался, что знамена, спасенные во время разгрома восстания, будут развеваться вновь. Требовалось оружие. Много оружия. Не то могли повториться печальные события сентября двадцать третьего года. Политэмигранты, которым удалось найти убежище в Югославии, возвращались в родные места, восстанавливали местные организации, прятали оружие в горах, чтобы быть готовыми, когда пробьет час.

Они из Югославии, а мы — с моря.

Молодая республика Советов, совсем недавно отбившая удары белогвардейцев и всевозможных интервентов, защищавшая свое право на жизнь, вставшая на ноги, протянула руку помощи нашему народу, выделила оружие. Осмотрев его, я чуть не вскрикнул от удивления. Это было оружие, отобранное у разбитых белогвардейских армий Деникина и Врангеля. То самое, которое государства Антанты изъяли у нашей армии в соответствии с мирным договором и, вместо того чтобы его переплавить, уничтожить или потопить в море, как того требовал договор, отправили контрреволюции; то самое оружие, которое перевозилось в запломбированных вагонах: я узнал ящики. Части его теперь суждено вернуться туда, откуда оно было вывезено

господами, которые надеялись спасти обреченный мир. Попадалось также новое английское, французское, немецкое, чехословацкое оружие, взятое в качестве трофеев после разгрома интервентов.

С помощью советских товарищей мы спешно организовали небольшую столярную мастерскую. Под моим руководством (благо я был когда-то столяром) опытные мастера принялись изготовлять деревянные ящики для упаковки оружия. Используя как образцы случайно уцелевшие фабричные ящики, в которых оружие было доставлено сюда, мы смастерили несколько сотен новых четырех или пяти видов — для винтовок, пистолетов, пулеметов, гранат и патронов. Ящики нужно было делать с расчетом, чтобы один ящик могли без труда поднять и перенести два человека. Для большего удобства к ним приделывались по две веревочные петли.

Разумеется, мастерская работала в строжайшей тайне. Никто, кроме соответствующих органов, не должен был знать, что в ней изготовляется и для чего: Севастополь, один из важных военно-морских портов и стратегических центров Советской России, находился под прицелом империалистических разведок, можно было ожидать, что там действуют шпионы.

В нашу задачу входили также пристрелка, технический осмотр и смазка оружия, мы строго следили, чтобы оно было в абсолютной исправности.

Мы отправили десять парусников, груженных винтовками, пулеметами, револьверами, боеприпасами; пулеметы были тяжелые — марки «Шварц-Лозе» (немецкие) и легкие — марки «Льюис» (английские); гранаты главным образом французские, то же самое можно сказать и о большой части винтовок, а револьверы — типа «наган».

В дождливую ночь мы отправились на пристань. Было лето, но погода стояла холодная, с моря дул пронизывающий сырой ветер.

Пристань была безлюдна. Малые и большие корабли, всевозможные парусники, яхты и лодки застыли неподвижно у бетонных причалов. Не видно ни моряков, ни портовых грузчиков, ни служащих центральных торговых складов. Только часовые и парные патрули, подобно призракам, возникающие из густого утреннего сумрака, ровным шагом проходят вдоль военных кораблей и направляются дальше к запретной зоне.

Мы вступили на маленький мостик, переброшенный между причалом и парусниками. Из небольшой каюты показался владелец небольшого парусного судна.

— Доброе утро, — приветствовали мы его. — Все ли готово?

— Готово, — доложил лодочник, спокойно глядя нам в глаза. Потом, кивнув головой в сторону моря, сказал: — Не нравится мне. И ветер, и небо…

— И нам тоже, — покачал я головой в знак полного с ним согласия. — Но ты ведь знаешь, надо.

Говорил только я. Остальные молчали, и старый лодочник, видевший их в первый раз, не обратил на них внимания. Старый морской волк. Однажды я уже плавал с ним к нашим берегам и имел возможность оценить его качества по достоинству — непреклонный, сообразительный. На паруснике все подчинялись ему беспрекословно. И не зря.

Лодочник вызвал из палубной каюты трех помощников.

— Ты, и один из твоих людей останетесь здесь, с нами, — сказал я, указав на товарищей. — Мы пойдем на большой лодке первыми. На второй пойдет вон он, — я положил руку на плечо Христо Генчева, — с двумя твоими помощниками. Они будут следовать за нами в километре.

Старик кивнул головой, тихим голосом приказал что-то своим людям, и те ловко перескочили в меньшую лодку, стоявшую борт о борт с большой. К ним перебрался и Христо. Христо Генчев был родом из города Пирдопа, после 9 июня он эмигрировал в Советскую Россию и целиком посвятил себя деятельности по обеспечению зарубежных связей партии; это была третья наша совместная поездка. Он оказывал мне большую помощь. Прекрасный товарищ. Мы не попрощались. В этом не было необходимости. Тем более что мы договорились: лодки будут держаться одна другой, чтобы можно было в случае бедствия рассчитывать на помощь.

…Берег давно слился с северным горизонтом, солнце сияло в чистом летнем небе. Курс определен точно, мотор стучит ритмично, питания и топлива запасено на оба конца. Парусник наш выглядит как при «нормальном» контрабандистском набеге к запретному берегу.

Прежде чем погрузить последние ящики с оружием я забираюсь в трюм и укладываю там взрывчатку, она может понадобиться: в случае нежелательной встречи придется топить лодку. Разумеется, лодочники об этом не подозревали.

Я проверил исправность двух станковых пулеметов — на носу и на корме, — прикрытых канатами и парусами.

— А зачем два? Ведь только ты один разбираешься в пулеметах, — заметил один из моих спутников.

— Чтобы не менять ленты. Я буду располагать фактически двумя пулеметными лентами. Кроме того, один пулемет нужен для атаки, а второй — обороняться в случае отступления…

Мы знали (и опыт это подтвердил), что в этих водах можно встретить только «мелких хищников» — парусник контрабандистов или белогвардейскую моторку из тех, что в последнее время доставляли на советский берег из Болгарии и Румынии оружие, деньги, контрреволюционную литературу. Два «максима» — на носу и на корме — очень грозное оружие.

Первой нашей заботой было сократить расстояние между парусниками. Потом мы спустились в трюм осмотреть ящики: при сильном волнении неравномерное распределение груза могло погубить парусник. Мы помогли старику и его помощнику привести все в порядок. Избежать встречи с бурей было невозможно — она надвигалась. Небо на юго-востоке устрашающе потемнело, далекие молнии сверкали, как огненные мечи. Шторм пока бушевал где-то позади и в стороне от нас, но примерно через час он должен был настигнуть парусник, и тогда оставалось только уповать на милость бога, как выразился лодочник.

Покончив с приготовлениями, мы укрылись в каюте. Старые доски борта скрипели, их скрипы напоминали стоны.

В каюте вдруг стало темно, страшный, как будто донесшийся из подводных глубин, треск заполнил пространство между водой и небом. Парусник очутился в объятиях бури. Старый лодочник свернул паруса, и это было последним актом его сопротивления. Он и его помощник опустились на колени и принялись бить поклоны. Пришлось строго прикрикнуть на них, чтобы вывести их из состояния транса. Нужно было во что бы то ни стало удержать нос парусника против волн: неожиданно обрушившись с боку, они могли разбить его в щепки.

Мы боролись со штормом, следя, чтобы нас не смыло за борт, тогда уже нечего надеяться на спасение. Грозовые облака сгустились, опустились низко над морем и стали черными. Казалось, вдруг настала ночь. Второй парусник исчез из вида. Что с ним?

…Море продолжало бушевать и на следующий день. Случайно, каким-то чудом мы обнаружили второй парусник и решили искать убежища в ближайшей турецкой гавани. Другого выхода не было. Мы могли выдать себя за турецких рыбаков, чью лодку унесло в открытое море бурей. Рискованно? Не очень: у нас троих были турецкие паспорта, я говорил по-турецки, а Христо Генчев и остальные товарищи могли не показываться из трюма. Если портовые власти что-либо заподозрят, нужно было предложить взятку, а в крайнем случае придется взорвать лодку, а потом пешком пробираться в Страндж[6]. Городок, к которому мы приближались ощупью, находился вблизи гор…

В гавани укрылись десятки лодок, парусников, небольших

грузовых пароходов. Большинство из них — наши собратья по несчастью. Застигнутые бурей в открытом море, они бросили якорь, чтобы найти спасение от шторма, дать себе передышку, устранить повреждения, осмотреть двигатели, пополнить запасы горючего, воды и продовольствия. Одновременно с нами в залив вошло еще несколько лодок; никем не замеченные, мы бросили якорь. Никто не пришел проверить, кто мы такие и откуда. Через два дня, когда шторм утих, мы покинули порт.

Пока все шло хорошо. Но меня не покидало беспокойство. Товарищей из Варны предупредили по радио о нашем рейсе, они знали примерно, когда мы прибудем. Благой Касабов должен был немедленно отправить людей в Бургас, чтобы сообщить о нашем прибытии местной партийной организации. Шторм задержал нас в пути. В подобном случае товарищи обычно ждут еще несколько дней. Поступят ли они так и на сей раз? Ведь теперь встреча должна состояться севернее Бургаса, в районе Несебра.

У меня было еще одно основание тревожиться. С месяц назад, во время очередного рейса, случилась неприятность. Не провал. Авария. Не в море, а на самом берегу. Около полуночи, когда мы на парусах приблизились к берегу (чтобы не привлекать внимания пограничных патрулей) и вошли в небольшой залив, лодочник решил завести мотор — хотел убавить скорость, не то парусник могло вынести прямо на скалы. Это ему не удалось и мы налетели на подводную скалу. Нос парусника задрался кверху, груз скатился к корме, суденышко накренилось и чуть не перевернулось. Мы оказались в тяжелом положении. Правда, до берега оставалось с десяток шагов, и для нас не составляло большого труда выбраться на сушу. Но как быть с парусником? Пограничные патрули обнаружат его непременно. Что тогда?

Мы (Жечо Гюмюшев, я и Христо Кукумявков, который перевозил почту, адресованную БКП) сошли на берег. Обсудили, что нам делать. На берегу нас ждал Тодор Димов из Варненской организации. Напрасно лодочник призывал на помощь бога и ругал сатану: вытащить парусник на берег не удавалось. Потопить его тоже было невозможно — кругом мелководье. Оставался единственный выход: разгрузив, уничтожить все, что могло бы подсказать властям, кому принадлежит парусник. В конце концов, в море и у побережья нередко терпели аварии как наши, так и иностранные суда…

Сделали так, как решили. За несколько часов напряженной работы, в которую включились все, нам удалось разгрузить ящики с оружием, после этого мы самым тщательным образом уничтожили на паруснике все, что могло выдать его

принадлежность. Потом мы перенесли оружие во временный тайник — естественную пещеру в скалах в тридцати шагах от берега. Нам удалось управиться до наступления рассвета. Тайник оказался отлично замаскированным. Рыбацкие лодки в этот залив не заходили. Глубокий прибрежный овраг густо оброс лесом, ежевикой и всевозможными кустами. Он казался почти неприступным и находился вдали от пешеходных троп.

Мы осмотрели все тщательным образом, еще раз «прощупали» парусник и, успокоившись, сошли на берег. Кукумявков с тремя лодочниками остались в лесу для наблюдения, а я, Жечо Гюмюшев и Тодор Димов отправились в Варну.

Варненской окружной военной организацией в то время руководил Благой Касабов (Васил Каравасилев вскоре после Сентябрьского восстания эмигрировал). руководителем Варненской партийной военной области, в которую входили Русе, Шумен, Тырговиште, Попово, Разград, Варна, был член Политбюро ЦК БКП Боян Болгаранов.

Он распорядился срочно перенести оружие из временного тайника на постоянный склад.

Постоянный склад отстоял от временного почти на три километра. Он находился выше леса, рядом с участком Димитра Стойчева Участок этот был куплен на средства партии, его владелец был надежным человеком. В лесу, у самого огорода, выкопали глубокое укрытие, члены военной организации ночью перенесли туда ящики с оружием. Но и на этом складе оружие долго не задерживалось: по приказу из Софии люди из различных организаций страны приезжали на близлежащие станции, чтобы получить выделенное для них количество винтовок, пистолетов, гранат.

Вся работа была отлично продумана, военная организация при областном и окружном комитетах работала энергично, четко, с большим размахом. Наши лодки часто причаливали в устье реки Камчия и заливах Золотые Пески и Кранево. В те годы граница с Румынией проходила около Кранево, и берег севернее Варны тщательно охранялся. В устье Камчии нас обычно встречали гребные лодки липован. Эти кроткие, безобидные люди, промышлявшие рыболовством, подвергавшиеся в царской России гонениям за свою веру, оказались надежными помощниками. Они делали свое дело без шума, без позы, без всякой корысти…

…Оружие было переправлено на постоянный склад всего за две ночи. (В других случаях перевозка ящиков с драгоценным грузом по трехкилометровому пути от берега до бахчи охранялась

верными людьми, но на этот раз охраны не было.) Все делалось бесшумно, тихо, и все бы кончилось благополучно, если бы не роковая случайность… Один из товарищей, участвовавших в разгрузке оружия с парусника, варненский коммунист Тодор Димов, потерял удостоверение личности. Потерял его на берегу, неподалеку от временного тайника…

Военные, заметив парусник, в тот же день занялись проверкой: им показалось подозрительным то обстоятельство, что поблизости не было видно людей. Они обследовали берег и нашли удостоверение личности. Десять дней спустя начались аресты…

Пока мы находились в Варне, Тодор Димов не был арестован, но варненские товарищи не на шутку тревожились…

Закончив свою работу в Варне, мы отправились в обратный путь. Без Жечо. Ему предстояло по заданию партии ехать в Софию. Мы обратились за помощью к липованам, живущим в селе Свети-Влас, неподалеку от Несебра. Нас сопровождал товарищ из Варненской организации, поддерживавший связь с ними. Тут состоялась встреча с бургасским окружным военным организатором Янко Андоновым и руководителем Сентябрьского восстания в Карабунаре Тодором Грудовым. Оба товарища просили оружия.

Липованы не теряли зря времени, в ту же ночь лодка отошла от берега и в открытом море подняла паруса. Ветер был попутный, и мы добрались до Севастополя за двое, а не за трое суток. Советские товарищи не верили своим глазам. «На такой лодке — через море! Да ведь эта скорлупка при самом слабом волнении пойдет ко дну!» Не знаю, были ли они правы. Липованы не вступали в излишние споры: улыбающиеся и спокойные, только качали головами. Не пожелав отдохнуть, они немедленно отправились в обратный путь. Денег они не брали, да и вряд ли можно было деньгами оплатить их преданность; могли взять продукты, какую-нибудь одежду, одеяло, кусок кожи…

В Севастополе я немедленно доложил о беде, постигшей парусник. Весть о провале туда еще не дошла. На всякий случай мы решили в следующий раз доставить оружие южнее, в залив, расположенный севернее Несебра. Мы доставляли оружие и туда, правда, редко. Товарищи из Бургасской окружной организации создали там тайный склад, из которого оружие вывозили в глубь страны. Радиосвязь с Варной была восстановлена, и спустя несколько дней два парусника, на которых находились Христо Генчев и я, пустились в путь.

…Все это и было причиной моей тревоги.

Ночью, темной, непроглядной, мы прошли в стороне от

Бургасского залива, Поморий и Несебра и остановились напротив маяка на мысе Эмине. Подождали немного и к полуночи, выключив моторы, пошли на парусах по направлению к северному Несебрскому заливу. Теперь там находится Солнечный Берег — один из самых красивых курортов нашего Черноморья, где отдыхают сотни тысяч болгар и иностранцев. Тогда же залив выглядел диким, безлюдным, пустынным. Я стоял на носу большого парусника, шедшего впереди, и всматривался в бинокль в черную полосу берега. Там, где залив упирался в молчаливые дюны, должны были появиться вспыхивающие через определенные интервалы огоньки, то был условный сигнал сотрудников военной организации. На нашем берегу ночь была довольно светлая, лунная.

Когда парусник уже вошел в залив, я увидел в бинокль сигнал. Огонек карманного фонарика загорался и гас.

Мы ответили и, когда товарищи с берега подтвердили, что наш сигнал принят, спустили две шлюпки с оружием. Команды были излишни, все работали четко. Первая шлюпка с Христо Генчевым и одним лодочником отделилась от борта и направилась к берегу. Через полчаса она вернулась. Вторая шлюпка, уже нагруженная, тронулась без промедления. В ней находились я и еще один товарищ. На весла сел старый лодочник.

Несколько пар сильных рук помогло нам сойти на берег, и мы попали в объятия товарищей. Большинство из них были мне знакомы — они уже встречали меня здесь несколько раз.

Разгрузка оружия продолжалась всю ночь. Мы успели разгрузить только меньший парусник. Почти все оружие было выведено в тайные укрытия, приготовленные в горах, а несколько ящиков с пистолетами, гранатами, винтовками и патронами были наспех укрыты в прибрежных кустах. Большой парусник пришлось разгружать в следующую ночь. До наступления рассвета мы ушли в открытое море.

Дождавшись ночи, подплыли к берегу.

Выключив моторы, мы медленно углублялись в залив. Световых сигналов на этот раз нам не подавали, я и не ждал их, с товарищами мы договорились обо всем.

Через считанные минуты первая шлюпка вместе с Христо Генчевым отплыла к берегу. Вторую, которую мы тотчас же начали нагружать, решил повести я сам.

Но тут как раз и случилось несчастье…

Минута, две, пять — первая шлюпка уже должна подойти к берегу и начать разгрузку. Я не смотрю на берег — все равно ничего не увидишь — луна еще не взошла. Напряженно прислушиваюсь. Тишина.

И вдруг эту тишину расколол залп. Винтовочный залп раздался с юга, от перешейка, соединяющего Несебр с берегом. Стреляли не в нас. По всей вероятности, обстреливали шлюпку. Через мгновение раздался второй залп, на этот раз с северной стороны залива. Потом стрельба участилась, зажглись осветительные ракеты.

Провал. Ясно, это была засада. Нас ждали. Враги знали о месте встречи и поджидали нас с оружием.

Лодочник подошел ко мне. Несмотря на внутреннее напряжение, он сохранял полное самообладание — стреляный волк.

— Надо поднять на борт вторую шлюпку и уходить, пока нас не обнаружили, — предложил он.

— Шлюпку поднимем, — согласился я. — Но подождем первую лодку. Если ее не захватили, она вернется.

Мы принялись лихорадочно грузить оружие обратно на парусник, потом подняли на борт нашу шлюпку. Ждем. Текут мучительные минуты. Что случилось с нашими товарищами? Неужели их схватили? Если нас обнаружили, то враг устроил засаду не только с обеих сторон залива, но и на берегу, на месте предполагавшейся встречи… Мы ждем еще немного. Снова ружейные залпы, вспышка ракет, неясные крики со стороны берега. Мы ничем не можем помочь нашим. Если бы их шлюпка была привязана канатом, как это было сделано прошлой ночью, мы попытались бы подтянуть ее к паруснику. Но вчера в залив входил меньший парусник, он мог плавать и по мелководью, а большой парусник оседает глубоко, он должен держаться примерно в полкилометре от берега, небольшой же шлюпке не под силу тянуть за собой такой длинный канат…

Убедившись, что шлюпка не вернется, я приказал старику:

— Запускай мотор! Тихий задний ход!

Приказал, а сам бросился на корму. Снял чехол с пулемета и открыл огонь. Первая моя цель — засада в южной части залива у перешейка. Парусник, ускоряя ход, направлялся к выходу из залива. Оставшуюся половину пулеметной ленты я израсходовал на южное крыло засады, а затем дал пару очередей по северному.

Я обстреливал места, где замечал огоньки ружейных выстрелов. После моего вмешательства там быстро прекратили стрельбу. Может, это спасет моих товарищей от пуль? Я прекратил огонь и стал готовить второй пулемет: возможно, враги устроили засаду со стороны моря. У выхода из залива мы остановились на несколько минут: я допускал почти невозможное: вдруг Христо Генчеву все же удалось вырваться. Когда надежды на это не осталось, парусник покинул залив.

Мы дали полный ход, подняли паруса и понеслись в открытое море — туда, где нас ждал меньший парусник.

В море все спокойно. Но что случилось с товарищами?

Ждать было бессмысленно. Логично было допустить, что после пулеметного обстрела в погоню за нами выйдут моторки морской полиции.

Мы взяли курс на север, к Крыму.

О том, что произошло тогда в заливе, мы узнали от Жечо Гюмюшева, который вскоре после этого появился в Севастополе. Нас обнаружили в результате чистой случайности. Трое молодых людей, отдыхавших в Несебре, решили совершить «романтическую прогулку» вдоль берега до Обзора. Они натолкнулись на спрятанные в прибрежных кустах ящики. Молодые люди не знали, что в них находится, открыть ящики голыми руками, без лома, было невозможно. Они решили, что это контрабандный товар — в те годы Черное море являлось районом оживленной контрабандной деятельности — и сообщили о своей находке пограничному посту.

В дальнейшем события развивались молниеносно. Морская полиция забрала оружие и устроила засады в трех местах вдоль берега: на месте, где нашли оружие, и по обе стороны залива. Полиция рассуждала логично: владельцы ящиков не бросят их на произвол судьбы на берегу. Остальное читателю уже известно.

Какое количество оружия попало в руки врага, я смог выяснить только после победы из служебного протокола, подшитого к делу. Согласно протоколу, морская полицейская служба обнаружила: один тяжелый пулемет «Шварц-Лозе» (немецкий) с 12 лентами; восемь легких пулеметов «Льюис» (английских) с 150 лентами; 95 винтовок с 5760 патронами; 21 600 патронов для французских карабинов; 150 револьверов «наган» с 40 500 патронами; 879 гранат — французских с соответствующими взрывателями.

А что стало с Христо Генчевым и остальными?

Полиция схватила товарищей, которые ожидали нас на берегу (с ними был и рыбак Алеша), дождалась шлюпки, на которой отплыл Христо. Солдаты из засады открыли огонь до того, как лодка достигла берега. Это дало возможность Христо и лодочнику выбросить сундуки с оружием в море. Во время обстрела Христо ранило в ногу.

Процесс по делу товарищей из Варны (некоторые из них являлись членами Бургасской организации) был крупный и шумный. Наши неудачи не кончились изъятием оружия, обнаруженного на берегу Несебрского залива. Были обнаружены временный склад в заливе и тайник на бахче Димитра Стойчева

Предупрежденные о грозящей опасности, товарищи из военной организации успели вывезти большую часть ящиков, но какая-то часть оружия попала во вражеские руки. Был арестован целый ряд активистов и сотрудников Варненской партийной организации. После окончания следствия в марте 1925 года начался процесс против тридцати человек, среди которых фигурировали люди, ушедшие в подполье и эмигрировавшие в СССР.

Варненский военный прокурор, ссылаясь на Закон о защите государства, требовал высшей меры наказания. Только вмешательство общественности спасло товарищей от расстрела.

Среди коммунистов, осужденных заочно, числился и я.

5. «ИНОСТРАНЕЦ» У СЕБЯ НА РОДИНЕ

Прежде чем отправить меня на первое заграничное задание в Вену, Павел Иванович Берзин предложил мне кончить специальную школу при Четвертом управлении.

— Университет имени Свердлова тебе не удалось кончить, — Берзин улыбнулся. — Будем надеяться, что на этот раз ничего не случится.

До конца занятий ничего не случилось. Занятия в школе были сравнительно краткосрочными, их программа была уплотнена до максимума. Мы изучали основы сложного искусства разведки. Нам преподавали географию и разные другие дисциплины люди из управления, главным источником знаний для которых была практика.

Меня избрали старостой курса. Еще когда определялся состав курса, Берзин попросил меня предложить людей для пополнения кадров управления. Разумеется, оставаться работать в управлении было не обязательно, мало кто из слушателей курсов в дальнейшем избрал нелегкий путь разведчика. Но профессионалу революционеру было полезно получить серьезную подготовку — разве мог кто-нибудь из нас знать, какие задачи придется решать завтра?

Занятия проводились строго четырнадцать часов в день. Экзамены сдавали по всем предметам. Старались извлечь максимальную пользу из контактов с преподавателями — подлинными мастерами своего дела. После выпускных экзаменов наш курс получил высокую оценку. Нам вручили похвальную грамоту от руководства школы за проявленное усердие в учебе и безукоризненную дисциплину. К этому времени в Москву вернулся объездивший ряд стран (в том числе и Болгарию) Гриша Салнин. У него сложилось прекрасное впечатление о нашем народе и нашей партии. И в то же время он был не на шутку встревожен. Старый, закаленный в революционных битвах большевик, выполнявший специальное поручение, не мог не заметить вредных тенденций, исходивших из Военного центра нашей партии, воспринявший в середине 1924 года пагубную тактику террора. Гриша пришел к выводу, что эта тактика доведет до беды. И поспешил досрочно вернуться в Москву, чтобы сигнализировать о появившейся опасности…

Незадолго до возвращения Гриши до нас дошла еще одна весть, очень опечалившая нас: мы узнали о гибели Васила Каравасилева. После Сентябрьского восстания он эмигрировал в Советский Союз, но весной 1924 года по решению партии

вернулся на родину, на этот раз «по суше», через Вену. Центральный Комитет, высоко оценив боевые и военно-организаторские качества Каравасилева, привлек его к работе в Военном центре. Но вскоре он был арестован и во второй половине октября 1924 года казнен…

Это был один из самых одаренных и смелых коммунистов Плевенской организации. С его гибелью наша партия понесла тяжелый урон.

Пленум Коминтерна в январе — феврале 1925 года принял решение: настоятельно рекомендовать Болгарской коммунистической партии отменить курс на вооруженное восстание. Для участия в работе пленума в Москву прибыл секретарь партии по организационным вопросам Станке Димитров. Вскоре после завершения работы пленума, вооруженный его решениями, Станке отправился на родину, чтобы восстановить нормальное положение в Центральном Комитете, Военный центр которого, дезориентировав руководство, вел партию к неизбежному краху.

Станке Димитров пользовался полной поддержкой опытных болгарских коммунистов, предвидевших назревающую драму, но не имевших возможности помешать ей.

Когда Васил Коларов знакомил меня с задачей, я почувствовал, что он не на шутку встревожен, так было и в июне 1923 года, когда ему стало известно о нейтралитете Центрального Комитета. Полтора года, прошедшие с того времени, ознаменовались важными событиями в жизни нашей партии. Ей грозили две смертельные опасности. Первая была успешно преодолена; вторая, как дамоклов меч, нависла над партией, над тысячами ее членов, над верными единомышленниками, над всеми демократами и честными людьми в стране, ненавидевшими кровавую власть Цанкова.

— В дни восстания погибли тысячи самых верных наших людей, — сказал Васил Коларов. — Десятки наших товарищей были убиты после восстания. Наша партия никогда не забудет Вылчо Иванова, Яко Доросиева, Велу Пискову, Димо Хаджидимова, Харалампия Стоянова, Тодора Страшимирова, Христо Гюлеметова… Но линия Военного центра — отвечать ударом на удар — вредная, пагубная. Коста Янков и другие товарищи, ослепленные контратакой, не видят, что обрекают коммунистические кадры на полное истребление… Единственно правильный ответ на усилившийся террор властей — организованное отступление. Нужно немедленно отменить курс на вооруженное восстание. Нужно вывести боевые отряды с гор и

перебросить их за границу. Партия должна установить прочные связи с массами, врасти в них. А потом, когда наступит благоприятный момент, снова подняться в атаку…

Москва — Варшава — Прага — Вена. Я выехал в Австрию, чтобы оттуда спокойно добраться до Софии, передо мной стояла задача — содействовать отмене курса на вооруженное восстание. Я отправился один, но мне сказали, что на родину посланы многие деятели партии с той же задачей.

Самые большие надежды возлагались на Станке Димитрова, который в начале апреля тем же путем, через Вену, отправился на родину. В Болгарии нам предстояло работать под руководством Станке.

Я пересек границу в купе первого класса экспресса «Ориент», который двигался по маршруту Гамбург — Берлин — Вена — Белград — София — Стамбул. Таможенные и пограничные проверки прошли нормально — паспорт у меня был надежный, багаж не представлял для властей никакого интереса. В паспорте значилось, что я серб, в графе о роде занятий стояло: «Торговец».

От Драгомана до Софии экспресс шел без остановки. На перроне софийского вокзала было многолюдно. Лоточники, носильщики, извозчики назойливо предлагали свои услуги. Вероятно, в толпе сновали и тайные агенты.

Носильщик мне был не нужен, но извозчика я решил взять. Старый, мрачного вида извозчик нахлестывал кнутом, тощую клячу и вез меня по бульвару Марии-Луизы (ныне Георгия Димитрова). Я заговорил с ним, не побоявшись, что он может оказаться агентом властей. Извозчики-агенты обычно имели здоровых, откормленных лошадей, и сами они были молодые, болтливые, раздражающе любопытные люди.

— Как дела, приятель? Я вот был в Европе по торговым делам, не читал наших газет… Что слышно, бандиты в горах все еще бесчинствуют?

Извозчик смерил меня долгим взглядом, помолчал, дожевал усы, потом сказал:

— Не знаю, кого ты называешь бандитами, господин, но бандиты есть, бесчинствуют…

— Коммунистов, разумеется! Они творят насилия… Стреляют на улицах…

Старик не спешил с ответом.

— Стреляют, правду говорить, господин… Но больше стреляют в них… Вот давеча застрелили одного около Владайской реки. Убийцу арестовали, отвели его в участок через одни ворота, а потом выпустили через другие…

Я молчал. Старик стал мне симпатичен, и мне хотелось

задавать ему еще вопросы: ему — человеку честному, бедняку, — нечего было терять, он мог говорить что думает, мог позволить себе поставить на место преуспевающего выскочку, каким я казался ему. Я удовлетворил свое любопытство. Мне хотелось только выяснить, не произошло ли каких новых событий с того момента, когда я покинул Москву. Ничего нового. Все «нормально», то есть события неумолимо продолжают развиваться тем же чередом…

Мы проезжали мимо здания бывшего клуба нашей партии. У меня защемило сердце. После сентября двадцать третьего года враги превратили наш дом-святыню в дирекцию полиции. Оттуда исходили приказы об истреблении коммунистов и всех прогрессивно настроенных людей; там истязали и убивали. Здание, совсем недавно излучавшее свет благородных идей, превратилось в цитадель фашистского мракобесия…

— Приехали, приятель, — сказал я, когда мы миновали Львиный мост и поравнялись с гостиницей на углу.

Я протянул извозчику банкноту и попытался перехватить его взгляд. Тот посмотрел на деньги и хотел вернуть сдачу.

— Не надо, — остановил я его, небрежно махнув рукой. — Будь здоров…

Извозчик проводил меня грустным взглядом и, не сказав ни слова в ответ на мое пожелание, поехал…

Я не сердился на него. Наоборот, неподкупное поведение старика наполнило сердце теплотой. «Можно расстреливать народ, — повторял я пришедшие на ум слова, — но победить его невозможно…»

Было 14 апреля 1925 года.

Я еще не успел установить связи с товарищами, чьи адреса получил в Москве и Вене. София была напугана повседневными, перестрелками и кровавыми расправами на улицах. Большинство деятелей партии жило нелегально или полулегально, и разыскать их оказалось невероятно трудно. Моя задача еще больше осложнилась после взрыва в церкви святой Недели.

В тот день, 16 апреля, незадолго до обеда, когда отпевали убитого генерала Георгиева — военного коменданта Софии, вдруг с треском обрушился купол церкви. Это была последняя авантюристическая операция Военного центра.

Результаты известны. Фашистские погромщики воспользовались этим взрывом, чтобы осуществить давно задуманный план поголовного физического истребления сотен тысяч болгарских коммунистов, членов Земледельческого союза, прогрессивных деятелей. «Черные списки», составленные задолго

до этого, были немедленно извлечены из сейфов, и уже в ночь на 17 апреля началась неслыханная кровавая расправа.

Буквально через несколько часов после взрыва в церкви София была наводнена тысячами полицейских и солдат. Разрушенная церковь, все соседние кварталы и улицы в центре были оцеплены. Затем начались облавы в пролетарских кварталах. По всей стране было объявлено военное положение. Полиция обыскивала каждый дом, каждую квартиру, были арестованы сотни, тысячи невинных людей. Над городом стоял стон. Страна была залита кровью. В провинции власти даже не давали себе труда объяснить, что «ищут совершивших покушение»; людей выволакивали на улицу и расстреливали без суда. Над Болгарией сгустилась долгая, бесконечная ночь белого террора.

Без колебаний я на второй день после взрыва уложил свои чемоданы. Наше мероприятие сорвалось, мы не успели предотвратить ужасную беду. Меня проводили так же любезно, как и встретили, — деньги прокладывали путь к сердцу хозяина любой гостиницы. Пришлось быстро решать, через какой пункт покинуть страну. Ехать через Драгоман я не мог: вдруг кто-нибудь из пограничных полицейских инспекторов меня запомнил; ехать через Русе тоже было опасно: меня предупредили товарищи, что там полиция особенно бдительна. Я решил ехать через Лом — небольшую пристань на Дунае, где обычно грузили товары для Средней Европы; наверно, полиция там не столь придирчива к пассажирам, особенно когда у них в кармане заграничный паспорт на имя крупного торговца.

Софийский железнодорожный вокзал был наводнен полицейскими в форме и тайными агентами. Проверяли каждого, кто покидал столицу, тщательно сличая физиономии с фотографиями на документах. Мой паспорт, сфабрикованный в Вене, оказался безупречным. Поезд тронулся. Состав кишел агентами и полицией. Они бесцеремонно проверяли всех, каждого мало-мальски «подозрительного» пассажира выводили на первой же станции.

По счастливому совпадению поезд, в котором я ехал, прибыл в Лом почти одновременно с рейсовым пароходом австрийского ведомства, в те годы обслуживавшего все нижнее и среднее течение Дуная. Таможенники и пограничная полиция и здесь не чинили мне никаких препятствий, и минутой позже я оказался в салоне венского парохода. Вздох облегчения вырвался из моей груди, когда убрали сходни. Пароход дал гудок и двинулся против течения.

6. ВЕНА, 1925 ГОД. КАНАЛЫ СПАСЕНИЯ

Вена в те годы являлась не только столицей Австрии, но и средоточием тысяч разномастных эмигрантов из всех государств Европы. Здесь были белогвардейские полковники, генералы без армии, княжеские и графские семейства, оплакивающие сметенный «красными» мир и питавшие иллюзии, что все еще может измениться, что «чудовищная несправедливость будет ликвидирована, большевиков истребят и Россия вернется к прежней жизни». Все эти «обломки» старого мира оккупировали первоклассные гостиницы, пировали до полуночи в дорогих ресторанах, барах, кабаре. Они еще располагали золотом и деньгами, прихваченными ими при бегстве за границу, у них были вклады в швейцарских банках; им принадлежали поместья в России, заводы, шахты, тысячи гектаров земли, которую они «распродавали» за бесценок западным денежным мешкам. И те и другие надеялись, что богатства вернутся к их прежним владельцам… Вена, старая имперская столица, видела крушение многих властителей, ей были известны многие грабительские походы. Она стала свидетельницей еще одного краха и наблюдала за ним с ледяным равнодушием.

Так же относилась Вена и к представителям европейских революционных движений, пребывавшим здесь более или менее продолжительный срок. Каждый мог удостоиться ее гостеприимства, были бы только деньги в кармане и благоприличие. Эти два качества — деньги и благоприличие — являлись двумя сторонами венского герба в те годы.

В Вене в то время нашли убежище и многие болгарские политические эмигранты, покинувшие пределы родины после кровавых событий сентября 1923 г. и апреля 1925 г. Большая часть из них приехала из Югославии, где после Сентябрьского восстания сосредоточился главный контингент нашей эмиграции. Из Югославии прибыли и руководители восстания — Васил Коларов и Георгий Димитров. Они основали здесь Заграничный комитет (будущее Заграничное бюро) ЦК партии и начали издавать нелегальную газету «Работнически вестник», доставлявшуюся на родину по тайным партийным каналам. В Вене была издана на нескольких языках брошюра «Кровавые злодеяния буржуазно-националистического правительства».

Мой приезд в Вену не был неожиданным для Васила Коларова, которого я случайно нашел по его старому адресу. Несмотря на то, что они с Димитровым составляли Заграничный комитет партии, Коларов непрерывно ездил в Москву и ряд

других столиц Европы. В связи с этим фактическим представителем Заграничного комитета являлся Георгий Димитров.

— Пока будешь работать здесь, — сказал мне Васил Коларов. — Огромное большинство уцелевших партийных кадров перешло границу и находится в Югославии. Нужно приложить все усилия, чтобы спасти их. Эти кадры — золотой фонд партии…

Спасение болгарских коммунистов должно было осуществляться по линии МОПРа — Международной организации помощи революционерам, находившейся в Москве.

Борьба за спасение болгарских революционных кадров началась после поражения Сентябрьского восстания. Перейдя границу и обосновавшись в Нише, Васил Коларов и Георгий Димитров направили телеграммы Коминтерну и МОПРу с просьбой обратиться к мировой прогрессивной общественности с призывом выступить против выдачи болгарскому правительству бежавших в соседние балканские страны повстанцев, бороться за оказание им материальной помощи, за спасение их семей, оставшихся в Болгарии, от зверской мести бесчинствующих фашистских банд. Такие же письма и телеграммы были направлены правительствам Румынии, Греции и Турции, демократическим организациям и видным общественным деятелям этих стран. Болгарские коммунисты настаивали на прекращении дальнейшей выдачи бежавших повстанцев и оказании им помощи. Руководители восстания немедленно уведомили ряд крупных европейских газет и известные во всем мире телеграфные агентства о событиях в Болгарии и просили их присоединиться к протесту против кровавых издевательств над восставшим народом. Кроме того, они добивались вмешательства европейских обществ защиты прав человека и гражданина, взывая к совести всех честных людей мира.

В результате этих энергичных мер по всей Европе поднялась волна протеста. Многие видные европейские ученые, писатели, общественные деятели выразили публичный протест против бушевавшего в Болгарии террора: в ряде европейских городов проводились демонстрации протеста, собрания, митинги. Самым мощным и единодушным был протест советской общественности, категорически поддерживавшей дело восставшего народа и предупреждавшей, что трудящиеся Болгарии не одиноки, что на их стороне весь многомиллионный советский народ, советское государство…

Правительства Греции и Румынии, хотя официально и не объявили свои границы открытыми, приказали пограничным властям в дальнейшем не отправлять обратно болгарских

политических деятелей, просивших политического убежища. Смягчило свое отношение к повстанцам, перешедшим границу, и правительство Турции, до того немедленно высылавшее в Болгарию каждого болгарского эмигранта, схваченного на турецкой территории.

Следующей заботой Коларова и Димитрова было сосредоточить политических эмигрантов в Югославии, где власти относились к ним наиболее благосклонно. Болгарских политэмигрантов, сосредоточенных главным образом в Нише, временно устроили на работу, а на средства, полученные из МОПРа, организовали общежития, открыли мастерские и столовые, купили одежду и обувь, обеспечили медицинскую помощь и пр. Самые значительные денежные средства, больше всего одежды и продуктов питания для политэмигрантов прислали различные советские организации. В Советском Союзе не хватало продовольствия, топлива, одежды, обуви, советский народ все еще недоедал, но, когда понадобилась помощь, он ни на миг не поколебался.

Как известно, политическая эмиграция, сосредоточенная в Югославии, представляла одну из главных ударных сил партии в деле подготовки нового вооруженного восстания, решение о котором было принято на Витошской конференции в мае 1924 года. И сотни видных деятелей партии и руководителей восстания снова вернулись в страну, чтобы восстановить разгромленные партийные организации, вооружить и сплотить для новых боев партийные ряды.

Наряду с военно-организаторской и политической работой Заграничный комитет проявлял заботу о доставке оружия. В то время, когда мы совершали свои рейсы на парусниках через море, значительное количество оружия ввозилось в страну с севера, запада и юга. С севера поступало австрийское оружие, закупленное Заграничным комитетом в Вене и отправляемое в страну по Дунаю в трюмах торговых пароходов; с юга поступало оружие, Доставленное приверженцами левого национал-революционного движения Эгейской Македонии, руководимого Василом Манолевым, бывшим верным соратником Яне Сандanского и первым помощником Тодора Паницы; с запада поступало оружие из Югославии. Его переносили через границу на плечах болгарские политэмигранты.

Летом и осенью 1924 года в страну нелегально возвратились многие видные деятели партии. Одни из них получили задание возглавить военно-организаторскую работу, другие — политико-организационную, а третьи — Йордан Кискинов, Тодор Грудов и Георгий Златков — создать в горах партизанские отряды.

Вместе с коммунистами в страну возвращались для участия в подготовке восстания левые «земледельцы», приверженцы линии единого фронта, а также македонские федералисты во главе с Тодором Паницей, развернувшие революционную деятельность главным образом с Пиринском крае.

Работа велась в условиях глубокого подполья.

Но подготовка к новому вооруженному восстанию не осталась тайной для правительств соседних государств. Первой реагировала Югославия, где коалиционное правительство Давидовича сменилось реакционным режимом Пашича. Вслед за ней и королевско-помещичье правительство Румынии официально предупредило, что «оно не будет стоять в стороне, если события в Болгарии разовьются в пользу большевиков». А угрозы румынской реакции не были пустой фразой: слишком свежо в памяти народов было воспоминание об открытой военной интервенции Румынии в 1919 году против Венгерской советской республики.

Все это было плохим предзнаменованием. Но дело было не только в откровенных угрозах со стороны двух соседних государств. Буржуазия Европы выдержала напор послевоенной революционной волны, и к 1924 году на старом континенте появились явные признаки временной и частичной стабилизации капитализма. Необходимо было сменить стратегию. Заграничное бюро, исходя из решения пленума Коминтерна, еще в феврале 1925 года настоятельно предупреждало Центральный Комитет о необходимости отменить курс на вооруженное восстание. Георгий Димитров распорядился, чтобы все нелегальные деятели партии прекратили военно-организационную работу и вернулись в Югославию.

Одновременно с этим товарищи Коларов и Димитров, которые опасались авантюристических перегибов Военного центра, послали в страну представителей партии для оказания помощи Станке Димитрову в переводе деятельности на новые рельсы. Партия временно, до наступления благоприятного момента, отказывалась от вооруженного восстания.

Так развивались события до апрельского террористического акта, давшего повод фашистским властям нанести жестокий удар нашей партии, вырвать из ее рядов множество верных сынов.

Задача партийного руководства в условиях жесточайшего белого террора на родине и враждебного режима Пашича в Югославии сводилась к тому, чтобы сделать все возможное для спасения уцелевших от погрома партийных кадров.

В эту работу включили и меня.

Нелегальный канал связи Белград — Марибор — Вена,

ставший с апреля 1925 года поистине «каналом спасения», был создан еще в начале 1924 года. Первое время мы пользовались каналом заграничных связей Югославской коммунистической партии, постепенно наша партия создала и свою линию связи. Общий канал начал перегружаться, а это неизбежно создавало опасность провала. Параллельно с главным партийным каналом болгарские политэмигранты создали новые пути сообщения, проходившие через другие пункты югославско-австрийской границы. Один из них, проходивший через Грац, обслуживался болгарскими студентами-коммунистами, обучавшимися в высших учебных заведениях Граца. Каналы использовались для передачи средств, собранных МОПРом, партийных газет и нелегальной литературы и для переброски партийных деятелей и курьеров Коминтерна в обоих направлениях.

Разумеется, в нелегальных каналах не было бы нужды, если бы реакционные режимы балканских стран не проявляли такой яростной враждебности к болгарскому революционному движению и его представителям.

С апреля 1925 года эти каналы приобрели огромное значение для партии. Через них были переброшены сотни преданных деятелей партии — «золотой фонд партии», как выразился Васил Коларов.

В 1925 году сербские реакционные власти предприняли против нашей эмиграции крупные меры — все болгарские политэмигранты были интернированы в глубь Сербии и размещены в лагерях, созданных в городах Суботица, Нови-Сад, Инджия, Нови-Бечей, Выршац, Горни-Милановац, Велики-Бечкерек, Велика-Киниде. Самыми крупными были лагеря в Нови-Саде и Инджии. Расположенные на железнодорожной линии София — Белград — Вена, эти города представляли собой важные пункты нелегального партийного канала.

После высылки из Югославии Гаврила Генова, обвиненного полицейским Жикой Лазичем в «шпионской деятельности», руководство организациями эмигрантов осуществляли Георгий Михайлов, Хаим Пизанти и Кузман Стойков. Несмотря на то, что сербская полиция начала преследовать эмигрантов с невиданной жестокостью, связи между их лагерями и заграничным руководством не прекращались ни на день. Наши эмигранты регулярно получали ежемесячную помощь МОПРа, литературу, газеты, письма Георгия Димитрова и Коминтерна. Начала издаваться на ротаторе еженедельная газета «Слово болгарских политэмигрантов», несомненно, сыгравшая положительную роль в деле поднятия духа эмигрантов, нейтрализации отдельных пораженческих, оппортунистических и ультралевых настроений,

сплочения кадров вокруг руководства партии во главе с Коларовым и Димитровым.

Осенью 1925 года реакция перешла в наступление не только в Болгарии, но и во всех балканских странах, где у власти находились монархо-фашистские режимы: не только коммунистические партии, но и все левые течения, прогрессивные деятели, честные работники культуры, ученые и общественные деятели стали жертвой полицейского террора и физически уничтожались. На судебных процессах, где попирались элементарные нормы закона, выносились сотни смертных приговоров и тысячи людей гибли без суда от рук карателей и, казалось, ничто не могло остановить эту кровавую вакханалию.

Передовые люди Европы по призыву политэмигрантов из балканских стран вновь поднялись на защиту жертв реакции. Во главе прогрессивной интеллигенции и общественных деятелей встал видный французский писатель-гуманист Анри Барбюс. К нему обратился Георгий Димитров с предложением лично ознакомиться с результатами исследования общественного мнения Европы и всего мира и призвать народы выступить в защиту невинных. Анри Барбюс откликнулся на этот призыв. Осенью 1925 года он создал и лично возглавил «Комитет защиты жертв фашизма и белого террора в балканских странах». Кроме Барбюса, в этот комитет вошли видный французский общественный деятель Жан Вилар и бельгийская общественная деятельница Поле Лами. Заручившись поддержкой общественности, следственная комиссия посетила Болгарию и Югославию и, несмотря на яростное противодействие полиции в этих странах, увидела собственными глазами неслыханные страдания людей. По возвращении члены комиссии развили активную деятельность в защиту пострадавших от белого террора. Анри Барбюс написал потрясающую документальную книгу «Палачи», а Жан Вилар опубликовал книгу «О том, что я видел в Болгарии», пропитанную органической ненавистью к болгарскому фашизму и откровенной симпатией к болгарскому народу. Переведенные почти на все европейские языки, эти две книги завоевали широкую популярность и послужили новым толчком для развертывания антифашистской борьбы народов.

Переброска политэмигрантов через югославско-австрийскую границу началась в апреле 1925 года, когда Заграничное бюро решило, что их пребывание в Югославии уже лишено смысла, так как им грозит опасность стать жертвой террора, репрессий и физического уничтожения со стороны полиции. Отлив в мировом революционном движении непосредственно затронул и нашу партию, это требовало перегруппировки сил и стратегического

пересмотра задач.

По плану, разработанному Георгием Димитровым и руководством политэмиграции, в первую очередь следовало вывезти больных и пожилых политэмигрантов: МОПР обеспечил им в Москве все условия для отдыха и лечения. После этого предстояло отправить в Советский Союз деятелей и комсомольских активистов для обучения в партийных школах, академиях и институтах, для подготовки к будущей революционной деятельности на родине. Разумеется, в Советский Союз надо было переправить и всех видных деятелей партии, чье пребывание в Югославии или в другой капиталистической стране было сопряжено с риском для жизни. Остальную часть эмигрантов разделили на две группы: в первую группу входили те, которые получили амнистию фашистского правительства (вследствие протестов европейской общественности), а во вторую — неамнистированные. Неамнистированные должны были разъехаться по разным странам и поступить в распоряжение Заграничного бюро, а остальным было приказано вернуться на родину, чтобы включиться в нелегальную работу партии. Подобные меры предприняло в отношении своей эмиграции и левое крыло БЗНС, находившееся в Белграде.

Переброска людей проводилась, разумеется, по нелегальным каналам. На югославской территории ею руководили Асен Греков и Иван Крекманов, но в непосредственной работе участвовали многие партийные активисты, а также болгарские студенты-коммунисты, учившиеся в вузах Граца и Вены. Считаю долгом отметить, что в те годы студенты — коммунисты и антифашисты, — обучавшиеся в европейских капиталистических странах, активнейшим образом помогали работе Заграничного бюро, особенно в период Сентябрьского восстания, когда антифашистская борьба начала принимать особо острые формы. Сплоченные партийные группы студентов существовали в Вене, Граце, Праге, Братиславе, Брно, Берлине, Мюнхене, Дрездене, Лейпциге, Париже, Монпелье, Нанси, Гренобле. Наряду с политическими задачами общего характера студенческие партийные группы выполняли и ряд строго секретных поручений, охраняли партийных курьеров, сопровождали партийных активистов и пр. Когда потребовались люди для осуществления переброски болгарских политэмигрантов из Югославии, студенческие организации немедленно включались в операцию.

В помощь Грекову и Крекманову эмигрантское руководство выделило политэмигрантов Стефана Боюклиева — активного деятеля партийной организации города Ихтимана, участника Сентябрьского восстания, Георгия Башикарова — бойца из

партизанского отряда Кискинова-Ципоркова, Кирилла Митева — одного из руководителей Сентябрьского восстания в Ломе, Александра Василева — активиста Карловско-Калоферской партийной организации и председателя Сопотской коммуны. В целях конспирации Башикаров и Василев открыли овощные лавки, а трое остальных поступили на учебу в Загребский университет.

Прежде всего руководство политэмиграции постаралось изыскать легальные или полулегальные пути для переброски болгарских коммунистов из Югославии. В первое время это ему удавалось. Но вскоре полиция пронюхала, что дело нечисто, и пришлось полностью переключиться на нелегальные каналы.

Главным каналом для переброски политэмигрантов являлся, как я уже отметил, существовавший и ранее канал Югославской коммунистической партии, который брал начало в Загребе, проходил через Марибор и пересекал границу в направлении Граца или Вены. Обычно эмигранты группами по пять-шесть человек приходили на определенный адрес в Загребе или Мариборе, после чего в сопровождении курьера партии (болгарина, югослава или австрийца) тайно перебирались через границу. Югославская компартия располагала проводниками, которые оказывали неоценимую помощь.

Позже, когда число людей значительно увеличилось и старый канал оказался «тесным», были созданы еще два параллельных канала: они начинались в Любляне и проходили через границу в районе австрийского города Клагенфурт.

В те годы переход югославско-австрийской границы не представлял особых затруднений. Полиция отказывалась выдавать болгарским политэмигрантам заграничные паспорта, но в то же время закрывала глаза на их «исчезновение» из страны. Это было для нее весьма кстати — свои коммунисты доставляли ей достаточно хлопот. Граница охранялась слабо, только изредка патрули делали обход. Со стороны Австрии почти не существовало пограничной охраны, за исключением центральных контрольно-пропускных пунктов. Австрийские власти почти не интересовались тем, кто вступает на территорию их страны. Если же полицейские власти кого-нибудь задерживали без документов, то никакого следствия, а тем более процесса не устраивали. Незваного иностранца усаживали в поезд, идущий к границе, а там указывали ближайший пункт, где он может перейти границу и очутиться в Югославии, Чехословакии, Венгрии, Швейцарии, Германии или Франции — согласно его желанию… Режим в Австрии был самый сносный по сравнению с остальными странами Европы. По этой причине Георгий Димитров избрал это

место для пребывания Заграничного бюро БКП, а позже Балканского революционного центра и Западно-европейского бюро Коминтерна.

Но попустительство властей к деятельности различных революционных иностранных организаций и отдельных лиц продолжалось очень недолго: до подавления героического восстания венских трудящихся в июле 1927 года. Именно это восстание показало, что австрийская буржуазия не собирается поступиться ни на йоту своими классовыми интересами.

Аппарат, осуществлявший под моим руководством отправку переброшенных из Югославии политэмигрантов по назначению, состоял из двадцати болгарских коммунистов и антифашистов, которые в то время обучались в университетах Вены и Граца или же пребывали временно в Австрии как политэмигранты. Все работали самоотверженно, пока не вывезли последнего человека.

Обычно мы приступали к выполнению своей задачи после того как политэмигранты, выделенные для отправки в Советский Союз, переходили границу и прибывали на наши явки в Австрии. Явками служили дома австрийских коммунистов или прогрессивных болгар, поселившихся в этой стране. Стоило эмигрантам попасть на австрийскую территорию, как они сравнительно легко добирались до явок в Вене, где их ждал я или кто-нибудь из моих сотрудников.

Во многих случаях обстоятельства требовали начать операцию по переброске людей из эмигрантских лагерей еще на территории Югославии; с этой целью я посылал туда студентов-коммунистов из Вены или Граца, снабжая их надежными паспортами. Иногда приходилось ездить к самому. Поздней осенью 1925 года я дважды побывал в Югославии — один раз в Белграде, где я встретился о Иваном Петровым, тамошним представителем нашей эмиграции, а второй раз — в Суботице.

Венские явки были весьма характерны. Мы ориентировались не на квартиры, нанятые нашими товарищами под фальшивыми именами, и не на укромные уголки венских парков или окрестностей города. Явками служили различные венские кафе.

Венские кафе совсем не отвечают представлениям болгарина о подобного рода заведениях. В те годы в венских кафе можно было провести в чудесной, уютной обстановке многие часы — зайти туда утром и выйти вечером. Студенты могли там спокойно готовиться к экзаменам, домашние хозяйки — заниматься вязаньем, пенсионеры — перелистывать одну за другой по двадцать газет (некоторые из них выходили два раза в день). Обстановка в кафе была очень приятной, в них царила необыкновенная чистота и никем не нарушаемая тишина.

Именно поэтому венские кафе — разумеется, не первоклассные, на Ринге, а квартальные, — в те годы предоставляли все условия для успешной конспиративной деятельности. Свои встречи с эмигрантами мы обычно устраивали там. Конечно, не в одном и том же кафе. Мы меняли заведения при каждой новой встрече.

Установив связь со мной или с некоторыми из моих сотрудников, политэмигранты отправлялись через Прагу и Варшаву в Советский Союз. Перед этим каждый из них получал полный комплект одежды, вплоть до шляпы и обуви. Для этой цели МОПР из Москвы переводил значительные суммы. Мы заходили в какой-нибудь венский магазин готового платья, и там они меняли буквально все, кроме белья. Второй моей заботой было снабдить их соответствующими документами, билетом на проезд до Москвы и небольшим запасом еды на дорогу. Документом, который получала большая часть эмигрантов, являлось удостоверение на «право возвращения на родину». Читатель, вероятно, догадывается — это были удостоверения, которые выдавала комиссия Красного Креста белоэмигрантам и бывшим военнопленным, которые хотели вернуться на родину. С такими удостоверениями в свое время уехали из Варны и мы с Жечо Гюмюшевым и Бояном Папанчевым.

Советские власти, по просьбе Заграничного бюро партии охотно согласились предоставить гражданство всем болгарским коммунистам-изгнанникам. Как для них, так и для тысяч других политэмигрантов со всех концов света, Советский Союз стал второй матерью-родиной.

Примерно за шесть месяцев до конца 1925 года нами было переправлено в Москву несколько сотен болгарских политэмигрантов. Их переброска из Югославии на восток прошла без единого провала или инцидента.

Часть третья

В КИТАЕ С МИССИЕЙ БЛЮХЕРА. СОВЕТСКАЯ РОССИЯ ПОМОГАЕТ КИТАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1. БОЕВЫЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ

Москва, декабрь 1925 года. Я иду по улицам красной столицы, под ногами скрипит снег. Навстречу спешат по делам москвичи, надевшие на себя все самое теплое, в неизменных шапках-ушанках. А как же иначе при тридцатиградусном морозе? Над кирпично-красными стенами Кремля — холодное зимнее солнце.

И мне холодно. Но не от мороза. На мне серо-зеленая красноармейская шинель, фуражку с красной пятиконечной звездой над козырьком я надвинул до самых глаз, на ногах высокие сапоги. Холод сковывает мне сердце.

Этот холод я почувствовал еще в зловещие апрельские дни двадцать пятого года, когда врагу удалось расстроить ряды нашей партии. В последующие месяцы я чувствовал тот же холод в Вене, когда мне пришлось заниматься переброской наших политэмигрантов. Изгнанные огнем и мечом со своей родины, эти достойные борцы нашли вторую родину на земле Ленина. Несмотря на это, боль не проходила. Там, на дорогой сердцу родной земле, что раскинулась между Дунаем и Родопами, между Черным морем и Нишавой, белый террор пожинал свою кровавую жатву. Боевые товарищи, братья, до конца верные своему революционному долгу, томились в тюрьмах или погибали без суда и приговора. О них и болело сердце…

Здание Четвертого управления Генерального штаба Красной Армии. Вхожу, и дежурный в бюро пропусков с улыбкой кивает мне головой: свой.

Не успел я открыть дверь, как секретарь Берзина Наташа Звонарева, выйдя из-за письменного стола, подбежала ко мне и, словно сестра, тепло обняла меня. Дело тут было не только в особенностях характера Наташи, но и в том стиле поведения, который отличал работников Четвертого управления. Хотя я и был, можно сказать, новичком среди них, но уже имел возможность убедиться в том, какие братские чувства связывают этих людей, направленных партией на «тихий фронт». Тогда я еще не знал, но вскоре смог удостовериться, что, в сущности, без этой самоотверженности и самопожертвования, без этих подлинно братских чувств, объединявших людей из разведывательного управления, их опасная работа была бы невозможной.

— Павел Иванович ждет тебя уже несколько дней! — Наташа

пристально посмотрела на меня, и в ее словах я почувствовал не укор, а тревогу. — Что с тобой?

— Все в порядке, сестричка, просто я лечил легкий венский грипп… — попытался пошутить я, но женщин в этом отношении не проведешь, моя шутка прозвучала неубедительно.

— Надеюсь, Павел Иванович вылечит тебя окончательно, — покачала головой Наташа, но в ее глазах я не заметил даже намека на смех. — Но ты ведь знаешь, врач бессилен, если пациент ему не помогает…

Наташа скрылась за двойной, обитой клеенкой дверью кабинета Берзина и через минуту вернулась. Вместо обычной фразы «Павел Иванович ждет тебя» она только тепло улыбнулась, когда я проходил мимо. Она поняла, что «грипп» мой — особого рода и что мне нужны не медикаменты, а крепкая мужская рука Берзина.

— Прими мои горячие поздравления, Ванко! — воскликнул Павел Иванович и, как всегда, до боли сжал мне руку, а потом обнял. — Мои горячие поздравления! И добро пожаловать домой!

Я посмотрел на него. В его взгляде я не уловил иронии. Но по какому же поводу «горячие поздравления»? Поздравляют удачливых, а поздравления побежденным звучат как насмешка. Но в глазах Берзина я не заметил насмешливых искорок.

— Павел Иванович, простите, я не совсем вас понимаю… — произношу я, с трудом выговаривая слова. — Не щадите меня… Я пришел выслушать укоры… Знаю, что заслуживаю их… Плохими революционерами оказались мы, болгарские коммунисты…

— Плохими революционерами, говоришь? Правда? Ну, продолжай!

Берзин не сводил с меня глаз. Но теперь он смотрел на меня выжидательно. Я продолжал. Рассказал о наших ошибках в июне 1923 года, о поражении в сентябре того же года, о страшных днях апреля двадцать пятого… Рассказал и о провале с оружием, о нескончаемых потоках политэмигрантов, которым пришлось покинуть родину… О потоках крови, пролитых на нашей земле.

На лице Берзина застыло характерное для него выражение понимания и сочувствия. Он слушал меня не прерывая, слушал так, как только он умел слушать.

Я рассказал ему о своих терзаниях. Когда я кончил, начальник Разведывательного управления долго ходил из одного конца кабинета в другой, потом снова сел напротив и заговорил:

— Я уверен, что мы с тобой легко договоримся. — Берзин говорил медленно, подчеркивая каждое слово. — Во-первых, о вашей партии. Она оказалась партией настоящих революционеров. Все, что ты рассказал мне о ней, говорит о том,

что она борется. Несмотря на кровавые жертвы, ваша партия не сложила оружия. О вашем Сентябрьском восстании грядущие поколения будут говорить с гордостью: болгарские рабочие и крестьяне первыми в Европе восстали с оружием в руках против фашистского мракобесия. Это подвиг. — Берзин помолчал, не сводя с меня глаз, потом продолжил: — Во-вторых, о провале с оружием. Знаю все, со всеми подробностями. Знаю и причину, и последствия. За тобой нет никакой вины. Да и беда не столь велика. Пропало известное количество оружия, но люди не пострадали. Варненский процесс закончился, не был вынесен ни один смертный приговор… К сожалению, провалы будут и в дальнейшем. Мы не созерцатели, для нас каждый шаг — это сражение! Почему мы должны считать, что боги покровительствуют только нам? Тем более, — на лице Берзина появилась улыбка, — что мы объявили войну не только мракобесию, но и богам, веками великодушно терпевшим его… И в-третьих, об эмигрантах. Тяжело покидать родину, но это страшно тогда, когда покидаешь ее внутренне сломленным. Болгарская партия сражается. А эти люди не просто неприкаянные, ищущие спасения; они все до одного жаждут вернуться на родину для нового, последнего боя. Нет, эти люди заслуживают не упрека, не сожаления, а уважения…

Он почувствовал, что во мне произошла перемена. И остановился — слов больше не понадобилось. Я словно бы поскользнулся, он подал мне руку, и вот я уже выровнял свой шаг. А впереди нас ждут нехоженые дороги.

— Ну, перейдем к делу, Ванко. Готовься — поедешь в Китай.

Я вздрогнул.

— В Китай? Я не ослышался, Павел Иванович?!

— Нет, Иван Цолович! — Берзин улыбнулся. — В Китай. В страну, где столкнулись волчьи аппетиты всех великих колониальных сил. В страну Сунь Ятсена. В страну первой в Азии национально-освободительной революции, которая погибнет, если мы не протянем руку помощи…

Я ждал чего угодно, только не этого. Ждал, даже намеревался просить разрешения на продолжение обучения в Коммунистическом университете, ведь перерыв в занятиях был временным. Но теперь все изменилось. То, что начальник Четвертого управления предлагал мне сейчас, не подлежало обсуждению: это был приказ.

— Огромная страна, Павел Иванович, — тихо произнес я. — Даже в мыслях не могу ее охватить целиком. Сложные условия, совершенно незнакомый народ и язык… Трудно будет…

— Понимаю, — прервал Берзин. — Огромная страна,

четырехсотмиллионный народ, десятки национальностей, сотни языков, миллионы солдат в десятках враждующих между собой армий, бессчетное число генералов, и у каждого из них свой бог… Действительно, там очень трудно работать. Китайская революция до смерти напугала империалистов, и теперь они прилагают все усилия, чтобы расправиться с нею. Используют любые средства, всевозможных «специалистов», провокаторов, груды золота… Этому колоссу, едва вставшему на ноги, грозит опасность рухнуть. Почти полмиллиарда людей, на которых напали империалистические гиены, ждут помощи… Что же касается твоих качеств, то об этом нечего и говорить. Ты накопил опыт, освоил революционные традиции вашей партии, ознакомился в сущностью нашей работы. Жду, что в Китае ты будешь работать так, как работал до сих пор. Даже лучше, более хладнокровно, более терпеливо, более зрело. Западные центры разведки действуют там и тайно, и в открытую, на любых уровнях, используя все наличные средства. Американская разведка, английская, французская. Через Гонконг и Пекин. Не дремлют и японцы. Они скорехонько свыклись с иллюзией, что Китай — это неприкосновенная территория японского империализма. Мне незачем говорить тебе, что японцы и иже с ними в Китае действуют сурово и беспощадно: очевидно, их доводит до сумасшествия сама мысль, что Китай может выйти на историческую арену как экономически суверенное государство. А сейчас, после смерти Сунь Ятсена, их надежды на реставрацию возросли стократно… Ты едешь военным советником в миссию Блюхера. Твоим непосредственным руководителем будет…

У меня перехватило дыхание. Я ждал, какое он назовет имя. Берзин, казалось, нарочно удлинял паузу. Как хорошо знал этот сердцевед людей своего управления и взаимные симпатии, связывавшие их!

— Гриша…

— Гриша Салнин? Неужели?

— Совершенно верно. Есть возражения?

Я рассмеялся. Со смехом пришло облегчение. С этой минуты груз, который лежал у меня на плечах, когда мне сообщили о Китае, словно испарился куда-то. Гриша Салнин! С таким товарищем я готов был пойти в огонь и воду. Берзин знал об этом.

— Его нет в Москве, а то мы сейчас разговаривали бы втроем, — добавил Берзин. — Но я со дня на день жду его приезда. То, чего мы не смогли сделать сейчас, будет сделано в ближайшее время.

После этого Берзин в самых общих чертах ознакомил меня с

положением дел в Китае. Разумеется, многие факты, касающиеся событий в этой огромной стране, пробудившейся к самостоятельной жизни, мне были известны и раньше, но сейчас Берзин раскрывал мне оборотную, скрытую сторону этих событий.

…После безуспешных и отчаянных попыток умиротворить страну, осуществившую национальную революцию, вождь и отец революции — так китайцы называли Сунь Ятсена — обратился к России с просьбой о помощи. Свергнувшая тысячелетнюю монархическую тиранию республика переживала смертельный кризис: авантюристы всех мастей, платные агенты империализма подрывали единство страны, разбив ее на множество враждующих лагерей. Каждый лагерь искал удобного случая установить на своей территории «свой» режим, под фиктивной опекой суньятсеновского правительства. В этом «государстве в государстве» они вводили свои налоги, осуществляли конфискацию, накапливали богатства… Напрасно Сунь Ятсен обращался к шефам различных военно-политических группировок с призывом к мирному объединению страны. Генералы и слышать не хотели об этом, а те, кого силой оружия удалось заставить защищать власть законного правительства, ждали удобного момента, чтобы отомстить; многие из них, еще вчера верные конституционному правительству, позарились на японское или американское золото и превратилась в «троянского коня» врага…

Все это привело Сунь Ятсена к выводу, что решающим для судеб Китая является создание единой, хорошо организованной революционной армии и воспитание своих надежных революционных кадров. А осуществить эту задачу оказалось невозможно без тесного сотрудничества с Советской Россией. Вождь революции видел, что враг вооружен до зубов, беспощаден, опытен, коварен и что китайская революция не сможет победить, если не будет располагать своими преданными вооруженными силами.

Сунь Ятсен со всей ясностью сознавал необходимость иметь надежные командные кадры. Верных революций офицеров можно воспитать только в собственной воен» ной революционной школе. А для ее создания необходим опыт Советской России.

> «Наши взоры устремлены к России, — говорил он народу. — Если мы не последуем примеру России, революция не сможет рассчитывать на успех. Мы должны учиться у русских…»

Сунь Ятсен призывал учиться у русских тому, как устанавливать связи с народными массами; как организовывать надежные революционные силы; как успешно сражаться на два

фронта, что для Китая означало борьбу против империализма и феодализма; как создавать революционную армию; как вести революционную войну на фронте и в тылу…

Так Сунь Ятсен пришел к историческому решению обратиться к Советской России, к Ленину с просьбой о конкретной помощи…

— Дальнейшее тебе известно, Ванко, — закончил Берзин свою военно-политическую информацию о Китае. — Осенью двадцать третьего года ты в Москве сам видел делегатов Сунь Ятсена. Знаешь и о Карахане, сразу же отправившемся в Пекин. И о Бородине. Знаешь и о Блюхере. Китайские революционеры нуждаются в нашем революционном опыте, в нашей материальной помощи, в нашем оружии. Сунь Ятсен не коммунист, но понимает, что без большевистской России, единственного искреннего друга революционного Китая, его дело обречено на гибель.

Разговор уже заканчивался, когда Берзин сообщил мне о последней в этот замечательный день неожиданности.

— Да, еще одна деталь, Ванко. — Он снова весело посмотрел на меня, и я понял, что он вовсе не по рассеянности оставил эту «деталь» под конец. — На сей раз у тебя будет милая компания — Галина.

— Не понимаю, Павел Иванович? Неужели вы мою Галину имеете в виду?

— Именно ее, — громко рассмеялся он и добавил: — Только давай договоримся. Галина Лебедева теперь наша, из нашего управления. Ты едешь с ней не на курорт в Крым или Сочи. В Китае она будет вашей шифровальщицей… Итак, до свидания, Ванко, — Берзин пожал мне на прощанье руку. — Готовьтесь. Через месяц или два отправляетесь…

Месяц-два — это было то время, которое Берзин смог выделить нам для подготовки к работе на новом участке. Мало это или достаточно? Я бы сказал — ничтожно мало. Китай для меня (да и для Гали — моей жены) был совершенно незнакомой землей, чем-то вроде другой планеты. Скудные географические познания, данные нам школой, только усугубляли его загадочность. Да и европейская печать в те годы не баловала сведениями о Китае: со дня победы Октябрьской революции прошло только восемь лет, с разгрома интервентов и подавления белогвардейской контрреволюции — менее пяти, и европейские газеты заполняли свои колонки клеветнической и лживой информацией всякого рода сомнительными, сенсационными сообщениями, злопыхательскими комментариями о Советской России. Китай в те годы был очень далек, только наиболее просвещенные умы и дальновидные политики могли предвидеть,

что «проблема Китая» — это проблема Европы, что Китай — часть единого и неделимого мира людей, а судьба Китая — часть судьбы международного революционного движения…

Мы с Галиной засели за книги, читали запоем — так занимаются студенты во время экзаменов. Нас интересовали книги по истории и географии Китая, его климат, экономика и быт, народное творчество, обычаи и религиозные верования. Мы изучали всевозможные альманахи, карты, фотографии и картины, изображавшие жизнь этой страны. Беседовали с товарищами из управления и с учеными, побывавшими в Китае или изучавшими его проблемы. Все было к нашим услугам. Специалист по китайскому языку ознакомил нас с азами китайского языка, с системой иероглифов. Мы заучивали (какой это было мукой!) наиболее распространенные слова и выражения, которые могли пригодиться в крайнем случае… Наша квартира на Цветном бульваре превратилась в классную комнату, свет в ней горел до полуночи.

Разумеется, с особым старанием мы изучали историю, характер и особенности китайской национальной революции — ведь это на ее защиту отправлялось наше пополнение корпуса Василия Константиновича Блюхера!

2. О КИТАЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ЕЕ ВОЖДЕ СУНЬ ЯТСЕНЕ

Хочется надеяться, что читатель и в дальнейшем проявит интерес к моим запискам, в противном случае ряд событий, имевших решающее значение для судьбы Китая, которые потрясли эту страну и вывели ее на современную историческую арену, останутся для него загадочными.

Китайское национально-освободительное движение зародилось в конце прошлого века, когда группа молодых интеллигентов, выходцев из народа, получивших европейское образование и имевших широкий идейный кругозор, решили посвятить свои силы освобождению народа. Освобождение они понимали двояко — как свержение маньчжурской Цинской династии, тиранически управлявшей страной почти три столетия (с 1644 г.) и ликвидацию иностранной интервенции.

В эпоху Цинской династии в Китае начался глубокий социально-политический кризис, страна стала ареной ожесточенных колониальных войн. Самым агрессивным оказался британский лев, в 1840 году спровоцировавший первую «опиумную» войну. С этого момента Китай начал превращаться в полуколонию Великобритании, Франции, США (позже и кайзеровской Германии), наводнивших его дешевыми и низкосортными товарами в виде «компенсации» за драгоценное китайское сырье и предметы искусства. Грандиозным народным бунтом против иностранного нашествия, а также против китайских и маньчжурских феодалов стало знаменитое Тайпинское восстание (1851—1864 гг.). На помощь Цинской династии пришли, прибегнув к откровенной интервенции, империалистические государства — началась вторая «опиумная» война. Колониальные силы распространяли свое влияние в Китае вширь и вглубь, используя целую систему неравноправных договоров, превративших тысячелетнюю Поднебесную империю в свою вотчину и поделивших ее на «сферы влияния»…

Восстание тайпинов было разгромлено, но боевые традиции не угасли: боксерское движение, как европейцы назвали родившееся в народе патриотическое социальное движение, стало символом китайского возрождения.

Уже с момента своего возникновения китайское национально-освободительное движение было связано с именем Сунь Ятсена. Этот молодой двадцатисемилетний врач, родившийся в провинции Гуандун и получивший образование в Гонконге, в

1894 году провозгласил свою «Великую программу четырех условий». Она сводилась к ликвидации пережитков феодализма и на этой основе — к ликвидации отсталости Китая и его колониальной зависимости от империалистических государств.

Идеалы молодого Сунь Ятсена отличались глубоким гуманизмом, подлинным демократизмом и патриотизмом. Но ни молодой Сунь Ятсен, ни его товарищи, глубоко любившие свой народ, все еще не видели конкретных путей для осуществления своих целей.

Трагическое стечение событий в начале девяностых годов прошлого века раскрыло Сунь Ятсену глаза: империалистическая Япония, которую цинские чиновники ошибочно считали «букашкой» (а Китай — «слоном»), объявила войну Китаю. Ее небольшая, но отлично обученная и вооруженная по последнему слову техники армия нанесла ему позорное поражение. Японцы прибрали к рукам Корею, Порт-Артур, а затем — огромные территории Маньчжурии. Китайский флот был разбит, сухопутные армии обращены в бегство, японцы стали угрожать восточным провинциям и самой столице империи. Казалось, ничто не в состоянии остановить их победный марш. Букашка побеждала слона… Сунь Ятсен и его соратники видели, что поражение — результат продажности Цинской династии и вековой отсталости Китая. Они понимали, что страну можно спасти только в том случае, если будет свергнута Цинская династия, а вместе с ней и сам абсолютистский монархический режим, господствовавший в стране свыше двух тысяч лет. Они знали, что спасение Китая в революции.

24 ноября 1894 года основатели Союза возрождения Китая съехались в Кантон, чтобы заслушать декларацию новой революционной организации, зачитанную Сунь Ятсеном. Их было всего двадцать человек — просветителей, сеятелей, а огромная китайская земля явилась благодатной почвой для революционного света.

В начале 1895 года руководство Союза обосновалось в Гонконге, были разработаны планы восстания, уточнены главные направления нанесения удара.

Но в канун самого восстания среди его руководителей вспыхнул конфликт, заставивший отсрочить начало восстания. Это событие имело роковые последствия. Начались поголовные аресты. Большинство членов Союза было казнено. Сунь Ятсену, укрывшемуся у верных друзей, удалось спастись.

Итак, первая попытка окончилась неудачей, но Сунь Ятсен и его товарищи не сложили оружия. Горячо убежденный в правоте своего революционного дела, Сунь Ятсен немедленно принялся за

восстановление тайной организации, вооружившись опытом, трезвым подходом к делу.

Революционный долг заставил его отправиться в Англию, Соединенные Штаты, Японию. Он объезжал колонии китайских переселенцев в поисках сторонников революции.

Новый век вступал в Китай под эхо новых боксерских восстаний на Севере — в Маньчжурии, в провинциях Шаньдун, Чжили, Шаньси. Зародившееся как протест против гнета китайских и маньчжурских феодалов, движение тайных революционных обществ переросло в массовое восстание против оккупантов, которое в силу своей изолированности было подавлено.

Сунь Ятсен и его сподвижники начали усиленно готовить восстание на Юге. Собирали оружие, создавали тайные революционные отряды, разрабатывали новую тактику.

К 1905 году у Сунь Ятсена оформились политико-идеологические концепции, касающиеся будущего устройства Китая, был выработан первый вариант революционной программы, включавшей «три народных принципа: национализм, народовластие, народное благоденствие».

Но 1905 год стал примечательным еще и потому, что Сунь Ятсен заложил основы Объединенного революционного союза, а это явилось новым шагом на пути к сплочению революционных сил.

Повстанческие отряды начали действовать в 1907 году, их борьба явилась далеким отзвуком первой русской революции (1905 г.). Их действия слились с бунтами китайских шахтеров и крестьянскими волнениями в Южном Китае.

В апреле 1911 года вспыхнуло героическое Кантонское восстание. Монархистам удалось потопить его в крови. Но это была пиррова победа. Кантонское восстание послужило для всего Китая призывом к революции.

Революция началась в октябре 1911 года в провинции Хубэй. Ее столица Учан, цитадель тысячелетней монархии, оказалась в руках восставших. Победа в Учане вызвала мощные волнения в Шанхае, Кантоне, Чанша. Революционные войска форсировали реку Янцзы и овладели Ханьяном и Ханькоу. Еще нескольким провинциям удалось вырваться из-под власти династии Цыси. Это явилось началом конца тысячелетней монархии. В декабре революционные войска из провинции Узянсу, Аньхой и Чжэцзян при поддержке революционных отрядов из Шанхая и эскадры флота овладели Нанкином. Древняя имперская столица Китая стала столицей революции. Здесь собрались представители шестнадцати освобожденных провинций и избрали временное

правительство, свергнув маньчжурскую династию Цыси и провозгласив республику.

1 января 1912 года руководство Объединенных революционных сил единодушно избрало Сунь Ятсена временным президентом Китайской республики.

Но путь, открывшийся перед республикой 1912 года, не был легким. Китаю предстояло перестать быть легкой добычей любого иностранного завоевания. Внутри Китая крупные колониальные государства, посредством подкупов и концессий учредили свои «государства в государстве»; китайская компрадорская буржуазия, смертельно перепуганная лозунгом о «народовластии и народном благосостоянии», держала в своих руках главные экономические рычаги страны и была готова сделать все, чтобы помешать дальнейшему революционному развитию республики, превратить ее в послушное орудие своей власти.

Сунь Ятсен все это понимал. Он видел, что в ряды Объединенного революционного союза проникли буржуа, землевладельцы-феодалы, капиталисты, агенты иностранного капитала и всевозможные авантюристы, продажные генералы, карьеристы, политические спекулянты. Он понимал, что все эти «революционные» элементы при первом же удобном случае продадут революцию за пригоршню сребреников, а ее руководителей отправят на эшафот. Он видел все это, но социальных сил, на которые могла бы опереться подлинная революция, рабочего класса в то время в Китае практически не существовало. В начале века рабочий класс составлял менее одного процента населения. Значительной по численности была прослойка мелкой городской буржуазии, мелких торговцев и ремесленников, огромный процент населения составляли крестьяне, погрязшие в нищете, невежестве, консерватизме, политической инертности и слепоте. Смогут ли здоровые силы революции нейтрализовать натиск черных сил разрушения?

Республика победила не на всей территории Китая — оставалось освободить от ига империалистических государств миллионы квадратных километров территории, населяемой сотнями миллионов людей. Оставалось самое важное: стабилизировать экономическое положение республики, разоренной, доведенной до катастрофы династией Цыси, беспощадно ограбленной нашествием японцев, грубо эксплуатируемой колониальными государствами. Республика располагала небольшой, плохо вооруженной армией, не имела финансовых средств, империалистические государства отказывали ей в каких бы то ни было кредитах, западная капиталистическая печать называла Сунь Ятсена «беспочвенным

мечтателем», «фантазером» и откровенно поддерживала старый режим…

В то время в мире существовала только одна партия — партия большевиков, которая первой среди организаций европейского социалистического движения восторженно приветствовала революционное возрождение Китая. Как указывал Ленин, огромное значение китайской революции заключалось в том, что четыреста миллионов отсталых азиатов завоевали свободу, пробудились к политической жизни. Четверть населения земного шара воспрянула к свету, к движению и борьбе.

Окруженный ненадежными помощниками, колеблющимися министрами и продажными «сотрудниками» из Объединенного союза, Сунь Ятсен ценой огромных усилий пытался направить развитие республики некапиталистическим путем. Для него революция только начиналась, а республика являлась той необходимой предпосылкой, которая должна была обеспечить осуществление глубоко гуманных принципов социализма. Разумеется, Сунь Ятсен не был социалистом-марксистом, его концепциям присущ дух наивного либерализма и народничества, но для тогдашнего этапа развития Китая и это являлось шагом вперед. Ленин называл Сунь Ятсена революционным демократом, полным благородства и героизма, свойственного классу, который идет не под гору, а в гору, который не боится будущего, а верит в него и самоотверженно борется за него, — классу, который ненавидит прошлое и умеет сбрасывать его омертвелую и душащую все живое гниль…

Настанет время, пророчески предсказывал Ленин, когда в Китае вырастет рабочий класс, и именно он создаст пролетарскую партию, которая сохранит и разовьет революционно-демократическое ядро его (Сунь Ятсена) политической и аграрной программы. А Сунь Ятсен считал основой своей внутриполитической программы именно «раздел земли», т. е. аграрную реформу («каждому пахарю — свою ниву»).

В это же самое время — 25 августа 1912 года — в Пекине открылся учредительный съезд новой политической партии (гоминьдан), которой предстояло в последующие четыре десятилетия играть в судьбе Китая роковую роль. Новая партия — детище умеренных правых буржуазных сил Объединенного революционного союза. Хотя Сунь Ятсен не участвовал в работе съезда, относясь к созданию гоминьдана с известным недоверием, его избрали главой новой политической партии. Однако фактически руководство находилось в руках правых сил. И уже через год они попытались предать республику. После их измены Сунь Ятсен создал новую политическую партию — Чжунхуа

гоминьдан (Революционную партию). Эта партия была строго законспирированной организацией. В ее программу вошли «Три народных принципа» Сунь Ятсена и его учение о революционной диктатуре.

Создание законспирированной организации подсказала сама жизнь. Правые силы, занявшие ключевые позиции и в органах власти, и в гоминьдане, вскоре передали власть в руки представителя компрадорской буржуазии Юань Шикая. Они убедили Сунь Ятсена подать в отставку в пользу Юаня, который будто бы один в состоянии объединить страну и упрочить положение республики. За короткое время Юань фактически реставрировал монархию и провозгласил себя новым императором. Сунь Ятсен был вынужден на непродолжительное время эмигрировать в Японию. Через два года революционная партия, завоевавшая симпатии и поддержку огромных масс населения, подняла повсеместно по всему Китаю восстания, и Юаню пришлось расстаться с властью. Но прежде чем окончательно исчезнуть со страниц истории, диктатор отказался от власти в пользу нескольких милитаристских клик, группировавшихся вокруг продажных генералов Дуан Цижуя, У Пэйфу, Цао Куна, Чжан Цзолина и других.

Сложными — то верными и целенаправленными, то ошибочными, непоследовательными, реставрационными — были шаги республики, неясными ее политические концепции, глубоко укоренившимися конфликты между отдельными группировками, которые выдавали себя за ее защитников. Хотя одна из целей революции и была осуществлена — эксплуататорская Цинская династия оказалась свергнутой, — республика была не в силах разрешить основные противоречия китайского общества: наступательный демократизм масс пугал либеральную буржуазию. Вскоре она порвала с крестьянством и пошла по пути милитаризации и предательских соглашений с иностранным капиталом. Япония, во время первой мировой войны решительно вмешавшаяся в «битву за Китай», фактически установила над страной свой контроль.

Новый решительный шаг в идейном созревании Сунь Ятсен, а вместе с ним и китайское освободительное движение, совершили после Великой Октябрьской социалистической революции в России. Под ее влиянием Сунь Ятсен превратил свой «принцип национализма» в принцип беспощадной и бескомпромиссной борьбы с империализмом; «принцип народовластия» — в идею народной диктатуры, а принцип «народного благоденствия» из требования аграрной реформы перерос в требование немедленной национализации крупной промышленности, с тем

чтобы частный капитал не мог держать в руках судьбы народа.

Именно после Октябрьской революции — а Сунь Ятсен приветствовал ее как «надежду человечества» — он пришел к своим замечательным трем стратегическим лозунгам, которые могли бы обеспечить победу китайской революции. Они включали союз с Коммунистической партией, поддержку рабочих и крестьян, союз с Советской Россией.

> «Дальнейшая революционная борьба нашей партии может оказаться безрезультатной, — писал тогда Сунь Ятсен, — если мы не будем учиться у России».

В то время как в 1918 году Япония, США, Франция и Англия организовывали на Дальнем Востоке экспедиции белогвардейцев и интервентов, снабжая Колчака — «верховного главу всея Руси» — и других белых генералов несметным количеством оружия, снаряжения, продовольствия, золотом и даже составом всевозможных «советников», Сунь Ятсен послал Ленину приветственную телеграмму:

> «Революционная партия Китая выражает глубокое восхищение тяжелой борьбой, которую ведет революционная партия Вашей страны, и выражает надежду, что революционные партии Китая и России объединятся для совместной борьбы».

В конце 1920 года наступили благоприятные перемены и в Китае. Удалось разгромить милитаристские клики в южных провинциях, а в апреле 1921 года полностью освободить Кантон. Сунь Ятсен был избран президентом Китайской республики.

В том же году, после разгрома Колчака, белогвардейские банды были изгнаны из Забайкалья и Приморья, удалось освободить от разбойничьих шаек барона Унгерна Монголию. В Китай из Москвы прибыл посланец Ленина.

Радости Сунь Ятсена не было границ. Он нуждался и в помощи, и в советах, и в друзьях. Формально власть Южного правительства Сунь Ятсена распространялась на провинции Гуандун, Гуанси, Юньнань, Гуйчжоу, Сычуань и часть провинции Хунань. Фактически же полностью его власть признавали только в провинции Гуандун. В Гуанси все еще управлял милитарист генерал Лу Юнтин, собравший многочисленную армию головорезов и самовольно провозгласивший себя губернатором. Подобное же положение создалось и в других «союзных» провинциях, где почти не считались с властью Кантонского правительства. В Гуандуне тоже хватало милитаристов, ждавших

удобного момента, чтобы установить личную военную диктатуру в своих округах. Понадобились гигантские усилия для национального и территориального объединения огромной страны с сотнями миллионов населения, все еще не пробудившегося для проявления общественной инициативы. Сунь Ятсен видел в партии большевиков, в Ленине, в новой России главную опору в деле разрешения собственных проблем, друзей и доброжелателей революционного Китая.

В то время власть Кантонского правительства — единственного законного конституционного правительства Китая, распространялась только на южную часть Китая. Северная часть и Маньчжурия все еще находились под властью реакционного узурпаторского правительства Пекина, а оно, со своей стороны, — под сапогом генерала Чжан Цзолина. Чжан Цзолин официально числился командующим войсками или военным губернатором Маньчжурии, но что значила в те бурные годы «чистая» политическая власть, лишенная вооруженного могущества! Чжан Цзолин в свою очередь подчинился Токио. Таким образом, Пекин фактически превратился в орудие Японии, ее империалистических планов в Китае и на всем Дальнем Востоке.

В конце 1921 года Сунь Ятсен организовал поход против Пекинского правительства, срывавшего все попытки добиться национального объединения страны. Но пока он успешно воевал на Севере, военный комендант Кантона объявил себя диктатором. Измена генерала заставила Сунь Ятсена немедленно вернуться и наказать изменника…

Это был не первый и не последний случай измены со стороны генералов. Сунь Ятсен очень встревожился. На кого опереться, от кого ждать помощи в тяжелой борьбе за спасение Китая? В то время — в конце 1921 года — была основана коммунистическая партия Китая. Она была малочисленной, но история Европы говорила о том, что партия коммунистов — это партия будущего, сила, на которую можно опереться как на верного самоотверженного союзника. И Сунь Ятсен собирался включить ее в объединенный политический союз гоминьдана.

> «Если мы хотим чего-нибудь добиться, — говорил Сунь Ятсен после неудачного похода на Север, — то должны искать новых путей. У нас не было образца, которому можно было бы следовать. Но теперь такой образен есть: это Россия.
>
> Необходимо учиться у нее. Необходимы тесные деловые контакты с русскими. Русские осуществили революцию и выдержали четырехлетнюю гражданскую

войну. В Россию ворвалось больше иностранных войск, чем когда-либо находилось в Китае. И все же русские победили, потому что они располагали народной армией, новой армией, созданной в ходе революции, и эту армию вели в бой люди партии, революционеры. Эту армию поддерживали рабочие и крестьяне, народ…»

В соответствии с этими мыслями Сунь Ятсен решил реорганизовать гоминьдан — этого требовала революция. И он послал в Москву военно-политическую делегацию: ознакомиться с деятельностью советских правительственных, военных и партийных организаций, а также попросить неотложной помощи. Это решение нашло выражение в советско-китайском соглашении, подписанном 26 января 1923 года Сунь Ятсеном и посланцем Ленина А. А. Иоффе. Ленин протянул братскую руку Китайской революции в самый трудный момент ее развития.

Первым конкретным результатом переговоров китайской делегации в Москве явилась командировка в Китай группы советников-добровольцев, во главе с видным большевиком М. М. Бородиным. В состав группы входили коммунисты, имеющие богатый опыт нелегальной борьбы, участвовавшие в революции, в разгроме контрреволюции и иностранной интервенции. Именно в таких военных и партийно-политических советниках крайне нуждался Сунь Ятсен. Глава группы, Бородин, не имел военного опыта, но был дальновидным политиком, тонким дипломатом, крупным партийным стратегом и организатором.

Бородин руководил всей работой группы советников, однако сложная военно-политическая обстановка в Китае вскоре показала, что необходимо присутствие опытного военного руководителя. В октябре 1924 года в Гуанчжоу приехал в качестве главного военного советника Сунь Ятсена и гоминьдана герой революции В. К. Блюхер.

Василий Константинович Блюхер, по национальности русский, родился в 1890 году в семье крестьянина-бедняка. Он начал свою трудовую деятельность на вагоностроительном заводе в г. Рыбинске. Человек недюжинного ума, решительный, волевой, Блюхер вскоре выдвинулся в ряды руководителей пролетариата. Но после одной успешной проведенной забастовки царская охранка бросила его на три года в тюрьму.

Во время первой мировой войны Блюхер служил в армии унтер-офицером, был тяжело ранен и уволен из армии как «негодный к строевой службе». Он поступил рабочим на судостроительный завод в Сормово, где вступил в ряды партии

большевиков.

Начавшаяся Октябрьская революция открыла широкое поле деятельности для тысяч талантливых выходцев из народа — людей, самоотверженно сражавшихся за свою, советскую власть. Одним из героев революции стал Блюхер. Он покрыл себя неувядаемой славой в борьбе против белогвардейцев и интервентов. Под его командованием был осуществлен героический сорокадневный поход партизанской армии по тылам белоказацких войск, бои за Каховку, за Перекоп (ворота в Крым), легендарные сражения под Волочаевкой, о которой и сейчас поют популярную песню. В 1918 году В. К. Блюхер был награжден высшей наградой республики — орденом боевого Красного Знамени. В 1921—1922 гг. он стал главнокомандующим, военным министром и председателем Военного Совета тогдашней Дальневосточной Советской Республики — самого неспокойного района, где предстояло разгромить бесчисленные полчища белогвардейских генералов и разного рода интервентов. Блюхер блестяще справился с этой задачей, очистив от врагов огромный район Сибири, Забайкалья и Приморья.

Вместе с В. К. Блюхером в Китай были направлены опытные специалисты-революционеры. «Миссия Блюхера» — под таким именем вошла в историю советско-китайских отношений эта небольшая группа военных специалистов-революционеров, которые вместе с политическими советниками Бородина оказали неоценимую помощь Китаю.

Работа советских военных и политических советников, приглашенных Сунь Ятсеном, к весне 1926 года сводилась к следующему.

Был установлен порядок в армейских соединениях суньятсеновского правительства.

На острове Хуанпу, расположенном на реке Чжуцзян близ Гуанчжоу, столицы революционной провинции Гуандун, была создана первая в истории Китая революционная военная школа. В ней будущие командиры революционной армии получали не только военную, но и политическую подготовку, что уже само по себе представляло небывалый факт во всей тысячелетней истории Китая.

Был составлен новый устав и коренным образом реорганизован гоминьдан с целью превращения его в мощную, дисциплинированную политическую партию, способную взять на себя руководство народными массами и осуществить широкую программу всесторонней национальной реконструкции.

Состоялся Первый съезд обновленного, коренным образом перестроенного гоминьдана, который с включением

Коммунистической партии фактически перерос в Единый национально-революционный фронт Китая. Съезд избрал Сунь Ятсена пожизненным председателем революционной партии и принял историческое решение о создании революционной армии по образцу Красной Армии.

Началось создание революционной китайской армии — опоры революционной власти и щита революции против поползновений мирового империализма.

Вот в главных чертах успехи, достигнутые при непосредственной помощи советских военно-политических советников за краткий период времени — два-три года. Читателю не обязательно быть политиком или военным специалистом, чтобы понять, какую колоссальную по объему и какую важную для судеб страны работу проделали посланцы Ленина в поддержку Китайской революции.

Вот почему Сунь Ятсен, преисполненный безграничной благодарности к советскому народу, с предельной ясностью понимавший, что без его помощи Китайская революция обречена на гибель, перед смертью продиктовал завещание китайскому народу и обращение к правительству СССР. В нем вождь Китайской революции писал:

> «…Дорогие товарищи! Прощаясь с вами, хочу выразить пламенную надежду, надежду на то, что скоро наступит рассвет. Наступит время, когда Советский Союз, как лучший друг и союзник, будет приветствовать могучий и свободный Китай, когда в великой битве за освобождение угнетенных наций мира обе страны рука об руку пойдут вперед и добьются победы…
>
> *11 марта 1925 года, Сунь Ятсен».*

Пророческие слова великого народного вождя. Действительно, через четверть века после его смерти Китайская революция победила, опираясь на всестороннюю братскую помощь могучего Советского Союза. Однако бессмертные заветы Сунь Ятсена были забыты китайскими руководителями из группы Мао Цзэдуна, грубо растоптавшими священные традиции советско-китайской дружбы, клеветавшими на родину Ленина, на страну, которую Сунь Ятсен назвал «великой надеждой» не только Китая, но и всех угнетенных империализмом народов.

Китайская революция причалила к надежному берегу только благодаря боевому братству с Советским Союзом.

3. В ДАЛЬНИЙ ПУТЬ. ТРАНССИБИРСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Транссибирская железная дорога, пересекающая Советский Союз от Москвы до Владивостока на Тихом океане, с давних пор занимала мое воображение. Благодаря гигантской протяженности примерно в десять тысяч километров и тому, что она пересекает труднопроходимые и малонаселенные районы — горы, огромные сибирские равнины, тайгу, — Транссибирская железная дорога представляет собой одно из замечательных творений русского инженерного гения. И вот случай предоставлял мне возможность проехать на ней из конца в конец.

Конец января 1926 года.

На восток выехало несколько человек из группы, которая ехала по заданию Четвертого управления. В Китае нас должны были включить в миссию Блюхера как советников по вопросам военной разведки: революционная армия Сунь Ятсена на ряде фронтов терпела поражения между прочим и потому, что разведка — этот в большинстве случаев решающий фактор военно-политической операции — полностью игнорировалась… Разумеется, Берзин предупредил нас, что в Китай мы едем прежде всего как коммунисты-революционеры, что мы должны быть готовы отозваться на любой призыв гоминьдана и коммунистической партии защищать Китайскую революцию…

Отправились мы из Москвы в снежную зимнюю ночь. На вокзале нас никто не провожал, хотя на сей раз мы ехали официально с паспортами, где значились наши подлинные имена: Берзин считал, что не следует поднимать лишнюю шумиху. Логично было предположить, что западные центры разведки весьма активно интересуются не только составом, но и числом советских военно-политических советников, вызванных для оказания помощи Сунь Ятсену.

Вещи мы собирали и упаковывали с величайшей осторожностью: поклажа не должна быть объемистой (в Китае нам следовало обладать способностью к быстрому передвижению), но нам хотелось взять необходимые вещи, одежду, фотоаппарат, кое-какие книги.

Галина ревниво следила за тем, чтобы в чемоданы не попала ни одна ненужная вещь, но в них нашлось место для ее любимых книг. Сумеет ли эта женщина с нежной, чувствительной душой, поклонница театра, музыки и литературы, справиться с суровыми требованиями воинского долга?

Впрочем, пора вкратце познакомить читателя с Галиной, моей женой, которая со дня отъезда в Китай стала и товарищем по работе. Ей предстояло вынести на своих хрупких плечах тяжелую ответственную миссию военного разведчика. Она ехала на Дальний Восток шифровальщицей, а впоследствии в Европе по совместительству исполняла обязанности шифровальщицы и радистки.

Я познакомился с нею за три года до этого. Разумеется, это произошло случайно, большинство наших счастливых встреч в жизни — дело случая. Все благоприятствовало этому: и моя молодость, и начало весны в Серебряном Бору под Москвой, куда меня послали на двухнедельный отдых, и чудесная обстановка и уют дач — недавней собственности крупных сановников, где теперь отдыхали старые большевики и рабочие московских заводов.

Познакомился я с ней на праздничном вечере у одной старой большевички, Нины Петровны, которая с неистощимым интересом слушала мои рассказы о Болгарии. Нас представили друг другу, я очутился в дружеской компании, окруженный вниманием и доброжелательностью.

Галина Лебедева (так она назвала себя) сидела рядом со своей приятельницей. Когда я начал рассказывать о Болгарии, она безмолвно слушала, пристально глядя на меня большими карими глазами. Ни о чем не спросила, не сделала ни одного замечания, ничем не обнаружила своего присутствия. Голову ее оттягивали тяжелые длинные косы.

Когда в следующую субботу наша компания снова собралась у пылающего камина, я понял, что никто другой из присутствующих меня не интересует: Галине Лебедевой адресовались и мои слова, и взгляды и трепет моего существа. То ли она умела слушать, то ли любовь делала меня красноречивым, не знаю, но те вечера в Подмосковье остались одним из самых прекрасных периодов моей жизни. Я думал тогда, что ничего мне больше не нужно для настоящего счастья, что карие глаза Галины, ее тонкое лицо, тяжелые русые косы могут заменить мне весь мир. Она хорошо пела — ее мягкий альт наполнял ночь красотой и поэзией… Чудесные вечера в Подмосковье подарили мне законную долю простого и великого человеческого счастья, называемого любовью…

И вот теперь, спустя три года после нашей встречи в Подмосковье, Галина Лебедева ехала со мной в Китай. Как же так получилось, что она — дочь царского генерала, скончавшегося за несколько лет до революции, воспитанница знаменитого петербургского Института благородных девиц, поклонница

изящных искусств, дала согласие включиться в рискованную и опасную работу военного разведчика? Она была членом партии, а до революции сочувствовала революционному движению. Но тогда мне казалось — да и теперь кажется, — что главной причиной был я: что она готова была поехать в любое место и взять на себя любое задание, лишь бы быть вместе со мной; что она готова отказаться от своего призвания — сцены, от развития своего музыкального дарования, лишь бы быть со мной… Я не задумывался над тем, насколько я прав. Возможно, это была всего-навсего прекрасная иллюзия, питавшая мое мужское самолюбие. Сама Галина с ее тонкой славянской душой и способностью понимать состояние мужа никогда не пыталась разрушить мою иллюзию, за что я ей особенно благодарен. Разумеется, тогда мы были еще очень молоды, нам предстояло пройти через многие испытания, открыть для себя много истин — жизнь необъятна, и чем больше плывешь в ее океане, тем яснее понимаешь ничтожность человеческого тщеславия. Но человек всегда остается человеком. Как это важно знать, что жена, которую ты любишь, шагает с тобой в ногу не только по велению долга, но и по зову сердца…

Вместо того чтобы уснуть после перегруженного важными делами и тысячами мелочей дня, Галина уселась у небольшого столика, зажгла настольную лампу и принялась за чтение.

Я не подал вида, что проснулся. Какая-то новая, особенная атмосфера воцарилась в купе поезда, и мне показалось, что все рассеется, как сон, если я промолвлю хоть слово. Углубившись в книгу, слегка наклонив голову к плечу, Галина сидела в спокойной позе как будто у себя дома, на Цветном бульваре (она так хорошо умеет повсюду создавать уют). Много ночей, проснувшись, я наблюдал, как она, склонившись над книгой, погружалась в волшебный мир искусства и по-настоящему жила в нем. Но чем вызвана замеченная мной перемена? Да, с ней произошла перемена. Я улыбался, но мне было грустно: Галина сейчас выглядела по-иному, чем дня два тому назад, когда она вернулась из парикмахерской, после того как отрезала свои чудесные русые косы. Этого требовала новая работа, особые условия в Китае. В первое мгновение я изумился. «Галя, что ты наделала!» — вскрикнул я. Мне показалось, что она посягнула на нечто бесконечно дорогое, которое я считал своей собственностью. «Разве такая я тебе не нравлюсь?» — она закружилась, встряхнула копной остриженных по европейской моде волос. «Если ты хоть что-нибудь смыслишь в моде, как полагается каждому современному мужчине, ты должен поздравить меня!» И рассмеялась. Но смех ее звучал невесело,

хотя она старалась внушить и мне, и себе самой, что, по существу, ничего особенного не произошло… Мне казалось, она сама сознавала, что во всем этом была какая-то символика. Что, вместе с отрезанными косами, канули в прошлое детство, молодость, безмятежные годы на родине, что с этого дня перед ней простираются далекие, неведомые, рискованные пути военного разведчика. Что впредь каждый ее шаг, каждая мысль и жест будут подчиняться суровым военным требованиям; что у нее не будет постоянного угла, который можно назвать своим домом; что, ложась спать, она не будет знать, удастся ли ей спокойно провести ночь, не будет уверена, что человеку, с которым она соединила свою жизнь, не придется уехать куда-нибудь по требованию сурового долга; не будет знать, увидится ли она с ним когда-нибудь.

Галина оторвалась от книги и стала смотреть в окно вагона. Железные колеса мерно постукивали, поезд летел через снежную пустыню все дальше и дальше на восток. О чем она думала? Может, в этот тихий полуночный час в душу ее закралось сомнение? Все может быть. Разве и я не сомневался столько раз в своих силах и в силах других людей, зависевших от меня, разве не боялся, что у меня не хватит сил до конца честно выполнить свой долг?..

С тех пор прошло много лет, и теперь можно сказать, что зря я тогда боялся за Галину. Она шла по тяжелым дорогам, по которым ее вел воинский долг, уверенной поступью. Она была моим верным шифровальщиком и радистом, незаменимым советчиком, надежным другом.

Транссибирская железная дорога пересекает границы двух континентов. Мы доехали до Читы, а дальше поезд понес нас по маршруту Харбин — Пекин — Шанхай — Кантон знаменитой КВЖД. Мы ехали более девяти суток. Поезд останавливался только на крупных станциях, чтобы пополнить запасы воды и топлива и дать пассажирам возможность размяться на перроне и перекусить в станционных буфетах.

Хотя белогвардейские банды и армии интервентов были изгнаны с советской земли, следы их варварского нашествия встречались на всем протяжении магистрали. Ведь первой заботой интервентов являлся захват Транссибирской железной дороги — это был единственный путь, который вел в европейскую часть России. По Транссибирской магистрали им пришлось отступать. При отступлении они разрушали все, что могли, что успевали разрушить, — станционные постройки и ремонтные мастерские, мосты, виадуки, само полотно железной дороги. Многое они не успели уничтожить: партизанские обходные рейды

Блюхера и неожиданные атаки соединений Красной Армии сеяли среди интервентов страшную панику; под конец они думали только об одном: как спасти свою шкуру…

До Свердловска пейзаж за окном был знакомый — поезд шел по гигантской русской равнине, что тянулась от Карпат до Урала и от Балтийского моря до Крыма и Одессы, по равнине, пересекаемой могучими, медленно текущими реками, покрытой березовыми рощами и хвойными массивами, небольшими холмами, с редкими селениями.

Свердловск — это уже Урал. Свердловск (бывший Екатеринбург) — один из старейших и крупнейших промышленных и культурных центров старой России. Это город металлургов, город богатых традиций революционной борьбы.

Поезд немного постоял на станции, словно отдыхая, и вскоре Свердловск остался позади. Но Урал продолжался. Железнодорожная трасса проходила по краю глубоких долин, через тоннели, прорытые в огромных скальных массивах заснеженных гор, пересекала бурные горные реки. Я, болгарин, воспринимал уральский пейзаж как свой родной, мне казалось, что я проезжаю через горы моей родины.

Наиболее интересная часть путешествия началась после Петропавловска и Омска. До этих мест все в большей или меньшей мере было знакомым. А после Петропавловска и Омска начиналось нечто, приводящее человека в изумление, — тайга, вековые непроходимые леса.

Мне кажется, тот, кто не видел тайги, по-настоящему не знает России. До этого мое представление о ней было совсем иным, оно определялось в основном ее масштабами. Когда я увидел тайгу, то понял, что Россия отличается от любой другой страны мира. Пейзаж до Урала можно еще в той или иной мере сравнить с пейзажем (правда, в сильно сокращенных пропорциях) ряда европейских равнинных государств. Но то, что видишь после Петропавловска и Омска, можно увидеть и узнать, можно почувствовать только в России.

Поезд шел через тайгу несколько суток, пока не показались Иркутск и озеро Байкал. В течение нескольких суток по обе стороны железнодорожного полотна зеленой стеной тянулся лес. Лес, лес, лес, лес… Ничего другого, кроме леса и клочка голубого неба. В конце вторых или третьих суток пассажир чувствует себя как на океанском пароходе. Не хватает только качки и морской болезни. Все то, что вы там можете увидеть, превосходит нормальные человеческие представления об огромном, бесконечном, гигантском: тайга не имеет ни конца, ни края…

За период с 1926 по 1929 год мне пришлось четыре раза

проехать через всю Россию до Читы, четыре раза пересечь тайгу. В первый раз, как я уже сказал, я сел в поезд Транссибирской магистрали в Москве. Остальные три раза мне пришлось ехать из… Вены. Читатель, наверно, догадывается почему: задачи разведки заставляли меня ехать через «большевистскую Россию» транзитом в качестве иностранного торговца, комиссионера или коммивояжера, которому предстоит заниматься бизнесом в Китае. Он, видите ли, страдает морской болезнью и не может сесть на пароход в Гамбурге или Гааге, чтобы плыть на Дальний Восток, в конце концов он хочет выиграть время и потому отправляется в Китай «напрямик», а не «в объезд». Это я говорил своим спутникам. Как солидный торговец-комиссионер, я ехал в первом классе, носил обувь и костюмы из самого дорогого материала, сшитые по самым модным венским образцам, расточал улыбки и чаевые, курил ароматные египетские сигареты и то и дело, в зависимости от обстоятельств, демонстрировал пренебрежение, подозрительность и наивное отношение к «большевистской России»… Мои поездки начинались в Вене не только потому, что мне предстояло выполнять специальные задания. Были еще соображения. Во-первых, это делалось в целях обеспечения полной безопасности в Китае. Наши случайные попутчики в поезде, в большинстве случаев агенты иностранных разведок, могли в Китае засвидетельствовать перед своими резидентами, что «своими глазами» видели, как интересующая их особа (я или кто-нибудь из моих коллег) ехала транзитом из Вены, где находится ее торговый центр, и что она не принадлежит ни к «красным», ни к «подозрительным». Это во-первых. А во-вторых… На этом пункте мне хочется остановиться подробнее.

Первое соображение подсказал Берзин, и оно полностью оправдалось. Второе выдвинули мы. Оно вытекало из впечатления, которое производила на нас тайга.

Для меня, славянина и коммуниста, тайга и все путешествие через Россию было праздником — праздником для воображения, не успевающего насытиться многоликой красотой этой земли; праздником для сердца, вступавшего в соприкосновение со своей праземлей, прародиной; праздником моих коммунистических убеждений; праздником моей веры: раз в России, на этой необъятной земле, восторжествовала революция, то будущее мира непременно принадлежит коммунистическим идеям…

Кроме того я видел, как русский пейзаж, особенно тайга, воздействуют на чувства и мысли иностранных пассажиров Транссибирской железной дороги.

Это влияние трудно описать.

Русский лес действовал на них, как шок. Шок внезапный,

неожиданный, потрясающий всего человека, имеющий в большинстве случаев неожиданные для самого пассажира последствия.

Разумеется, иностранные пассажиры, ездившие в те годы по Транссибирской магистрали, были разные люди. Многие из них являлись агентами разведок — французской, английской, американской, японской, — встречались среди них и всевозможные «эксперты по России», и просто диверсанты, снабженные подлинными заграничными паспортами. Они ехали через Россию, чтобы познакомиться с этой загадочной «красной» страной, непосредственно почувствовать дух ее земли, высмотреть новый промышленный объект или военную установку, услышать случайно вырвавшуюся из уст русского пассажира секретную новость, поймать, если случайно повезет, на «удочку» какого-нибудь наивного гражданина.

«Так вот она какая — Россия!» — можно было, словно в открытой книге, прочесть на лицах некоторых из них. А ведь это только часть ее… Ее не объедешь на поезде, не охватишь взглядом, даже солнце не может осветить ее всю сразу (когда во Владивостоке всходит солнце, в Минске еще ночь)… «Какая бесконечная земля! Какие богатства! Как ее лучше завоевать? Как захватить эти богатства? Как воевать с этим народом, как его победить?..»

Выехавшие из Вены врагами этой земли, приехавшие, чтобы злословить, вредить, шпионить, некоторые из этих людей прибывали в Китай неузнаваемо переменившимися. Еще в Вене они легко вступали в разговор со мной и моими коллегами, мы быстро находили общий тон и язык. До Москвы совместно ругали все «красное», отворачивались от революционных плакатов и лозунгов на перронах станций, откровенно демонстрировали досаду при неизбежных контактах со всем советским — таможенниками, проводниками вагонов, официантами вагона-ресторана…

Краткая остановка в Москве подстегивала нашу антисоветскую ярость… «Жаль, ах как жаль, что великая Россия попала в лапы этой неграмотной сволочи — лентяям-фабричным, солдатам, вшивым мужикам. Какая трагедия…» Обильный обед в вагоне-ресторане и крепкие французские вина смягчали нашу ярость, поднимали настроение у будущих «хозяев и освободителей России» — мы провозглашали тосты за провал советского строя и пели старинные русские романсы.

Алкоголь мутил сознание собеседников, они теряли над собой контроль и у них помимо воли вырывались отдельные слова и целые фразы, которые о многом говорили опытному уху,

давали возможность установить подлинную личность торговых агентов и комиссионеров. В этих фразах содержались не только отголоски дикой злобы и не просто угрозы.

Потом мы доезжали до Урала, этой неисчерпаемой сокровищницы подземных богатств, металлургического сердца России. Возлияния продолжались, но ругань уступала место неистовой злобе. «Смотрите, герр… (перед каждой поездкой я менял имя), смотрите, я узнаю этот хребет. Тут были горнодобывающие концессии французско-бельгийской фирмы. Если бы вы только могли себе представить, какой уголь, какую медь и железо добывали здесь!..» Наши спутники демонстрировали поразительную для обычного пассажира осведомленность об ископаемых богатствах России, об их прежних русских или иностранных владельцах, промышленных запасах, производственной мощности… Я кивал головой в знак полного единодушия. «И эти богатства теперь в руках красных! Нет, это чудовищно! Это действительно надо исправить, господа…»

Впереди был Омск, величественные сибирские реки, тайга.

Тайга в первый момент поражала. Наши попутчики сидели у окон своих купе ошеломленные.

Мы продолжали играть роль независимых торговцев. Но мы успевали подружиться и могли быть откровенными: «Лично для меня, в конце концов, не столько важно, кто владеет этими лесами, этими землями, этими богатствами; для меня главное покупать и продавать, делать бизнес… А большевики оказались дальновидными хозяевами и, извините, честными торговыми партнерами… Простите за откровенность, герр…»

Наши «приятели» кивали головами, пригубливали свои рюмки и продолжали молчать. Если мы намеренно не скрывали своего «настоящего» отношения к этой стране, то у них просто не было сил скрыть необыкновенное смущение, которое охватывало их души…

Когда мы расставались с ними в Китае и пожимали им на прощанье руки, мельком заглядывая в глаза, эти люди отворачивались, боясь, что раскроют перед нами, случайными попутчиками, бездну своей душевной опустошенности.

Мы проехали Иркутск, через несколько часов пути наш состав повернул на юг, и вскоре нашим взорам открылось озеро Байкал, окруженное венком живописных гор и скал, украшенных гигантскими соснами, вечнозелеными елями. Мы наслаждались его могучей красотой.

В ночь на девятые сутки поезд остановился на станции. Отсюда Транссибирская железная дорога шла на восток, к

Хабаровскому краю и Приморью до Владивостока, а мы ехали по КВЖД в Харбин, Дайрен, потом пароходом до Шанхая, а оттуда поездом до Пекина — конечной цели нашего путешествия.

4. МИССИЯ БЛЮХЕРА — МИССИЯ ДРУЖБЫ. ПЕРВАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В КИТАЕ

В своем стремлении к освобождению Катай на протяжении первой половины нашего века пережил одну за другой три гражданские войны. Первая (1924—1927 гг.) была начата Сунь Ятсеном как война против предательского милитаризма и его опоры — империалистических сил, во имя мирного объединения страны. Как известно, эта первая попытка довести до благополучного завершения дело Китайской революции окончилась провалом из-за измены Чан Кайши и поворота вправо гоминьдана, после преждевременной смерти Сунь Ятсена. Вторую гражданскую войну (1927—1937 гг.) вели революционные силы во главе с Коммунистической партией Китая в южном и центральном районах страны, против изменников гоминьдана за спасение дела китайской революции. Третья гражданская война (1945—1949 гг.), разгоревшаяся после разгрома Советской Армией японских агрессоров на Дальнем Востоке, завершилась полным поражением чанкайшистов и их американских хозяев, победой дела революции, начатой еще Сунь Ятсеном. Создание 1 октября 1949 года Китайской Народной Республики открыло путь для народно-демократических и социальных преобразований.

Читатель, конечно, уже получил представление о том, что счастливое завершение тяжелой, продолжавшейся без перерыва почти полвека революционной войны в Китае было бы немыслимым без огромной материальной, политической и моральной поддержки, которую оказывал революционным силам Советский Союз до самого дня окончательной победы.

Когда я впервые ступил на китайскую землю в начале 1926 года там бушевало пламя первой революционной гражданской войны за объединение страны под эгидой революционного правительства в Кантоне (Гуанчжоу). Как я уже говорил, эту борьбу начал Сунь Ятсен, который натолкнулся на разветвленную сеть заговора, против дела революции, против гоминьдана, против него самого — объединителя и вождя революционных сил.

Этот заговор был организован силами империалистов и контрреволюционеров, видевших для себя смертельную опасность в возможности окончательной победы революции, осуществления ее программных социально-демократических преобразований. Во главе заговора стояли кантонские торговцы — компрадоры. Самым тесным образом связанные с западным, в основном английским, капиталом, они поддерживали постоянные контакты

с английской колонией Гонконгом. Это было нетрудно: остров Гонконг находился всего в сотне километров южнее Кантона — расстояние для огромных масштабов Китая незначительное — и в непосредственном соседстве с португальской колонией Макао (Аомынь). Во главе кантонских торговцев-компрадоров встал Чень Лиенбо. Он был в то время председателем Кантонской торговой палаты, его вклады в банках достигали двухсот миллионов долларов. Однако «главным дирижером» заговора являлся англичанин Роберт Годен, шеф Гонконгско-Шанхайского банка, крупный финансист, представитель западных финансовых монополий, чьи хищнические интересы были тесно связаны с богатствами Китая.

Как показало будущее, кроме Роберта Годена, в центре заговора стоял «посольский квартал» в Пекине, т. е. блок западных империалистических сил, объединенных общей ненавистью к Сунь Ятсену и революционному правительству.

Кантонские текстильные фабриканты, а также торговцы-компрадоры, энергично подстрекаемые английскими финансовыми магнатами, еще в 1912—1913 гг. создали в Кантоне наемную армию. Свою собственную вооруженную армию! Они исходили на первый взгляд из вполне благовидных побуждений: воинские части якобы должны были охранять промышленные предприятия, склады и магазины от воров и разбойников. Но истинное предназначение армии состояло в том, чтобы служить буржуазии бронированным кулаком в случае неизбежного столкновения с революцией и рабочим классом. Для будущего Армия насчитывала десяток тысяч человек: бродяг, солдат-дезертиров, уголовных преступников, беглецов из других провинций страны, всевозможных авантюристов и профессиональных убийц, способных по первому приказу пролить кровь рабочих. Кантон привлекал это отребье, находился в непосредственной близости с царством преступности и проституции — Гонконга и колониального города-вертепа Макао. Наемное войско, прозванное народом «шантуан» («бумажный тигр»), подчинялось непосредственно Чень Лиенбо.

Согласно планам заговорщиков, Чень Лиенбо должен был увеличить численный состав армии, снабдить ее новым оружием и достаточным количеством боеприпасов и сосредоточить главные силы в торговом квартале Кантона — Сигуане. Заговорщики предусматривали, что им удастся установить оперативное взаимодействие с армией контрреволюционного генерала Чжень Цзюнмина, а также с реакционными группами в самом гоминьдане. С помощью координированных ударов извне и изнутри враги революции намеревались захватить Кантон и

свергнуть революционное правительство Сунь Ятсена. Параллельно с ударом, направленным на Кантон, войска контрреволюционного генерала У Пэйфу должны были передвигаться с Севера из провинции Цзянси и оккупировать провинцию Гуандун — базу революционного правительства.

В коварный заговор был вовлечен и командир второй Гуандунской армии — самой значительной вооруженной силы революционного правительства. Обещали свою помощь также генералы из провинции Юньнань и Гуанси, не признававшие конституционного режима Сунь Ятсена и властвовавшие в оккупированных ими районах как абсолютные самодержцы.

Весной 1924 года армия «бумажных тигров» насчитывала уже двадцать тысяч головорезов. В это же самое время Чень Лиенбо закупил в Гонконге современное оружие и на норвежском судне «Хааф» привез его на остров Уампу, расположенный в двадцати километрах от Кантона.

Наряду с этим в боевую готовность были приведены силы контрреволюционного генерала Чжень Цзюнмина, примерно 70 тысяч солдат, а также сформированные в самом Кантоне «тайные» вооруженные группы, составленные из торговцев и торговых служащих, непосредственно связанных с компрадорской буржуазией. Не осталась в стороне и «суперсекретная» группа бывшего офицера авиации, английского агента Чжу Чжовэя. Состоявшая из профессиональных убийц и террористов, эта группа имела задачей физическую ликвидацию ответственных лиц в государственном аппарате и революционной армии, которые не поддавались ни подкупам, ни шантажу. Поскольку о «сверхсекретной» группе убийц Чжу Чжовэя в дальнейшем не будет речи, мне хочется сказать, что она оправдала ожидания своих хозяев: в 1925 году был убит друг и соратник Сунь Ятсена, председатель национального правительства в Кантоне, Ляо Чжункай, а за последующие несколько месяцев зверски истреблено более двухсот видных деятелей Коммунистической партии Китая и левых гоминьдановцев, верных идеалам революции.

Силы заговорщиков оказались значительными и тщательно организованными, причем они пользовались могучей поддержкой империалистических государств. Эта поддержка тогда была глубоко законспирирована, но империалистические силы были готовы хоть завтра выступить открыто на стороне контрреволюции, если той удастся завоевать хотя бы пядь «свободной территории». Какими же силами располагала революция в этот решающий для ее судеб момент?

Опорой законного правительства являлись три гуандунские

армии, из которых вторая, самая крупная, оказалась связанной с заговорщиками. На стороне властей находились, по крайней мере официально, и силы охраны порядка — местные полицейские. Но их начальники, выпускники западных и японских военно-полицейских школ, не скрывали своего «нейтралитета» и в любой момент могли превратиться в «троянского коня». Самой надежной опорой законного правительства являлась военно-политическая школа на острове Уампу.

Наверно, читатель проявит интерес к моим заметкам об этой школе, которая сыграла значительную роль в ходе развития Китайской национальной революции.

Как уже говорилось, эта школа была открыта после посещения Советской России китайской делегацией в 1923 году. Она начала функционировать 1 мая 1924 года, но официально Сунь Ятсен открыл ее немного позже. В своей речи, произнесенной на торжестве, он подчеркнул, что правительство придает особое значение этому первому в истории Китая военному учреждению такого типа. До начала октября 1924 года в школу поступило примерно две тысячи курсантов. Основной профиль школы — подготовка пехотинцев с шестимесячным сроком обучения. В специальном отделе готовили артиллеристов, саперов, связистов. Срок обучения равнялся 9—12 месяцам. В политическом отделе срок обучения составлял 6—9 месяцев.

За свое четырехлетнее существование военно-политическая школа в Уампу подготовила тысячи офицеров и политработников, впоследствии ставших основным костяком народно-революционной армии, которую Сунь Ятсен мечтал организовать по советскому образцу.

Это осуществлялось под непосредственным наблюдением и при прямом руководстве советских военных специалистов, фактических создателей школы.

Военно-политическая школа не могла не привлечь внимание врага. Действовать в открытую было рискованно, и потому контрреволюция пыталась заминировать изнутри эту исключительно важную опору революционной власти. Какими средствами? Известными: с помощью своей агентуры в гоминьдане, своих платных агентов-милитаристов, признававших в тот момент, хотели ли они этого или нет, законное правительство Кантона, но готовых при малейшем ослаблении его позиции стрелять ему в спину. Одним из этих милитаристов был японский воспитанник генерал Чан Кайши.

Эта поистине роковая для революционного Китая личность, стоившая столько крови своему народу и принесшая столько бед революции, в те годы с помощью демагогических приемов

завоевала расположение Сунь Ятсена. Чан Кайши был назначен начальником военно-политической школы. Это являлось фактом высокого доверия: незадолго до этого Сунь Ятсен намеревался лично возглавить руководство школой, но ему пришлось отказаться от своего намерения: он тяжело заболел.

Начало политической карьеры Чан Кайши было многообещающим: в 1912 году, всего через год после провозглашения республики, он убил видного революционера Тао Чэньчжана, мешавшего гоминьдановскому реакционеру Чен Цимею прорваться к власти. В последующие годы Чан Кайши «делал деньги» во всевозможных политических и финансовых сделках с милитаристами Юга, покровительствовал разбойничьим бандам, занимавшимся насилиями, грабежами, убийствами. Легко приспосабливающийся к любым условиям, впоследствии Чан Кайши перешел на службу к шанхайским торговцам-компрадорам и банкирам и сам стал «солидным бизнесменом», но вскоре потерпел финансовый крах. Это заставило его возобновить свою «игру» на оживленной политической бирже. И в 1922 году этот бессовестный политический карьерист, демагог и предатель, демонстративно и эффектно объявил о своих внезапно пробудившихся симпатиях к Сунь Ятсену. Действия Чана были достаточно откровенны: он стремился войти в доверие к Сунь Ятсену, чтобы позднее прийти к власти с помощью испытанных приемов агента-провокатора. Его путь к власти пролегал через военно-политическую школу в Уампу.

Чан Кайши и его империалистические хозяева хорошо понимали значение школы. Заняв пост ее начальника, Чан намеревался создать мощную, прекрасно вооруженную армию, опираясь на которую, он мог бы подчинить непокорных милитаристов в Гуандуне и захватить власть. Сотрудниками Чан Кайши в этой коварной игре стали многие преподаватели-китайцы, морально разложившиеся люди, считавшие Уампу ступенью, ведущей к «большой карьере» и готовые любой ценой заручиться высочайшим покровительством Чана.

В августе 1924 года норвежское судно «Хааф» с тщательно упакованным и уложенным в трюме оружием бросило якорь неподалеку от Кантона. Но революционные власти раскрыли заговор. Оружие было конфисковано, а шефы «бумажных тигров» Чень Лиенбо и Чень Гуншу бежали в Гонконг. Кантонские торговцы-компрадоры объявили стачку в знак протеста против «своеволия» правительства, закрыли магазины и торговые конторы и начали строить укрепления в западных кварталах Кантона, главным образом в торговом квартале Сигуан.

Одновременно с этим милитаристы из соседних южных провинций Юньнань и Гуанси с помощью угроз и шантажа пытались оказать сильный натиск на правительство, они требовали, чтобы Сунь Ятсен передал половину конфискованного оружия заговорщикам…

Но Сунь Ятсен, опираясь на советы М. М. Бородина, действовал решительно и быстро. Пока «бумажные тигры» строили укрепления в Сигуане, правительство мобилизовало и вооружило рабочих Кантона и крестьян окрестных сел. В сущности, оно создало, базируясь на опыте большевиков, рабоче-крестьянскую революционную армию. Сунь Ятсен дал ясно понять, что, если «бумажные тигры» добровольно не сложат оружия, он начнет немедленные действия.

Тогда в дело вмешался британский консул, он выступил в защиту «свободного торгового сословия» и «свободы личности», будто бы нарушавшейся в Кантоне. 29 августа он отправил ультиматум Сунь Ятсену о том, что если он прикажет открыть огонь по «шантуанам», английский флот начнет обстрел Кантона…

Грубое вмешательство империалистов во внутренние дела революционного правительства вызвало всеобщее возмущение. Сунь Ятсен не только гневно отверг «предупреждение», но и обратился о воззванием ко всему миру. Поднявшаяся в Кантоне волна протеста прокатилась над всей планетой. «Руки прочь от Китая!» — раздавался призыв на митингах и собраниях в Москве и Ленинграде, Париже и Лондоне, Риме и Чикаго. «Рабочее» правительство Макдональда было вынуждено отступить…

В начале сентября 1924 года Москва вновь подтвердила свое искреннее дружеское расположение к Китайской революции: испытывая тяжелые экономические затруднения и валютный голод, Советское правительство отпустило Сунь Ятсену займ в размере десяти миллионов юаней для создания Центрального национального банка в Кантоне. Буквально через несколько дней в порту Кантона бросили якорь несколько советских кораблей, которые привезли для революционной армии оружие, одежду, боеприпасы, продовольствие. «Друзья познаются в беде», — говорит народ. А разве существовало более необходимое условие для стабилизации революционной власти, чем финансовая помощь и оружие! Западные империалистические государства, западные финансовые магнаты только презрительно пожимали плечами, когда Сунь Ятсен обращался к ним за помощью. Отозвалась только Советская Россия. Китайскому народу стало ясно, кто враг, а кто бескорыстный друг их революции…

Временно притихшие «бумажные тигры» в октябре 1924 года

перешли в наступление. Воспользовавшись тем, что Сунь Ятсена не было в Кантоне, Ху Хуанмин, видный гоминьдановский реакционер и тайный агент империализма, приказал вернуть «шантуанам» половину конфискованного оружия и боеприпасов. И 10 октября, в день годовщины победоносного Учанского восстания 1911 года, улицы Кантона оказались залитыми кровью: «бумажные тигры» открыли огонь по демонстрации кантонских рабочих.

Сунь Ятсен, получив известие о кровавых событиях, немедленно вернулся в Кантон и отдал краткий приказ: беспощадно подавить бунт.

В течение двух дней бунт подавили.

Опорой правительства стали курсанты школы в Уампу, из которых был сформирован ударный отряд почти в две тысячи бойцов. По распоряжению Сунь Ятсена к Кантону стягивались лучшие части правительственной армии Сюй Чунчжи. И самое важное: под знамена революции для ее защиты были призваны рабочие города и крестьяне окрестных сел. А они лучше всех знали цену поражения.

Операцией по разгрому «бумажных тигров» руководил непосредственно Сунь Ятсен, опираясь на помощь советских военных советников.

Решительные действия кантонского правительства застали империалистов врасплох: эти действия были свидетельством государственной и военно-стратегической мудрости, неизмеримо возросших возможностей обороны.

Так началась первая гражданская война в Китае, навязанная контрреволюцией и империализмом. Сунь Ятсен решил, что наступил момент использовать крупную победу над врагом и атмосферу революционного подъема для объединения страны.

Решение о походе на Север совпало с прибытием в Китай В. К. Блюхера. В начале ноября 1924 года прославленный советский командир прибыл в Кантон во главе большой группы советских военных специалистов. Встреча Блюхера с Сунь Ятсеном состоялась на борту советского военного корабля «Боровский», бросившего якорь неподалеку от Кантона. Как позже рассказывал сам Блюхер (в Китае он именовался генералом Галиным), Сунь Ятсен в полувоенном костюме, с широкополой шляпой на голове, опиравшийся на бамбуковую трость, произвел на него сильное впечатление огромной энергией, которую излучало все его существо, но которая — это чувствовалось — была на исходе. Сунь Ятсен (в то время ему было 57 лет) был уже совсем седой, измученный болезнью. Однако вождь революции, мобилизуя все свои запасы сил, крепко держал в руках штурвал

корабля революции, словно предчувствуя, что его некому сменить на капитанском мостике…

— Останьтесь у нас и помогите нашему делу своим опытом, — сказал на прощанье Сунь Ятсен Блюхеру, крепко пожимая ему руку. — Я верю в Советскую Россию, верю и лично вам!

Несмотря на то, что у него не было солидной военной опоры, поход на Север в 1925—1926 гг. оказался политической необходимостью. В результате разгрома «бумажных тигров» общее политическое положение в Китае резко изменилось в пользу революционного правительства и момент для нанесения удара оказался благоприятным.

Ситуация требовала, во-первых, громить и подчинить кантонскому правительству части контрреволюционного генерала-милитариста Чжень Цзюнмина, непрестанно угрожавшего с Севера спокойствию и безопасности Гуандуна; во-вторых, обуздать всех менее значительных милитаристов и диктаторов в соседних провинциях Гуйчжоу и Гуанси, официально признававших власть конституционного правительства, но на деле саботировавших в своих военных округах почти все его мероприятия, направленные на стабилизацию и перестройку режима.

В результате нанесения решительного удара по «шантуанам» и их империалистическим подстрекателям существенно изменилось положение на Севере. Реакционному цзянсийскому генералу У Пэйфу, одному из главных заговорщиков, с тыла нанес удар его подчиненный Фын Юйсян, решивший порвать со своим хозяином. Дивизия Фына овладела столицей Пекином. Потерпев поражение, армия У Пэйфу в панике отступила. Пекинский реакционный режим Цао Куна рухнул, словно карточный домик. «Президент» пекинской олигархии попал в тюрьму, а «временным главой государства» стал генерал без армии Дуан Цижуй. Освободитель Пекина Фын Юйсян после свержения диктатора Цао Куна объявил, что поддерживает конституционное правительство, призвал к сотрудничеству с Коммунистической партией Китая и сближению с Советским Союзом и назвал свое войско «народной армией». Фын Юйсян послал дружеское послание Сунь Ятсену и пригласил его в Пекин, чтобы совместно обсудить вопрос о созыве Национального собрания, которое бы осуществило мирное объединение страны…

Странные события на этой странной земле… Кто мог ждать подобного развития событий! Это превосходило всякие ожидания — ведь объединение в то время являлось первой и основной целью национального революционного правительства.

Без национального объединения и сплочения страны было невозможно решительно противостоять империалистическим силам. Неужели эта высокая цель, еще вчера встречавшая тысячи препятствий на своем пути, будет достигнута почти без усилий, достигнута благодаря помощи неизвестного до тех пор и вычеркнутого из списков друзей Фын Юйсяна.

Сунь Ятсен, по совету Бородина и Блюхера, немедленно отправился в Пекин морем — хотя вероятность мирного объединения страны была незначительной, ею следовало воспользоваться. Возможно, что там, на месте, вождю революции, всеми уважаемому Сунь Ятсену, удастся придать дополнительный импульс развитию событий и превратить военную победу в политическую?

Планировавшийся до этого поход на Север отпал сам по себе. В «поход» на Север отправился вождь революции.

Но советские военные специалисты не строили никаких иллюзий: положение в Пекине, явившееся результатом военной победы, едва ли зависело целиком от Фын Юйсяна. Старые политиканы, находившие выход и из более запутанных положений, вряд ли сложили руки. Надо было ждать также контрдействий и со стороны империалистических сил, прежде всего Японии: перспектива мирного объединения Китая под руководством Сунь Ятсена для них означала полный политический крах. А приходилось иметь в виду и еще один факт: Сунь Ятсен изнемогал от приступов болезни…

К сожалению, прогнозы советских специалистов оказались точными. Еще до того как Сунь Ятсен доехал до Пекина, положение там резко изменилось. Дуан Цижуй, для виду давший согласие на мирные переговоры Фын Юйсяна с Сунь Ятсеном, неожиданно заключил союз с маньчжурским диктатором Чжан Цзолином — орудием японцев — и объявил «отсрочку» переговоров о созыве Национального собрания. Эта неожиданная подлая измена потрясла весь Китай. Фын Юйсян под угрозой удара мощной армии Чжан Цзолина был вынужден покинуть Пекин, куда тотчас же вторглись соединения Чжана. Реставрация оказалась полной: Япония через Чжан Цзолина наложила лапу на Пекин и автоматически обрекла на провал любые усилия, направленные на мирное объединение страны.

Несмотря на это, Сунь Ятсен поехал в Пекин. Он сознавал, что конец его близок, и не хотел отступать. Пусть ему удастся произнести всего лишь несколько слов в защиту революции, он их скажет, каких бы мук это ему не стоило…

Но болезнь оказалась сильнее его воли. Он приехал в Пекин, чтобы окончательно слечь. Страшнее смерти была для него

рухнувшая надежда на мирное объединение страны. Сколько крови придется пролить его народу прежде чем он увидит осуществление великого идеала!.. В Пекине, окруженный верными своими друзьями, согреваемый близостью М. М. Бородина, специально приехавшего из Кантона, и Л. М. Карахана, советского политического представителя в Пекине, 12 марта 1925 года Сунь Ятсен скончался.

Весь Китай оделся в траур, народ скорбел о потере своего великого сына, верного вождя революции.

Что ожидало страну, буквально распятую на кресте?

Ей предстояли новые тридцать лет войн, резни, кровавых конфликтов, коварных заговоров и наглых происков империалистов, титанических усилий революционных масс, направленных на спасение дела революции и водружение знамени победы.

Смерть Сунь Ятсена снова выдвинула на повестку дня вопрос о походе на Север, с целью разгрома контрреволюционных сил и национального объединения страны. Смертельная опасность угрожала самому существованию южнокитайской революционной власти, самому делу революции.

Прежде чем выступить на Север революционные силы успели блестяще осуществить так называемый Восточный поход. Этот поход пришлось совершить в связи с угрозой, нависшей над провинцией Гуандун из-за контрреволюционных действий милитариста Чжень Цзюнмина. Этот генерал-предатель, которому щедро помогали империалисты, заявил, что «очистит Кантон от большевистской заразы». Он не только угрожал, но и действовал: вступал в союз со всевозможными бандитскими организациями и разбойничьими шайками, организовывал заговоры с реакционными силами в самом гоминьдане. Эта была реальная угроза революционной власти.

Все говорило о том, что прежде чем предпринять поход на Север, необходимо разгромить Чжень Цзюнмина. Именно это предложил Блюхер военному совету, созданному незадолго перед тем по его настоянию. По статуту, военным советом полагалось руководить Сунь Ятсену в качестве главнокомандующего революционной армии. Но в этот момент, в декабре 1924 года, Сунь Ятсен уехал в Пекин, оставив своим заместителем левого деятеля гоминьдана Ляо Чжункая[7]. Предложенный Блюхером план встретил в военном совете ожесточенный отпор со стороны реакционных гоминьдановских генералов во главе с Чан Кайши. Ляо Чжункаю пришлось употребить весь свой авторитет заместителя главнокомандующего, чтобы заставить принять план Блюхера.

В походе приняли участие самые надежные армейские части народно-революционной гуандунской армии и два отборных полка военно-политической школы. И в то время как на Севере прояпонски настроенные генералы и сторонники английского империализма вели ожесточенную борьбу за «сферы господства и влияния», Восточный поход, начавшийся 2 февраля 1925 года, завершился через два с половиной месяца блестящей победой. Советские военные специалисты во главе с Блюхером принимали участие не только в подготовке генерального плана, но и в детальной разработке каждой операции. Опыт Октябрьской революции и гражданской войны в России оказался для Китая бесценной сокровищницей, а герои русской революции — верными друзьями и компетентными военно-политическими советниками народно-революционной армии и правительства.

Когда мы в первой половине февраля 1926 года прибыли в Пекин, Гуандун, самая южная провинция Китая, центральная база революционного правительства, был полностью очищен от врагов. Разумеется, неподвластным революционному правительству оставался (и поныне остается) Гонконг, где неутомимо плели сети заговоров против революции резиденты западных разведок и представители международного монополистического капитала, а также португальская колония Макао с городом под тем же названием, где царили некоронованные короли опиума, азартных игр, процветала проституция.

Провинция Гуандун, по сравнению с остальной территорией Китая, занимала небольшую площадь. Но накануне Северного похода конституционное правительство в Гуандуне признали и милитаристы двух других южных провинций — Гуанси и Гуйчжоу. Это были ненадежные союзники, но в тот момент они проявляли готовность участвовать в военных мероприятиях революционного правительства, что способствовало укреплению его авторитета.

Наши встречи с необычными и экзотическими явлениями начались сразу же, как только мы переехали границу Китая. В Маньчжурии и дальше поезд шел вдоль Великой китайской стены. Это сооружение поражало своими масштабами. Эта стена высотой от 5 до 10 и шириной от 5 до 8 метров, длиной более 4 тысяч километров, построенная на отдельных участках в IV—III вв. до н. э. и законченная в III в. н. э., возвышалась над долами и горами, на которых ее построили, как молчаливый и зловещий символ неведомого чудовищного деспотизма древних китайских монархов. В это бессмысленное с военной точки зрения сооружение был вложен колоссальный человеческий труд, неисчислимое множество человеческих жертв. Никогда — ни в

начале строительства, ни после его завершения — Великая китайская стена не была в состоянии остановить нашествия врагов. Зачем же тогда понадобилось ее строить? Из-за странного преклонения перед волей монарха-божества, из-за непонятного и страшного равнодушия к человеческим страданиям…

По подобию «великой» были сооружены стены, окружавшие, как мы убедились, почти все крупные города, через которые пролегал наш путь. Такая же стена окружала и Пекин. Она была поменьше «великой» — уступала ей в ширине, а высоту имела примерно ту же. Через каждую сотню метров над стеной вздымались боевые башни с бойницами. Башни служили для установления орудий и хранения боеприпасов. Несколько величественных ворот вели в город. Эта стена играла какую-то роль при обороне от вражеских нападений, но польза от нее была относительной: что значит скорлупа, если яйцо внутри протухло?

Миссия Блюхера в Пекине и Кантоне находилась в состоянии полной боевой готовности. Среди множества военно-политических специалистов, приглашенных помогать созданию и руководству национальной революционной армии, я знал лично или по имени ряд людей: часть из них имела за плечами многолетний командирский стаж еще с времен революции и гражданской войны, другие взялись за оружие во время штурма Зимнего дворца, третьи перед приездом в Китай окончили Военную академию (будущую академию им. Фрунзе). Немного позже в качестве военного советника в Китай приехал В. И. Чуйков. Среди советских военных специалистов было и несколько болгар. Большинство военных специалистов впоследствии стали генералами Красной Армии, а некоторые — В. К. Блюхер и В. И. Чуйков — получили звание маршалов. Это говорило о том, что в помощь китайской революции Советский Союз посылал свои испытанные во всех отношениях, закаленные, отборные революционные кадры.

Нам предстояло представиться Блюхеру. Он только что приехал из Кантона в Пекин, где инспектировал работу советских специалистов.

До этого я не встречался с ним, но так много слышал и читал о нем, что, когда он принял нас, мне показалось, будто мы давно знакомы.

Это был мужчина среднего роста, крепкий и плечистый, с темно-русыми волосами, густыми бровями и ярко-голубыми глазами. Черты лица правильные, массивный волевой подбородок и большой лоб. Одет он был в военную форму китайской народно-революционной армии о погонами генерала. Блюхер, «красный генерал», приобрел широкую популярность в Кантоне, в

Пекине и во всем Китае. Этой известностью он был обязан блестяще проведенным под его руководством военным операциям в Гуандуне (Восточный поход и операции по очистке южного побережья). Империалистические телеграфные агентства ссылались на «миссию Блюхера» как на доказательство «подозрительного вмешательства большевистской России» в политический конфликт в Китае… Молодой читатель, для которого эти события — история, наверное, удивится подобной выходке, но это факт: империалисты, еще совсем недавно господствовавшие здесь неограниченно и бесконтрольно, всеми средствами мешавшие китайской революции и все еще продолжавшие прилагать дьявольские усилия, чтобы помешать делу освобождения страны, вдруг начали проливать крокодиловы слезы о «политическом суверенитете» Китая… Их сетования, возможно, и находили отклик среди наивных людей в отдаленных областях земного шара, куда трудно прорваться правде, но в самом Китае им знали цену. Русских моряков, доставлявших в Китай продукты питания и оружие, русских военных и политических советников, присланных по настоятельной просьбе Сунь Ятсена, в Кантоне, в Пекине, во всем Китае окружали необыкновенным вниманием, почетом, даже обожанием. Народ Китая с полным основанием видел в лице Советской России своего единственного бескорыстного друга, этого было вполне достаточно, чтобы в его сердце вспыхнула самая чистая любовь к стране Ленина.

Мы, трое работников разведки, включая Галину, представились главному военному советнику. Блюхер принял нас тепло. Огромное расстояние отделяло его от Москвы, от друзей и каждый вновь прибывший советский гражданин был для него близким, родным человеком. Я начал по-деловому докладывать о характере нашей командировки, но Блюхер махнул рукой.

— Не спешите, дорогой товарищ, не спешите, найдем время и для этого. Сначала расскажите о Москве, о Родине, душа жаждет. Рассказывайте да поподробнее…

Мы долго беседовали. Теплый прием, оказанный нам Василием Константиновичем, прекрасный завтрак, магическим образом очутившийся на столе, свежие газеты, привезенные нами из Москвы, — способствовали созданию прекрасного настроения. Разумеется, свежими газеты можно было назвать только условно: в те времена, когда не было пассажирской авиации и связь между двумя государствами осуществлялась только через Транссибирскую железную дорогу, «свежие» московские газеты сюда приходили на пятнадцатый день. Для Блюхера это не имело значения: новости он мог узнать и по радио, просто ему было

приятно подержать газеты в руках, пробежать их колонки глазами.

В. К. Блюхер в те годы носил три ромба в петлицах, то есть имел ранг командира корпуса. А он был еще так молод, ему едва исполнилось тридцать семь лет! Он был человек подвижный, энергичный, но жесты его были точные, выверенные. Он просил нас рассказывать обо всем, что произошло на родине после его отъезда в Китай, сам же говорил мало и скупо: ни лишних слов, ни лишних жестов. Это был прирожденный солдат, причем солдат революции, у которого понятия о порядке, дисциплине, принципиальности, чести, достоинстве вошли в плоть и кровь.

— Ну, а теперь перейдем к делу, — предложил Блюхер, когда мы исчерпали все новости и все темы, относящиеся к Москве.

Я доложил. Он знал о полученном нами задании.

— Я с таким нетерпением ждал вас, — сказал он, когда я кончил свой доклад. — Жду еще людей из ваших. Грише Салнину пришлось уехать в Москву, но он скоро вернется. Китайской национальной революционной армии мы необходимы, как глаза и уши. Подготовленных военных кадров здесь еще так мало, они словно капля воды в океане. Школа в Уампу работает, как говорится, на полную мощность, но она успела подготовить всего несколько выпусков, а потребности огромные…

Блюхер подробно ознакомил нас с военно-политическим положением в Гуандуне и во всех остальных провинциях Китая, охарактеризовал видных китайских генералов, политические тенденции в гоминьдане, его руководящих деятелей, рассказал в общих чертах о средствах, с помощью которых агентура империалистов подрывает дело революции.

— Гоминьдан состоит из разных людей, — говорил он. — По словам Сунь Ятсена, он объединяет в себе как самых хороших, так и самых плохих… Я уже два года здесь и должен с сожалением констатировать, что «плохие люди» все больше берут верх. Несмотря на то, что Коммунистическая партия Китая с каждым днем крепнет, она все еще не в состоянии решительно влиять на ход событий и в гоминьдане, и на поле боя…

В. К. Блюхер конкретизировал нашу задачу:

— Вы останетесь здесь, в Пекине. Он временно будет вашей сферой действий. Генерал Фын Юйсян, командир крупного армейского соединения, которое он сам назвал «народной армией», нуждается в военных советниках. В данный момент он действует в южных районах столичной провинции (Чжили). В прошлом году им был разгромлен проанглийский милитарист У Пэйфу. Но вы, наверно, знаете, что Чжан Цзолин изгнал его из

Пекина и восстановил прежнее положение…

Одним словом, нашей первоначальной задачей являлось оказание помощи в создании военной разведки в китайской национальной революционной армии.

— Даже в военном совете в Кантоне, — заметил Блюхер, — до недавнего времени отвергали любую идею о военной разведке, считая это ненужной тратой времени, сил и средств. Я не верю в то, что генералы, выступившие там моими оппонентами, настолько профессионально неграмотны. Большинство из них окончили военные академии за границей… Наверно, они отвергают необходимость в китайской разведке, чтобы предоставить поле деятельности западным центрам разведки…

Как заметил Василий Константинович в самом начале нашего разговора, «плохие люди» в гоминьдане все больше брали верх. Коммунистическая партия Китая все еще являлась членом гоминьдана и всеми силами боролась за сохранение, стабилизацию и, по возможности, расширение китайского национального антиимпериалистического фронта, но правые силы и контрреволюционеры, подстрекаемые империалистическими государствами, неизменно перетягивали чашу весов в свою пользу. День неизбежного разрыва должен был наступить, никто не знал, когда и как это произойдет, какой именно милитарист или гоминьдановский демагог всплывает на поверхность, чтобы предать дело революции.

При расставании В. К. Блюхер испытующе посмотрел на меня:

— Простите за любопытство, но вы не русский, не правда ли? Вас выдает произношение…

— Совершенно верно, Василий Константинович, — рассмеялся я. — А вы бы не могли угадать, какой я национальности?

— Какой национальности — сказать трудно, но я убежден, что вы из славян…

— Болгарин…

— О, болгарский коммунист! — воскликнул он. — Очень приятно… — И он обнял меня за плечи. — У нас в Китае уже есть один болгарский товарищ, — продолжал Блюхер. — Христо Паков. Чудесный летчик. Послан военным советником в Уампу, обучает китайских пилотов…

Я знал о Пакове. Еще в Москве Берзин предупредил меня, что в Китае есть мои соотечественники. Кроме Пакова, туда приезжали на непродолжительный срок с временными задачами по линии военной разведки, а впоследствии на протяжении ряда лет работали как военные специалисты и советники революционной армии болгарские коммунисты Христо Боев (я

упоминал о нем на первых страницах этой книги), Штерю Атанасов, Боян Папанчев, Антон Недялков, д-р Янко Канети и ряд других. В тот момент «болгарская компания» состояла из двух человек. Паков, кончивший авиационную школу в Советском Союзе, был послан туда по линии Четвертого управления еще в середине 1925 года. Пламенный интернационалист, Паков с готовностью принял новое поручение и после кратковременной подготовки отправился на Дальний Восток. Теперь, работая плечом к плечу с советскими военными специалистами, Паков обучал молодых китайских курсантов из школы в Уампу и строил аэродромы.

Хочется добавить, что в Китае в то время самолеты были редкостью. Генералы-отщепенцы и реакционный режим в Пекине располагали отдельными машинами, но это были американские военные самолеты марки «Кэртис» — тихоходные, со слабыми моторами, небольшой грузоподъемностью и ограниченным радиусом действия. По этой причине они выглядели жалкими рядом с советскими самолетами, которые благодаря своим прекрасным боевым качествам сеяли панику в рядах врагов. На первых порах советские самолеты использовались главным образом в целях военной разведки, а затем их стали применять для ударных действий. Сначала на этих «летающих драконах» летали советские летчики, а впоследствии стали летать и китайцы, обученные летному мастерству в школе Уампу. Вряд ли есть необходимость подчеркивать, сколь многозначительным являлся этот дружеский жест Советского государства! Оно посылало на помощь китайской революции из своих первых совершенных боевых самолетов, которые были нужны ему самому для защиты от возможных ударов со стороны империалистов!

Наш разговор с Василием Константиновичем в тот день неожиданно затянулся. Как только было произнесено слово «Болгария», его суровые черты лица смягчились.

— Дорога моему сердцу ваша маленькая Болгария, — тихо сказал он. — В русско-турецкую войну там сражались двое из нашего рода — мой дед и отец. Дед так и не вернулся. Где он погиб, нам не сообщили — у Свиштова, под Плевеном, на Шипке или в бою под Шейново…

Мы примолкли.

— Где бы ни покоился его прах, Василий Константинович, — позволил себе нарушить молчание я, — можно быть уверенным, что его память, его могила окружена уважением нашего народа… Могилы павших за освобождение Болгарин русских воинов у нас — места священные…

Блюхер благодарно улыбнулся.

— Знаю о вашем народе и о вашей партии. Лично знаком с Василом Коларовым. Мне приятно, Иван Цолович, работать плечом к плечу с болгарскими коммунистами…

Коммунистическая партия Китая в те времена была малочисленной организацией. Ей не хватало революционного опыта, испытанных руководящих кадров, богатой революционной истории — источника мудрости, знаний, примеров дня подражания.

В то время, когда мы оказались в Китае, ей было всего пять лет от роду.

Первыми марксистами, которые впоследствии стали основателями Коммунистической партии Китая, были интеллигенты: Ли Дачжао, профессор политэкономии Пекинского университета, литератор Цюй Цобо, один из видных деятелей революции Дэн Чжунся, Чжан Тайдэй — позднее один из руководителей китайского комсомола и герой Кантонской коммуны 1927 года. Эти первые пламенные проповедники марксизма в Китае не только ревностно изучали теорию научного коммунизма, но и приступали к его пропаганде среди студентов и интеллигенции, рабочих и мелких буржуа, солдат и бедного крестьянства. «Весна возвращается! Возродится ли Китай?» — этими восторженными словами Ли Дачжао приветствовал первую годовщину Октябрьской революции…

В Китае рабочий класс был все еще ничтожно малочислен по сравнению с огромной массой крестьянства: но все же два миллиона рабочих, политически грамотных и организованных под знаменем марксизма, представляли собой надежную базу для будущего подъема рабочего революционного движения. К тому же численность рабочего класса после первой мировой войны начала быстро расти. В Шанхае, Пекине, Кантоне, Нанкине, Харбине, Ухани, как грибы после дождя, возникали всевозможные капиталистические предприятия, вывесками которых почти всегда прикрывался иностранный капитал. Капитализм в этой огромной сельской полуфеодальной стране неизбежно должен был породить — как это было в остальных районах земного шара — своего гробовщика: рабочий класс и его политическую партию.

Днем рождения коммунистической партии Китая считается 1 июня 1921 года, когда, опираясь на помощь Коммунистического Интернационала, в Шанхае двенадцать человек объявили о ее создании. Основой Коммунистической партии послужили общество по изучению марксизма, созданное Ли Дачжао, а также революционное рабочее движение, прошедшее через первые серьезные классовые конфликты и заплатившее кровью за свои первые уроки. Органической частью этой основы являлось и

крестьянское революционное движение, которое в такой огромной полуфеодальной стране оказывало и оказывает сильное воздействие на развитие классового революционного движения со всеми вытекающими отсюда плюсами и минусами.

Следующим шагом вновь созданной партии стало ее присоединение к единому антиимпериалистическому фронту, каким в то время, правда, со многими оговорками, являлся гоминьдан. Этот шаг был в духе генеральной линии Коминтерна, в то время провозгласившего необходимость создания единого фронта трудящихся рабочих и крестьянских масс в борьбе против социального неравенства и империалистического гнета. Линия Коминтерна целиком отвечала условиям Китая, где дело национальной революции, возглавляемое Сунь Ятсеном, оказалось бы обреченным на неминуемую гибель без единства революционных сил. Вступление Коммунистической партии Китая в гоминьдан произошло в результате личных переговоров между Сунь Ятсеном и представителем партии Ли Дачжао. Ли — первый коммунист, принятый в гоминьдан. Это стало началом реорганизации гоминьдана, который по настоянию КПК должен был превратиться в боевой союз всех революционных сил, борющихся против империалистического гнета, феодальной эксплуатации и натиска милитаристов.

Коммунистическая партия Китая быстро множила свои ряды. Если раньше она насчитывала несколько сот членов, то теперь в ней было уже несколько тысяч человек. КПК завоевывала популярность среди рабочих фабрик и торговых предприятий, пускала корни в среде бедного крестьянства, завоевывала сторонников среди интеллигенции, в армии. Ценой огромных усилий и терпения КПК делала первые шаги в деле полного социального и национального освобождения страны.

Когда в Китай по приглашению Сунь Ятсена приехали группы советских военно-политических специалистов, Коммунистической партии стало значительно легче. Проверенные в условиях нелегальной борьбы, революции и гражданской войны, советские ветераны по-братски обучали китайских товарищей, направляли их усилия на дальнейшее идейно-организационное укрепление партии.

Наряду с работой по укреплению партии китайские коммунисты энергично участвовали в профсоюзном движении, организовывали стачки, руководили ими. Они являлись лучшими бойцами армейских соединений Южнокантонского правительства, проявляли отвагу и героизм в сражениях с отщепенцами-милитаристами. Их пример воодушевлял остальных солдат, поднимал престиж Коммунистической партии среди масс.

Но барометр весной 1926 года показывал приближение «тайфуна». Он начался не сразу, не в том году, но свинцово-серые тучи предательства уже нависли над небом Китайской революции. Партия, опираясь на помощь Коминтерна, принимала все меры, чтобы встретить в полной боевой готовности приближающийся разгул контрреволюции.

5. СЕВЕРНЫЙ ПОХОД. ИЗМЕНА ЧАН КАЙШИ

Самая значительная военная операция и самая крупная военная победа гоминьдана — Северный поход — по злой иронии судьбы превратился в его «лебединую песню». Как известно, главнокомандующий войсками национального революционного правительства Чан Кайши изменил заветам Сунь Ятсена, резко повернул вправо, предприняв «чистку» гоминьдана от левых элементов, включая и Коммунистическую партию. За 60 миллионов юаней Чан Кайши продал империалистам уже выкованную победу.

А эта победа была завоевана ценой обильно пролитой крови десятков тысяч китайских патриотов, ценой невиданного героизма китайских коммунистических полков. Эта победа была достигнута прежде всего благодаря стратегическому гению, воинскому умению и боевому опыту главного военного советника В. К. Блюхера и его помощников.

Победа в Северном походе была одержана нелегко.

Подготовка к Северному походу началась в мае 1926 года, когда Центральный исполнительный комитет гоминьдана принял решение приступить к ликвидации отщепенцев-милитаристов в Центральном и Северном районах страны и завершить дело национального объединения.

В середине 1926 года революционная провинция Гуандун, в результате безупречно проведенных операций, намеченных Блюхером, была в основном очищена от генералов-контрреволюционеров. Одновременно с этим генералы из соседних южных провинций Гуанси и Гуйчжоу признали власть революционного правительства и дали свое согласие участвовать в походе. Революционные силы опирались также на поддержку Фын Юйсяна, «народная армия» которого хотя и отступила из Пекина, но находилась в боевой готовности и была способна действовать в рамках общего плана наступления против сепаратистского правительства в Пекине и отщепенцев-милитаристов во главе с Чжан Цзолином. В армии Фын Юйсяна, как читатель уже знает, работали советские военные специалисты, что резко улучшило тактические и стратегические навыки ее командования.

Наряду с исторически и стратегически оправданным решением о Северном походе Исполнительный комитет гоминьдана принял одно роковое решение — назначил

командующим народно-революционной армией Чан Кайши. Этим гоминьдан фактически подписал себе смертный приговор…

Главный военный советник В. К. Блюхер немедленно занялся подготовкой стратегического плана похода. Пользуясь возросшими возможностями, применяя опыт и принципы советского военного искусства, широко опираясь на деятельность только еще создаваемой разведки, В. К. Блюхер сумел в кратчайший срок предоставить главному командованию всесторонне разработанное решение.

Двум армиям численностью 270 тысяч солдат народно-революционная армия могла противопоставить не более 100 тысяч бойцов, уступавших при этом в обеспеченности оружием и боеприпасами. Следовало иметь в виду еще одно обстоятельство: тот, кто нападает, должен на другую чашу весов положить весь риск атаки против подготовившегося к обороне противника. Предстояло овладеть такими старыми, хорошо защищенными крепостями как Учан, Наньчан, Аньцин…

План Блюхера предполагал следующее: воспользовавшись отсутствием единства действий между двумя генералами-отщепенцами (У Пэйфу являлся проанглийским и проамериканским агентом, а Сунь Хуанфан был «независимый» милитарист-диктатор), осуществить разгром противника в два последовательных этапа. В первую очередь следовало разгромить чжилийскую милитаристскую группировку, возглавляемую У Пэйфу, и освободить центральные провинции Хунань и Хубэй. После завершения этой операции народно-революционная армия должна была направить всю свою ударную мощь на восток — разгромить сильную контрреволюционную армию Сунь Хуанфана и присоединить к национальному революционному фронту восточные провинции Цзянси, Цзянсу, Фуцзянь и Анхой. В этих провинциях, довольно богатых и густонаселенных, находились древняя столица Китая Нанкин и промышленно-банковский центр Шанхай, а также десятки менее крупных городов и тысячи сел, в которых жило сравнительно зажиточное население.

Третий этап, согласно планам Блюхера, мог быть осуществлен после успешного завершения первых двух, т. е. только после полного освобождения Центрального и Восточного Китая: Север, включающий в себя обширные районы, находившиеся под властью реакционеров из Пекина и военного диктатора Чжан Цзолина — агента японского милитаризма в Маньчжурии, можно было сломить и заставить принять национальное объединение только при наличии единого в военном и политическом отношении, сплоченного Китая.

Предусматривалось, что на третьем этапе помощь окажет и

«народная армия» Фын Юйсяна. В составе этой армии мы обнаружили несколько русских полков, сражавшихся против контрреволюционных милитаристов. Это оказались части «всероссийского правителя» Колчака; в свое время их обманом заставили повернуть штыки против Советской власти. После разгрома колчаковщины, очутившись на территории Китая, эти люди осознали свою тяжкую вину перед родиной и пожелали вернуться в Россию. После измены Чан Кайши и резкого поворота Фына вправо русские полки возвратились на родину.

Главнокомандование приняло детально разработанный план. Однако у В. К. Блюхера оставалось много вполне основательных причин для тревоги: он не знал, можно ли рассчитывать на преданность и компетентность командного состава. В самом деле, военно-политическая школа в Уампу обучила несколько выпусков, и закончившие обучение командиры уже вносили свой вклад в стабилизацию национальной революционной армии. Но все же их число было ограничено, причем они занимали низшие и средние командные должности, а во главе полков и дивизий по-прежнему стояли старые генералы и полковники — выходцы из помещиков и буржуазии… Разве могли эти люди от чистого сердца содействовать победе национального революционного дела, которое означало свержение феодалов и капиталистов-эксплуататоров? Да и сам главнокомандующий Чан Кайши — кто он? Что у него на душе, что на уме? В. К. Блюхеру стоило большого труда убедить его в необходимости каждого нового шага по пути к осуществлению Северного похода! Друг ли Чан делу революции или змея, свернувшаяся клубком у нее на груди?..

Северный поход начался 9 июля 1926 года, когда развернулось наступление национальной революционной армии против армии У Пэйфу в провинции Хунань, а завершением похода считается 24 марта 1927 года, когда пал город Нанкин в центральной провинции Цзянсу. Это составляет ровно восемь с половиной месяцев ожесточенных боев, в которых самым блестящим образом проявился военно-стратегический талант В. К. Блюхера и его советских помощников. Несмотря на колебания Чан Кайши, несмотря на постоянные сомнения в успехе, несмотря на нехватку вооружения и боеприпасов, несмотря на двурушничество старых генералов, против своей воли участвовавших в этой справедливой войне, народно-революционная армия добилась знаменательных побед под Учаном, представлявшим собою первоклассную, солидно защищенную старую крепость, оборонявшуюся десятками тысяч отлично вооруженных солдат; под Наньчаном, тоже крупной

крепостью, при захвате которой удалось взять в плен более 40 тысяч солдат неприятеля вместе с вооружением; под Нанкином, яростно оборонявшимся до зубов вооруженным противником…

Благодаря взятию Нанкина и вступлению авангардных частей национальной революционной армии в восставший Шанхай, создавались условия для перехода к третьему этапу: к разгрому возглавляемых Чжан Цзолином милитаристов в Пекине и Маньчжурии, который бы увенчался национальным объединением страны. Все условия для успеха были налицо.

Но именно это испугало империалистов. Раньше они, вероятно, недооценивали возможности национального революционного фронта, его попытки разгромить милитаристов и объединить страну под знаменем Сунь Ятсена. Но теперь, когда победа народа стала столь очевидной, ударились в панику. И поставили на самую надежную карту: купили за золото главнокомандующего. Сумму пришлось выложить огромную, расход окупился сполна. Чан Кайши свел на нет результаты победоносного похода, повернул оружие против тех, кому принадлежали самые большие заслуги в завоевании победы, — против левых сил гоминьдана, против советских специалистов и коммунистов.

12 апреля Чан Кайши осуществил контрреволюционный переворот, жестоко подавив восстание рабочих в Шанхае. 28 апреля были арестованы и казнены двадцать пять видных деятелей КПК во главе с одним из ее создателей Ли Дачжао. Почти одновременно с этой кровавой операцией контрреволюционеры организовали бандитское нападение на советское политическое представительство в Пекине, разграбили помещения и имущество, арестовали персонал и подвергли его издевательствам. События приняли трагический оборот. Реакционные силы гоминьдана, воспользовавшись контрреволюционными действиями Чан Кайши, спешно собрались в Нанкине и создали там реакционное нанкинское правительство, во главе которого встал агент империалистов Ху Хуанмин (лично замешанный в убийстве премьера Ляо Чжункая).

Политическое развитие событий шло в точном соответствии с прогнозами главного политического советника М. М. Бородина, а в военной области сбывались опасения В. К. Блюхера. Они сделали все, что могли. Но китайский пролетариат как общественная сила оказался слабым и неорганизованным, КПК — недостаточной зрелой, а крестьянство — политически несознательным, неоднородным, склонным к стихийным действиям.

Фатальный исход стал неизбежным.

Разумеется, главным виновником трагедии Китая был и оставался империализм. Этот факт всем известен и не требует доказательств, но мне все же хотелось бы процитировать здесь официально опубликованное в апреле 1927 года предупреждение французского министерства иностранных дел:

> «У великих государств есть опасение, что Китай угрожает превратиться в плацдарм коммунизма в Азии. В связи с этим было достигнуто соглашение принять меры по ликвидации этой угрозы…»

В то же самое время, незадолго до предъявления этого откровенного и наглого ультиматума, представители Англии, США, Франции, Японии и Италии собрались на тайное совещание в Пекине и пришли к единодушному решению о предпринятой «немедленной вооруженной интервенции» в случае необходимости. Эта «необходимость» заставила их, в связи с предательством Чан Кайши, пойти «до конца»: интервенция ограничилась вмешательством англо-американского военного флота, 22 апреля открывшего орудийный огонь по восставшим рабочим кварталам Шанхая и высадившего на берег двадцать тысяч вооруженных солдат, которые способствовали «восстановлению порядка в стране»…

Когда на основе подробного анализа драматических событий эпохи первой гражданской войны в Китае история скажет свое веское слово, наверно, станет ясной и подлинная роль в них Коммунистической партии Китая.

В годы, о которых идет речь, линия борьбы Коминтерна за единый фронт раскрывала и в Китае условия для развертывания коммунистического, антифеодального и антиимпериалистического движения. Однако в этом отношении КПК оказалась неспособной использовать предоставившиеся возможности. Я не стану говорить о всех причинах, но основная из них ясна: молодость и незрелость партии, ее пестрый социальный состав.

Коминтерн, направляющий орган коммунистических партий, определял генеральную линию, напутствовал и разрабатывал основные проблемы Китайской революции, но само выполнение задач, естественно, являлось делом КПК. Ее успехи зависели от ежедневной, неутомимой, упорной, целенаправленной идейно-организационной работы, от поведения и личного примера всех коммунистов сверху донизу, от правильной ориентировки руководства в любой военно-политической ситуации, от его способности отозваться на любой призыв революции, от тактического мастерства каждого коммуниста в отдельности и

всей партии как единого целого, от умения наступать, используя благоприятные условия, и отступать организованно на предварительно подготовленные позиции, когда это необходимо. Именно в этом смысле КПК допускала целый ряд ошибок, на которые Бородин своевременно указывал ее Центральному Комитету. Ко всему этому надо добавить известную оторванность руководства от народных масс и от самой партии, от ее боевых организаций. До 1927 года Центральный Комитет КПК находился в Шанхае и оттуда осуществлял руководство. А центр коммунистического движения, «самые горячие» места революции находились на Юге, в провинции Гуандун и в Кантоне. Именно там массы нуждались в повседневном и непосредственном руководстве в сложной борьбе против правых сил гоминьдана и явной контрреволюции, против империализма.

Уже в то время в Коммунистической партии Китая, как, впрочем, и во многих других партиях во всем мире возникли две противоположные тенденции: правооппортунистическая и ультралевая. Правые оппортунисты в КПК в те времена, пожалуй, представляли меньшую опасность. Правых любой разновидности — от «умеренных» и «лояльных» до прикрытых агентов империализма и явных контрреволюционеров — в Китае было сколько хочешь, и любого правого оппортуниста в партии легко было распознать. Поэтому вести против них борьбу оказалось сравнительно легче, она давала больший эффект. Не случайно в 1927 году старые, закаленные в борьбе руководители КПК, сплотившиеся вокруг интернационалистов Цюй Цобо, Ван Мина, Цин Бансяна и других, с помощью Коминтерна сумели разгромить правый уклон во главе с Чен Дусю. Но время показало, что, давая отпор опасности справа, китайские руководители серьезно недооценили опасность слева.

Ультралевый уклон в Коммунистической партии Китая, в сущности, являлся троцкизмом на китайской почве. Встречались, разумеется, и местные очаги этой пагубной болезни, но главными носителями этой ядовитой бациллы являлись троцкисты, проникавшие в страну извне. Легко предположить, как они проникали в Китай: большинство из них находили там почву для действий после того как были разоблачены, а часть из них — изгнана из Советского Союза. Мастера прикрываться пышными революционными фразами, схоласты, обладающие огромным опытом «идеологических» споров, троцкисты были фанатичными сторонниками идеи «перманентной мировой революции». Они требовали немедленных действий, не считаясь с обстоятельствами, не давая себе отчета о реальных условиях времени, соотношении сил, шансах на успех…

Я не могу со всей определенностью сказать, какова вина ультралевых и правых уклонистов в ошибках КПК в конце двадцатых годов, но, мне кажется, любой современник легко может убедиться в том, сколь живуч китайский оппортунизм на примере маоизма. Многие партии в свое время заболевали различными болезнями, «детскими» и «недетскими», но, переболев, вставали на ноги, учились на собственных ошибках и прежде всего на опыте руководителей Октябрьской революции — русских большевиков. К сожалению, китайские догматики, в особенности группа Мао Цзэдуна, не излечившись от старых болезней, заразились новыми, бросаясь из крайности в крайность, извращая и ревизуя основные идеологические положения марксизма-ленинизма, они фактически привели дело Китайской революции к катастрофе. Своеобразный ревизионизм, неприкрытый антикоммунизм и великодержавный шовинизм привели Мао и его группу к отказу от единства действий, к грубому противопоставлению себя родине коммунизма — Советскому Союзу и всему мировому коммунистическому движению, к идеологической и организационной ликвидации КПК. Тем самым они поставили себя на одну доску с самыми черными предателями и ренегатами коммунистического движения. Китайский народ пережил великую трагедию. И только будущее покажет истинные размеры поражений, которые группа Мао Цзэдуна нанесла мировому революционному процессу.

Но как коммунист, непосредственно общавшийся о коммунистами этой страны, я храню надежду, что здоровые силы в КПК найдут в себе силы удалить гангрену маоизма, отрекутся от позиций антисоветизма, от культа Мао, спасут дело революции, выведут Китай из хаоса и вновь приобщат его к братской семье социалистических стран…

Измена Чан Кайши и поворот гоминьдана вправо сделали невозможным дальнейшее пребывание советских специалистов в Китае. Им грозила физическая расправа. Бандитские организации контрреволюции, убившие Ляо Чжункая в его кабинете, действовали в открытую, не боясь полиции, которая их покрывала. Советники начали покидать страну. Первым уехал герой Восточного и Северного похода, главный военный советник В. К. Блюхер (Галин), а в начале августа 1927 года пришлось уехать главному политическому советнику гоминьдана М. М. Бородину и его помощникам.

Над Китаем спустилась черная ночь кровавого террора и суровой гражданской войны, продолжавшейся еще целых три десятилетия…

А мы?

Наша группа под руководством Гриши Салнина осталась. Наши функции советников по военной разведке в «народной армии» Фын Юйсяна были кратковременны; когда Фын после измены Чан Кайши «переориентировался» и встал под другие знамена, мы перебрались в Пекин и Шанхай, где начали осуществлять свои задания — вести разведку в лагере противника. Еще до того, как корпус советников во главе с Блюхером выехал из Китая, наша группа незаметно «растаяла» и исчезла, мы превратились в бизнесменов, срочно открыли небольшие торговые предприятия и принялись «делать деньги». Разумеется, группа поддерживала связь с центром, с управлением Берзина, через нашу шифровальщицу Галину, имевшую в то время «официальный статут» в Пекине. Встречи с Галей и обмен секретной корреспонденцией с Москвой осуществлялись по всем правилам разведывательного искусства.

6. ТОРГОВЦЫ В ШАНХАЕ И ПЕКИНЕ. КРОВЬ — ЦЕНА ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАИВНОСТИ

Декабрь 1927 года. В контору импортно-экспортного торгового предприятия входит незнакомый китаец — мужчина лет пятидесяти, одетый в европейский костюм, с желтым кожаным портфелем, с переброшенным через руку английским плащом. Войдя, он снимает шляпу, вместо приветствия вежливо улыбается и отвешивает легкий поклон.

Я наблюдаю за ним, когда он проходит через прихожую конторы. Мы специально выбрали контору именно с такой прихожей, чтобы нас не могли застать врасплох неожиданные посетители. Старательно поработали над освещением в конторе и с помощью бамбуковых абажуров и плотных занавесок на окнах добились того, что, сидя в глубине конторы, мы оказывались в тени, в то время как посетитель, стоявший у порога, ярко освещался солнечными лучами или электрическим светом, падавшим из-под китайского абажура.

Что мы выигрывали? По крайней мере несколько минут. Тот, кто имел возможность познакомиться с рискованной профессией разведчика, хорошо знает, как много значат иногда минуты, даже секунды, если они есть в запасе. Да и нам с Гришей Салниным хватило бы всего нескольких секунд, чтобы покинуть, в случае надобности, контору через черный ход, который мы открыли после юго как наняли помещение.

— О, здравствуйте, дорогой Чен. — Я сразу же узнал его по желтому кожаному портфелю под мышкой. — Извините, но эти усы, ваша новая прическа и элегантная внешность заставили меня насторожиться…

Чен снимает плащ и протягивает обе руки, его лицо сияет дружелюбной улыбкой. Пароль не понадобился: я хорошо знаю «нашего Чена». Мы не виделись уже несколько недель, в последний раз, когда он явился о письмом от товарищей, на нем была одежда кули.

Чен, рабочий одного промышленного предприятия в Шанхае, был похож на интеллигента, путем самообразования ему удалось привить себе довольно высокую политическую и общую культуру. В этом я имел возможность убедиться при прежнем нашем знакомстве.

— Как поживаете, дорогой Чен? — я усадил его за маленький столик в приемной, а сам сел лицом к двери. — Вы столько

времени не появлялись… Есть новости?

Чен молчал, я посмотрел ему в лицо и увидел, что оно печально.

— Новости есть, товарищ Ван.

Тогда мы часто меняли имена, обстоятельства требовали этого.

— Из Пекина? Я уже знаю. В английском сеттльменте расстреляли группу рабочих под предлогом, что они бандиты, пробравшиеся в город с целью грабежа…

Чен покачал головой.

— Это стало для нас обычным делом, товарищ Ван… Важные новости пришли с Юга…

— Раз с Юга, то они должны быть добрыми…

— Очень, очень печальные. Сердце разрывается на части, товарищ Ван… Коммуна разгромлена. Кантон залит кровью рабочих… Провокаторы напали на советское консульство, убили русских товарищей…

Я был поражен. Последние новости, которыми мы с Гришей располагали о развитии Кантонского восстания, были хорошими, более того, кантонская коммунистическая организация и левые силы гоминьдана, оставшиеся верными заветам Сунь Ятсена, восстали против контрреволюционного переворота Чан Кайши. В восстании приняли участие сельские боевые организации из Южной провинции, которые еще во времена Блюхера участвовали в Восточном походе и операциях по прочесыванию южнокитайского побережья. Мы знали также, что на стороне восставших находятся и народно-революционные армейские части, оставшиеся верными революции после измены Чан Кайши…

Это мы знали. О «большевистском мятеже» в Кантоне трубили в печати и по радио все корреспонденты западных телеграфных агентств в Кантоне. При этом они не только информировали, но и призывали к немедленному отпору «мятежникам». Последняя услышанная нами по радио новость была для нас отрадной: «Кантон восстал. Красные взяли власть в свои руки и объявили Кантон коммуной. Кантоном управляет совет красных комиссаров. Кантон объявил об аннулировании всех договоров с западными государствами, о реквизиции без компенсации земли у помещиков, ввел восьмичасовой рабочий день…» Более радостную новость, чем эта, трудно было ожидать. Услышав такое сообщение, Гриша Салнин даже подскочил от радости.

Что за новости принес Чен? Неужели это возможно?

— Наши сражались до последнего, — промолвил Чен. —

Отступили, когда крейсера начали обстрел с моря, а войска Чан Кайши подступили к Кантону с северо-запада… Им, товарищ Ван, было невозможно держаться дальше…

Чен говорил так тихо, что я едва его слышал. Он словно извинялся за отступление восставших, за их поражение. В его глазах я был советским человеком, русским, а китайские коммунисты считали русских опытными революционерами, мастерами революционной тактики и стратегии, доказавшими, что они способны довести борьбу до победы… И теперь любой неуспех Чен воспринимал как признак слабости, неумелости китайской партии. Я его хорошо понимал. Ведь я испытывал то же чувство революционной неполноценности, когда в свое время стоял перед Берзиным и просил его отчислить меня из управления после того как обнаружились промахи нашей партии.

Мы поговорили еще немного — ровно столько, сколько может продолжаться деловой разговор между клиентом и торговцем-импортером. Чен взял с вешалки свой плащ, так же вежливо попрощался и покинул контору, зажав под мышкой желтый кожаный портфель.

Но это был другой портфель. Тот, что он принес, я сунул под торговые ведомости, лежавшие на моем письменном столе, подменив его похожим.

Чен вышел в сопровождении Людвига.

Впрочем, я должен вам представить Людвига. Это был один из двух «акционеров» торговой фирмы, чех по национальности. Вместе с югославом Мирко они были официально зарегистрированы властями как собственники фирмы, а этой вывеской, в сущности, прикрывались мы: Гриша Салнин и я. Ни Людвиг, ни Мирко не были коммунистами, это были честные люди, изгнанные из родных стран за политические убеждения. Читатель может спросить: разве политические эмигранты из этих стран не могли найти убежище в каком-нибудь государстве поближе от родной земли, зачем им понадобилось забираться на другой конец планеты? Вполне резонный вопрос, я сам задавал его себе, но мне не удалось найти на него ответ, пока они сами не объяснили: «Мир так огромен. Нам хотелось поездить по свету, посмотреть, познакомиться с жизнью других народов и других континентов».

Людей подобного типа называют авантюристами; и впрямь это, кажется, подходящее определение. Но Мирко и Людвиг были людьми на редкость чистой души. По своим убеждениям они примыкали к левым социал-демократам и с надеждами на то, что врожденные социальные недуги буржуазного общества можно исправить с помощью реформ. Но здесь, в Китае, где так

называемые западные демократии, включая США и Японию, не скрывали своего звериного облика, беспощадно подавляя стремление китайского народа к свободе, оба они прозрели и протянули нам руку для честного сотрудничества. Они не знали точно характера нашей работы, даже не интересовались ею. Но знали, что мы советские люди и помогаем этому жестоко угнетаемому народу в его борьбе за национальное освобождение и социальную справедливость. Этого им было достаточно, чтобы стать нашими верными сотрудниками и друзьями. Они не знали, что собой представляют люди типа Чена, которые приходили к нам в определенные дни и которых мы принимали только после того как они скажут пароль; не знали, что содержится в «торговых пакетах», прибывавших из Вены вместе с накладными, которые следовали через советскую территорию; не знали, как мы осуществляем «торговые поручения» и платежные операции; не знали, как нам удается обеспечить предприятие достаточным количеством товаров самых известных европейских фирм…

Наша шанхайская импортно-экспортная фирма владела не только конторой для деловых контактов с местными клиентами и бизнесменами, но и представительным магазином в европейской части города: во французском сеттльменте. Там можно было купить всевозможные товары: меховые изделия из Финляндии, дамскую одежду и предметы туалета, различные принадлежности из Вены, хрустальные и фарфоровые сервизы из Праги, модную обувь из Брно, электроаппаратуру из Берлина, ароматные сигареты из Турции, Греции и Болгарии, шелковые ткани, кимоно и дамские веера из Японии, черную икру, рыбные деликатесы и дорогие меха из Советского Союза. Это был один из приличных магазинов, правда, небольшой, но хорошо снабжавшийся, и нам удавалось вести доходную торговлю. В магазине чаще работали Мирко и китаец-продавец, который объяснялся на китайском языке с местными клиентами. Разумеется, китаец знал еще меньше, чем оба «собственника» фирмы, т. е. ничего не знал. Он просто был убежден, что работает у двух бизнесменов, которые ему хорошо платят. Может быть, его удивляло то, что эти бизнесмены так по-дружески относятся к нему, туземцу, уважают его человеческое достоинство — такое обращение со стороны настоящих бизнесменов было редкостью.

Такая же импортно-экспортная фирма была у нас и в Пекине. Ее «хозяевами» являлись поляк, немец и двое бывших белогвардейцев из армии Колчака. Немец и поляк напоминали наших приятелей в Шанхае, а двое бывших белогвардейцев, родом из Смоленска, полностью осознали свою вину перед матерью-родиной и подобно тысячам других своих

соотечественников, бедствовавших в северных провинциях Китая, полностью забытых своими вчерашними «хозяевами», изъявили желание вернуться домой. С нашей помощью оба русских поняли, что они могут приносить пользу своей родине и здесь, и временно отложили свой отъезд, чтобы заняться торговлей, «делать деньги»…

Как и следовало ожидать, обе импортно-экспортные фирмы имели своих «торговых агентов» и в других городах страны и почти во всех крупных портах Китая. Это, в сущности, были наши люди, вроде Мирко и Людвига (европейцы, китайцы, монголы, корейцы), которых нам самим удавалось привлечь для осуществления наших задач. Обе фирмы, к которым позже прибавилось промышленное предприятие в Харбине, не имели ничего общего между собой, кроме настоящих владельцев. Мы осуществляли связи с «торговыми агентами» в остальных провинциях. «Официальные владельцы» только представляли фирму в Шанхае и Пекине и осуществляли торговую деятельность в магазинах. Между прочим, нужно сказать, что найти торговые фирмы, несмотря на свою фиктивность, действительно занимались торговой деятельностью и приносили доходы. Но мы покрывали почти все расходы группы и жили на «широкую ногу», как это и требовалось, чтобы завоевать себе здесь независимость и авторитет. В этой стране внешность и деньги являлись единственным удостоверением личности человека.

Проводив Чена до выхода на улицу, Людвиг вернулся в контору, сел за свой письменный стол, заваленный накладными, и продолжил работу, прерванную приходом китайца. Он был примерно на десять лет старше меня, значит, ему было около сорока. Но глубокие морщины на лице и лысина старили его, делали солидным. Людвиг казался грустным.

— Я слышал новости, которые сообщил посетитель, — промолвил он, — но просто забыл рассказать… Это ужасно… Английские крейсера открыли огонь из бортовых орудий прямо по восставшим кварталам. Испепелили все вокруг… По какому праву, боже мой, по какому праву!.. — Он сжал голову обеими руками и продолжал сокрушаться.

— Но, Людвиг, ты ведь жил здесь и год тому назад, не так ли? Был в Шанхае, когда английские крейсера обстреливали город. Почему же ты так удивляешься сейчас их вмешательству в Кантоне?

— Я не удивляюсь. Я уже в том возрасте, когда мало что может поразить, особенно в политике… Но это не политика. Это бесчеловечная, жестокая война сильного против слабого и беспомощного… Притом без попыток скрыть это, придать

благовидность своим намерениям… Вандалы, вандалы, современные гунны…

— В самом деле, вандалы, Людвиг, грубые, бесчеловечные. Первой разглядела их подлинный облик Советская Россия. Те же самые крейсера обстреливали Ленинград, Севастополь, Одессу. Они посылали туда войска, чтобы удушить революцию в момент се рождения. Не удалось… Действительно, ты прав, Людвиг, империалисты — это современные вандалы. Ты не прав в другом…

Людвиг посмотрел на меня вопросительно.

— Ты не прав, считая, что народ этот беспомощен… У него есть друзья, которые ему помогали, помогают и будут помогать в дальнейшем, чтобы он мог стать хозяином в собственном доме…

Гриша Салнин приехал с Мирко на рикше, плавно подкатившем свою тележку к нашей конторе и быстро удалившемся по тихой улице. Они прибыли раньше чем я успел уйти к себе во внутреннее помещение конторы, чтобы проверить содержимое портфеля.

Гриша шел неторопливо, небрежной и независимой походкой бизнесмена, чьи дела идут отлично. Темные роговые очки прикрывали глаза, а дорогая итальянская шляпа бросала тень на его гладко выбритое лицо. Элегантный английский фланелевый костюм, модные швейцарские туфли и тонкая трость из вьетнамского бамбука с набалдашником из слоновой кости дополняли картину. Гриша спокойно пересекал широкий тротуар. Я ждал его с едва сдерживаемым нетерпением: сегодня утром он отправился в шанхайский порт, чтобы получить на таможне «груз». Его сопровождал Мирко — официальный «владелец» фирмы. «Груз» оказался значительно объемистее, чем в прошлый раз, он весил несколько тонн. Накладные, которые были вручены нам после того как он прибыл, свидетельствовали о том, что груз прибыл из Германии транзитом через Советский Союз. В них было указано, что в ящиках находится электроаппаратура, швейные машины и запасные части, заказанные согласно спецификации.

Гриша поздоровался с нами на китайский манер, слегка поклонившись, и сразу же заговорил:

— Все в порядке. После обеда перевезем груз на склад.

Гриша имел в виду склад нашей фирмы, расположенный по соседству с магазином.

— К сожалению, не все в порядке, — покачал я головой. — Ты слышал, что творится на Юге?

— Еще утром. Гонконгское радио на английском языке первым передало сообщение из Кантона. Корреспондент этого радио хвастался, что ему выпал счастливый случай наблюдать

«разгром путча» с борта крейсера, извергавшего, «как настоящий вулкан, огненную лаву»… Торжествовал, что персонал советского консульства подвергся «казачьей рубке»…

Гриша говорил спокойно, но я чувствовал в его словах огромную, едва сдерживаемую боль.

— Наступит день, когда эта огненная лава извергнется на их головы. Преступники…

Мирко, югослав из Шумадии, огромный и стройный, как гладиатор, стоял рядом с худощавым элегантным Гришей, его лицо выдавало смятение.

— Как же быть? — спросил он. — События на Юге, наверно, отразятся и на положении здесь?

— Наверно, — ответил после краткой паузы Гриша. — Но это ничего не значит. У импортно-экспортной фирмы Мирко и Людвига нет других интересов, кроме бизнеса… Работа продолжается…

Гриша бросил на меня вопрошающий взгляд.

— Да, — кивнул я в ответ.

Мирко ушел. Людвиг остался в конторе со своими торговыми ведомостями и грустными размышлениями, а мы с Гришей ушли во внутреннее помещение.

— Приходил курьер, — шепнул я Грише, когда он плотно закрыл за собой дверь. — Вероятно, дело спешное и важное.

В потайном кармане желтого портфеля лежало запечатанное письмо. Оно было кратким и содержало ряд указаний по организации работы в Тайюане, куда мне необходимо было срочно выехать.

— Еду, Гриша, — сказал я. — Думаю, что на обратном пути лучше проехать через Пекин.

— Правильно, Ванко. Наверно, у Галины накопилась корреспонденция. Прошло почти две недели с тех пор как я в последний раз виделся с нею. Наверняка есть что-нибудь и в пекинской фирме…

— Я оденусь так, словно еду охотиться на фазанов.

Гриша улыбнулся:

— Не только оденься, как охотник, но и постарайся при возвращении раздобыть эту дичь… Отправиться в Тайюань за фазанами и вернуться с пустыми руками… Тебе никто не поверит…

Мы сожгли письмо и распрощались.

— Встретимся после обеда, в три часа, на складе, — уточнил Гриша и тотчас же покинул помещение конторы. Выйдя на улицу, он помахал рукой свободному рикше и исчез.

Итак, Кантонская коммуна была разгромлена, расстреляна из

орудий английских крейсеров. Но борьба продолжалась…

После обеда я вышел задолго до условленной встречи, чтобы попасть на место ровно в три. Мне понадобилось пересечь большую часть гигантского человеческого улья, простиравшегося на много километров, — весь английский сеттльмент, а потом и японский, — а это означало, что я должен был несколько раз менять рикшу, потому что каждый сеттльмент фактически являлся государством в государстве, с собственной юрисдикцией, собственной полицией и войсками, с территорией, со всех сторон окруженной или стенами, или густыми проволочными заграждениями, с внутренней стороны защищенными мешками с песком, охраняемой солдатами соответствующего государства.

В помещении склада, расположенного во французском сеттльменте, кроме Гриши и Мирко, я застал еще одного человека — китайца, хорошо знакомого товарища.

Мы молча пожали друг другу руки, после чего Мирко ловко начал вскрывать ящики. Крепкие деревянные ящики были окованы металлическими шинами, со всех сторон оклеены этикетками, свидетельствовавшими о том, что они прибыли из Берлина.

Мирко вскрыл четыре, а может, пять ящиков. Их содержимое никого не удивило: запасные части к машинам и электроаппаратура, перечисленная в приложенных накладных. Их тщательно упаковали и переложили ватой, чтобы предохранить от ударов. Гриша снял первый и второй ряды запасных частей — все оказалось так, как мы ожидали. Он повернулся к Мирко.

— Благодарю тебя, друг, — сказал он ему.

Мирко дал знак, что он все понял, и покинул склад, закрыв за собой дверь на специальный замок. Он знал свое место, не проявлял излишнего любопытства, делал то, что от него требовалось; он понимал, что мы кое о чем умалчиваем от него и Людвига. Он знал, что каждый должен знать только то, что положено, и в такой степени, в какой это необходимо для нормальной работы, и ни одного слова, факта, имени или адреса больше.

Как читатель уже догадывается, нижняя половина ящиков, специально сделанных для этой цели, была заполнена оружием. На сей раз оружия оказалось больше, чем обычно. Правда, оно было не новое, но вполне пригодное, смазанное и с запасом боеприпасов к нему. Гриша лично подбирал его на военных складах в Хабаровске и Владивостоке. Это было трофейное оружие (английское, французское, чехословацкое), доставшееся от взятых в плен контрреволюционных банд Колчака и барона Унгерна, от изгнанных наемных армий интервентов. Оружие шло

оттуда, а остальные «мирные» грузы прибывали из Берлина или Вены, Праги или Белграда, в зависимости от случая. Но прибывали они всегда после переупаковки в Хабаровске или Владивостоке. С этой целью Гриша или я время от времени «наезжали» в Европу, чтобы на месте оформить очередной заказ или же сбыть там экзотичные китайские товары (наша фирма занималась и экспортом) — фарфоровые вазы, статуэтки и сервизы, изделия из слоновой кости, произведения искусных китайских резчиков по дереву, гобелены, изящные бамбуковые зонтики, веера, всевозможные изделия народных умельцев.

Эти путешествия в Европу и обратно «транзитом» через Советский Союз имели целью не только доставку оружия в Китай. Проехав по Транссибирской магистрали и пробыв в Москве столько времени, сколько нужно, чтобы получить новые инструкции и задания, мы продолжали свой путь на Запад — в Вену, Берлин или Прагу, по нашим торговым делам. И уже с товарами для продажи, которые иногда следовали с нами в багажном вагоне или же малой скоростью в товарных поездах, мы ехали в Китай транзитом через Советский Союз.

Читатель может задать себе вопрос: а если таможенные власти все же случайно обнаружили бы, что представлял собой наш груз — что тогда? Не было ли это слишком опасным для нашей группы разведчиков? Нет, в то время в Китае это не было опасно. Самой большой карой за незаконный ввоз оружия без пошлины мог быть штраф, только и всего. В сущности, самым трудным делом являлась сама передача оружия китайским товарищам, поддерживание конспиративных связей с ними.

Мы договорились с китайскими товарищами, как будем передавать оружие. Коммунистическая партия Китая не располагала денежными средствами, чтобы вооружаться путем обычной закупки оружия, хотя в Шанхае, Пекине, Нанкине и Кантоне оружие продавалось свободно. За ее спиной не стояли финансовые магнаты империалистических государств, она не могла рассчитывать на их крейсера и войска. Единственным другом КПК и революционных сил Китая в те мрачные годы и всегда после этого являлась родина Ленина, первое свободное государство рабочих и крестьян.

Поездка с Ченом прошла спокойно. В Тайюань мы приехали даже на день раньше, и я мог обойти окрестности города, славившиеся чудесной охотой на фазанов. В рощах около города я встречал и других охотников — европейцев, мы учтиво раскланивались. Каждого из нас сопровождал китаец, его обязанностью было искать подстреленную дичь и, разумеется,

таскать охотничьи трофеи. Таким образом Чен получал довольно убедительное оправдание поездки со мной в этот город.

Мы вернулись к вечеру, довольные удачной охотой: нам удалось подстрелить с полдюжины жирных фазанов. В гостинице, где остановились и другие охотники-европейцы, в ту ночь допоздна шел пир. Я вел себя так, как и остальные охотники, приехавшие развлечься. А в это время Чен устанавливал необходимые связи.

На следующий день я уклонился от приглашения компании охотников, пожелал всем «приятного времяпровождения» и ушел, сославшись на легкое недомогание. Когда на Тайюань спустился мрак, Чен повел меня через густонаселенные рабочие кварталы, где без провожатого иностранец наверняка бы заблудился.

В небольшой комнате бедного рабочего домишки, куда Чен меня привел, я застал десятерых мужчин, они сидели за столом, озаренные светом бумажного фонаря. Их лица были серьезные, сосредоточенные, одежда крайне бедная. От очага струилось тепло.

На небольшой полочке в нише был устроен семейный алтарь. Большая часть народа этой страны исповедовала религию, отличавшуюся от европейской. Широкое распространение в Китае получило конфуцианство (в сущности, это не религия, а этическая философская система поведения), таоизм (самая древняя религия китайцев, которая приближается к нашим понятиям о вере, так как основывается на почитании бога Тао), буддизм, самой же распространенной религией был культ предков. Сторонники этого культа хранили прах своих предков в семейном алтаре. Дом, куда мы пришли, очевидно, принадлежал последователям этого культа. Коль речь зашла о религии, хотелось бы между прочим упомянуть и о новой религии, получившей широкое распространение (правда, насажденной насильственным путем) в пределах нынешнего Китая, — о культе Мао. Цитаты из его сочинений, превращенные в священные догмы, его портреты, значки с его изображениями, торжественные оды, кантаты и восхваления захлестнули всю страну, как воды Янцзы весной, засорили душу этого народа пустословием и псевдоистинами, вытеснив единственную великую религию пролетариата — веру в социальную справедливость, равноправие, мир и счастье трудящихся на земле…

Чен подождал, пока мужчины — их было ровно десять человек — рассядутся, и представил меня им на китайском языке, отдельные слова и фразы которого я уже начал понимать и даже произносить. Все повернулись к нему и слушали его внимательно. Они были предупреждены о том, кто посетит их этой ночью, но

когда Чен сообщил им, что «прибыл советский товарищ», их лица заметно оживились. Некоторые украдкой рассматривали мою одежду, лицо, они, казалось, старались проникнуть в мои мысли.

В ответ на слова Чена, которые он произнес, повернувшись вполоборота ко мне, один из сидящих в комнате встал, сказал несколько фраз и вежливо поклонился мне.

— Боевая десятка товарища Лиена, — перевел мне на русский язык Чей, — выражает свои самые лучшие чувства русскому товарищу и свою преданность.

Я вежливо поклонился всем. Ритуал взаимного уважения обязателен для любых классов и сословий в этой стране. После этого Чен снова обратился ко мне:

— Товарищ Ван, они ждут вашего выступления.

Я подготовился к этому. Я уже присутствовал на подобных собраниях в центральных и восточных провинциях Китая, в рабочих центрах, составляющих целую сеть боевых организаций. Повсюду они проходили по одному и тому же регламенту, и у меня создалось такое ощущение, будто я присутствую в одном и том же коллективе. Да и люди казались похожими: и по скромной одежде, и по поведению, и по кроткому молчанию, и по выражению лиц и глаз.

— Я передаю вам братские поздравления русских рабочих и крестьян, всего советского народа, — начал я, и Чен стал переводить.

Я заверил их, что в лице Советского Союза революционный Китай имел и всегда будет иметь верного союзника и брата, что Советский Союз не покинет китайский народ в борьбе против контрреволюции и империалистических угнетателей, что партия большевиков будет продолжать оказывать помощь Коммунистической партии и китайской революции…

Я коротко рассказал, какие задачи стояли перед нелегальными группами партии большевиков в эпоху царизма, подробно остановился на формах их работы, рассказал, как эти группы участвовали в нелегальной борьбе, какие средства использовали для своего вооружения и обучения, для поддержания контактов между собой, а также с руководителями десятки. Потом я остановился на революционной дисциплине, на необходимости хранить в абсолютной тайне свою принадлежность к боевой группе, ее численный состав, имена членов и руководителя, а также задачи…

Говоря, я внимательно наблюдал за людьми, сидящими напротив меня в бедном жилище рабочего. Освещенные бумажным фонариком, их лица казались еще более желтыми, я видел, как постепенно они оживляются, в глазах появляется

блеск. Это были жители северных провинций. Кожа их широких, скуластых лиц была бледно-желтая, постоянный тяжкий труд, хроническое недоедание оставили на них множество морщин. На вид им можно было дать от тридцати до пятидесяти лет. Все они были рабочие. Это безошибочно угадывалось по их ветхой одежде и по худобе.

Я закончил свое выступление вопросом, есть ли среди них курильщики опиума.

Когда Чен перевел мой вопрос, встали четверо. У них лихорадочно блестели глаза, лица были бледней и морщинистей, чем у других. Они казались старичками, хотя были не старше остальных.

Я кивнул головой, и эти четверо так же молча сели, не стесняясь ни меня, ни остальных.

— Опиум такое же большое зло, — не выдержал я, — как империализм и контрреволюция… — Я подождал, чтобы Чен перевел, и продолжил: — Это зло разрушает организм исподтишка, беспощадно, ослабляет мускулы борца, затуманивает сознание, лишает воли к сопротивлению. Опиум — союзник контрреволюции…

Мужчины, сидевшие за столом, смотрели на меня явно растерянно. «Неужели в самом деле этот невинный белый порошок, дарящий несколько часов покоя и забвения, может причинить зло революции?» — читал я в их глазах. Четверых «виновных» била дрожь. Слова о том, что опиум союзник контрреволюции, потрясли их души. Я даже пожалел их.

— Курильщики опиума не виноваты в своей слабости, — продолжал я. — Эксплуататоры заинтересованы и том, чтобы этот порок распространялся среди народа, тогда легче держать его в повиновении. Так в свое время русские помещики и царизм поощряли среди народа употребление алкоголя — такого же врага рабочего класса и революции, как и опиум…

Я говорил еще долго. В то время наркомания в Китае приобрела невиданные масштабы. Опиум, который производили в южных провинциях страны и вывозили в огромных количествах через Гонконг, Шанхай и Макао, превратился в пагубную страсть и для миллионных масс трудящихся. Мнимое кратковременное блаженство, которого добивался курильщик опиума после употребления этого наркотика, обычно стоило ему всей скудной заработной платы за неделю изнурительного труда в порту или на фабрике, большей части урожая с небольшого клочка земли. А главное, это наносило непоправимый вред его здоровью, становилось подлинным бедствием для всей семьи, которая, по существу, теряла кормильца. Разумеется, опиумомания наносила

вред и делу революции. За несколько граммов опиума наркоман готов был продать последнюю рубаху, заложить свою честь, забыть о своих идеях и даже стать провокатором, предателем, шпионить за своими братьями по классу. Вот почему Компартия Китая в те голы считала борьбу против этой пагубной страсти важной задачей.

— Призываю вас, дорогие товарищи, бороться за полную победу революции! Будем же высоко нести знамя, на котором написано: «Смерть контрреволюции! Прочь империалистов! Долой наркоманию! Да здравствует братство и социальное равенство всех трудящихся! Да здравствует коммунизм!»

Чен закончил перевод моей речи. Мужчины быстро встали и склонили головы в глубоком и продолжительном поклоне.

Собрание подпольной десятки закончилось произнесением присяги. Каждый вставал со своею места, произносил слова клятвы, низко склонял голову перед домашним алтарем предков и молча садился на место.

Присяга гласила: «Клянусь прахом предков, что буду служить коммунистическим идеям, отдам силы, а если понадобится, и жизнь, за братство, социальную справедливость и счастье моего трудового народа. Клянусь!»

Клятва верности делу, которому ты себя посвятил, не новшество в практике революции. Подобную клятву давали и мы в боевых десятках и пятерках Плевенской организации. Клялись в свое время и наши деды — борцы за национальное освобождение, они целовали крест и револьвер и получали напутствие священника-революционера. Но клятва, которую давали китайские товарищи, чем-то отличалась от них. Мне трудно определить точно, в чем выражалось это отличие, мне вообще трудно делать анализ всего, что относится к этой стране. Пожалуй, их присяге был свойствен непередаваемый фанатизм, с которым члены боевой группы произносили слова клятвы «о верности до смерти», странный блеск их глаз напоминал лихорадочный блеск глаз наркоманов. Миг произнесения клятвы был решающим в их судьбе.

Однажды я был свидетелем страшной картины — публичной казни в крупном городе Баодин, оккупированном Чжан Цзолином. Этот город расположен на железнодорожной линии Пекин — Тайюань, долг службы заставил меня остановиться там на сутки после того как я закончил дела в Тайюане. Судьбе было угодно, чтобы казнь состоялась накануне моего отъезда из города на площади перед гостиницей, где я жил (мы выбрали небольшую гостиницу в одном из отдаленных от центра кварталов города). В этот город до меня приезжал Гриша в связи с «торговой

деятельностью» нашей фирмы в Пекине. Я явился в гостиницу поздно ночью, сопровождаемый Ченом, без которого, может быть, стал бы жертвой гангстеров или бандитов — в то время Китай кишел ими.

Проснулся я рано, задолго до того когда мне надо было вставать. Меня разбудили удары барабана и пронзительный свист маньчжурских свирелей, а также необычный гомон толпы. Я подошел к окну своего номера. Вся площадь оказалась забитой людьми, стоявшими вплотную друг к другу. Посередине многотысячной толпы, на небольшом свободном пространстве, я увидел трех обнаженных до пояса китайцев со связанными сзади руками, стоявших на коленях прямо в грязи. Я стоял у окна и не находил в себе силы оторваться от этого тревожного зрелища.

Ждать пришлось недолго. Звуки свирелей и удары барабана внезапно прекратились, и в свободном пространстве, окруженном толпой, появился офицер в сопровождении десятка солдат. Офицер нес в руках длинный свиток, он развернул его и стал громко читать, указывая пальцем на связанных полуголых людей. Что бы это значило?

Мне все стало ясно, когда я внезапно увидел среди солдат, окружавших офицера, человека с топором. Боже мой, оказывается, я присутствую на казни! Китайские товарищи уже рассказывали мне о подобных казнях на Севере и в Пекине, где господствовал диктатор Чжан Цзолин. Власти при народе обезглавливали арестованных коммунистов, которые имели при себе оружие, а также тех, кто участвовал в каких-либо политических мероприятиях. До восстания в Кантоне подобные казни были редким явлением, но теперь, после разгрома Кантонской коммуны, повсюду в Китае диктаторы — монархисты и чанкайшисты — вынули мечи из ножен. Казнили рабочих, солдат, еще вчера принимавших героическое участие в эпическом походе на Север, крестьян из революционных организаций… Казнили в присутствии всего населения села или квартала (если это имело место в более крупном городе), где жили «красные бандиты», для острастки и в назидание остальным. То, что теперь увидели мои глаза, было новой страницей трагедии китайского народа.

Офицер-прокурор сыграл свою роль, и в дело вступил палач. У меня не хватило сил смотреть на эту невероятную сцену, но я знал, в чем состоит его роль: палач отрубал одну за другой головы троим связанным полуголым мужчинам, безмолвно и, казалось, бесстрашно стоявшим на коленях в окружении толпы…

Когда я открыл глаза, тела лежали в грязи, содрогаясь в предсмертных конвульсиях. Произошло нечто ужасное, о чем до этого момента я знал только по книгам.

Но судьба в этот день уготовила мне еще один «сюрприз», надолго выбивший меня из колен и ставший причиной тяжелого нервного расстройства.

Когда палач ушел и народ, на вид равнодушно стоявший около места развернувшейся трагедии, уже собирался разойтись, эта сцена получила неожиданное продолжение. Из толпы послышались громкие призывные голоса, проникшие даже в мой номер. «Что это? — спрашивал я себя. — Может, кто-нибудь выражает протест или выкрикивает угрозы палачам?»

Нет. В тот день мне предстояло увидеть самую странную картину в моей жизни, страшную своей парадоксальностью.

Голоса, которые я услышал, принадлежали четырем мужчинам. Они растолкали толпу и предстали перед группой военных. Они наперебой громко говорили что-то офицеру, затем снимали с себя ветхую одежонку и становились рядом с обезглавленными телами. И все повторилось: сначала им связали руки, причем они сами без звука и без какого-либо жеста протеста протягивали их. Они встали на колени в грязь на небольшом расстоянии друг от друга…

Я отошел от окна, задернул плотные занавеси, чтобы как-то изолировать себя от происходящего на площади. Первые трое были коммунисты, это очевидно. Но что означал поступок четверых?..

Через час я покинул гостиницу, перед которой все еще валялись в грязи тела казненных. Чен, ждавший меня внизу, нанял рикшу и вкратце объяснил мне разыгравшуюся трагедию: четверо мужчин, добровольно подставивших головы под топор палача, были из той же боевой десятки, к которой принадлежали и первые трое. Поскольку данная ими клятва верности до самой смерти гласила: «один за всех и все за одного», они решили, что их долг — разделить участь казненных товарищей…

Эта история, свидетелем которой мне довелось стать в северном китайском городе Баодине, заставила меня задуматься над странной душой этого народа, над его проявлениями, кажущимися нам невероятными. Что означал поступок четверых? Стоическое поведение перед лицом смерти первых троих вызывает восхищение: этот поступок мы отлично понимаем. Наша новейшая история изобилует примерами мужественного поведения перед лицом смерти. Но как охарактеризовать поступок их товарищей? Что это? Проявление долга быть верным до конца? Но человек, который, никем не разыскиваемый, добровольно кладет свою голову на плаху, не учитывает целого ряда обстоятельств. А они делают его самопожертвование ненужным и бессмысленным. Верность, в которой он клялся, —

это верность не отдельному лицу, а великому идеалу социального освобождения. Офицер, прочитавший приговор, отнюдь не высшая моральная инстанция, а самый обыкновенный палач. Кроме того, бессмысленное самопожертвование сеяло страх и смуту в сердцах людей, все еще не посвященных в благородные пели нелегальной борьбы, для которых жизнь была ценностью, не заменимой никакими идеями…

Большая часть китайского народа и, конечно же, подавляющее большинство партии не имели элементарных политических знаний и нередко недоумевали, сталкиваясь с крупными и сложными проблемами китайской общественной жизни. Причиной этого была вековая отсталость, рабская психика, сформировавшаяся за века гнета монархов, мандаринов, феодалов. И убеждение, что жизнь не представляет никакой ценности. В этой стране, где людей считают на миллионы, где не существует никакой регистрации населения, никаких удостоверений личности или паспортов, где число семей растет невероятно быстро и невероятно быстро создаются новые семейные очаги, где зачастую рождение человека не приносит радости, а смерть — скорби, здесь, в этой стране, наши нормы поведения, наши понятия о верности, наши идеалы человеческой личности и ее счастья преломлялись совершенно неожиданным образом…

Я думал тогда и продолжаю думать: какая понадобится огромная работа, какие титанические усилия надо приложить, чтобы вывести этот народ из черной тьмы вековой отсталости, чтобы вдохнуть в его душу истинную и реальную надежду на счастье человека, чтобы просветить его ум с помощью высоких гуманных идеалов коммунистического учения. Это должна быть настоящая богатырская работа, подобная той, которую проделали большевики среди широких крестьянских масс царской России, среди изнемогавших от непосильного труда рабочих в шахтах и дымных фабриках. Такая же титаническая, вдохновляемая высокими идеалами работа, какую проделали в свое гремя основоположники партии тесняков в нашей стране, соратники Благоева, преследуемые, но гордые своим высоким призванием просветителей.

Да, нужна была титаническая работа среди всех слоев этого народа, работа, вдохновляемая достижениями мировой культуры и марксистской теорией общественного развития. Цитаты — догмы Мао, зазубривание его лжемарксистских теоретических положений, хоровое восхваление Мао и все формы современной «культурной революции», практическое уничтожение партии к добру не могли привести. В мое время этот народ расплачивался

кровью за свою политическую слепоту и наивность. Как будет расплачиваться Китай теперь, после культа Мао…

Заканчиваю свои заметки о Китае. Пользуюсь возможностью сказать, что мы, интернационалисты, помогавшие вооружению и созданию военной организации в китайской партии, приложили все усилия, чтобы оградить уже созданные боевые пятерки и десятки от трагедий, подобных той, что разыгралась и Баодине. Мы старались при встречах с подпольщиками, руководителями десяток и активистами разъяснять подлинный смысл клятвы верности коммунистическим идеям, смысл лозунга «один за всех и все за одного». Кроме того, мы внушали им: высший партийный долг повелевает коммунистам не присутствовать на публичных казнях. Мы говорили и убеждали, как и какими средствами настоящий коммунист должен сражаться на классовом фронте, как надо вести себя перед лицом смерти, как надо оберегать свои ряды от провалов, как спасать тех, кого можно спасти, без ненужного и бессмысленного самопожертвования… Это были семена, которые мы разбрасывали на огромной непаханной целине. Тысячи людей должны были последовать нашему примеру, потому что никто до тех пор не вступал в контакт с массами народа, руководствуясь добрыми намерениями, не прибегая к грабежам, насилиям, убийствам.

Мы покинули Китай в начале 1929 года. Разумеется, нас сменили новые товарищи. Берзин не держал своих людей за границей продолжительное время: и самый хороший разведчик допускает неточности, которые могут попасть в поле зрения западных разведок и центров контрразведки. А Китай в то время являлся театром действий разведчиков всех родов и всех национальностей. Речь шла о весьма «лакомом куске», и потому колонизаторы шли ва-банк, стараясь дорваться до того, что ускользало из рук.

Прежде всего мы прикрыли деятельность наших фирм в Пекине и Шанхае. В сущности, фирмы остались, но они уже имели меньшие вклады в банке — только то, что получали от нас «официальные собственники» как законную долю подлинных доходов. «Собственники» остались верны нам. Большинство других наших «торговых агентств» в Китае тоже готовы были служить интернациональному делу. Всех их буквально через несколько месяцев получил в наследство кадровый разведчик Рихард Зорге — его Берзин послал в Китай в качестве руководителя группы.

Мы покончили с делами и на промышленном предприятии в Харбине, куда в последний период переместилась большая часть нашей работы. Это была вполне современная для своего времени

консервная фабрика. На ней работало более 500 рабочих. Ее владелец Леонид Вегедека, дореволюционный политэмигрант, обосновался в Харбине надолго, но не забыл ни своей родины, ни своего долга по отношению к ней. И когда мы предложили ему через его жену Веронику (кстати, она окончила Сорбонну) сотрудничать с нами, он с готовностью взялся за это.

В то время Галина покинула Пекин и перешла работать в Харбинский дальневосточный банк, не изменив, разумеется, своей «настоящей» работе. Нам в помощь прислали из управления разведчика Леонида Этингона. Мы с Гришей жили в небольшой вилле в окрестностях Харбина, где он мог посвятить свободное время любимому занятию — разведению кроликов и голубей… Не улыбайтесь, дорогой читатель. Даже старый разведчик имеет право на хобби. Надо добавить, что в данном случае речь шла не просто о хобби. Голуби служили курьерами. Неожиданно для меня Гриша оказался неподражаемым дрессировщиком почтовых голубей. С привязанной к хвосту в непромокаемом конверте небольшой запиской эти птицы пролетали огромные расстояния в сто, а то и больше километров, чтобы доставить в определенный город и дом указания и принести ответ…

После нашего отъезда фабрика «Вегедека», разумеется, осталась в Харбине и позже перешла в «наследство» новому составу советских разведчиков. Когда Леонид Вегедека скончался, его жена, наша сотрудница, женщина великолепного артистического дарования, прямо-таки рожденная для сцены и театра, продала имущество и вернулась на родину.

Мы покинули Китай, не испытав горечи провала. Мы выполнили свою задачу. Центр получал от нашей группы регулярную информацию о соотношении военно-политических сил и скрытых тенденциях в них, а это определяло в то время поведение и судьбу Китая. Советскому правительству приходилось делать, и оно делало все необходимое для защиты своих дальневосточных границ, по ту сторону которых с остервенением точили зубы японский империализм и его китайские марионетки.

«Благодарю за все, возвращайтесь домой!» — передал Берзин. Мы, коммунисты, посланные оказывать помощь этой стране, ее измученному народу, сделали все, что нам велел интернациональный долг. Другим предстояло занять наши места. А остальное было делом самого китайского народа.

Часть четвертая

ЗАЩИТА СОВЕТСКИХ ГРАНИЦ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ — ЗАЩИТА МИРА

1. КОНФЛИКТ НА КВЖД. ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ ГРАНИЦЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА — ГРАНИЦЫ МИРА

Я уделяю несколько страниц конфликту на Китайско-Восточной железной дороге, потому что в то время он был «сенсацией дня» для всего мира. В разрешении этого конфликта пришлось участвовать и мне.

Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД) являлась единственной магистралью на суше, связывавшей Советский Союз с Китаем, и имела важное значение для политических и культурно-экономических отношений между этими странами. Ее строили в начале нашего века перед русско-японской войной, линию почти целиком строила Россия, используя свои материалы, своих людей и свои средства. Дорога имела огромное стратегическое значение для обороны Дальневосточного края от нашествий японских самураев.

КВЖД пересекала Маньчжурию крест-накрест с запада на восток и с севера на юг, точкой пересечения являлся Харбин. Главный ее отрезок на линии восток — запад (протяженностью 1000 километров) начинался в Чите, где она соединялась с Транссибирской магистралью, затем проходила по территории Маньчжурии через Харбин и Мукден и шла дальше на восток до Владивостока. Вертикальный отрезок север — юг начинался на советской территории у Благовещенска, затем проходил по территории Маньчжурии через Харбин и шел дальше до города Чанчунь.

До Великой Октябрьской социалистической революций КВЖД являлась собственностью царской России.

В 1918 году Советская Россия через народного комиссара иностранных дел Г. Чичерина объявила основные принципы своей внешней политики по отношению к Китаю. О КВЖД Г. Чичерин заявил:

> «Мы уведомили Китай о том, что отказываемся от всего, что царское правительство награбило в Маньчжурии, и восстанавливаем суверенные права Китая на ту территорию, по которой проходит самая важная торговая артерия — Китайско-Восточная железная дорога, собственность китайского и русского народов, стоившая многих миллионов народных денег и поэтому принадлежавшая только этим народам и никому

другому. Больше того, мы предполагали, что если Китай вернет русскому народу вложенные в строительство этой магистрали деньги, то он может ее выкупить, не дожидаясь сроков, предусмотренных договором…»

Сунь Ятсен воспринял декларацию Чичерина как искренне протянутую руку помощи. И только внутренние междоусобицы в гоминьдане помешали ему немедленно приступить к разрешению этой проблемы.

В апреле 1918 года японские империалисты высадили десант во Владивостоке. К ним присоединились десанты США и Англии. Полчища интервентов превышали 150 тысяч солдат, солидно вооруженных, хорошо снабжавшихся боеприпасами. Ими командовал отборный офицерский состав. Воспользовавшись затруднениями молодого Советского государства, интервенты оккупировали весь советский Дальний Восток, Приморье, Забайкалье, Сибирь. Они оккупировали и КВЖД. Было сколочено пресловутое «Дальневосточное правительство» во главе с премьер-министром Хорватом и военным министром адмиралом Колчаком, вскоре провозгласившим себя «верховным правителем всея Руси». На золото империалистов была создана крупная белогвардейская армия численностью более 300 тысяч человек под командованием Колчака.

А дальше?

Дальше события развивались совсем не так, как ожидали империалисты. Проявив железную выдержку, «большевистская Россия» не только защитила свое право на существование, но и в результате тяжелых кровопролитных боев изгнала со своей земли всех врагов, наемников и интервентов. Освободила от них и Дальний Восток.

Во владение КВЖД снова вступили ее истинные хозяева. Советское правительство предложило Сунь Ятсену упредить совместную эксплуатацию железной дороги. Так обстояли дела до конфликта на КВЖД в 1929 году.

После измены Чан Кайши весной 1929 года северокитайские реакционные генералы оккупировали Дальневосточную железную дорогу и нагло изгнали советских рабочих и служащих, чуть не ставших жертвой их зверств. Все сооружения, все имущество и все учреждения, включая и Харбинское управление, были бесцеремонно конфискованы и разграблены. Они организовали и нападение на советское консульство в Харбине, а его персонал подвергли издевательствам и унижениям… Волна репрессий, бешено раздуваемая чанкайшистами, приняла самые грубые формы. Более 2000 советских граждан, рабочих и служащих

КВЖД и сотрудников харбинского консульства были арестованы и брошены в концлагеря, где они содержались в невыносимых условиях. А десятки из них были обезглавлены по приказу китайских властей.

Советский Союз направлял ноты протеста, призывая китайские власти к гуманному отношению к незаконно арестованным, настоятельно требовал их освобождения, предлагал переговоры об урегулировании спорных вопросов. Все напрасно: китайские марионетки в своем бешеном озлоблении шли к намеченной цели.

Эти бесчинства были только началом. Подстрекаемые Англией, США и Японией, чанкайшисты в июле 1929 года приступили к усиленным военным приготовлениям и провокациям на дальневосточной границе с очевидной целью: спровоцировать войну, нанести удар Советскому Союзу там, где он относительно слабее защищен, — на Дальнем Востоке, — оккупировать Приморье, Хабаровский край и Забайкалье и создать «независимую Дальневосточную державу». Империалисты пытались осуществить то, чего им не удалось добиться десять лет назад.

Военные провокации империалистов и их китайских слуг на Дальнем Востоке являлись, как известно, частью большого заговора, усиленно планировавшего новый поход против Страны Советов. Империалисты считали, что Советский Союз бросил все силы на выполнение первой пятилетки и не сможет выделить средства и силы для защиты своих границ.

В начале августа 1929 года Советское правительство спешно создало специальную дальневосточную армию — Особую Краснознаменную Дальневосточную армию (ОКДВА). Командующим был назначен герой гражданской войны, бывший главный военный советник китайской революционной армии В. К. Блюхер. Исключительно удачный выбор! Кто мог лучше знать Забайкалье, Приморье, Хабаровский край, Сибирь, чем Блюхер, десять лет тому назад изгнавший оттуда белогвардейцев и интервентов! К тому же он лучше других знал характер своего неприятеля!

В. К. Блюхер должен был согласно приказу Советского правительства нанести сокрушительный удар по китайским контрреволюционерам во главе с Чан Кайши и их империалистическим подстрекателям, в первую очередь — японским самураям, и защитить границы СССР.

2. СНОВА СО СПЕЦИАЛЬНЫМ ЗАДАНИЕМ К БЛЮХЕРУ

Мы с Галиной вернулись из Китая еще в апреле 1929 года. Вместе с нами приехали руководитель группы Гриша Салнин и еще два человека, Михайлов и Вершинин, прибывшие в Китай позже и большую часть времени остававшиеся в Пекине. Галина заболела: тревоги секретной работы, ежедневный риск, непривычное питание, климат и тысячи других явных и неизвестных причин, способных подорвать здоровье человека, стали причиной ее болезни. Галина держалась три года, не делала никаких скидок на свое здоровье, но теперь, когда все осталось позади, организм не выдержал. К счастью, болезнь оказалась не тяжелой, и вскоре после нашего возвращения в Москву она встала на ноги и опять начала работать в управлении. Через неделю или две ее направили в специальную школу. Ей пришлось овладеть профессией радистки — этого требовали будущие задания.

В специальную школу был зачислен и я. Берзин железно соблюдал систему работы с кадрами: работа, обучение и специализация должны были неразлучно сопутствовать друг другу. Мы вступили в век технической революции. Совершенствовались не только средства ведения разведки и связи, но и методы, тактика, стратегия искусства разведки, приобретавшей все большее значение. Особая роль советской разведки была обусловлена коварством мирового империализма, его неистовыми усилиями помешать делу Советской власти, шпионить и подрывать ее изнутри, клеветать и провоцировать, а когда подвернется случай, то и напасть в открытую, чтобы стереть с лица земли… Разведка должна была превратиться в наши глаза и уши.

В школе мы осваивали все последние технические новинки, которые могли бы оказаться полезными в нашей работе, новые виды оружия, совершенствовали приемы самозащиты при внезапном нападении, анализировали действия врага, вскрытые на процессах против разоблаченных шпионов, изучали шифр, повышали физическую подготовку. Разумеется, в обучение входило повышение марксистско-ленинских знаний, расширение общей и политической культуры, приобретение экономических и географических знаний, изучение иностранных языков. Я усиленно осваивал немецкий (наверно, Берзин уже имел какие-то соображения насчет меня). Нужно сказать, что в Китае я

некоторое время изучал английский.

Поздней осенью 1929 года, через несколько месяцев после моего поступления в школу, Берзин внезапно вызвал меня в управление. У него в кабинете я застал и Гришу Салнина. Гриша уже заведовал отделом, у него на петлицах появился еще один ромб. До поездки в Китай он носил один ромб.

— Собирай чемоданы, Ванко, — улыбаясь, сказал мне Берзин, как только я вошел в кабинет. — Убежден, что ты соскучился по Дальнему Востоку…

Я озабоченно посмотрел на Гришу, ожидая от него разъяснений.

— Да, опять поедешь с ним. — Берзин проследил за моим взглядом. — По его предложению. И по просьбе Василия Константиновича Блюхера…

Как потом разъяснил Берзин, Василий Константинович спешно прислал из Хабаровска список людей, которых он просил откомандировать к нему в дальневосточную армию. Его соображения были ясны: он искал людей, знакомых с характером работы в условиях Дальнего Востока и Азии, а ими, естественно, прежде всего являлись бывшие военные советники китайской национальной революционной армии. Талантливый стратег, Блюхер верно ориентировался в обстановке конфликта, уточнял, какие шаги надо предпринять, чтобы дать отпор врагу и добиться победы.

— Конкретные распоряжения получите от Василия Константиновича, — закончил разговор Берзин.

Мы немедленно выехали.

Хабаровск — столица далекого Хабаровского края, граничащего на юге с Китаем, а на севере простирающеюся до Берингова моря и полуострова Чукотки, — в то время как-то сразу приобрел особенное значение для Советского Союза. С защитой Хабаровского края, Приморья и Закавказья тогда были связаны безопасность, мир, даже судьба Советского Союза. Весь советский народ почувствовал надвигающуюся угрозу, жил в напряжении и тревоге. Взгляды всех были обращены к Хабаровску и армии В. К. Блюхера. «Дадим провокаторам достойный отпор!» — этот призыв молниеносно облетел всю огромную Страну Советов от Дальнего Востока до самых западных окраин. А композиторы даже сочинили песню, которая, подобно «Волочаевским дням», звучала повсюду:

Стоим на страже всегда, всегда,
Но если скажет страна труда —
Винтовки в руку! Врага в упор!

Товарищ Блюхер, даешь отпор!
Краснознаменная, даешь отпор!

В. К. Блюхер в исключительно краткие сроки заложил основы ОКДВА и на самых уязвимых участках границы расположил опорные пункты, действовавшие на провокаторов отрезвляюще. Граница проходила на протяжении более тысячи километров по широкой и могучей реке Амур, которая за Хабаровском резко поворачивает на север, проходит по советской территории и около Николаевска впадает в Охотское море. Река Сунгари, приток Амура, протекает по Маньчжурии и впадает в Амур недалеко от Хабаровска. Обе эти реки судоходны, граница проходила по фарватеру Амура. И на Амуре, и на Сунгари китайские милитаристы держали значительный речной флот, активно участвовавший в военных провокациях: незадолго до нашего приезда в Хабаровск советские саперы Амурской военной флотилии выловили и обезвредили много плавучих мин, расставленных китайским флотом с целью помешать советскому судоходству по Амуру, а если удастся, то нанести и материальный ущерб. Одновременно с этим китайские речные военные корабли по ночам совершали набеги на советский берег, обстреливали из орудий и пулеметов советские пограничные укрепления и рыбацкие села, грабили и убивали мирных людей там, где не встречали отпора.

Читатель, наверно, спросит, почему я не упоминаю здесь имени маньчжурского диктатора Чжан Цзолина, ведь конфликт и военные провокации совершались на «его территории». В то время самодержца Маньчжурии и фактического главы правительства в Пекине и северных провинциях уже не существовало. Этого авантюриста, годами осуществляющего империалистические замыслы Японии и утверждавшего ее господство в Китае, за год до этого убрали… сами японцы. Вчерашние хозяева, сочтя, что Чжан недостаточно исполнительный слуга, решили заменить его другим человеком. Они устроили крушение на железнодорожной линии Пекин — Харбин, когда маньчжурский диктатор проезжал по ней в специальном вагоне…

Чжан Цзолина не стало, но японцам и остальным империалистам легко удавалось купить на иудины сребреники слуг, какие были необходимы для их завоевательных целей. Вместо Чжана появился целый десяток чжанов: для них наступил момент умножить свои вклады в гонконгских банках и сделать «большую карьеру». Чан Кайши служил заразительным

примером…

В рядах китайских империалистов числились и остатки разгромленных банд Колчака и барона Унгерна — банд, состоявших из отъявленных врагов Советской власти, все еще питавших надежду на реставрацию царского строя. Разумеется, за их спиной стояли западные милитаристы, которые их кормили, одевали и платили им как своим наемникам.

Конфликт назревал и достиг критической точки. Советское правительство пыталось урегулировать его мирными средствами, однако постоянные предложения о дипломатических переговорах систематически отклонялись Чан Кайши, подстрекаемым империалистическими государствами. Война становилась неизбежной, китайцы ни в коей мере не скрывали своих агрессивных намерений. Очередная крупная провокация имела место в начале ноября, когда в обстреле мирных населенных пунктов на советской территории приняла участие и китайская артиллерия. Отдельные выпады переросли в организованное нападение чанкайшистских армий. В середине ноября значительные соединения китайских войск перешли советскую границу и начали грабить мирное население, бесчинствовать, объявив занятую ими территорию «исконно китайской землей»… Это произошло вскоре после нашего приезда в Хабаровск.

В. К. Блюхер принял нас сердечно, как старых друзей.

— Жду вас, жду, дорогие мои! — воскликнул он, обеими руками пожимая мне и Грише руки. — К сожалению, повод для встречи не из приятных: опять война, опять сражения… Но, — он шутливо развел руками, — кто виноват, что мы выбрали себе службу солдат?

Блюхер явно был в хорошем настроении, да и какой настоящий командир проявит слабость перед подчиненными в самом начале боя. Но выглядел он плохо. Сильно похудел, темно-русые волосы подчеркивали бледность лица, мундир уже не сидел как влитой на похудевшей фигуре. Заметил я еще одну перемену в нем. На его петлицах блестели не три, а четыре металлических ромба. Четвертый ромб он получил за то, что блестяще выполнил свою задачу в Китае. А что касается его здоровья, то оно ухудшилось еще в то время. Мы знали об этом, ему пришлось на некоторое время уехать в Советский Союз на лечение. Трудноизлечимой азиатской экземой он заболел под влиянием жаркого климата Юга Китая, а главное, из-за круглосуточной напряженной работы по подготовке и реализации планов большого Северного похода… Болезнь прошла, но восстановление здоровья было прервано чрезвычайным поручением Советского правительства.

— Будем воевать, это более чем ясно, — сказал Василий Константинович, когда мы уселись у огромного стола с топографической картой Дальнего Востока. — Разведка принесла исчерпывающие данные: враг накапливает силы, чтобы напасть… Придется сражаться и против тех армейских частей, которых мы сами обучали военному искусству… Является ли это драмой — скажет история. От этой страны, очевидно, можно ждать самого невероятного…

Блюхер показал нам на карте расположение чанкайшистских и белогвардейских батальонов, указал самые вероятные направления нанесения удара.

— Они собираются перейти границу на широком участке, — уточнил Блюхер, — от Забайкалья до самого Владивостока. Если они первые нанесут удар, то заставят нас сражаться на фронте протяженностью примерно в две тысячи километров… Сами понимаете, сколько осложнений это создаст для нас, сколько дополнительно потребуется сил, скольким тысячам людей придется покинуть стройки, чтобы встать под знамена… А сколько крови, страданий, разорения…

Мы произвели точный расчет позиций противника, его боевых средств и живой силы. Если он вторгнется на нашу землю, мы знаем, где и как дать отпор, чтобы сокрушить его еще до того, как он развернет свою огневую мощь…

— А вот и ваши задачи…

Большим красным карандашом Василий Константинович провел по карте трассу КВЖД от Читы до Харбина. Необходимо было нарушать переброску войск противника по КВЖД — единственной линии связи, по которой непрерывно циркулировали армейские соединения чанкайшистов и бронепоезда везли материалы и боеприпасы по направлению к Забайкалью для подготовки нападения. Линию надо было временно выводить из строя, но не уничтожать.

Необходимо было также выводить из строя укрепления и другие военные объекты чанкайшистов.

— Эта задача по силам только тем, кто знает Маньчжурию, — закончил Блюхер. — И тем, разумеется, у кого есть связи с нашими друзьями в этих районах…

У нас с Гришей Салниным были такие связи. И в Мукдене, и в Харбине, и в Цицикаре. Выполнять задачи следовало, опираясь на сотрудничество с местными китайскими патриотами.

— Когда прикажете выезжать, Василий Константинович? — Встав по стойке «смирно», спросили мы с Гришей.

— И еще один вопрос, если разрешите, Василий Константинович, — сказал я. — Через какой пункт на Амуре,

согласно сведениям разведки, наиболее безопасно перейти на ту сторону?

Блюхер посмотрел на меня.

— Это вопрос, который мы все еще не решили, — ответил он после краткой паузы. — Нам знаком каждый километр течения Амура, и переброска на ту сторону не сложное дело. С другой стороны, на границе у нас есть сотрудники, да и местное население, которое милитаристы грабят и терроризируют, поможет, если понадобится. Но сейчас мы обсуждаем другой вариант. А что, если забросить вас с парашютом?.. От Амура до цели вашей поездки почти триста километров. Пешком не пройдешь. А самолет преодолеет их примерно за пару часов.

— Согласен! — отозвался я. — Прыгал с парашютом. Так и впрямь быстрее и безопаснее…

Но Блюхер, который сам предложил подобное решение, отнесся к нему не очень оптимистически.

— Скорее всего — да, — согласился он после некоторого раздумья. — Но будет ли это более безопасно? — спросил он, а через мгновение, продолжая свою мысль, добавил: — Здесь вместе со мной в ОКДВА служит мой младший брат. Летчик. Отчаянная голова, смельчак, но к парашютам относится с известным недоверием.

— Я вас не понимаю, Василий Константинович… — недоумевал я.

Вместо ответа Блюхер быстро встал и сказал:

— Закончим наш разговор завтра. Жду вас в семь здесь, в штабе.

Утром следующего дня, ровно в семь, перед штабом ОКДВА нас ждала закрытая военная машина. В машине сидел главнокомандующий вместе со своим старым боевым другом по Китаю Альбертом Яновичем Лапиным, начальником штаба. Машина сразу же тронулась. Куда? Ни я, ни Гриша не знали.

Густой утренний туман еще не рассеялся, когда машина покинула окраины Хабаровска; вскоре мы очутились среди заросшего травой поля, в конце которого тянулись ангары, а возле них, сверкая крыльями, выстроилась длинная вереница самолетов. Мы приехали на хабаровский военный аэродром, а стоявшие там бипланы оказались новыми советскими самолетами Р-1, которые я видел в Китае.

Все вышли из машины. Мы с Гришей опешили: неужели сейчас полетим? Но в таком случае Василий Константинович должен был нас предупредить, чтобы мы подготовили одежду, оружие и прочее.

Блюхер посмотрел на нас и улыбнулся:

— Проведем испытание, дорогие мои. Испытаем парашюты…

Минутой позже над аэродромом поднялся Р-1, но борту которого находились подготовленные для спуска парашюты: к каждому парашюту привязали мешок с песком, чья тяжесть соответствовала примерно тяжести человека.

Хотя сентябрьское утро было холодным, но по всем признакам день обещал выдаться солнечным и тихим — небо было синее-синее. Летчик за несколько минут набрал высоту и открыл люк. Первый, второй, третий… Десять белых пакетов выбросила летящая птица. Мы стояли, не сводя глаз с пакетов, которые вот-вот должны были раскрыться… Раскрылся один, потом еще два… еще четыре… Раскрывшиеся парашюты плавно спускались на зеленую территорию аэродрома.

Но раскрылось восемь парашютов. А самолет сбросил десять…

Начальник аэродрома стоял с нами весь пунцовый и вспотевший, словно он нес ответственность за неудачу. А ничьей вины тут не было: просто производство парашютов тогда еще было в зачаточном состоянии не только в СССР, но и во всем мире.

Когда самолет приземлился, Блюхер распорядился повторить опыт. На этот раз он приказал сбрасывать груз с большей высоты.

При второй попытке раскрылись все десять.

Я с облегчением улыбнулся, посмотрел на Василия Константиновича.

— Все в порядке, товарищ главком… Предлагаю не терять больше времени…

Но Блюхер, не разделяя моей радости, покачал головой и распорядился проделать еще одну попытку.

При третьей попытке раскрылось девять парашютов. Десятый, с привязанным к нему мешком, врезался в траву.

— Нет! — произнес Блюхер. — Будем передвигаться по земле, пока наверху все не станет надежным. Абсолютно надежным!

— Но, Василий Константинович, — попытался я возразить, — может быть, это чистая случайность… Ведь девять же раскрылись!..

Блюхер дружески положил мне руку на плечо:

— Меня интересует десятый…

Возражать не стоило. Блюхер не согласился бы рисковать без надобности жизнью бойца, при условии, что существовал другой, более безопасный путь.

Неделей позже, после того как Гриша все подготовил, в одну из темных ноябрьских ночей, четырех человек — меня, двух

русских товарищей из разведки и одного китайца — перевезли на лодке на другой берег Амура. Лодка принадлежала рыбаку с того берега, его назначили проводником, так как он знал каждый квадратный метр реки, каждый ее изгиб, каждый куст и камешек на той стороне. Широкий, могучий Амур спокойно нес свои темные воды на восток. Мы плыли безмолвно: обо всем договорились предварительно, каждый из нас точно знал свои конкретные задачи, каждого мы посвятили в соответствующую часть общего плана. Китаец должен был только перевезти нас на тот берег реки, а там нас ждали четверо китайских товарищей из военной организации города Цицикара… В нескольких десятках километров ниже по течению Амура китайские армейские соединения уже вторглись на советскую землю. Настал час дать им отпор.

Мы вернулись с задания через девять дней. Все трое разведчиков оказались налицо. Четверо китайских товарищей из Цицикара проводили нас до того самого места на берегу, и тот же рыбак доставил нас на советский берег.

Задачу мы выполнили согласно полученным указаниям.

Блюхер, следивший за движением и действиями нашей группы, поздравил нас и поставил перед нами новые задачи.

Читатель, наверно, знает, как развивался конфликт на КВЖД, как он протекал и чем закончились провокационные действия чанкайшистов на дальневосточной границе Советского Союза. В. К. Блюхер блестяще осуществил детально разработанный план отпора провокаторам, нанес молниеносные и сокрушительные удары там, где враг меньше всего этого ждал (операция на реке Сунгари, Мишанфусская операция, Чжалайнорско-Маньчжурская операция). В военных действиях участвовал целый ряд первоклассных командиров, таких как будущий Маршал Советского Союза и герой Отечественной войны К. К. Рокоссовский, герой гражданской войны С. С. Вострецов, член Военного совета старый большевик Н. Е. Доненко, командир 1-й Тихоокеанской дивизии А. И. Черепанов, командир 9-й кавалерийской бригады Д. А. Вайнер, начальник дальневосточной разведки Медведев и др. Противник был не просто отброшен, а разгромлен. В плен попали десять тысяч солдат, офицеров, несколько генералов со своими штабами, были взяты горы оружия и боеприпасов, несколько бронепоездов, речных судов, средства связи…

Развитие военных действий потрясло правящие реакционные круги Китая и их подстрекателей. Провокация провалилась, крестовый поход, который империалисты усиленно готовили

против Страны Советов и который должен был начаться на востоке, провалился в самом начале.

Беспощадно разгромленные на поле брани, чанкайшисты согласились на переговоры. 22 декабря 1929 года в Хабаровске было подписано советско-китайское соглашение, восстановившее нормальное положение на дальневосточной границе и на КВЖД.

Немного позже, на торжестве по случаю награждения Советским правительством Особой Дальневосточной Красной Армии орденом Красного Знамени, Блюхер заявил:

— Если в будущем враг повторит свои попытки помешать нашему социалистическому строительству, нарушит наши границы, Красная Армия сумеет с еще большей решительностью, с еще большим энтузиазмом, с полной готовностью к самопожертвованию во имя дела революции защитить их.

В Москву я вернулся еще до начала советско-китайских переговоров в Хабаровске. Василий Константинович дал мне перед этим десятидневный отпуск, который я провел, знакомясь с Приморским краем. Во Владивостоке я застал Бояна Папанчева, чей район действий включал Дальний Восток, Китай, Японию. С ним была и его жена Пенка. Мы встречались и раньше, когда приходилось «заезжать» во Владивосток и Хабаровск, для упаковки ящиков, направлявшихся в Китай. Теперь Боян работал в разведке.

В Москве меня ждал большой сюрприз. В списке бойцов, которых В. К. Блюхер представил к награждению орденом Красного Знамени, был и я. Орден мне вручил в торжественной обстановке в Кремле М. И. Калинин. Я получил повышение по службе: в моих петлицах появился ромб.

Часть пятая
БОЙЦЫ ТИХОГО ФРОНТА

1. ЗАДАЧИ В ЕВРОПЕ

Занятия в специальной одногодичной школе закончились в конце февраля 1930 года, и Берзин не замедлил послать меня на новое место с новым заданием. На этот раз — в Среднюю и Восточную Европу. Сферой моих действий совместно с группой людей, которые должны были помогать мне, являлись Австрия, Польша, Чехословакия, Румыния, Югославия, Греция, Венгрия, Болгария, Турция. Только теперь я понял, почему от меня требовалось знание немецкого языка: в одной из этих стран, Австрии, немецкий язык является языком официальным, в трех других — Чехословакии, Польше, Венгрии — он широко распространен, в остальных странах я должен был пользоваться турецким (я говорил на нем), сербским (знал его довольно хорошо) и, разумеется, моим родным языком. Там, где ни один из этих языков не мог мне служить, я должен был прибегать к помощи русского…

На меня возложили большие и ответственные задачи. В результате накопленного опыта я уже чувствовал уверенность в своих силах. Но меня не покидала внутренняя тревога, которая, наверно, бывает у каждого, когда он собирается пуститься в трудный и продолжительный путь: а хватит ли сил?.. Теперь мне предстояло ехать без Гриши Салнина, моего непосредственного учителя в овладении искусством разведки. Галина оставалась в Москве. Пока что Берзин не видел, чем бы она могла мне быть полезной, но обещал «придумать что-нибудь» в дальнейшем.

В Европе барометр политических отношений показывал «бурю». Западные империалисты, никогда до этого не проявлявшие симпатии к «большевистской России», снова нагло и откровенно бряцали оружием. Опасность, устраненная на Востоке, переместилась на Запад со всеми вытекавшими из этого последствиями для мира, безопасности и судьбы Советского Союза.

Провокация на КВЖД, как я уже говорил, была задумана империалистами, в сущности, только как прелюдия к большой войне против Советского Союза на Дальнем Востоке. С другой стороны, предусматривалось, что за ударом с Востока последуют согласованные военные нападения с Запада, Севера и Юга. Такие планы намечали империалистические державы. Но для этого было необходимо успешное завершение провокации на КВЖД и нападения на дальневосточные советские границы.

Из этого, как известно, ничего не вышло. Западные империалисты временно отказались от своих обязательств в

Китае, делая вид, будто предоставляют Дальний Восток японским самураям как сферу их влияния. А те, обжегшись на «конфликте на КВЖД», оттянули свои войска от границ Советского Союза, но накапливали силы и злобу для новой провокации, нового удара, как только подвернется удобный момент…

Теперь западные империалисты сосредоточили свое внимание на Европе. В начале тридцатых годов большой заговор возглавили стратеги французского генерального штаба, наследники маршала Фоша, к которым примкнули английские колонизаторы. Париж, столица Западной Европы, превратился в «столицу русских изгнанников», в центр международного шпионажа и заговоров против Страны Советов. Опираясь на свое военно-экономическое превосходство, страны-победительницы, к которым на последнем этапе войны присоединилась Италия, практически держали в полном экономическом и политическом подчинении всю Европу. Кайзеровская Германия, вчерашний главный враг Антанты, была разгромлена. Но несмотря на поражение, на страшную политическую, финансовую и экономическую катастрофу, именно она оказалась страной, которую ее вчерашние враги поставили на ноги, чтобы натравить на СССР. В пяти европейских странах были установлены фашистские режимы: в Италии режим Бенито Муссолини, в Венгрии режим адмирала Хорти, в Испании режим Примо де Ривера, в Португалии режим генерала Кармона, в Болгарии режим «Сговора». Антинародные режимы полуфашистского типа господствовали в Польше (режим Пилсудского), в Румынии, в Греции и Югославии.

Относительно либеральные правительства, все еще связанные с иллюзорными добродетелями буржуазной демократии, однако крайне остро реагирующие на любые революционные выступления, проявляющие холодную подозрительность к Советскому Союзу, установились в Чехословакии и Австрии. Чехословакия Массарика, ставшая государством в результате распада Австро-Венгерской империи, находилась под морально-политическим влиянием Франции и являлась основным опорным камнем так называемой «малой Антанты» (Чехословакия, Румыния, Югославия). Французские империалисты стремились превратить ее в плацдарм нового крестового похода против Советского Союза. Чехословацкая промышленность, освободившись от конкуренции разоруженной Германии, стала быстро развиваться, стремясь занять на мировом рынке место, освобожденное кайзеровскими оружейными заводами, временно прекратившими работу после поражения или работавшими согласно ограниченным производственным планам. Оружейные

заводы в Праге, Брно, Пльзене, Остраве привлекли солидные иностранные капиталы. Они в лихорадочном темпе производили наиболее современное для своего времени оружие и усиленно вооружали армии фашистских держав. Французский генеральный штаб в соответствии со своей агрессивной антисоветской стратегией перестраивал чехословацкую армию с тем, чтобы сделать из нее часть своей будущей ударной силы. Особая послевоенная ситуация создавала в Чехословакии условия для относительного благополучия. Но благополучие, которое построено на пороховых погребах и не считается с интересами нации, приводило к фатальному исходу…

Несколько особое положение создалось в Австрии. Большая и всесильная десять лет назад, Австро-Венгерская империя растаяла, как снежная баба в апреле, и в начале тридцатых годов была меньше Болгарии (84 тыс. кв. км), с подорванной экономикой. Вена, прелестная столица вальса, романтического флирта и незабываемых развлечений, в начале тридцатых годов (я вторично приехал туда в марте 1930 года) превратилась в бледную тень своего прежнего величия.

Я направился в Вену, где должен был находиться центр нашей группы разведчиков, получив по личному приказу Старика (так называли мы начальника нашего управления) кличку «Март» — этим именем мне предстояло подписывать свои секретные донесения.

В те времена широкие трудящиеся массы Европы быстро созревали для революционных перемен в мире. Миллионы простых людей, все еще настороженно относящихся к мысли об организованных действиях в рядах партии, в душе уже были сторонниками коммунистических идеалов и с радостью следили за социалистическим строительством в Стране Советов. Всем людям труда дорог мир, а они уже успели убедиться, что единственной страной, которая искренне борется за мир, счастье и благополучие народа, является СССР. И были готовы, в этом я лично имел возможность убедиться в последующие годы, сотрудничать с нами, понимая, что таким образом они помогают делу мира и братства между народами. Классовый инстинкт срабатывал безошибочно.

В противовес нам западные империалистические разведки строили свою работу на соблазне обогащения. Они исходили из убеждения, что нет такого человека, которого нельзя купить: просто один продается за несколько сребреников, а другой за груду золота… Они широко обменивали на золото всевозможные ценности, не входящие ни в одну торговую номенклатуру: покупали души, совесть, растлевали будущее поколение.

Объясню подробнее.

В Китае, где я уже имел возможность установить контакт с бывшими агентами западных империалистических разведок, мне удалось выяснить следующее: некоторые западные центры разведки, главным образом английская Интеллидженс сервис, предлагали определенным лицам, казавшимся им «перспективными», значительные суммы, предлагая им переехать в ту или иную страну, поселиться там навсегда и заняться бизнесом. Необходимые суммы (для ведения торговли, промышленного производства, ренты, содержания гостиницы и пр.) обеспечивала соответствующая разведка. От субъекта не требовали никакой работы в разведке, он только был обязан пустить корни в определенной среде, установить необходимые связи, подходящим образом жениться и жить как «равный с равными» в обществе иностранных джентльменов, далеких от политики…

Итак, Интеллидженс сервис щедро финансировала этих людей, им составляли самую благонадежную родословную. В дальнейшем же она интересовалась не ими самими, а молодым поколением. Купив отца, «инвеститоры» автоматически покупали и его сыновей и дочерей. Отец имел единственную обязанность — вырастить поколение, достойное славы своей великой родины — Британской империи, готовое, когда пробьет час, взять на себя роль профессионального шпиона…

Но английский и остальные западные разведки, несмотря на все, допускали ошибки. В основу своей оперативной тактики и рассчитанной на далекое будущее стратегии они клали всесильную власть денег. Деньги действительно сила, смешно обманывать себя на этот счет. Я сотни раз мог убедиться в этом. Но сила денег обманчива, они обычно соблазняют людей самых бездарных, а то и просто никчемных. Честные люди если и соблазняются деньгами, то ненадолго: рано или поздно они находят силы вырваться из сетей неразумно взятого на себя обязательства. Иногда им это не удается, и тогда они кончают жизнь самоубийством. Я лично имел случай наблюдать подобные, необъяснимые на первый взгляд самоубийства людей, у которых было все в порядке: и бизнес шел хорошо, и солидный счет имелся в банке, и дети выросли здоровыми и интеллигентными… Объяснялось это просто: эти люди хотели порвать с сатаной, на служение которому обрекли своих детей, и, когда они убеждались, что это не в их силах, выбирали единственно возможный способ: умирали, чтобы их дети жили достойно.

Некоторые из них, однако, находили и другое разрешение проблемы. Осознав, что допустили ошибку, что правда на стороне

противника, они сами приходили к нам. Приходили, не требуя ни доллара, оказывали нам ценные услуги. Таких сотрудников имела и наша группа в Китае, таких сотрудников имела советская разведка и в других пунктах нашей планеты…

Эти и многие подобные случаи лично мне дали основание считать, что деньги отнюдь не всемогущая сила. Надо добавить, что мы крайне редко прибегали к помощи денег: в большинстве случаев наши сотрудники отказались бы от них с обидой. Они помогали нам во имя того, что невозможно выразить в деньгах, что несоизмеримо с обычными ценностями, во имя того, что придает смысл самой жизни — во имя наших идей, а точнее, веры в то, что они помогают Советскому Союзу, прогрессу человечества и делу мира.

Вена 1930 года не была Веной Стефана Цвейга, то есть Веной довоенного времени, она отличалась даже от Вены 1925 года.

За пять лет, прошедших после моего первого приезда в этот город, здесь разыгрались тревожные события, заметно изменившие общий политический климат в стране.

Речь идет главным образом об июльском восстании 1927 года, восстании венских трудящихся, которое потрясло до самых основ всю Австрию и привело в замешательство капиталистические правительства во всей Европе.

Вот как развивались тогда события.

В январе 1927 года в Вене фашистская банда совершила вооруженное нападение на мирное собрание трудящихся. Несколько рабочих были убиты и ранены. Подобные вооруженные нападения на мирные рабочие митинги, собрания и демонстрации имели место и перед этим: беснующиеся фашистские банды, вооруженные и покровительствуемые крупной буржуазией и властями, уже несколько лет, с момента первой попытки Гитлера в 1923 году захватить власть в Германии, терроризировали венский пролетариат.

Убийцы, арестованные полицией, предстали перед судом, но 14 июля того же года их оправдали как «невиновных».

Провокационное решение суда, в сущности поощрявшее новые подобные расправы над венскими рабочими, вызвало негодование всей трудящейся Вены. Была объявлена частичная забастовка: десятки тысяч рабочих венских предприятий собрались на площади перед ратушей на широком центральном бульваре Рингштрассе и перед зданием парламента. Народ настаивал на справедливом наказании убийц. Наряду с этим рабочие выдвигали лозунги, осуждающие наступление капитала, либеральное отношение властей к правым экстремистским и фашистским организациям, требовали хлеба и работы. Сотни

тысяч людей, ставших жертвой безработицы, находились в бедственном положении…

Демонстрация была мирной. Но полиция открыла огонь по безоружным людям: сначала из винтовок, потом из пулеметов, конная полиция ринулась в кровавую атаку на колонны рабочих…

Венских рабочих принудили дать отпор полиции: они ополчились против сеющих смерть защитников интересов буржуазной власти, обезоруживали их, нападали на полицейские учреждения, овладев зданием суда, сожгли на костре позорные судебные акты. К ним на помощь примчалась пожарная команда.

Этим бы все, возможно, и кончилось, если бы полиция, озверевшая из-за оказанного ей сопротивления, не бросила против рабочей демонстрации новые силы. Рабочие вынуждены были построить баррикады на Рингштрассе и в некоторых рабочих кварталах. Начались настоящие бои.

На второй день частичная забастовка переросла во всеобщую, а центр боев переместился в рабочие кварталы Вены. На баррикадах плечом к плечу сражались левые социал-демократы, коммунисты и беспартийные. Там были и левые члены социал-демократического союза защиты — «Шуцбунда». Они сражались героически, но на третий день власти подтянули из провинции подкрепления — полицию и войска. Против восставших открыла огонь артиллерия. Вся Вена содрогалась от ужаса. Восстание было подавлено в крови сотен убитых и тяжелораненых…

Разгромить восстание удалось главным образом в результате вмешательства войск. Руководство австрийской социал-демократической партии дало сигнал отбоя, отменило всеобщую забастовку, призвало восставших сложить оружие, помешало «Шуцбунду» дать отпор. Разгром стал неизбежен…

Репрессии против восставших и всех сил, за исключением «правоверных» социал-демократов, были суровыми. Власти превратили восстание в рубеж, за которым начался постепенный восход австрийской реакции, завершившийся диктатурой Дольфуса и «аншлюсом» 1938 года. Тысячи повстанцев-коммунистов, левых шуцбундовцев эмигрировали, чтобы спастись от жестокого преследования властей. Власти спешно начали создавать заслон из «специальных» законов, «поправок» к существующим распоряжениям и постановлениям, стремясь установить порядок, отвечавший их классовым интересам.

К чести болгарских коммунистов, в Венском восстании в июле 1927 года приняли активное участие десятки наших политэмигрантов и студентов, находившихся в то время в Вене. Это были члены заграничной организации БКП и прогрессивного

студенческого общества, созданного в начале 20-х годов и объединявшего почти всю передовую болгарскую молодежь и рабочую интеллигенцию, приехавшую в эту страну, чтобы получить образование. Как читатель уже знает, часть этих людей, временно покинувших пределы родины во второй половине 1925 года, после злосчастного террористического акта, самоотверженно помогала в нашей работе по переброске болгарской политэмиграции из Югославии, где ей угрожало истребление. Разумеется, молодежь, входившая в общество, менялась: одни оканчивали курс учебы и возвращались на родину, их место занимали новые члены из тех, кто приезжал учиться. Таким образом, общество долгие годы, несмотря на репрессии официальных властей и шантаж болгарского царского посольства в Вене, продолжало играть руководящую роль в политической жизни нескольких сотен болгарских прогрессивных студентов и политэмигрантов.

2. ВЕНА 1930 ГОДА. ВСТРЕЧИ С ГЕОРГИЕМ ДИМИТРОВЫМ

Границы от Москвы до Вены я переезжал с паспортом на имя турецкого торговца, едущего транзитом из Ирана в Европу через Советский Союз. Но когда я вступил на австрийскую землю, потребовалось сменить документы. Я стал польским евреем из Закарпатья. Еще в Москве для меня составили родословную. Я был готов ответить на любой вопрос относительно места своего рождения, истории и географии родного города, усвоил характерные для польских евреев особенности, даже манеру одеваться и вести себя в обществе и пр. Во всем этом мне помогал Берзин.

Моя квартира во втором районе, одном из буржуазных кварталов Вены, являлась собственностью мелких рантье, которые встретили меня радушно. Их явно устраивал постоялец в лице молодого иностранца-холостяка, но особую любезность они проявили после того, как я согласился на плату, которую они запросили. С другой стороны, они были удивлены: обычно съемщики торгуются по поводу квартплаты, я же дал согласие сразу, хотя плата оказалась чересчур высокой. Я ставил себе целью добиться двух вещей: во-первых, завоевать расположение хозяйки, пожилой вдовы, уроженки Вены, жившей на небольшую пенсию, а во-вторых, внушить этой женщине, что для меня, сына богатых родителей, деньги не имеют особого значения. Я объяснил хозяйке, что приехал в Вену специализироваться в юриспруденции, чтобы взять на себя управление отцовской торговой конторой. «Я, майн герр», — любезно кивала головой хозяйка в ответ на мои слова; когда я подарил ей флакон варшавского одеколона, фрау пришла в умиление. Она не сотрудничала с полицией, что было видно по поведению. Эта пожилая почтенная вдова не строила никаких иллюзий в отношении будущего и сумела найти способ пережить послевоенный экономический кризис. Дополнительным обстоятельством, которое сыграло решающую роль в выборе квартиры, явилось то, что она находилась в близком соседстве с полицией. Районный полицейский участок располагался в бельэтаже того же дома. При соблюдении осторожности это соседство могло превратиться в дополнительное средство защиты моей секретной деятельности.

Я знал Вену, знал и любил ее, наверно, потому, что с этим городом связаны воспоминания о дорогих для меня людях и

трагичном для нашей партии 1925 годе. Из тех товарищей в Вене остались немногие. Значительная часть политэмигрантов находилась в Советском Союзе, некоторые уже успели окончить различные учебные заведения и отдавали свои силы социалистическому строительству и укреплению обороны страны. Остальные по решению Заграничного бюро партии были отправлены в разные страны Западной Европы, где они оказывали незаменимую помощь делу революции. Часть политэмигрантов осталась в Австрии, главным образом в Вене. Тут по-прежнему функционировала организация болгарских политэмигрантов, хотя состав ее значительно сократился. Проводилась важная работа по линии Заграничного бюро, МОПРа и Коминтерна. Несмотря ни на что, Вена оставалась важным центром на перекрестке движения болгарских кадров из Болгарии и в Болгарию; так было до 1938 года.

Мне удалось встретиться с товарищами, которые исчерпывающе обрисовали обстановку в городе, состояние и состав Венского болгарского землячества и партийной организации…

…В сущности, она возникла в 1921 году как Социалистическое общество болгарских студентов. До Сентябрьского восстания состав ее был невелик: 20—50 человек. Организация развивала активную культурно-просветительную деятельность, вела борьбу против двух остальных болгарских студенческих обществ («Балкан» и «Климент Охридский») — реакционных, националистических, рассчитывавших на финансовую помощь и политическую поддержку болгарского царского посольства в Вене.

После Сентябрьского восстания и особенно после апрельских событий 1925 года общество (фактически партийная организация) резко увеличило свои ряды. В Вену приехали сотни болгарских политэмигрантов — участников вооруженной борьбы партии, преследуемых полицией. Были, разумеется, и студенты, приехавшие в Австрию учиться, но их оказалось сравнительно немного. Большая часть политэмигрантов, которые временно, на год-два или больше, оставались в Вене, учились в венских высших учебных заведениях и работали, чтобы обеспечить себе прожиточный минимум. С 1924 по 1929 год Венской партийной организацией болгарских коммунистов руководило Заграничное представительство ЦК БКП (впоследствии Заграничный комитет, Заграничное бюро) в следующем составе: Васил Коларов, Георгий Димитров, Гаврил Генов, Станке Димитров, Антон Иванов, Младен Стоянов, Георгий Михайлов и др. До 1928 года, когда закончилось распределение нашей политэмиграции по странам, и

большинство эмигрантов отправились в места назначения, организация насчитывала более 120 человек. В тот год, когда я вторично приехал в Вену, партийная организация насчитывала примерно 35 человек. В Венской партийной организации состояли наши будущие крупные специалисты — инженеры, врачи, агрономы, филологи, музыканты, экономисты. Они не только учились, но и отдавали все силы борьбе.

Присутствие Георгия Димитрова в Вене, первоначально как члена Заграничного бюро партии, а затем как секретаря Западноевропейского бюро Коминтерна, оказывало благотворное влияние на всю работу организации. Большой заслугой Георгия Димитрова было создание единого фронта болгарской студенческой молодежи в австрийской столице. Георгий Димитров поставил задачу приобщить к Общему союзу болгарских студенческих факультетских обществ Венского университета (в них состояло примерно 400 студентов) всех честных юношей и девушек, членов националистического студенческого общества «Отец Паисий», в которое входили бывшие члены (около 80 человек) обществ «Балкан» и «Климент Охридский», а также молодые социал-демократы и земледельцы. Партийная организация обеспечивала пересылку в Болгарию пособий, поступающих по линии МОПРа, устраивала приехавших в Вену политэмигрантов и помогала им уехать в Советский Союз, доставляла через свои каналы разнообразную коммунистическую литературу и пр.

Болгарская передовая студенческая молодежь и болгарская политэмиграция в Вене установили прочные дружеские связи не только с Коммунистической партией Австрии, но и со всей прогрессивной австрийской общественностью. Это был результат ее активной солидарности с борьбой австрийских трудящихся и ее участия в славном Июльском восстании 1927 года. Дружеские связи организации простирались во все круги общества: в поддержку ее мероприятий выступали видные австрийские литераторы и общественные деятели — писатели Стефан Цвейг и Артур Шницлер, прогрессивные адвокаты д-р Шенфельд, д-р Освальд Рихтер (социал-демократ), д-р Вакс, д-р Лазарфельд и др. Многие из них участвовали в собраниях протеста против белого террора в Болгарии, выступали с обличающими статьями в газетах. С помощью прогрессивных венских юристов удалось освободить из рук полиции Николу Кофарджиева (Сашо). Во время нелегального пребывания в Вене в 1928 году он был арестован, и ему грозила передача в руки болгарской полиции, искавшей его повсюду. Внес свою лепту в кампанию оказания помощи жертвам белого террора и австрийский Красный Крест,

пользовавшийся поддержкой социал-демократической партии.

Филиалами болгарского общества в Вене являлись студенческие общества в Граце (Австрия) и Брно (Чехословакия). Партийная организация в Брно существовала еще до 1923 года, но потом она почти распалась из-за фракционной борьбы и возобновила свою деятельность в 1929 году. Ее возглавил Стоян Караджов, учившийся в то время в Чехословакии.

В актив болгарского студенческого общества, включая и партийную организацию, следует зачислить и помощь, оказываемую в деле выпуска и распространения важных легальных и нелегальных изданий партии: газеты «Работнически вестник» (с конца 1923 года до середины 1924 года), журналов «Комунистическо знаме» и «Студентска трибуна», газеты «Балканска федерация» и др.

Важным моментом в жизни Венской партийной организации явилось создание студенческой столовой. Она открылась в VIII районе на Лаудонгассе в доме № 6 благодаря материальной помощи Заграничного бюро. В столовой питались не только прогрессивные студенты, получавшие там горячее и дешевое питание, но и многие наши политэмигранты.

Разумеется, помещение столовой имело двойное предназначение: оно служило также залом для оживленной культурно-просветительной и организационной работы партийной организации. Там регулярно проводились собрания, товарищеские встречи, вечеринки и митинги. Почти каждый вечер после ужина в столовой проходили беседы небольшого марксистско-ленинского университета: изучались вопросы международного и болгарского коммунистического движения, политэкономия, исторический и диалектический материализм, вопросы текущей международной и внутренней политики стран Европы, гражданская война в Китае и роль империалистических государств, новый заговор против Советского Союза и пр. и пр.

В болгарской столовой питались в то время и обучавшиеся в Вене прогрессивные студенты из Югославии, Греции, Китая и других стран. Они тоже часто использовали помещение столовой для своих политических собраний или культурно-просветительных мероприятий: руководство болгарской политэмиграции проявляло к их нуждам должную отзывчивость.

Непосредственное участие в баррикадных боях во время Июльского восстания 1927 года приняло более пятидесяти членов Союза студенческих обществ и партийной организации во главе со Стефаном Тодоровым. В восстании участвовал и председатель Заграничного бюро партии Антон Иванов. Наши сражались героически. Когда венская конная полиция тройным кольцом

окружила судебную палату и попыталась разогнать многотысячную демонстрацию с помощью огнестрельного оружия и нагаек, болгары, большинство которых имели опыт уличных схваток с болгарскими жандармами, первыми бросились вперед, заставили конных полицейских спешиться и обезоружили их. Их примеру последовали десятки венских рабочих. Разгневанный народ смял полицейский кордон, поджег судебную палату. Группа наших врачей во главе с Георгием Поповым оказывала первую помощь раненым рабочим… Наши сражались до последнего, третьего дня восстания, когда центр боев переместился в новый промышленный квартал Флорисдорф. Более двадцати человек во главе со Стефаном Тодоровым показали пример высокого героизма и покинули поле боя только в последний час, когда на баррикады обрушился огонь артиллерии… После разгрома восстания венская полиция временно закрыла столовую и арестовала многих членов руководства студенческого общества во главе со Стефаном Тодоровым, подвергнув их тщательному следствию. И в полиции наши вели себя смело, достойно: через несколько дней из-за отсутствия улик их освободили.

Почти все болгарские политэмигранты и студенты по поручению Заграничного бюро состояли не только членами Союза студенческих обществ и партийной организации, но и входили в Венское общество свободомыслящих. Основанное Коммунистической партией Австрии, это общество ставило себе задачей вести борьбу против религиозных верований и распространять атеистические знания, наряду с этим оно пользовалось любой возможностью для ведения марксистско-ленинской пропаганды. Несмотря на то, что Общество свободомыслящих было основано коммунистами, оно пользовалось поддержкой сильной в ту пору австрийской социал-демократической партии, которой руководили Отто Бауэр и Макс Адлер. В рядах общества состояли коммунисты, социал-демократы, члены земледельческой партии, беспартийные. Фактически это была небольшая цитадель единого фронта. В оживленных дискуссиях, разворачивавшихся там по целому ряду современных политических и культурных вопросов, участвовали и болгары, нередко они были основными докладчиками, они оспаривали с трибуны ошибочные платформы, защищавшиеся представителями церкви, анархистами, правыми социал-демократами, троцкистами.

Я ставлю перед собой скромную задачу припомнить некоторые героические действия наших политэмигрантов и, кроме того, обрисовать обстановку, сложившуюся в Вене в 1930 году, когда мне пришлось создавать новую группу разведки.

Напомню: среди наших сотрудников были представители болгарской молодежи, в основном прогрессивные студенты, в течение долгих лет они, не щадя сил, выполняли свой интернациональный долг.

Само собой разумеется, среда, в которую я попал в те годы и в которой я должен был «раствориться», чтобы успешно выполнять свои разведывательные задачи, вовсе не состояла из болгарских политэмигрантов. Работа велась главным образом с помощью людей, очутившихся в Вене по разным поводам, или же с помощью австрийцев. Болгарские студенты только помогали нам.

Нашими сотрудниками являлись также политэмигранты и прогрессивные студенты различных национальностей, которые учились в Вене или пребывали там в поисках политического убежища. Это были югославы, греки, румыны, турки, поляки, чехи и словаки, венгры, немцы, испанцы, итальянцы и др. Помогали нам и прогрессивно настроенные местные австрийские граждане. Не требуя материальной компенсации за свои услуги, абсолютно бескорыстно эти люди в меру своих сил способствовали защите Страны Советов от поползновений империализма.

Георгий Димитров в те годы уже покинул Вену, которая перестала быть местом пребывания Заграничного бюро БКП и Постоянного бюро Балканской коммунистической федерации. Причины я уже указал: после 1927 года австрийское правительство, не без соответствующего нажима со стороны стран-победительниц, усилило вмешательство в политическую жизнь, установив контроль за деятельностью революционных организаций трудящихся. Правительство проявляло все большую нетерпимость к иностранным политическим деятелям, проживающим в Австрии. Полиция не удовлетворялась, как раньше, высылкой нежелательных лиц за пределы страны, а все чаще передавала арестованных революционеров следственным органам их стран, где в большинстве случаев их ожидал суровый приговор.

Покинув Вену в конце 1928 года, Георгий Димитров обосновался в Берлине, где наряду с деятельностью в Заграничном бюро взял на себя руководство Балканской федерацией, а спустя некоторое время и Западноевропейским бюро Коминтерна.

Берлин был намного больше Вены, имел старые традиции социал-демократического движения, он служил своего рода перевалочным пунктом для миллионов иностранцев, ехавших через Германию во все точки континента. В те годы Берлин предоставлял относительно лучшие условия для революционной

работы. Здешнее правительство более строго, чем Австрийское, следило за деятельностью революционных организаций. Но в Германии, в отличие от Австрийской республики, существовало мощное коммунистическое движение, способное постоять за себя. Созданная на базе революционного союза «Спартак» в декабре 1918 года, Коммунистическая партия Германии объединяла широкие массы немецкого пролетариата.

Социал-демократическая партия, возглавляемая после ноябрьской революции 1918 года в Германии правыми социал-демократическими вожаками, наряду с буржуазными группировками и фашистскими молодчиками из окружения Адольфа Гитлера являлась врагом партии, хотя и не самым ожесточенным. Напуганные революционной мощью восставших масс, они вступили в сотрудничество с реакцией и монархистами, группировавшимися около Гинденбурга. До начала 1930 года власть находилась в руках буржуазной коалиции во главе с католическим центром и его вожаком Брюнингом. Политика правительства Брюнинга, сменившего в марте 1930 года коалиционный режим Мюллера, ничем не отличалась от политики прежней правящей верхушки. Больше того, в годы правления буржуазной группировки Брюнинга резко возросли налоги, которые легли непосильным бременем на плечи народных масс. Ужасающие размеры приняла безработица. Расстроенная войной, очутившаяся в самом центре свирепствовавшего мирового экономического кризиса, Германия корчилась в страшной агонии: подавляющая часть крупных заводов была закрыта или демонтирована и вывезена из страны в счет военных репараций. Огромное число мелких торговцев и промышленников обанкротилось, деньги обесценивались, инфляция обрекала на голод миллионы скромных вкладчиков-пенсионеров, которым жизнь уже не сулила никаких перспектив. В то же время экономический кризис выбрасывал на улицу все новые и новые волны безработных, которых, согласно официальной статистике, в 1930 году было три миллиона человек, а уже в 1931 году их число превысило 6 миллионов. Страна шла к неминуемой экономической катастрофе. Куда должен был направиться корабль этой страны, какие силы должны были воспользоваться ее тяжелым положением, чтобы захватить штурвал власти, какой курс должны были избрать? На эти вопросы уже получен ответ. Ответ жестокий, залитый кровью десятков миллионов людей, опаленный варварскими пожарами, захлестнутый страданиями и муками, каких не знало человечество на протяжении всей своей истории…

Итак, когда я обосновался в Вене, Георгий Димитров уже

переехал в Берлин, но австрийская столица оставалась, если можно так сказать, его второй по значению резиденцией, куда он нередко наезжал. В один из его приездов мы встретились в кафе на Рингштрассе напротив Венской оперы.

— Поздравляю тебя с прибытием, Ванко, — радушно сказал Георгий Димитров, удивленно осмотрев меня с головы до ног. — Вроде ты и не ты. Трудно узнать… Садись и рассказывай. Когда прибыл? Какие новости привез? Где остановился в Вене? Галина с тобой?..

Я знал Георгия Димитрова с юношеских лет, когда начал посещать клуб тесняков Плевенской организации. Будучи секретарем Общего рабочего профессионального союза, он приезжал в Плевен для сплочения плевенских рабочих в революционную профессиональную организацию. Встречался я с Георгием Димитровым и позднее, когда вступил в партию и стал секретарем профсоюза деревообделочников в Плевене, слушал его лекции в партийной школе в Софии — он являлся одним из лекторов. Его темпераментные выступления раскрывали нам во всей глубине проблемы мирового и болгарского профсоюзного движения. Мне не раз доводилось слушать выступления Георгия Димитрова в Плевене, куда он приезжал сам или с Георгием Кирковым для участия в партийных и общегородских собраниях, митингах, торжествах. В годы вооружения партии он вместе с секретарем Василом Коларовым составлял ядро партийного руководства, которое привело партию к величавой эпопее Сентябрьского восстания. В 1925 году в Вене я тоже встречался с Георгием Димитровым — он руководил деятельностью нашей политэмиграции и контролировал вывоз из Югославии болгарских коммунистов…

Я знал Георгия Димитрова и по Москве. Видел его в Коминтерне. В период с 1925 по 1927 год он являлся не только делегатом нашей партии в Исполнительном комитете Коминтерна, но и активным его деятелем. Мы виделись на квартире Васила Коларова в гостинице «Люкс», куда он часто приходил со своей женой Любой.

Георгий Димитров, естественно, не входил в курс моих служебных обязанностей по линии Четвертого управления — он интересовался мною постольку, поскольку дело касалось оказания помощи тому или иному болгарскому коммунисту. Но когда по моей просьбе он давал какие-либо советы или оценки чисто политического характера, то делал это с большим тактом. Этого человека отличали искренняя вежливость, подлинная культура в отношениях с людьми. Когда же было нужно отстаивать партийную точку зрения на трибуне или в уличных

схватках с полицией, он, деликатный и отзывчивый собеседник, превращался в неустрашимого, пламенного, бескомпромиссного борца, не знающего пощады к врагам революции.

Ко мне Георгий Димитров относился тепло и сердечно, как и к большинству болгарских политэмигрантов, проживавших в Советском Союзе. После каждой встречи пли разговора с ним я чувствовал, что многим ему обязан. Он укреплял уверенность в своих силах, волю к борьбе.

Как человек, побывавший в загадочном Китае, в компании я невольно оказывался в центре внимания: меня просили рассказывать об этой далекой экзотической стране — о гражданской войне, о Великой китайской стене и национальной китайской кухне, о шанхайских гангстерах и иностранных сеттльментах, о пагодах и мандаринах, о джонках, о пустыне Гоби и бог весть еще о чем… Когда мы виделись в Москве на квартире Коларова, Георгий Димитров просил меня рассказать побольше о Китае, он засыпал меня вопросами. В большинстве случаев мы уединялись в каком-нибудь укромном уголке квартиры, где нас никто не беспокоил…

Во время нашей новой встречи в Вене он держался все так же сердечно, по-свойски. Он был в белоснежной рубашке с элегантно повязанным галстуком, гладко выбрит, с небольшими усами, подстрижен по венской моде, в очках. В первый момент его очки меня удивили — в Москве он надевал их только при чтении. Очки, очевидно, он, как и я, носил для маскировки.

Георгий Димитров спросил меня о письме, в котором он просил навестить его жену.

— Письмо получил, товарищ Димитров. Привез вам сердечный поклон от Любы, от товарища Коларова и Цветаны Николаевой…

— Соскучился я по ним, — сказал Димитров в ответ на мои слова, и его лицо погрустнело. — Как здоровье Любы?

Перед тем как выехать в Вену, я побывал в больнице у Любы Ивошевич, она попросила передать мужу письмо и небольшую фотографию. «Скажи, что я чувствую себя хорошо. Пусть не тревожится обо мне».

На фотографии она в самом деле выглядела хорошо. Но любящие глаза трудно обмануть. Димитров взглянул на фотокарточку, и его взгляд затуманился. О состоянии жены его постоянно уведомляли врачи из Москвы.

Люба Ивошевич, с которой он начал свои первые шаги в революционном движении и которая следовала за ним повсюду как заботливая сестра, мать, любимая, была тяжело больна. Все, что можно, сделал Георгий Димитров для ее лечения — сначала в

Вене, где она находилась с ним до его отъезда в Берлин, а затем в Москве. Она была окружена вниманием Васила Коларова и всей болгарской политэмиграции, но болезнь развивалась скоротечно. К многочисленным тяготам, которые нес Димитров на своем ответственном революционном посту, прибавилось большое горе: любимая жена была обречена на скорую смерть.

— Сердце мое изболелось и о ней, — тихо промолвил Димитров, глядя на фотографию Любы. — Мама и она — этих женщин я так люблю, столь многим им обязан.

Димитров замолчал. Его лицо сразу осунулось, потемнело.

Ему было уже под пятьдесят, но возраст не особенно сказывался — он хорошо сохранился: мужественная гордая голова с красивым открытым лбом, темно-каштановые волосы, чуть тронутые сединой, живые карие глаза, излучающие волю и ум. Но он не отличался цветущим здоровьем — это было нам известно. Мы, болгарские коммунисты, близко знали этого достойного сына нашего рабочего класса, но только три года спустя смогли увидеть его во всем исполинском росте, а его имя, овеянное славой несгибаемого борца против фашизма, облетело весь мир. На Лейпцигском процессе он показал всем коммунистам, всем честным людям, как нужно отстаивать дело своей жизни, свою совесть, свои идеалы.

Когда Димитров успокоился, он спросил, хорошо ли я устроился, поинтересовался моим здоровьем.

Ответив на все его вопросы, я высказал радость, что в Вене буду не так одинок, как в Китае, здесь я смогу иногда видеться с близкими товарищами. И мы расстались.

3. МАШИНА ПУЩЕНА В ХОД. ТАКТИЧЕСКАЯ ОШИБКА БЕЗ РОКОВЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ. ТОРГОВЦЫ В ВЕНЕ

Вскоре после моего приезда в Вену мы начали действовать. После шестимесячной подготовки разведывательная группа приступила к осуществлению первых заданий. Мы не имели права откладывать их выполнение: империалистические круги в Европе, Америке и на Дальнем Востоке день и ночь плели сеть коварного заговора против Страны Советов.

Наша работа началась с одной любопытной встречи и… небольшой ошибки. Если бы мы были суеверными, то следовало бы поставить крест на всех наших дальнейших намерениях, упаковать чемоданы и приготовиться к отъезду в Москву.

Случилось так.

Радист группы передал мне, чтобы я ожидал посланца из Москвы. Был определен точный день и час, указано и место встречи — в парке Пратер, около колеса обозрения.

Был конец лета, и Вена гостеприимно встречала многочисленных иностранных туристов. В том году их было меньше, как говорили жители столицы, — сказывался мировой экономический кризис, — но все же их насчитывались тысячи. Толпы людей разных национальностей наводняли улицы и бульвары, рестораны и кафе, парки, сады и, разумеется, знаменитый Пратер.

Я стоял около колеса обозрения и спокойно покуривал трубку, наблюдая за пестрой толпой туристов. Среди них должен находиться ожидаемый посланец центра. Я не всматривался в лица туристов, да это бы мне нисколько не помогло: было сказано, чтобы я стоял около большого колеса обозрения без опознавательного знака. Посланец сам должен был меня узнать… Сообщение радиста меня озадачило и даже несколько обеспокоило. Смогут ли товарищи меня узнать в новом модном костюме, с трубкой во рту, в очках с тонкой золотой оправой?.. В таком виде даже близко знавшие меня люди, случалось, проходили мимо, не узнавая в венском денди своего старого приятеля.

Колесо обозрения остановилось, и из гондол начали выходить веселые люди, опьяненные головокружительным полетом. Пожилой турист, в изысканной летней шляпе и легком чесучовом костюме вышел из остановившейся вблизи гондолы и учтиво подал руку молодой даме, которая заливалась смехом. Наверно,

это были отец и дочь — разница в возрасте была слишком большая, чтобы можно было принять их за супружескую пару. Скорее всего это были англичане, приехавшие провести несколько дней в австрийской столице на свои фунты стерлингов, очень высоко котировавшиеся в период кризиса на венском рынке. Они громко разговаривали на английском языке, девушка задорно смеялась. Пара прошла мимо, не обратив на меня внимания, я продолжал спокойно расхаживать около колеса.

— Могу ли я попросить вас, герр, одолжить мне ваши спички?

Я обернулся на голос. Это был пожилой англичанин. Остановившись в шаге от меня, он произнес свою просьбу на безукоризненном немецком языке.

— Коробок вылетел у меня из рук, герр, когда я был наверху. — И он показал на верхнюю дугу колеса обозрения.

Господин высказывал просьбу с подчеркнутой вежливостью, с извиняющейся улыбкой.

— Прошу вас, герр. — Я с готовностью достал коробок спичек, не глядя на него. Я прогуливался у колеса вовсе не для того, чтобы обмениваться любезностями с рассеянными англичанами. Поднеся ему зажженную спичку, я добавил на своем далеко не безупречном немецком языке: — Вы должны благодарить судьбу, герр, что сверху слетел только ваш коробок спичек…

— О, да, конечно, хорошо, что я сам там удержался. — Пожилой турист весело рассмеялся, перевел девушке мою шутку, потом снова повернулся ко мне и вежливо поблагодарил, сняв элегантным жестом белую шляпу. — Вы очень любезны, герр!

Тут англичанин задержал на мне свой взгляд, может быть, всего на секунду больше, чем нужно. Я увидел его глаза за матово-зелеными стеклами очков, и меня словно током ударило.

Это был Гриша Салнин.

— До свидания, любезный герр, — собеседник с улыбкой поклонился и, когда девушка отошла, добавил тихо: — Через час на этом же месте.

Догнав спутницу, он продолжал прерванный разговор на английском языке.

Стремясь подавить волнение, я сделал несколько глубоких затяжек из трубки и пошел прогуливаться. Если бы в тот момент за мной наблюдали чужие глаза, от них наверняка не укрылось бы радостное волнение, которое внезапно охватило меня после случайной встречи с «англичанином». Я ожидал встретить кого угодно, только не Гришу. Так вот почему человеку из центра не нужны были никакие приметы, чтобы узнать меня!

Колесо обозрения делало свой очередной круг, поднимая к чистому летнему небу веселящихся людей, когда появился Гриша. Прошел ровно час. Он направлялся ко мне свободной походкой независимого человека, которому некуда и незачем спешить. Прошел близко от меня и, когда увидел, что я его заметил, двинулся дальше, смешавшись с толпой, поддерживая рукой висевший на плече фотоаппарат.

Я последовал за ним. Мы шли на небольшом расстоянии друг от друга, пока не удалились от колеса. Гриша направился к пестрым, кокетливым зонтикам небольшого кафе, где можно было и отдохнуть и уединиться.

— Сердечный привет, летучий голландец, — сказал я, крепко пожимая руку Гриши, когда мы сели за небольшой мраморный столик.

— Летучий англичанин, — поправил меня Гриша и в свою очередь крепко пожал мою руку. — Здравствуй, мой дорогой, здравствуй. Сердечный привет тебе от всех. Особо кланяется Старик.

— Спасибо. А где же твоя дама? Куда ты ее дел?

— Распрощался с ней, угостив мороженым. Она не моя. Просто ей стало плохо на большой высоте. Я сам, понимаешь, был обязан помочь своей соотечественнице, проводить ее…

Приближался обеденный час. В Пратере нам больше нечего было делать. Мы сели в такси и после продолжительной поездки по Рингштрассе остановились перед рестораном, где я обычно обедал.

В Вене — двухмиллионном городе, населенном людьми разных национальностей, — в свое время имелись рестораны с испанской, восточной, немецкой, русской, французской кухней.

Я питался в еврейском ресторане. Читатель, наверно, помнит — я жил в Вене по паспорту польского еврея из Закарпатья. В ресторане, где подавались еврейские национальные блюда, я как все остальные регулярные посетители держался без излишней фамильярности, официанты встречали меня как своего завсегдатая, дружески кивали головой в знак приветствия.

И вот в ресторане, где я так старательно разрабатывал свое амплуа, в этот день мною была допущена тактическая ошибка.

Мы вошли, сели за стол, который я обычно занимал. Перед этим Гриша — по старому православному обычаю — снял шляпу и повесил ее на ближайшую вешалку. В силу какого-то слепого автоматизма я последовал его примеру, увлеченный начатым разговором. Мы сели, и к нам тут же подошел официант.

Гриша заказал свежую рыбу, приготовленную по-еврейски. Когда я разговаривал с официантом, то заметил в его глазах

удивление. «Чему он удивляется?» — недоумевал я.

И тут я заметил еще одну странность. Проходя мимо оберкельнера, официант обменялся с ним многозначительным взглядом. «Не вижу ничего удивительного в том, что я привел сюда на обед своего знакомого?» — сказал себе я. А когда бросил с напускной небрежностью взгляд на соседние столики, мое удивление переросло в раздражение: посетители, которых я как обычно приветствовал вежливым кивком головы и которые мне ответили с такими же вежливыми поклонами, смотрели на меня во все глаза.

«Что все это значит?..»

Гриша первым заметил необычный интерес, проявляемый к нам, но держался так, словно мы были в ресторане одни: самообладание важнейшее качество настоящего разведчика.

Официант подал вкусную отварную рыбу и удалился, избегая моего взгляда.

— За твое здоровье, — сказал я и поднял рюмку с искрящимся австрийским рислингом. — Вино отличное, гарантирую. Рыба тоже отлично приготовлена. За это ручаюсь…

— Твое здоровье, — сказал Гриша и пригубил рюмку.

И тут вдруг меня осенило. Мы оба сели за стол с непокрытыми головами. А это противоречило еврейским обычаям: евреи сидели за столиками в головных уборах. Наши же шляпы висели на вешалке, подобно предательским знакам, они указывали: эти двое мужчин не являются и не могут быть евреями…

Ошибка, разумеется, была моя. Мне сдавило горло, прекрасно приготовленная рыба и охлажденный рислинг сразу потеряли свою прелесть, но я продолжал жевать — мы не могли покинуть ресторан, не закончив обеда, это вызвало бы подозрение.

— Твое здоровье, — Гриша бодро поднял рюмку. — Рыба действительно приготовлена прекрасно.

Примерно через полчаса он вежливым жестом подозвал оберкельнера, который стоял как истукан в конце зала.

— Мой приятель, — сказал Гриша достаточно громко, чтобы его могли услышать и за соседними столиками, — насилу затащил меня в ваш ресторан. Разумеется, в Лондоне у меня есть друзья — евреи, но я никогда еще не посещал еврейского ресторана и не думал, что рыбу можно приготовить так вкусно. Примите мою благодарность, герр!

Оберкельнер поклонился, видимо, довольный комплиментом и еще больше — щедрыми чаевыми.

Мы вежливо попрощались и покинули ресторан. Больше там моей ноги не бывало. Гриша постарался как-то загладить

допущенную мной оплошность, но на меня уже пала тень подозрения…

Читатель, может быть, скажет, что случай этот незначителен. Отнюдь нет. Принятые меры (я на другой же день сменил квартиру, район местожительства, паспорт) помогли избежать возможных осложнений. А все это могло кончиться плачевно. Из истории известно, как были схвачены в марте 1933 года в Берлине пребывающие там нелегально Георгий Димитров, Благой Попов и Васил Танев: незначительные на первый взгляд мелочи в их поведении, одежде, жестикуляциях были замечены официантами берлинского ресторана «Байришерхоф» и те не замедлили сообщить о своих наблюдениях в полицию… Вена в этом отношении не отличалась от Берлина: и здесь официанты, портье в жилых домах, содержатели частных пансионатов и отелей в большинстве случаев поддерживали тесные связи с полицией.

Мы вышли из ресторана, сели в такси и совершили длительную поездку по венским улицам, потом посидели на скамейке в тихом углу парка дворца Шенбрунн. В отличие от меня Гриша сохранил отличное расположение духа и ничем не выдавал недовольства. Он принялся рассказывать случаи из своей практики в США и Японии, когда он допускал подобные незначительные оплошности, которые чуть не выдали его.

— И я не смог тебе ничем помочь, Ванко, — корил себя Гриша. — Мне не приходилось изучать еврейские нравы… Однако ты держался отлично. Ничем не выдал беспокойства. Молодец!

Таков был Гриша, таков был и Берзин. Они понимали, что если опасность миновала, главное сохранить душевное равновесие. И не напоминали об ошибке, если видели, что ты сам ее понял и сделал необходимые выводы.

Школа Берзина не была рассчитана на новичков в разведке. Я мог бы сравнить ее со своеобразным вузом, который удается закончить только подготовленным людям. Именно поэтому Берзин постоянно требовал от своих кадров непрерывно совершенствовать знания… Эта школа воспитывала непоколебимую душевную стойкость. Я еще не обладал этим качеством, хотя Гриша и похвалил меня в парке дворца Шенбрунн за отличную выдержку. Не знаю, как я выглядел внешне, но внутренне мое состояние в ресторане было далеко не на высоте. В дальнейшем я понял, что самым трудным в воспитании настоящего разведчика является выработка стабильной «железной» психики. Такой психики, которая позволяет справиться с любыми неожиданностями, по крупицам сохранить силы для новых заданий, благодаря которой можно увидеть даже

минимальный шанс и мобилизовать волю, чтобы его использовать, которая обеспечивает душевное равновесие разведчика при всех обстоятельствах, при любой опасности, даже перед лицом смерти…

— И так, — сменил тему Гриша, — что у тебя нового?

В сущности, Салнин, который руководил нашим отделом и числился одним из первых помощников Павла Берзина, был в курсе почти всего, сделанного нами. Радиосвязь, поддерживаемая включенным в группу советским товарищем, работала безупречно.

— Фирма уже зарегистрирована у властей, — докладывал я. — Здесь это оказалось так же легко, как и в Шанхае. Мы позаботились и об ее торговой номенклатуре.

— Наверное, тебе пригодился опыт, приобретенный в Китае? Экспорт-импорт электрооборудования, машинных частей, часов?

— Мы решили, что в данный момент она будет заниматься только импортом. Будем ввозить сельскохозяйственные товары из балканских стран. На венском рынке можно сбывать брынзу, яйца, свежие овощи, птицу… Пока только это, потом в зависимости от спроса…

Импортная фирма, которую мы решили создать в Вене, в общих чертах использовала опыт работы импортно-экспортных предприятий, накопленный в Пекине и Шанхае. Специфическая деятельность торговца, с его постоянными деловыми поездками по стране и за рубеж, широкими связями в разных средах, банковскими операциями, постоянными деловыми встречами и оживленной корреспонденцией, предоставляла благоприятные возможности для нашей работы. К тому же, сословие торговцев в Вене составляло едва ли не основную часть населения: торговлей — в розницу или оптом — занимались тысячи людей, эта профессия здесь считалась почетной, солидной.

Люди, с которыми я намеревался вести дело торговой фирмы, являлись болгарскими политэмигрантами X. и Y. Болгарский студент Ангел Вылчев, изучавший в Вене гидромелиорацию, стал постоянным и незаменимым техническим секретарем группы. Позднее в работу включился целый ряд других сотрудников, но в тот момент импортная фирма рассчитывала только на них троих.

— Значит, импорт из балканских стран, — произнес Гриша. — Удачно. Оттуда в Вену можно ввозить и тот «товар», который нас более всего интересует.

Гриша поставил задачу с районом действия в Центральной и Восточной Европе.

Задание было вызвано усиливающейся подготовкой империалистических государств к военной интервенции на

Востоке. Центр получил достоверные сведения, согласно которым крупные западные капиталистические государства усиленно превращают восточно-европейские страны в военный и политический плацдарм для своей будущей агрессии. В сущности, это была известная советской разведке заговорщическая деятельность, которая не прекращалась ни на день после разгрома интервентов, но которая в последнее время резко усилилась. Заданием нашей группы было следить за деятельностью военных атташе Германии, Италии, Венгрии, Польши, Испании и некоторых других стран в Софии, Бухаресте, Белграде и Афинах. Судя по данным нашей разведки, империалистические государства осуществляли свои заговорщические планы как раз через военных представителей в восточноевропейских странах. Проследить за их деятельностью значило понять ход развития заговора и его результаты. Самая существенная часть нашей задачи состояла в получении копий шифрованных телеграмм-донесений, адресованных своим штабам и правительствам. В то время посольства, как правило, не имели собственной радиосвязи с соответствующей страной, которую они представляли. Кроме курьеров, военные атташе и другие дипломатические представители использовали для быстрой связи со своей страной радиотелеграф страны пребывания. Эта практика породила необходимость создать в почтово-телеграфных учреждениях всех государств секретный радиотелеграфный отдел.

Разумеется, военные атташе отправляли свои телеграфные донесения надлежащим образом зашифрованными, но, несмотря на это, радиотелеграфисты «секретного» отдела подбирались полицией из тщательно проверенных людей, которые в большинстве случаев являлись платными полицейскими агентами.

Итак, задание состояло в том, чтобы проникнуть не в сами посольства или военные представительства, а в секретные радиотелеграфные службы Болгарии, Румынии, Греции и Югославии. Получение копий телеграфных донесений открывало доступ к важным тайнам: в этих документах атташе описывал каждый свой шаг, предпринимаемый для того, чтобы привлечь на свою сторону генеральные штабы и правительства соответствующей страны, каждое обещание, которое им удавалось у них вырвать, каждое конкретное соглашение, направленное на осуществление заговорщических планов; они содержали также анализы политического и военного положения той или иной страны, характеристики влиятельных военных и политических деятелей, прогнозы развития страны и будущих перспектив ее

политики и военной стратегии; они включали, наконец, и чисто разведывательные данные о военно-экономической мощи соответствующей страны, ее вооружении, боеготовности армии и уровне подготовки командного состава, о военных укреплениях, пропускной способности портов и аэродромов, потенциальных возможностях военной промышленности, состоянии и характере путей сообщения и пр. Из всего этого было видно, что в те годы большинство военных атташе западных империалистических государств в балканских странах (и не только там) являлись не столько армейскими представителями, сколько шпионами.

— Мы имеем сведения, что резиденты западных разведок в балканских странах недавно получили чрезвычайные распоряжения о «срочном осуществлении» поставленных задач. Очевидно, враг мобилизовал все свои средства, силы и резервы. Это заставляет нас ответить тем же. Подумай, проверь и как можно скорее доложи, что намереваешься предпринять, — закончил Гриша — О расшифровке телеграмм не заботься. Будешь немедленно направлять их с курьером в центр…

Договорились о дополнительных каналах срочной связи.

— Хорошо, Гриша, все ясно. Только я не могу обещать, что все будет сделано как полагается…

— Давай поговорим серьезно, как подобает мужчинам. Годы совместной работы дают мне основания быть уверенным в тебе… — сказал Гриша и после небольшой паузы добавил: — У тебя сейчас неважное настроение из-за дурацкого случая… Оно пройдет. Мой отец — моряк, и его товарищи говорили: погибает тот, кто выходит в открытое море, боясь кораблекрушения… Бывалые моряки знают: море любит смелых. Даже на утлой посудине настоящий моряк чувствует себя так, будто он находится на палубе крейсера…

Мы простились поздно вечером. Гриша постарался максимально помочь мне своим опытом разведчика. На следующее утро он должен был отправиться в Италию, где правил Муссолини.

Торговая фирма «X—Y», зарегистрированная у властей как предприятие по ввозу фруктов, овощей, яиц и других сельскохозяйственных продуктов, начала свою работу энергично и деловито. Оба «соотечественника» — «X» и «Y» — в считанные дни сделали все необходимое для того, чтобы установить связи с местными венскими торговцами-оптовиками, соответствующей финансовой средой, владельцами магазинов и оптовыми посредниками по сбыту товаров.

«X» получил возможность применить на практике то, что изучал в венском институте торговли. Другой «компаньон», «Y»,

также получил образование в Вене, он изучал науки, которые не имели ничего общего с торговлей, но долг призвал его трудиться там, где он был больше нужен.

Примерно месяц спустя «X» вызвал из Болгарии своего младшего брата, который немедленно поступил учиться и официально стал директором фирмы. Почти в то же время в Болгарию отправился «Y». Пока мы старались проникнуть в секретную радиотелеграфную службу на софийском почтамте, он должен был открыть филиалы фирмы в Горна-Оряховице и на железнодорожной станции Левски и приступить к отправке в Вену винограда, яиц, птицы, овощей. «Y» должен был использовать свою торгово-экспортную фирму и некоторые другие общества, которые в то время развивали оживленную торговлю. Фирма создала сеть своих торговых агентов в Софии и ряде городов Северной Болгарии — Русе, Ломе, Мездре и других. В свою сложную работу «Y» вовлек и младшего брата.

Торговля пошла неожиданно хорошо, ежедневный денежный оборот непрерывно рос, наша импортная фирма активно вмешивалась в дела Венской торговой биржи.

В то время как один из «компаньонов» действовал в Болгарии, второй — «X», должен был находиться в Вене, часто наезжая по «торговым делам» в Софию, Белград, Бухарест, Афины…

Фирма была создана, как читатель уже догадывается, для того, чтобы придать законную форму нашим поездкам из Вены в столицы балканских государств. Экспорт, который «Y» должен был осуществлять в Вену, имел своей целью прикрывать доставку секретных донесений, которые наши люди в Болгарии должны были изымать в Центральном почтамте и отправлять по назначению.

Когда работа по созданию торговой фирмы была завершена и машина была пущена в ход, группа сосредоточила свои усилия на решении второй, более трудной части комплексной задачи — проникновении в секретные радиотелеграфные службы.

До моего отъезда из Вены группа полностью выполнила задание, связанное с раскрытием подрывной заговорщической деятельности военных атташе ряда империалистических государств на Балканах. Вскоре после получения задания, копии телеграмм этих атташе начали регулярно поступать в центр. Наши люди, которые работали в секретных радиотелеграфных службах в балканских центральных почтамтах, или же технические лица, имевшие непосредственный контакт с ними, регулярно снимали копии с шифрованных радиотелеграмм перед их уничтожением. Другие лица получали эти копии и оставляли

их в явочных местах Софии, Бухареста, Афин, Белграда. Третьи лица заботились о том, чтобы переправить их через границу в Вену. В Болгарии это делал «Y» и его торговая фирма, а также другие лица, которых он специально посылал в Вену. Почти во все страны, охваченные нашей сетью, время от времени ездил и я для осуществления контроля и оказания помощи на месте.

До января 1933 года, когда поступило распоряжение приостановить работу с телеграммами, по нашей линии провалов не было. Только в Бухаресте было схвачено несколько наших сотрудников, но удар последовал по другой линии: из-за небрежности технического лица на бухарестском почтамте были арестованы два наших сотрудника из группы, возглавляемой болгарином Иваном Тевеклиевым. Однако полиция не смогла докопаться до сути нашей деятельности и суд вынес им снисходительные приговоры за «неправомерные» действия.

Но до провала эти товарищи в Бухаресте проделали большую работу. Кроме выполнения наших заданий, они вели тщательное наблюдение за подозрительно активной деятельностью японского военного атташе в Румынии. Его донесения, передаваемые шифром через бухарестский главпочтамт, значительно превосходили по объему секретные донесения военных атташе других фашистских государств. За этим что-то крылось. Мы получили приказ Берзина проследить за деятельностью самураев. В результате нам удалось добыть очень тревожные данные. Оказалось, японский военный атташе в Бухаресте «между прочим» занимался самым оголтелым шпионажем против Страны Советов. Получив суровый урок на Дальнем Востоке, самураи решили пакостить на румыно-советской границе. Следует добавить, что они пользовались покровительством румынского королевского правительства, которое вело беспощадную войну против своего народа и революционного движения и в то же время, подстрекаемое западными империалистами, держалось нагло и вызывающе в отношении своего миролюбивого северного соседа. Под непосредственным руководством японского военного атташе в Карпатах была организована секретная шпионско-диверсионная школа, в которой обучались уголовники-рецидивисты, белогвардейские офицеры, оставшиеся не у дел бывшие сподвижники бесславно кончившего генерала Кутепова и других белых генералов. На вилле, принадлежавшей японскому посольству, это отребье обучали, как устраивать поджоги, взрывать заводы, мосты и железнодорожные линии, убивать партийных и государственных деятелей, собирать шпионские сведения. Бандиты тайно переправлялись на лодках чрез Днестр, а затем возвращались «отчитываться». В своих секретных

телеграммах японский атташе не сообщал подробностей о работе диверсионной школы — отчеты о конкретных действиях он, вероятно, отправлял со специальным курьером, — однако в телеграммах встречались упоминания о том, что «актив» растет, и просьба выделить значительные суммы для вознаграждения «отличившихся»…

Согласуя свои действия с другими империалистическими шпионскими организациями, японские империалисты пытались любыми средствами нарушить мирный созидательный труд советского народа…

Не вдаваясь в подробности, скажу, что эффективными контрдействиями Советская власть смогла отсечь щупальца японской разведки, протянувшиеся далеко с востока на запад.

Безупречно выполнила поставленные задачи группа, работавшая на софийском почтамте. Ее руководителем был опытный конспиратор, старый почтово-телеграфный служащий Димитр Ананиев, прошедший у нас в Вене специальный инструктаж. Кроме прямой задачи, связанной с секретными телеграммами, группа осуществляла широкую деятельность по сбору информации через связи с лицами из военно-фашистских и правительственных кругов. Некоторые ее члены помогали советской разведке вплоть до дня победы.

4. НОВЫЕ ЗАДАЧИ. «ЭКСПОРТНО-ИНФОРМАЦИОННОЕ БЮРО» В ПРАГЕ. ИНТЕЛЛИДЖЕНС СЕРВИС ЗАПАЗДЫВАЕТ

Тридцатые годы — зловещее десятилетие нашего века, которое началось весьма тревожными симптомами в политическом климате на континенте и закончилось, как известно, второй мировой войной. Она разразилась осенью 1939 года, но ее подготовка велась долгие годы.

Было совершенно очевидно, что война готовится против СССР и мирового революционного движения. Большой заговор разрастался, втягивая в свою коварную сеть новые страны и правительства. В 1932—1933 гг. империалисты поставили на ноги реваншистские фашистские силы в Германии, разрешили им вооружаться в надежде использовать против СССР в качестве «стального кулака»…

Параллельно с созданием политического заговора империалисты настойчиво развивали военную промышленность в государствах, подчиненных им или политически связанных с заговором. Лихорадочно разрастались военные предприятия в странах Большой Антанты. Важное место по масштабам, номенклатуре и совершенству производимого вооружения среди главных мировых государств-поставщиков (Англия, США, Франция, Швеция) занимала Чехословакия Бенеша и Массарика.

Я не пишу историю — это дело историков, но думаю, что имею право высказывать свою точку зрения на судьбу этой страны и ее трагедию в конце тридцатых годов: это право мне дают личные впечатления о Чехословакии в первые три-четыре года предвоенного десятилетия.

Думаю, что трагедия буржуазной Чехословакии, родившейся на развалинах Австро-Венгерской империи, была предопределена в первые годы ее создания. В ущерб коренным национальным интересам чехословацкого народа, в противовес здравому разуму, диктовавшему необходимость защиты страны от германского империализма, буржуазная Чехословакия пошла на политический сговор с империалистическими государствами и в первую очередь с Францией. Политическому соглашательству сопутствовало равнение на западную военщину и растущая экономическая зависимость национальной экономики от крупного монополистического капитала. Таким образом, оставаясь формально независимой, Чехословакия была вовлечена в общую политику империалистических государств и фактически потеряла

свой суверенитет. Она стала неотъемлемой составной частью западного империалистического блока и членом Малой Антанты (Чехословакия, Румыния, Югославия). Ей была уготована роль плацдарма для подготавливаемой агрессии на восток.

Впрочем, это хорошо известные исторические факты. Известно также, что французский генеральный штаб, который держал в этой стране многочисленную миссию «советников», перестроил чехословацкую армию в духе французских военных концепций и фактически обрек ее на роль пушечного мяса в большом заговоре.

В начале тридцатых годов под руководством французских военных инженеров на всем протяжении чехословацко-немецкой границы началось строительство оборонительной линии, с современными фортификационными сооружениями. Строительство разворачивалось в столь огромных масштабах, что невозможно было сохранить его в тайне. Оборонительная линия строилась по образу французской линии Мажино, только в уменьшенном варианте, печать не скрывала этого факта. Судя по заверениям газетных писак, «оборонительные линии-сестры» и оба «навеки связанные рыцарской дружбой» государства — Франция и Чехословакия являются надежной гарантией против любой возможной агрессии… (Прошло совсем немного времени и эта горькая иллюзия рассеялась, как облачко дыма; «рыцарская дружба» и «оборонительные линии-сестры» оказались не такими уж прочными, хотя высокие достижения военно-инженерного искусства могли бы остановить агрессора. Как известно, французская линия Мажино просто была обойдена с северо-запада и удар был нанесен по ней с тыла, а ее уменьшенный чехословацкий вариант пал без единого выстрела.)

Известен и другой многозначительный факт. В чехословацкую промышленность, главным образом, в военную индустрию (в первую очередь на заводы «Шкода») начался широкий приток французских, бельгийских, английских и других западных капиталов. Отдельные данные свидетельствовали о том, что в заводы «Шкода» тайно были вложены и капиталы немецких оружейных магнатов, которые использовали для этого посредничество определенных деловых кругов Запада. Оружием, изготовленным на чехословацких заводах, западные империалистические силы вооружали и подготавливали к походу на восток армии восточноевропейских фашистских государств, в первую очередь, государств Малой Антанты. Кроме того, чехословацкое оружие в массовом порядке экспортировалось в страны Ближнего и Среднего Востока, включая Египет, а также в Индию и даже в Японию…

Политическим итогом этих тревожных фактов стала трагедия. Она началась, как известно, в Мюнхене в сентябре 1938 года. Западные империалистические страны, «верховные правители» буржуазной Чехословакии, подписали позорное Мюнхенское соглашение, похоронившее Чехословацкую республику. Жертвуя свободой Чехословакии, империалистические державы считали, что таким образом утолят аппетиты Гитлера в отношении новых земель. Подписанием еще двух особых соглашений, французско-немецкого и англо-немецкого, Даладье и Чемберлен надеялись достичь давно преследуемой цели — включения гитлеровской Германии в их заговор и направления всей ее вооруженной мощи против СССР…

Было ли это политической наивностью или чудовищным политическим преступлением? Империалистические круги Англии, Франции и США с циничным спокойствием наблюдали, как гибла Чехословацкая республика, точно так же до этого они примирились с аннексией Австрии. Но если поведение западных держав мы называем политическим преступлением, то как же тогда следует окачествить курс самих чехословацких политиканов? Какой разумный, дальновидный и честный государственный деятель может спокойно наблюдать за уничтожением своей собственной страны, не предпринимая мер в защиту ее суверенитета, территориальной целостности, чести? Поведение тогдашних чехословацких государственных деятелей было равносильно национальному предательству. Оставаясь сторонниками прозападного курса, они легкомысленно и безответственно отвергли предложение СССР о коллективном отпоре агрессору и в угоду своим классовым интересам принесли в жертву интересы национальные…

Словом, это была страшная история, причинившая братскому чехословацкому народу огромные беды и страдания.

Эти события являются поучительным уроком: политический суверенитет и территориальная целостность Чехословацкой республики могут быть надежно защищены только в сотрудничестве, непоколебимом союзе и братской дружбе с СССР — могучей державой, которой всегда были дороги свобода, независимость и мир.

Я позволил себе напомнить об этих общеизвестных исторических фактах не случайно — дальше мои записки содержат страницы, в которых идет речь о буржуазной Чехословакии. Я попал туда, выполняя специальное задание центра.

В начале тридцатых годов советская разведка в Западной Европе получила сведения, что по поручению западных стран

некоторые чехословацкие заводы приступили к серийному выпуску новых видов оружия — автоматических винтовок, скорострельных пулеметов, легких противотанковых орудий. Это производство финансировалось крупными западноевропейскими концернами: Крезо и Шнейдера во Франции, Армстронга в Англии и др. Судя по данным нашей разведки, подобное оружие повышенной эффективности уже производили военные заводы ряда империалистических держав. Передача секретной технической документации тогдашней Чехословакии недвусмысленно говорила о доверии, которым пользовались политические военные круги этой страны у империалистических сил.

Как читатель понимает, полученные разведкой сведения раскрывали картину фактического включения Чехословакии в западный агрессивный блок и свидетельствовали о той важной роли, которая отводилась ей в деле вооружения стран-участниц блока. Это обстоятельство вынудило советских руководителей принять соответствующие меры. Перед нашей группой была поставлена задача: добыть данные о новом оружии.

Военным специалистам хорошо известно, что знание вооружения, которым располагает противник, является первостепенной задачей, без которой невозможно ни создание надежной защиты, ни обеспечение условий для нанесения мощного контрудара.

Самое совершенное оружие в значительной мере теряет свою эффективность, если оно становится заранее известно противнику. От нас требовалось добыть точную информацию об оружии, которое ряд крупных военных заводов изготовлял для будущей агрессивной войны. Контроль за производством оружия и соблюдение секретности обеспечивали английская разведывательная служба Интеллидженс сервис и французская военная разведка. Они поставили дело так строго, что в секретные цехи имели доступ только работающие там специалисты и инженерно-технический персонал. Вход для любого «чужого» лица, будь то даже представитель официальных государственных властей, был строго воспрещен. Это свидетельствовало о том, что Чехословакия играла подчиненную роль, она являлась только исполнителем, а вдохновителями и хозяевами были другие люди. Наша деятельность была направлена как раз против этих «других» — тех, кто подготавливал «большую стратегию» заговора, кто использовал заводы Чехословакии и ее специалистов, чтобы как следует вооружиться.

Я отправился в Прагу немедленно после получения задания.

Нужно было изучить все возможности для проникновения в компетентные круги и на заводы, где ковалось секретное оружие для новой мировой войны.

Злата Прага — так чехословаки с любовью называют свою столицу. Дворец Градчаны, великолепно сохранившийся средневековый квартал, живописная Вацлавская площадь, прелестная Влтава, тихо несущая свои пепельно-голубые воды между построенных около нее зданий и протекающая под великолепными мостами, камни которых изъедены временем многих веков, чудесные парки и сады, роскошные окрестности с полями, лесами, старинными замками и симпатичными деревеньками, — все это, собранное в неповторимый ансамбль миллионного города, очаровывает иностранца.

Любил Прагу и я. Я бывал здесь до этого не раз — или проездом в Советский Союз, или для конспиративных встреч. Коммунистическая партия Чехословакии была боевой, энергичной, в стране существовало значительное прогрессивное движение, а ее народ, миролюбивый, талантливый, трудолюбивый, не был согласен с ролью, которую его правители определили Чехословакии в будущем крестовом походе на Восток. Как же могло случиться, что этот народ, влюбленный в свою землю, еще не успевший нарадоваться на свою независимость, в целом не видел, как республика медленно и неотвратимо катится к краю пропасти…

Прага жила своей обычной жизнью, правители произносили благонамеренные речи, Томаш Массарик академически спорил с теоретиками марксизма и утверждал, что «единственный путь для вновь созданной Чехословацкой республики — это путь национального единения, затушевывания классовых противоречий, развитие гармоничной демократии». В сущности, такие идеи Европа уже знала, это были обесцененные реформистские схемы «переустройства и совершенствования буржуазного общества», которые выдвигала правая социал-демократия, облегчая таким образом процесс стабилизации капитализма. Массарик, старый профессор философии и социологии, признанный борец за самостоятельное существование в годы австро-венгерского господства, первый и постоянно переизбираемый президент вновь созданной Чехословацкой республики, своей ошибочной военно-политической ориентацией объективно принес своей стране тяжелые беды. Массарик оказался неспособным надежно ее защитить, не разглядел настоящих друзей и скрытых врагов республики…

Прага жила своей нормальной жизнью, и народ,

радовавшийся относительному благополучию в сложной послевоенной конъюнктуре, словно не замечал или не хотел заметить гибельную бездну. Однако активная, наиболее сознательная часть чехословацкого народа видела смертельную угрозу. Сплоченная в рядах Коммунистической партии, а позднее в рядах Народного фронта, она четко и категорически выразила свою волю.

В Праге, как и в Вене, существовала сильная болгарская студенческая организация. Впрочем, студенческих организаций было три: первая, националистическая, пользовалась покровительством болгарского царского посольства. Во вторую входили студенты, состоящие членами БЗНС, к которой терпимо относились официальные государственные власти. Третья, более малочисленная, чем вторая, но сильная и боевая, была наша.

Когда я прибыл в Прагу со специальным заданием, болгарская студенческая организация, которая в двадцатые годы существовала под названием «Нарстуд» («Народное студенчество»), после 1928 года была переименована в организацию имени Васила Левского и смогла привлечь в свои ряды широкие круги учащейся молодежи. Присутствие Георгия Димитрова и здесь оказало благотворное воздействие — относительная замкнутость старой организации уступила место более современным и дееспособным формам общения с широкими кругами честных людей, включая левых «земледельцев», которые восприняли основные принципы нашей борьбы. Таким образом, и здесь, в Чехословакии, линия Георгия Димитрова на создание Народного фронта, которая позднее стала генеральной линией нашей партии и всего Коммунистического Интернационала, одержала полную победу.

Кроме большой группы прогрессивных студентов, в Чехословакии имелось и значительное число болгарских политэмигрантов. Некоторые из них перебрались сюда из Вены, где до этого учились в высших учебных заведениях и окончили их или же были изгнаны из Австрии в связи с участием в Июльском восстании 1927 года. Наконец, к среде прогрессивных болгар в этой стране следует причислить и сотни бедняков-эмигрантов, которые занимались огородничеством, главным образом, в предместьях Праги и других больших городов.

В тридцатые годы многие болгарские политэмигранты переехали из Вены в Чехословакию — в Прагу, Братиславу, Брно, Остраву, Пльзень.

Рост нашей политэмиграции и прогрессивного студенчества в Чехословакии не был случайным явлением: он был связан со смелой борьбой, которую чехословацкие патриоты,

возглавляемые своей боевой Коммунистической партией, вели против превращения Чехословакии в сателлита империалистических держав и слепое орудие их агрессивных замыслов.

Здесь мне хочется добавить, что болгарское прогрессивное студенчество и вся наша передовая политэмиграция в Чехословакии остались до конца верными революционным традициям. Они не только поддержали усилия Коммунистической партии Чехословакии в деле создания и расширения Народного фронта во второй половине тридцатых годов, но и позднее, когда Чехословакия была оккупирована гитлеровскими захватчиками, они активно включились в антифашистскую борьбу. Новая чехословацкая история включает страницы, преисполненные горячей благодарности к десяткам болгарских антифашистов, которые сражались с оружием в руках против гитлеровского фашизма, плечом к плечу с чехословацкими борцами воевали в партизанских отрядах, участвовали в славном Словацком восстании. Многие из них сложили свои головы… Вся история борьбы болгарского прогрессивного студенчества и политической эмиграции в этой стране, по существу, является частью истории боевой болгаро-чехословацкой дружбы, рожденной и закаленной в самые суровые для обоих народов времена.

В Чехословакии в течение многих лет работал целый ряд наших сотрудников. Они выполняли свои задания поодиночке или в крайнем случае вдвоем. Формы их деятельности были самыми различными. Я расскажу лишь об одной из них, которая проводилась нашим фиктивным экспортно-информационным бюро: прикрывая наш интерес к военному производству вывеской торговой фирмы, бюро смогло установить контакт с торговыми конторами военных заводов, а постепенно — и с самими конструкторами, имена которых, а тем более существо работы, содержались в тайне.

Бюро было зарегистрировано перед официальными властями с местом нахождения в Праге. Единственным его собственником являлся некто «Х-1». Он изучал инженерные и экономические науки, интересовался культурой и имел верную политическую ориентацию. Благодаря своему богатому воображению и предприимчивости, «Х-1» за короткое время развил энергичную и многостороннюю представительскую деятельность. Разумеется, экономический характер и сферу торговой деятельности мы предварительно обдумали до мелочей: бюро должно было интересоваться широкой номенклатурой товаров, которые имели бы спрос на чехословацком рынке, и незаметно и постепенно, как бы между прочим, вести работу в направлении, которое нас по-

настоящему интересовало.

Наше торгово-экспортное бюро за короткий срок развернуло в чехословацкой столице кипучую деятельность. Быстро оценив предприимчивость «Х-1», его широкие торговые интересы и знание конъюнктуры, многие промышленники и экспортные предприятия в Софии проявили к нашему бюро повышенный интерес. И вот уже оно получило образцы розового масла софийской фирмы Николы Нечева, нам было предложено взять на себя ее представительство в Чехословакии. Фабрикант и торговец коврами З. Филиппов прислал целую серию высококачественных чипровских, котленских и других ковров с просьбой предложить их на пражском рынке. Болгарский торговый союз в свою очередь уполномочил нас вести его деловые связи с Чехословакией.

Однако сфера нашей деятельности не ограничивалась Болгарией. Через месяц-два при посредничестве пражской фирмы «Поледна» наше бюро договорилось с французской фирмой «Дюрас» (Ницца) о поставке болгарского розового масла. Мы взяли на себя обязательство поставлять болгарские эфирные масла пражской парфюмерной фабрике «Прохазка», а немного погодя — и парфюмерной фабрике «Пилначек» в Градец-Кралове. В дальнейшем бюро установило деловые контакты с центральным управлением табачной монополии в Праге, венской биржей сельскохозяйственных продуктов «Лионель-Стронгфорт», институтом спортивных товаров в Берлине и другими. Вскоре после этого две крупные японские фирмы предложили нам взять посредничество в деле поставки в Болгарию японской вискозы, китайского женьшеня, японских шелковых тканей, изделий из слоновой кости и др.

Параллельно с торговой деятельностью нам удалось войти в круг компетентных лиц, связанных с производством оружия на заводах «Шкода», «Витковиц — Верке», «Збройовка», «Чешско-моравская», «Колбен — Данек» и других, а также установить контакты с торговыми представителями этих заводов в ряде стран Восточной Европы. Эти компетентные лица были знакомы с новой технической документацией, которая поступала с Запада в строго секретном порядке, и участвовали в разработке соответствующей производственной технологии. Торговые представители этих заводов за границей, как правило, инженеры различных специальностей, знали «товар», который соответствующие заводы могли предложить данной стране для нужд перевооружения ее армии. Ввиду этого наш интерес распространялся в двух направлениях. Незаменимую помощь нам оказывал «Х-2», наш верный сотрудник, который в это время был торговым представителем чехословацких военных заводов в Болгарии; с его

помощью мы сумели получить не только техническую документацию, но и готовые заводские образцы новых видов оружия, которое Чехословакия готовилась направить на вооружение болгарской и других монархо-фашистских армий. Одним из таких образцов был ручной пулемет «Брен», производившийся по английской лицензии на заводах Брно.

«Х-2» самоотверженно выполнял свой интернациональный долг до самого разгрома гитлеровской Германии.

Более трех лет продолжалась наша работа в буржуазной Чехословакии. Бюро работало полным ходом и его товарооборот увеличивался скачкообразно (если бы «Х-1» был настоящим торговцем, он смог бы сколотить состояние!).

Чехословакия оказалась благодатной почвой не только для сбыта всевозможных сельскохозяйственных товаров. Чехословацкие трудящиеся, не боясь смертельного риска, с честью выполняли свой интернациональный долг. Именно их готовность позволила нам справиться со своим заданием: чехословацкие патриоты помогали нам, сознавая, что они помогают себе, своей родине, находившейся на краю гибели. Инженеры и конструкторы, техники и специалисты, которые изготовляли новые виды смертоносного оружия, работали под зорким оком чехословацкой полиции, Интеллидженс сервис и французской военной разведки: под их контролем делалось все — от приема технической документации, поступаемой с Запада, до разработки заводской технологии и серийного производства оружия… Политически грамотные, чехословацкие трудящиеся совершенно ясно видели, что означает все это; они понимали, что их родина становится частью гигантской империалистической военной машины; сознавали, что они собственными руками производят оружие, которое будет использовано против других миролюбивых народов, против собственного народа…

Чехословацкие патриоты снабдили нас полной технической документацией, касающейся производства нескольких видов нового оружия. Позднее они сумели, преодолевая зоркий полицейский контроль, вынести — часть за частью в течение недель — по одному готовому серийному образцу этого оружия. Рискуя жизнью, эти достойные сыны чехословацкого народа совершили настоящий подвиг во имя блага своей родины и мира.

Когда работа уже заканчивалась, тайная полиция и специалисты из Интеллидженс сервис внезапно подвергли самой тщательной проверке — каждого человека — весь персонал завода, где работали наши люди. Сигнал поступил из Лондона: оттуда по своим каналам Интеллидженс сервис узнала о том, что мы получили сведения об оружии. И она поспешила свести счеты

с нашей тайной организацией.

Английская разведка опоздала. Предупрежденные о надвигающейся опасности, наши группы немедленно приостановили деятельность, замели все следы. Отступление не было паническим. Во-первых, мы переправили через границу двух чехословацких патриотов вместе с их семьями. В Советском Союзе они обрели новую родину. Во-вторых, мы позаботились о том, чтобы предупредить о появившейся опасности всех остальных наших сотрудников, чтобы они могли обеспечить себе надежное алиби в случае возможного ареста. В-третьих, нужно было ликвидировать торговое бюро в Праге. Этой рискованной работой занялся «Y», которого я направил в Прагу.

Все необходимое было сделано в предельно короткие сроки. Бюро спешно освободило снятое просторное помещение в одном из центральных кварталов столицы и за несколько часов, захватив всю документацию… исчезло из оживленных торговых кругов Праги, где пользовалось солидной репутацией, «Х-1» невредимым покинул пределы страны.

Погиб один человек — Ян Досталек. Он являлся одним из наших чехословацких сотрудников. Для него долг перед страной не был пустым словом.

Его подвиг заслуживает высокого признания со стороны чехословацкого народа.

Досталек до известного момента, подобно тысячам других чехословацких граждан, мало интересовался политическими судьбами своей страны. Он был конструктором-изобретателем (причем одаренным) в области радиотехники. Он изобрел небольшую по объему портативную рацию с большим радиусом действия. По конструктивному решению, техническим показателям, его изобретение превосходило существовавшие мировые стандарты: рацию можно было использовать для прямой безотказной связи в военно-полевых условиях, в танках, броневых машинах, самолетах и др.

Изобретение, встреченное с восторгом военными специалистами, сразу было объявлено государственной тайной, и Досталек получил все необходимые условия для дальнейшего технического усовершенствования своего аппарата. Военные спешили как можно быстрее запустить его в серийное производство.

Досталек вдохновенно работал день и ночь, убежденный, что его изобретение будет служить обороне собственной родины. Скоро рация была готова. Она была изготовлена в хорошо оснащенной заводской лаборатории и представляла собой дополнительно усовершенствованную и улучшенную модель его

прежнего аппарата.

Наверное, все кончилось бы вполне обычно, если бы в этот момент Досталека не посетили высокопоставленные гости. Это были члены французской военной миссии в Чехословакии, которых сопровождали высшие должностные лица чехословацкого генерального штаба и тайной полиции. С галантной учтивостью французы высказали Яну Досталеку свои поздравления. Затем военные из генерального штаба попросили Досталека продемонстрировать перед «французскими друзьями» технические достоинства нового аппарата. Оказалось, что среди французских гостей имелись специалисты по радиотехнике. Встреча завершилась пышным ужином в самом фешенебельном пражском ресторане.

Ошеломленный оказанным вниманием, изобретатель, который полностью жил в мире своих технических интересов, на этом ужине в дорогом пражском ресторане вдруг осознал, что он слепец, наивный человек. Он узнал, что «французские друзья» в курсе всех военно-стратегических и политических секретов его родины. Он увидел, что офицеры генерального штаба и высшие полицейские чиновники пресмыкаются перед французскими «гостями». Ему стало известно, что его аппарат в ближайшие дни начнут выпускать и французские военные заводы. Таким образом, он убедился, что его изобретение будет служить не обороне его родины, а агрессивным планам западных держав…

Пышный ужин в пражском ресторане стал роковой гранью в жизни Яна Досталека. От сознания национальной измены государственных деятелей своей страны до решения содействовать правому делу был только один шаг. И он сделал этот шаг без колебания.

Во-первых, он доставил нам техническую документацию своего изобретения, а немного позднее вынес по частям из технической лаборатории завода несколько полностью скомплектованных аппаратов. Некоторые из этих радиостанций были включены в работу сразу, другие были «законсервированы» и вошли в действие во время гитлеровской оккупации.

Досталек отлично понимал, что в случае провала потеряет все — и щедрые гонорары, которые платили ему за изобретения, и блестящую творческую карьеру, и имя «честного гражданина республики», может быть, даже жизнь. От нас он не получал никаких денег. Он выполнял свой патриотический и интернациональный долг. Этого ему было достаточно.

Провал произошел не по вине Яна Досталека. Один из аппаратов, которые он для нас изготовил, попал в руки тайной полиции, когда наш сотрудник пытался перейти границу.

Когда Досталека арестовали, он отказался признать какие бы то ни было обвинения. В расследование немедленно вмешались специалисты французской военной полиции. Ян мужественно выдержал все допросы. Суд вынес ему жестокий приговор, но осужден был один только он — ни одного имени, ни одного адреса, ни одной явки не фигурировало в обвинении прокурора или в судебном протоколе… Ян Досталек был бы жив и сейчас, если бы полиция, озверевшая от его молчания, не замордовала его в тюрьме. Это была чехословацкая полиция Бенеша — Массарика. В то время как старый профессор-президент произносил свои академические сентенции о «классовом мире и гармоничной демократии», его полиция усердно совершенствовалась в ремесле палачей, готовая подавить любое сопротивление…

Ян Досталек отдал жизнь за торжество интернационального братства, без которого были бы невозможны и немыслимы свобода и национальная независимость его родины.

5. ВЫСОКИЙ ГОСТЬ ИЗ ЦЕНТРА. ВСТРЕЧА С ОСКАРОМ. ПОЖАРНИК «Z-9»

Дом тонул во мраке дождливого осеннего вечера. Мы остановились перед ажурной калиткой, и я тихо открыл ее. Десяток шагов по песчаной дорожке сада, и мы очутились перед входом в двухэтажный особняк. Спокойно, не спеша, как это сделал бы хозяин или съемщик этого респектабельного особняка, я открыл дверь.

Мы поднялись в квартиру на втором этаже; прежде чем зажечь свет, я задернул плотные бархатные шторы. Спутник следовал за мной молчаливо, не задавая вопросов и не делая замечаний, полностью доверившись своему провожатому. Когда вспыхнула хрустальная люстра, залив мягким светом просторный холл, я обернулся к нему и пригласил:

— Проходите, Павел Иванович. Чувствуйте себя как дома…

Это был Павел Иванович Берзин.

В тот день мы встретились с ним в одном венском кафе. Я был там точно в назначенный час. Как обычно, я на знал, кого мне следует ожидать, и читатель легко поймет мое нетерпение. На этот раз мне посчастливилось встретиться с самим Павлом Ивановичем… В кафе мы пробыли недолго. Берзин по моему поведению понял, что я очень волнуюсь, хотя у меня уже выработалась выдержка бывалого разведчика. Я сам подозвал официанта, расплатился, и мы встали, чтобы смешаться с вечерней толпой на бульваре, где я мог дать свободу своему волнению. Но самым надежным местом, разумеется, был этот дом, о котором я предварительно не сказал Берзину ни слова, — в нем можно было отдохнуть, свободно поговорить и, если нужно, переночевать.

Оставив плащ и свой намокший зонт в прихожей, Берзин вошел и внимательно окинул взглядом помещение. Дом был прекрасно обставлен: ковры, мягкая мебель, старинные шкафы красного дерева, шелковые обои мягких тонов, хрустальные люстры, отливающие перламутром китайские фарфоровые сервизы за стеклами шкафов, картины известных художников на стенах…

— Павел Иванович, чувствуйте себя как дома.

Берзин остановил на мне взгляд, в котором светился вопрос: где мы находимся?

— Это дом врача? — спросил Берзин.

Откуда он мог знать, что хозяин — врач? Впрочем, я тут же

сообразил: наверное, он, несмотря на темный дождливый вечер, заметил бронзовую табличку на входной двери.

— Совершенно верно, Павел Иванович, хозяин — доктор. Мой соотечественник. Чудесный человек. Его жена тоже наш человек. Она австрийка. Доктор здесь не принимает пациентов — только живет… Вернее, жил до недавнего времени. По моей просьбе он освободил квартиру и снял себе другое жилье, никому не сообщая об этом. Официально эта квартира его, но фактически обитателями являемся мы…

— Точнее?

— Мы устраиваем здесь встречи только в особых случаях. Его владелец венский буржуа. Кроме того, дом находится в буржуазном районе, где полиция вообще не делает проверок. У нас двойная защита: врач — человек с именем и положением, а его тесть имеет небольшую, но доходную фабрику. Посмотрите сюда, Павел Иванович!

Я отдернул штору на окне, выходившем во внутренний двор, и свет из комнаты вырвался на улицу. Под блестящими струями осеннего дождя виднелись полированные поверхности машин.

— Тесть не привлечен к работе?

— Нет, только доктор и его жена. Считаю, что двух человек из одной семьи вполне достаточно. Остальные занимаются своим бизнесом, политика их не интересует…

Берзин отошел от окна, я снова задернул шторы, закурил сигарету и сел. Теплый шерстяной костюм, добротные ботинки фирмы «Батя», которые не пропускали влагу, неизбежная для Вены белая сорочка с крахмальным воротничком и аккуратно повязанный темно-синий галстук. Внешне он походил на шведа, норвежца или финна. И никто, кроме самых близких сотрудников, не знал, что этот человек давно страдает хронической головной болью, причиняемой все еще не удаленной из черепа казачьей пулей, что любая перемена погоды неблагоприятно отражается на его здоровье.

— Еще один вопрос. Ты используешь доктора для выполнения заданий?

— Нет. То, что он предоставил нам свой дом, является достаточной услугой. Но, разумеется, он сделает все, если я попрошу. Мы с Гришей подумали и попросили доктора стать членом масонской ложи. В будущем это нам может пригодиться.

— Правильно, — одобрил Берзин. — Включать сотрудника в каждую или во много операций — наивность… Я знаю о вашей идее сделать его масоном… Но все же любопытно, проявляет ли он интерес, для чего ты используешь квартиру?

— Абсолютно никакого. Я знаю его еще по Болгарии. Мы

встречались здесь во время моего первого приезда сюда в 1925 году. И еще в самом начале я просил его не задавать мне никаких вопросов. Должен добавить, доктор оказывает нам услугу не только в смысле жилья, но и в смысле финансов.

— Не понимаю… Неужели тебе пришлось прибегнуть к его денежной помощи? — Берзин был удивлен.

— Не для нашей работы. Доктор регулярно выделяет часть средств из своих доходов для оказания помощи болгарской студенческой столовой, материально поддерживает оказавшихся в трудном положении политэмигрантов, систематически вносит членские взносы в фонд оказания помощи…

В отлично оборудованной кухне я на скорую руку приготовил ужин на двоих. Когда я поставил фрукты на стол, Берзин ахнул.

— Наши, болгарские, Павел Иванович! Как-никак вы ведь в гостях у болгар!

Болгарские фрукты почему-то его растрогали. Затем он начал рассказывать о Москве, о Грише и других товарищах из управления, о своей жене Лизе и сыне Андрее, школьнике, который очень походил на своего отца. На некоторое время Павел Иванович умолк, задумался, потом сказал:

— Ты еще не спросил, как обстоят дела с приездом Галины. Как вижу, ты и сам отлично справляешься с домашними обязанностями.

— Судьба, Павел Иванович! — развел я руками. — У нас с ней уже две пятилетки супружеского стажа за плечами, а едва ли наберется два-три года, которые мы провели вместе…

— Так вы не наскучите друг другу, вечно будете чувствовать себя молодоженами… — рассмеялся Берзин.

Я не спросил о Галине, но Берзин не случайно сам заговорил о ней.

— С тебя причитается, Ванко. Готовься через две-три недели встречать свою новую шифровальщицу и радистку…

— Благодарю за чудесную весть, Павел Иванович! — не удержавшись, воскликнул я. И добавил: — Значит, Наташа должна уехать?

Наташа Звонарева, его секретарь, была прислана к нам в качестве радистки и шифровальщицы недавно и еще не успела как следует «акклиматизироваться» в Вене.

— В данный момент она нужна в другом месте, — коротко объяснил Берзин. — Подумай, где устроишь свою новую помощницу. Может быть, здесь, в квартире доктора?

— Не думаю, Павел Иванович… По-моему, этот дом и в дальнейшем будет служить для тех же целей, что и до сих пор… А что касается квартиры для Галины, то жена доктора поможет. В

буржуазных районах Вены у нее много родных, знакомых, друзей. Непременно подыщем что-нибудь удобное и подходящее…

Я был в этом убежден, жена доктора отличалась необыкновенным усердием при выполнении заданий, которые мы на нее возлагали. Она подыскивала временные квартиры для конспиративных встреч. Она дала несколько постоянных адресов своих приятельниц и родственников, и на эти адреса я получал служебную корреспонденцию из восточноевропейских стран. Несколько раз ездила в качестве курьера в Болгарию, была даже в Плевене, где связалась с моей сестрой Микой. Она информировала нас о политических интригах и спорах в высших венских кругах, куда имела доступ. Причем делала все это с завидным самообладанием, хладнокровием, энергией, не сказав ни разу «не могу», «мне страшно». Разумеется, она не ожидала от нас платы за услуги. Более того, она ездила в Болгарию и другие балканские страны в качестве нашего курьера за свой счет — иногда для того, чтобы привезти в Вену копии секретных телеграмм — донесений фашистских военных атташе, — а иногда выделяла определенные суммы, как я уже говорил, в фонд оказания помощи студенческой столовой…

Берзин прибыл в Вену, разумеется, не для того, чтобы обрадовать меня вестью о скором приезде Галины. Руководитель Четвертого управления совершал свою очередную поездку по Европе, лично инспектируя ход разведывательной работы по всем направлениям, чтобы ознакомиться с быстро меняющейся политической и военной конъюнктурой, всесторонне проанализировать на месте выполненные задания, лично поздравить тех, кто этого заслужил, поставить новые задачи. В центре Берзин получал регулярную информацию из всех точек планеты, но это казалось ему недостаточным: он старался увидеть все своими глазами. Это помогло ему вовремя увидеть в лице дорвавшегося до власти Гитлера угрозу для всего человечества. Он был убежден в том, что сам по себе Гитлер — ничтожество, что за этим пигмеем стоят всесильные концерны Германии, США, Англии, которые, в сущности, представляют основную опасность для дела мира. Берзин обладал изумительным даром провидения, он умел разгадать коварную игру империалистов, своевременно и точно информировать Советское правительство о смысле, характере и стратегической направленности империалистических происков. Уполномоченный Ленина и Дзержинского, стойкий большевик, пламенный интернационалист, Павел Иванович Берзин превратил Четвертое управление Генерального штаба Красной Армии в подлинный щит революции. Это Берзину приписывают слова: «Прежде всего нам нужен мир. А мир

завоевывают не только дипломаты и солдаты, но и разведчики».

— Прими горячую благодарность за телеграммы, Ванко, — сказал Берзин, когда мы после ужина закурили сигареты и под негромкую музыкальную радиопередачу повели «настоящий» разговор. — Задание вы выполнили безупречно. Твоя группа не виновата в бухарестском провале… Кончай с этим заданием, — продолжал Берзин шутливо. — Но не жди, что станет легче. Усильте работу в Чехословакии. Интеллидженс сервис еще не напала на следы нашей деятельности. То, что вы сделали, прекрасно. Постарайтесь расширить сферу действий и контакты с технически сведущими людьми. Для нас крайне необходимо своевременно узнать, каким оружием нас собирается атаковать завтра враг…

Затем он поставил еще одну небольшую задачу: переправить в Болгарию работника нашей разведки.

— Вы сказали переправить, Павел Иванович… Это в смысле подумать о подходящем лице?

— Только переправить, — уточнил Берзин. — Переправить и законспирировать.

В таком случае я должен был знать больше о нашем человеке, чтобы можно было предложить уместное решение проблемы. Берзин, не ожидая вопросов, пояснил:

— Она женщина. Немка. Двадцати восьми лет. Представится тебе под именем Гертруды Б. Владеет русским, французским, немного знает болгарский язык. Определенной профессии не имеет, но может работать переводчицей в какой-нибудь экспортной фирме, банковской служащей.

— А внешность, Павел Иванович?

Берзин усмехнулся.

— Ты спрашиваешь, как будто собираешься ее сватать. Твоя задача значительно сложнее. Но раз спрашиваешь, уточню: стройная, симпатичная, живая по характеру… — И, чтобы покончить с этим вопросом, добавил: — Верный человек, несмотря на молодость. Закончила школу, но не имеет необходимого практического опыта. Она врожденная разведчица.

Перед тем как перейти к другим делам, Берзин распорядился, чтобы я затребовал из центра явку для встречи с нашей разведчицей. Встреча должна была состояться в течение пятнадцати дней — дело было спешное.

— Привет тебе от Хаджи, Ванко.

— Хаджи? Вы имеете в виду Хаджи Джиоровича Мамсурова?

— Да, — подтвердил Берзин. — Он еще не был за рубежом, а ему это необходимо. Думаю включить его в твою группу, Ванко. Имеешь что-нибудь против?

— Не только не имею ничего против, но не стану скрывать своего восторга, Павел Иванович! Хаджи — парень молодой, но, по-моему, обгонит нас всех. Настоящий боец!

С Хаджи Умаром Джиоровичем Мамсуровым я был знаком по специальной школе при управлении, которую я закончил после возвращения из Китая. Он был почти на восемь лет моложе меня, но уже со стажем революционной борьбы против белогвардейцев и национал-монархистских банд на Кавказе (Хаджи был осетин). Умара «открыл» Михаил Иванович Калинин. Во время одной из своих поездок по Северному Кавказу в 1922 году Калинин чуть не стал жертвой бандитов, которые напали на одно селение в Осетии и начали рубить мирных людей. В числе красноармейцев, которые храбро защищали Советскую власть, находился Умар. Когда, покончив с делами, Калинин уехал в Москву, он взял с собой молодого большевика, раненного в боях, и рекомендовал его Берзину… Так началась биография этого замечательного кадрового советского разведчика, который прошел большой путь в разведке от рядового бойца до генерал-полковника. Сейчас, когда я пишу свои записки, Хаджи уже нет среди живых: Герой Советского Союза генерал-полковник Мамсуров скончался ранней весной 1968 года.

В то время, когда Берзин решил включить его в нашу группу, Умар имел одну шпалу в петлицах, что соответствовало званию капитана. Однако молодой офицер разведки обладал незаурядным талантом. Берзин безошибочно это заметил и сделал все для его развития.

— Завтра утром уезжаю, Ванко, — закончил деловой разговор Берзин. — Подамся дальше на Запад, хотя дождливая осень не самое подходящее время для туристских путешествий.

На следующий день Берзин уехал в Германию, о чем мне сообщил в момент расставания.

— Там происходят тревожные, очень тревожные события. Никто не знает пока, кто там одержит верх. Революционные силы разъединены, социал-демократы отказываются от сотрудничества с Коммунистической партией, а это на практике открывает зеленую улицу мюнхенскому заговорщику, — сказал он.

Берзин имел в виду Адольфа Гитлера, который в 1923 году предпринял в Мюнхене неудачную попытку совершить переворот, за что был арестован, осужден, но очень скоро помилован, что дало новый толчок зловещему национал-социалистическому движению…

— Но увенчается ли успехом вторая его попытка?

Берзин как будто предчувствовал, что на этот раз в Германии придет к власти политический преступник, попирающий все

гуманные и этические нормы на пути к захвату власти, а в дальнейшем — к установлению мирового господства.

Отъезд Гертруды Б. в Болгарию был подготовлен самым удачным образом.

Как раз в это время в Вене находился мой соотечественник «Z-9», проходя курс обучения в знаменитой во всей Европе школе пожарников. Разумеется, «Z-9», выходец из рабочей семьи, никогда до этого и не мечтал о Вене. Счастье ему улыбнулось в тот день, когда моя сестра Мики, с которой я поддерживал регулярную конспиративную связь, неожиданно предложила ему поехать учиться в школу пожарников в Вене. Сестра моя вовсе не была покровительницей талантливых пожарных и в данном случае действовала по моему поручению. Мы остановили свой выбор на «Z-9» после того, как приложили все усилия, чтобы войти в контакт с известным в то время начальником Софийской противопожарной службы, бывшим русским кавалерийским офицером-белогвардейцем Захарчуком, который пользовался исключительным покровительством дворца. Прибыв в страну с бароном Врангелем, Захарчук вскоре прославился на всю Болгарию своими бесспорными организаторскими способностями и большой смелостью во время тушения пожаров. Старые жители Софии еще, вероятно, помнят, какая молва ходила в те годы о его «драгоценной» голове. Это выражение имело двоякий смысл: оно отражало ценные личные качества этого ловкого и смелого пожарника, а кроме того, намекало на искусно вшитую в его череп платиновую пластинку, прикрывавшую рану, полученную им во время кавалерийской атаки еще в царское время. Мы атаковали Захарчука со всех сторон, в операцию включились бывшие белогвардейцы, его старые друзья и приятели, с которыми он продолжал поддерживать связи. Но безуспешно. Захарчук, несмотря на несомненные свои способности пожарника, оказался дубиноголовым: он отклонил все предложения о сотрудничестве и до последнего дня остался заклятым врагом своей собственной родины. В день победы (9 сентября 1944 года) Захарчук второй раз продырявил свой череп, на этот раз собственноручно, пулей, поняв с роковым опозданием ошибку своей жизни…

Итак, Захарчук оказался для нас бесперспективным кандидатом. Следовало подыскать другого человека. Нам нужен был молодой способный пожарник из честных беспартийных. Так мы остановили свой выбор на «Z-9». Он отлично знал, какая блестящая карьера откроется перед ним после получения диплома об окончании Венской школы. Не веря в подвернувшееся счастье, «Z-9» тут же принял предложение. Когда Ангел Вылчев,

мой помощник, встретил гостя из Плевена на венском вокзале, «Z-9» все еще боялся, что это — счастливый сон, который в любой миг может рассеяться: и внезапное предложение Мики (она не потребовала от него никаких обещаний), и деньги, которые она ему дала, чтобы он прилично оделся «как европеец», и дорогой билет первого класса, и — самое важное — документ о зачислении в Венскую школу вместе с уведомлением о предварительно внесенной плате за обучение…

Мой молодой соотечественник прибыл в Вену за два или три месяца до прибытия туда Берзина. Школа располагала прекрасным общежитием для иностранных слушателей, хорошими преподавателями по всем специальностям, связанным с пожарным делом, богатой материальной базой. Как сама пожарная команда в Вене, так и ее школа применяла в своей практике не просто классический топорик и струю воды, а самые современные технические и химические средства, противогазы, радиосвязь. «Z-9» учился с большим усердием, этим он хотел отплатить за неожиданно свалившийся на него счастливый дар. Мы виделись с ним довольно часто — он представил меня своему начальству как родственника из Югославии. Я даже сблизился с некоторыми из преподавателей: в этом мне помогла супруга доктора, чей близкий родственник, один из высших пожарных чинов в Вене, устроил «Z-9» на учебу в школу.

Читатель, наверное, спросит: чем, в сущности, вызывался наш интерес к пожарному делу и пожарникам? В то время почти повсюду в Европе пожарные команды имели чрезвычайный статус ведомства, не контролируемого полицией, имевшего доступ всюду, в каждый уголок района, за который она отвечала, включая военно-промышленные и другие секретные объекты. Мне кажется, этого достаточно, чтобы понять возможности, которые открывались для нас с внедрением своего человека в подобное ведомство. Более того, в случае военного конфликта, который советская разведка ожидала в ближайшем будущем, такое лицо оценивалось чрезвычайно высоко, так как оно могло выполнять целый ряд особых поручений.

В дополнение сообщу здесь, что венская школа регулярно обменивалась слушателями с такими же школами и службами в Берлине, Гамбурге, Мюнхене, Праге с целью обмена опытом. Это открывало дополнительную возможность для проникновения на некоторые военные заводы, расположенные в окрестностях этих городов, расширить сферу разведывательной работы.

Когда Берзин приехал в Вену, «Z-9» уже заканчивал школу, и в ближайшие дни ему предстояла поездка для специализации в Берлин, Гамбург, Прагу и другие города. Что касается

привлечения «Z-9» к нашей работе, то это уже был свершившийся факт. Предварительное изучение данных о нем в Болгарии полностью подтвердило, что он человек симпатичный, с открытой и честной душой, беспартийный, но готовый преданно служить нашему делу.

В первое время от него ничего не требовали, кроме того, чтобы он меня представил в школе за своего родственника. Мое сближение с его начальством должно было помочь другим специальным целям, связанным с моими побочными заданиями. Одна из этих целей состояла в том, чтобы сопровождать в качестве «своего» человека группу слушателей, когда она поедет в Берлин, Гамбург и Мюнхен.

Группа уезжала как раз в то время, когда должна была состояться встреча с Гертрудой Б. Через центр было договорено о дне, часе и месте встречи, о приметах для взаимного опознавания.

Первоначально группа пожарников проходила специализацию в Праге. Оттуда «Z-9» не мог предложить интересной информации, но этого я и ожидал — в Чехословакии наши люди успешно справлялись со своей работой. После двух недель усиленных занятий группа пожарных отправилась в Берлин. Берлинская пожарная служба оказалась снабженной самыми современными техническими средствами — значительным числом специально оборудованных быстроходных машин для борьбы с пожарами, имела большой технический персонал. Несмотря на это, она оказалась «беспомощной», когда потребовалось тушить провокационный пожар в рейхстаге. В рамках программы обучения «Z-9» посетил целый ряд заводов, выпускающих обычную продукцию, которые в считанные дни могли быть перестроены на военное производство. Это были заводы Сименса и Халске, выпускавшие пожарно-полицейксе сигнализационное и другое оборудование, завод «Дегеа», производивший спасательную противопожарную аппаратуру, завод «Минимакс», изготовлявший современные огнетушители, и другие предприятия. Вместе с информацией об интересовавших нас полувоенных предприятиях и производствах «Z-9» привез высокую похвалу Берлинского пожарного центра за «большие старания расширить свои познания и опыт во всех областях службы»…

После Берлина «Z-9» отправился с группой в Гамбург, где в основном знакомился с портовой противопожарной службой и современным противопожарным оборудованием (противогазы, фильтры и огнезащитная одежда, огнеупорные костюмы и пр.). Большинство занятий в этим оборудованием гамбургская

пожарная команда проводила в самих заводах-изготовителях, а тренировки в противопожарных костюмах — в порту этого миллионного города. И здесь «Z-9» получил документ об «особом старании при овладении специальностью». Надо сказать, что парень действительно старался — прусское начальство отличалось строгой взыскательностью. Дело дошло до того, что ему даже предложили стать руководителем группы, но он, разумеется, отказался — подлинное «назначение» он уже получил. Он держался отлично по всем показателям. Постепенно застенчивость «Z-9» исчезла, и он начал приобретать «европейские» манеры, но жил предельно скромно и благоразумно.

Последний город, который группа «Z-9» должна была посетить согласно составленной еще в Вене программе обучения, был индустриальный центр Любек на Балтийском море. В тамошнем заводе «Дрегерверке» слушателям предстояло познакомиться с различными типами противогазов, которые завод производил в огромных количествах. (Странно, для чего? Ведь было мирное время!) Специалисты завода не только демонстрировали им устройство и правила пользования современными противогазами, но и провели со слушателями занятия «в боевых» условиях: надев противогазы, они должны были входить в герметически закрытые помещения, наполненные всевозможными отравляющими газами. При этом им объясняли, что эти газы наиболее часто выделяются при пожарах на химических заводах, а некоторые из них «могут быть применены в будущей войне»…

Все это было странным — и новые конструкции противогазовых масок, и аварийные водолазные костюмы, и всевозможные химические средства, служащие для возникновения и тушения пожаров, которые рекомендовались как средства «защиты в мирное время» от пожаров и стихийных бедствий. Однако почему все эти заводы были окружены строжайшей секретностью и работали под контролем тайной полиции? Почему их мощности увеличивались с такой невероятной быстротой? Ведь противогазами, выпускавшимися заводом «Дрегерверке», можно было оснастить пожарные команды многих городов мира.

Гертруда Б. должна была встретиться со мной в одной из пивных небольшого приморского городка Травемюнде, расположенного неподалеку от Любека. На встречу я должен был прийти в плаще точно указанного фасона, с зонтом, перекинутым через руку, я должен был курить определенный сорт трубочного табака, причем закурить трубку следовало в точно указанный

момент. Женщина должна была прийти на свидание в плаще указанного цвета. Мне описали ее прическу, цвет перчаток. В точно указанное время она должна была войти в пивную и начать снимать перчатки еще у входа. Проходя мимо меня, она должна была «случайно» уронить левую перчатку. Я обязан был поднять перчатку и подать ей, произнеся при этом пароль.

Все произошло так, как было задумано.

Вечером в назначенный день я сидел за одним из центральных столиков около прохода, который вел к ряду отдельных кабинетов, расположенных в глубине зала. В пивной не было гардероба, и свой плащ, намокший под моросящим осенним дождем, я повесил на вешалку около стола. Официант принял заказ и удалился. Я достал трубку, но не спешил ее зажигать — до момента встречи оставалось несколько минут.

Женщина, названная Берзиным Гертрудой Б., появилась в точности так, как об этом было условлено. Модный голубой плащ подчеркивал золотистость волос, собранных на затылке в пышный узел. Женщина вошла и, не оглядываясь по сторонам, еще на пороге начала снимать темно-синие кожаные перчатки. Держалась она свободно и просто, и прежде чем оберкельнер приблизился к ней, чтобы предложить ей столик, направилась в мою сторону, делая вид, что не замечает меня.

Она небрежно уронила левую перчатку и прошла вперед, а я, как требует долг вежливости, встал, поднял перчатку и подал ее даме, произнеся при этом условную фразу. Можно было считать, что намеченная встреча состоялась. Дойдя до ряда отдельных кабинетов, она должна сесть за столик у широкой стеклянной витрины лицом к выходу.

Но в это время случилось неожиданное.

В тот самый момент, когда женщина собиралась повернуть к свободным столикам около витрины, со стороны отдельных кабинетов прозвучал приветливый голос мужчины:

— Алло, Гертруда, никак вы меня не заметили? Составьте мне компанию, сделайте милость!

Женщина остановилась как вкопанная. Я не видел ее лица, но допускал, что вид у нее был обескураженный. Секунду-другую она стояла в нерешительности… Мужчина проворно встал из-за столика и, галантно подхватив ее под руку, увлек в отдельный кабинет, женщина, словно против своей воли, пошла с мужчиной и села за его столик.

Что все это значило? Она ведь должна была сесть одна за какой-нибудь свободный столик у окна. Но что ей оставалось делать в подобной ситуации? Как она могла отказать такому

шумному и настоятельному приглашению, очевидно, сделанному близким человеком — другом, родственником, старым знакомым?

Наша явка предусматривала, как это делается обычно, запасную встречу в том случае, когда что-то помешает установить контакт. Как же быть сейчас?

Мысль моя лихорадочно работала. Если мужчина агент (он сидел спиной, в то время как женщина сидела ко мне лицом и несколько раз обращала взгляд в мою сторону), то, наверное, он здесь не один… Я пил пиво и внимательно оглядывал зал: ничего подозрительного. Несколько мужских компаний молчаливо потягивали пиво. На улице тихо моросил октябрьский дождь, с моря наползал густой мокрый туман.

Существует много способов, которые разведчик может применить, оказавшись в подозрительной обстановке. Я уже обдумал свое дальнейшее поведение, когда вдруг интересовавшая меня пара, выпив по маленькой рюмке коньяка, поднялась из-за столика. Мужчина обходительно подал плащ своей даме, стоя спиной ко мне. Потом он стал надевать свой плащ, повернулся в мою сторону и, весело разговаривая с дамой, на миг задержал взгляд на мне, незаметно кивнул.

Вот так сюрприз! Мужчина с дымящейся сигаретой во рту, медленно надевавший свой плащ, был военный разведчик Оскар, один из ближайших помощников Павла Ивановича Берзина.

Они направились к выходу, прошли мимо моего столика, Оскар что-то громко и весело говорил своей даме. Перед тем как выйти на улицу, где шел дождь, Оскар раскрыл зонт, после чего оба покинули заведение.

Ровно через тридцать минут мы втроем ужинали в уютном ресторане приморского городка, заняв отдельный кабинет в глубине зала. Согласно уговорке, в ресторане должны были ужинать только мы вдвоем — молодая женщина и я, но присутствие третьего лица отнюдь не стало поводом для беспокойства, наоборот. Тогда я не знал, разумеется, что Оскар отвечает за работу в Германии, но его самого знал достаточно хорошо, чтобы ни о чем не беспокоиться.

— Гертруда страшно волновалась, что «все пропало», — рассказывал улыбающийся Оскар. — Ни в коем случае не хотела нарушать «сценарий»…

— Но ведь вы сами всегда требовали этого! — не сдавалась молодая женщина.

— Совершенно правильно, — согласился Оскар. — И впредь всегда строго соблюдайте предварительно намеченную программу действий. Но, Гертруда, мы не должны быть рабами

обстоятельств… То, что произошло сегодня, чего вы не ожидали, может произойти у вас и в другой раз, представьте себе, что это был не я, а какой-нибудь ваш знакомый, родственник… Что вам делать в таком случае? Разве вы сядете за свободный столик, чтобы соблюсти условия встречи?..

— Но в этом городке у меня нет знакомых, — возразила Гертруда. — Я здесь никогда не была, ничего и никого не знаю!

— И все-таки есть вероятность, пусть самая незначительная, что именно в этот вечер в пивной совершенно случайно, впервые в жизни окажется ваш друг или знакомый.

Оскар говорил тихо, посвящая свою подопечную в трудное искусство разведчика. Осторожность всегда была для нас законом, но сейчас нам не грозила опасность быть подслушанными — немногие пары рассеялись по большому залу, каждая стремилась уединиться.

— Я хотел бы напомнить еще кое-что, Гертруда, — закончил Оскар. — Мы никогда, абсолютно никогда не полагаемся на слепую случайность, но ее всегда и везде нужно иметь в виду. Именно поэтому существуют запасные явки… Когда идете на подобную встречу, все ваши чувства, включая шестое — интуицию, должны быть начеку. Каждая конспиративная встреча является серьезным испытанием для любого из нас. Испытанием всей нашей нервной и психической выдержки, нашей сообразительности, спокойствия, хладнокровия… Простите меня, но я хотел перед вашим отъездом подвергнуть вас еще одному небольшому испытанию…

Оскар, отлично усвоивший тактику и стратегию школы Берзина, сам добавил к ней кое-что от себя, как это свойственно разведчикам его класса. Он, воспитавший разведчицу Гертруду Б., хотел еще раз проверить ее реакцию при неожиданных обстоятельствах. Как потом он мне сказал, обо всех подробностях встречи он договорился с центром, скрыв от Гертруды свое намерение последовать за ней в небольшой приморский городок.

— Я должен представить вам нашу даму, — обратился наконец ко мне Оскар. — Очаровательная особа двадцати восьми лет, с крепкими нервами, спортсменка, происходит из солидной буржуазной семьи, которая частично разорилась в годы мирового кризиса, но живет надеждами на новое процветание…

Гертруда Б. действительно была очень привлекательной молодой женщиной. Золотисто-русые волосы, зачесанные назад, открывали ее чистое, интеллигентное лицо со спокойными голубыми глазами. У нее действительно была безупречная спортивная фигура, красивые руки с тонкими длинными пальцами.

— Завтра в Любеке состоится сбор отрядов штурмовиков, — тихо сказал Оскар, когда с улицы послышались звуки марша. — Местные фашистские молодчики репетируют церемонию…

— Неужели и здесь? — удивился я. — В Берлине мне довелось видеть их факельное шествие. В одном мюнхенском зале я даже слушал Гитлера. А в Гамбурге наблюдал нападение штурмовиков на еврейские магазины… Но Любек? Неужели и здесь?

— И здесь, и во всех уголках Германии, — покачал головой Оскар. — Эта мутная волна, которую все еще не видят социал-демократы и профсоюзные вожаки, надвигается, катастрофически нарастает. Я не раз присутствовал на нацистских сборищах, факельных шествиях, сборах штурмовых отрядов… Призывы Гитлера, Геббельса, Геринга действуют на эту массу как гипноз… Особенно следует опасаться их тайного союза с политическими группами католиков, финансовыми и промышленными магнатами, банкирами. Эта фашистская орава, науськиваемая на коммунистов и все, что есть в этой стране прогрессивного, погубит Германию… Это очевидно. Это неизбежно.

Гертруда Б. молча слушала наш разговор, заглушаемый звуками небольшого эстрадного оркестра. Только несколько пар кружились в большом зале под ритм танцевальной мелодии. Городок был курортный, и первоклассный ресторан почти пустовал в эти сумрачные осенние дни. Сюда случайно забредали только приезжие журналисты (таким числился Оскар), иностранные коммерсанты (таким являлся я), всевозможные политиканы, которые проезжали через городок, направляясь в крупные центры страны, где ширилось самое страшное и опустошительное для Германии и Европы бедствие — коричневая чума…

Чтобы переменить тему, я обратился к молодой женщине.

— Простите за любопытство, Гертруда, вы, кажется, не замужем?

— Да, — кивнула с улыбкой молодая женщина. — В Германии не смогла найти себе мужа. Надеюсь, на юге счастье мне улыбнется… А может, надежды мои напрасны?

Гертруда держалась мило, скромно, тактично. Она была хорошо воспитана и остроумна, обладала способностью легко включаться в разговор на любую тему, понимала шутку и сама шутила, вела себя непринужденно и с достоинством, будто в самом деле находилась в обществе двух ухажеров, которые делали все возможное, чтобы ей понравиться… Шутка есть шутка, но должен признаться, что когда Гертруда упомянула о «юге», т. е. Болгарии, я уже кое-что прикинул в уме.

— Но почему на юге, Гертруда? Климат изменчив, случается, что север оборачивается югом.

Молодая женщина подняла на меня свои светлые глаза и тут же с улыбкой ответила.

— Южные ветры в этом сезоне не доходили сюда. И шансы для меня в этом году полностью упущены…

— Всякое случается…

Гертруда смотрела на меня с улыбкой, но, почувствовав мою настойчивость, несколько удивилась.

Я решил не доводить разговора до конца, мы перешли на другие темы. Перед тем как сделать Гертруде соответствующее предложение я решил поговорить с Оскаром. За один вечер, проведенный вместе, трудно узнать характер человека. Мы должны были обсудить мой план с Оскаром.

А идея была проста. Я подумал, что Гертруда Б. будет иметь самое надежное прикрытие, если поедет и прочно обоснуется в Болгарии в качестве… жены болгарина. Точнее, согласно моему плану, она должна была выйти замуж за молодого и симпатичного, с шансами сделать карьеру в пожарном деле, моего соотечественника «Z-9».

Долг прежде всего, остальное должно отступить на задний план. Нередко бывает, что боец выполняет свой долг перед родиной, классом, революцией, заглушая естественное стремление к личному счастью. Но как бывает хорошо, когда эти две стороны судьбы бойца совпадают.

Так случилось у Гертруды Б. и молодого пожарника.

Оскар нашел мой план разумным, но пожелал, чтобы я ему сначала подробно рассказал о «Z-9», а потом и сам захотел познакомиться с ним лично.

Эту встречу устроили на следующий день. «Z-9» ничего не подозревал. Может быть, только Гертруда Б. угадывала скрытый смысл этой встречи с болгарским пожарником, но не сказала ни слова. Мы встретились в Любеке, где пожарник продолжал участвовать в различных экспериментах с противогазами. Скромный, все еще стеснительный парень, «Z-9» не на шутку смутился в компании молодой женщины, которая сама, без нашей подсказки проявила интерес к нему лично, к его профессии, родному городу и родной стране.

Следующая встреча произошла в Берлине. Оскар благословил, так сказать, будущий брак, решив, что молодые люди могут составить довольно гармоничную пару. Теперь, после того как «сваты» сделали свое дело, оставалось только одно — чтобы молодые люди полюбили друг друга. И Оскар, и я исключали грубое вмешательство в эту деликатную область. Если

бы «сватовство» оказалось беспочвенным, я бы немедленно принялся искать другое решение.

Семейная пара «Z-9» и Гертруда Б. уехали в Болгарию почти сразу, как только молодой пожарник закончил свою учебу в Вене. Они были счастливы: Гертруда Б. нашла в нем хорошего мужа. «Z-9» — прекрасную жену. В то же время он получил диплом об успешном окончании знаменитой пожарной школы. Мой дядя, священник Соларов, выдал им фиктивное свидетельство о браке. Он это делал и раньше по нашей просьбе. Молодые люди создали действительно дружную и счастливую семью. Сначала они обосновались в городе Н. Моя сестра Мика заботливо помогала им первое время, особенно Гертруде. «Z-9», разумеется, ничего не знал о секретных заданиях, которые выполняла его жена.

Чтобы закончить свой рассказ об этой семье, должен добавить, что немецкая патриотка успешно обосновалась в стране и действовала без всяких провалов полных восемь лет, до начала второй мировой войны. Что касается «Z-9», то он смог стать помощником Захарчука, и выполнял полезную работу в течение многих лет до дня победы. А после победы, когда Захарчук застрелился, «Z-9» по праву занял крупный пост в Софии по своей специальности.

6. ПОЖАР РЕЙХСТАГА. ВОЗВРАЩЕНИЕ В МОСКВУ

Величественному зданию рейхстага, которое представляло не столько архитектурную достопримечательность Берлина, сколько символ устаревшей прусской политической системы, в ночь на 27 февраля 1933 года было суждено стать жертвой чудовищной провокации. Подготовленный гитлеровцами пожар рейхстага имел совершенно ясную цель — он должен был явиться сигналом для бешеного наступления реакционных сил против Коммунистической партии Германии и всех прогрессивных сил страны, наступления не политического, не с помощью средств законной агитации и традиционных атрибутов парламентской демократии — это был сигнал к кровавому походу с использованием самых диких и варварских средств, которых не знала история человечества…

Впрочем, провокационный поджог рейхстага, о котором написано достаточно много и подробно, не был неожиданностью для передовых общественных сил тогдашней Германии, да и всей Европы. На протяжении ряда лет здесь, над этим государством, где в политической жизни царил хаос, сгущались черные грозовые тучи. Самыми массовыми среди буржуазных партий были католическая и германская национальная партии, но ближайшее будущее показало, что число поданных на выборах голосов не всегда определяет реальную политическую силу. Социал-демократическая партия имела влияние среди широких масс населения, особенно среди мелких собственников, чиновничества и состоятельной прослойки рабочего класса. Но и ее сила оказалась относительной — только год-два отделяли нас от того момента, когда резкие политические осложнения в Германии заставили ее отойти от политической деятельности и фактически лишили ее возможности участвовать в общественной жизни страны.

Были две реальные силы, которые все более ярко выступали фронтом друг против друга: коммунистическая партия и нацисты.

Коммунистическая партия Германии, руководимая в то время верным сыном немецкого рабочего класса Эрнстом Тельманом, имела относительно короткую историю, но зарекомендовала себя как динамичная и перспективная организация, единственно способная кардинально решить сложные проблемы, стоящие перед страной и обществом. КПГ была единственным наследником революционных традиций созданного Марксом и

Энгельсом «Союза коммунистов». Коммунистическая партия Германии являлась продолжателем идей пламенных революционеров и интернационалистов — Карла Либкнехта, Франца Меринга, Розы Люксембург, Клары Цеткин и других. В течение долгих лет правительство обманывало широкие трудовые массы немецкого народа обещаниями реформ, «улучшения» и «доусовершенствования» буржуазного общества. В декабре 1918 года, после страшной военно-политической катастрофы, представители «Союза Спартака» заложили в Берлине основы Коммунистической партии Германии. В ее ряды немедленно влились все подлинно пролетарские, революционные деятели и члены социал-демократической партии, осознавшие в свете Октябрьской революции подлинный путь коренного обновления немецкого общества. Коммунистическая партия Германии родилась в пламени революции конца 1918 года и начала 1919 года, когда вся Германия была охвачена мощным движением рабочих, крестьян, солдат и трудовой интеллигенции за подлинно демократическую «советскую Германию», когда бунты охватили всю страну и повсюду начали создаваться советы рабочих, крестьян и солдат как подлинные органы власти. В разгар революционного брожения смертельно напуганная реакция совершила страшное преступление. В первой половине января 1919 года приспешники буржуазии устроили кровавую резню спартаковцев в Берлине и по всей стране, а 15 января были зверски убиты революционные вожди немецкого народа Карл Либкнехт и Роза Люксембург…

Наступление против собственного народа немецкая реакция смогла осуществить благодаря помощи стран Антанты. До вчерашнего дня враги, разделенные непримиримыми экономическими противоречиями, жаждой мести, проволочными заграждениями, — реакционные круги Германии и стран Антанты — вдруг объединились для борьбы с общим врагом — восставшим немецким народом, который, по примеру большевиков России, повернул оружие против своих угнетателей. Общая опасность заставила империалистов забыть о пролитых недавно реках крови. Маршал Фош, главнокомандующий французскими и всеми союзническими армиями, не только смягчил свой нажим на врага, но и изменил стратегическое направление наступления: он увидел, что, если окончательно разгромить военно-полицейскую машину кайзеровской Германии, власть там попадет в руки более страшного врага — немецкого рабочего класса. Нет! Одной революции — Октябрьской в России — было достаточно, и реакционная Европа сделала все возможное для «прекращения цепной реакции большевизма»…

Так кончилась первая попытка немецкого рабочего класса взять в свои руки судьбы Германии. Но народ не сдался, он уже имел свою революционную партию, которая вела его на борьбу с классовым врагом во имя подлинно свободной и демократической Германии.

До начала тридцатых годов Коммунистическая партия Германии превратилась в самую энергичную, смелую и решительную организацию рабочего класса, каждая новая избирательная кампания подтверждала рост ее успехов. Особенно ошеломляющими были результаты выборов в ноябре 1932 года, когда число полученных ею новых голосов превысило миллион. Еще вчера эти голоса отдавались предпочтительно национал-социалистам! Что могло означать все это? Неужели национал-социалистическая зараза не так опасна, неужели от нее излечивались миллионы мелких буржуа, ремесленников, содержателей пивных, мелких предпринимателей, мясников, безработных, солдат и офицеров низшего ранга, люмпен-пролетариев, тысячи политически непросвещенных бюргеров, тысячи реваншистов, тысячи кровных врагов революционного будущего Германии?..

История свидетельствует о том, что действительно в конце 1932 года национал-социалистическое движение в Германии было близко к своему политическому краху. В ноябре оно потеряло на выборах более двух миллионов голосов. Но крах не наступил. Нацистам подали руку спасения крупные промышленники, банкиры и финансисты, наследники кайзеровской политики экспансии, реваншисты и милитаристы. Все они в этот момент должны были принять роковое решение: с кем идти — с католической партией и немецкими националистами, с их угасающим общественным влиянием, вытесняемым растущей левой оппозицией режиму, или с нацистами? Другого выбора не было. Крупный капитал, милитаристы и финансовая олигархия были готовы пойти на компромисс даже в ущерб национальным интересам страны, лишь бы не допустить, чтобы «красные» взяли власть в свои руки…

Такова вкратце подлинная история прихода Гитлера к власти. В противном случае «пророческая» библия нацистов «Майн кампф» осталась бы только эпизодическим водевилем в послевоенной истории Германии. Но все дело в том, что за Гитлером стояли концерны — подлинные хозяева Германии, а за ними — западные империалистические силы со своими антисоветскими стратегическими замыслами.

Гитлер предпринял бешеный политический нажим, и 30 января Гинденбург преподнес ему канцлерское кресло.

Пожар рейхстага начался 27 февраля 1933 года говно в 20 часов 25 минут. Все было старательно разработано — Геринг непосредственно отвечал за это. После пожара все шло также по заранее написанному сценарию. Всюду раздавался истошный вой о «коммунистическом мятеже», сигналом к которому якобы служил поджог рейхстага и который должен был охватить всю Германию, потопить страну в крови. Этот вой звучал на всю Европу. Подлинная цель этой чудовищной провокации сейчас ясна всем — история беспощадна к любому политическому преступлению. Но тогда немногие видели подлинную суть событий и их катастрофический ход. Среди этих немногих были коммунисты Германии во главе с Эрнстом Тельманом и, конечно, Георгий Димитров, руководитель Западноевропейского бюро Коминтерна.

Георгий Димитров был арестован 7 марта. Он знал, что штурмовые отряды фашистов, бесчисленные агенты тайной полиции, всевозможные сотрудники и сторонники гитлеровской партии, начавшие уже свой кровавый поход против прогрессивных сил Германии, неизбежно обратят свой меч против находившихся в стране политэмигрантов и других революционных деятелей. Он ожидал, что удар может затронуть и его. Но он не покинул своего поста, не стал спасаться бегством.

Фашистская полиция арестовала его вместе с Благоем Поповым и Василом Таневым.

Их арестовали в берлинском ресторане «Байернхоф».

В середине сентября 1933 года, после трех с половиной лет работы в Средней и Восточной Европе, я вернулся в Москву. Большая часть сотрудников группы оставалась на своих боевых постах под новым руководством. Осталось и торгово-импортное бюро в Вене, которое продолжало функционировать без каких-либо осечек до момента разгрома гитлеровской Германии. Оно не только выполняло секретные задания, но и выделяло значительные суммы от прибыли для помощи товарищам и политэмигрантам, попавшим в тяжелое положение. В первые же дни после победы «X» и «Y» — «собственники» бюро, внесли центру значительную сумму денег, полученных в виде законной прибыли. Это был лучший аттестат их отличной работы. Сотрудники «X» и «Y» оказались отличными торговцами, но еще лучшими патриотами и интернационалистами.

При возвращении я должен был проехать по делам через Берлин. Галина, моя жена, была отправлена в Советский Союз еще в мае, после того как передала новому человеку свои функции радистки и шифровальщицы. Она поехала прямо в Москву, не заезжая в объятую пламенем фашистского путча

Германию.

Берлин, в котором мне пришлось ненадолго остановиться, менялся не по дням, а по часам. Он уже пережил кровавую варфоломеевскую ночь резни и разгрома революционных сил. Лейпцигский процесс должен был начаться со дня на день — нацисты подготавливали население к новому политическому спектаклю, намереваясь окончательно разгромить Коммунистическую партию Германии, Коминтерн, ударить по мировому революционному движению…

Читатель знает, как начался и как закончился Лейпцигский процесс. Он действительно превратился в гигантский поединок. Георгий Димитров сумел не только блестяще защитить себя, но и рассеять без остатка клевету против Коминтерна и мирового коммунистического движения, нанеся огромный морально-политический удар фашизму. С трибуны Лейпцигского суда он произнес пророческие слова: «Колесо истории вертится и будет вертеться до полной победы коммунизма». И призвал всех честных людей сплотиться в Народный фронт против гитлеровской чумы, угрожавшей человечеству истребительной войной.

7. ПАРИЖ 1936 ГОДА. В ПОМОЩЬ ИСПАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

18 июля 1936 года, в субботу, точно в час дня, какая-то нелегальная радиостанция передала в эфир всего лишь одну фразу: «Над всей Испанией безоблачное небо».

Это не было сообщение метеорологической службы. Это был сигнал к вооруженному перевороту. Генерал Франко, занимавший пост военного губернатора Испанского Марокко, поднял против законной власти мятеж, которому должны были сопутствовать выступления во всех войсковых соединениях республики.

Как известно, заговор Франко протекал не так, как было предусмотрено. К нему присоединилось еще несколько войсковых соединений в метрополии, но их бунт был быстро подавлен силами правительства. Внезапность, на которую реакция сделала ставку, не принесла ожидаемых результатов, и мятеж начал клониться к трагическому для заговорщиков концу: овладев положением в континентальной части страны, республика готовилась перебросить войсковые соединения в Испанское Марокко.

Но тогда оказалось, что Франко — не просто генерал-авантюрист, стремящийся к установлению личной власти; оказалось, что в действительности он орудие реакции, его мятеж — часть большого стратегического плана империалистов. Главными подстрекателями были немецкие реваншисты и итало-португальские фашисты. Уже в первые дни переворота генерал-мятежник получил мощные военные подкрепления: гитлеровская Германия немедленно послала в его распоряжение танки, самолеты с опытными летчиками, а Муссолини — корабли военно-морского флота, регулярные войсковые соединения, артиллерию. Франко высадил воздушный и морской десант в Испании, заняв Севилью, Кадис, Гренаду, а итальянский флот оккупировал остров Майорка. В северных провинциях страны к мятежу присоединился генерал Мола. И буквально в считанные дни мятеж превратился в кровавую гражданскую войну против законного правительства Испанской республики.

Известно, как в дальнейшем развивались события. Первоначальная военная помощь Германии, Италии и Португалии, оказываемая тайно, скоро переросла в открытую военную интервенцию. Предприняв поход на Мадрид, Франко меньше всего рассчитывал на свои 90 тысяч солдат: его основную ударную силу составляли 50 тысяч немецких, 160 тысяч

итальянских, 15 тысяч солдат регулярной португальской армии и несколько тысяч наемников иностранного легиона. Они были вооружены самыми современными для тех лет танками, самолетами, бронемашинами, артиллерией, автоматическим оружием.

Против мятежников можно было выставить 300-тысячную армию республики. Но она была разбросана по всей стране, находилась в трудном положении (анархисты отказывались подчиняться воинской дисциплине) и была не в состоянии дать отпор мятежникам. Кроме того, республиканская армия уступала противнику в качестве своего вооружения. В годы, которые предшествовали мятежу, испанское правительство с огромным трудом смогло сделать заказы на оружие в других европейских странах (Франции, Бельгии, Англии), с которыми оно поддерживало обычные дипломатические отношения, а Германия и Италия прямо отвергли подобные предложения. Тогда это выглядело странно. На продаже оружия наживались больше всего, и каждая страна стремилась продать по возможности больше оружия. Ведь производство вооружения во все времена было самой доходной статьей государственного бюджета! Мятеж пролил свет на все…

Республика могла получить вооружение только от Советского Союза, хотя он сам испытывал в нем острую нужду для защиты своих границ.

Итак, в сентябре — октябре 1936 года Испанская республика оказалась перед трагическим испытанием. Мятежники, действовавшие заодно с итало-немецко-португальскими интервентами, направили острие своего удара на Мадрид. Республике угрожала гибель. Немецкие юнкеры безнаказанно бомбили мирные кварталы испанской столицы. «7 ноября, в день большевистской революции, я буду принимать парад моих героических армейских частей на улицах Мадрида!» — это были слова Франко. Нужно признать, что объективный анализ военного положения как будто давал все основания для такого наглого заявления. Неужели 7 ноября мятежники и фашистские интервенты будут шествовать по улицам Мадрида? Неужели мир останется безучастным к испанской трагедии?

Правительство Испании немедленно поставило вопрос об агрессии против республики в Лиге наций, одновременно обратившись с призывом о помощи ко всем правительствам, которым дорог мир. Лига наций при обсуждении этого вопроса натолкнулась на процедурные трудности и закулисные интриги. Крупные западноевропейские страны, с которыми республиканская Испания поддерживала дипломатические

отношения и которые, казалось бы, первыми были обязаны протянуть руку помощи, объявили… о нейтралитете. Пресловутый «Комитет по невмешательству», возглавляемый лордом Плимутом, закрыл глаза на явную интервенцию Германии, Италии и Португалии, осуществляя свой контроль только за поставками оружия в республику: этот злосчастный «комитет» фактически прикрывал соучастие империалистических кругов Англии, Франции и США в походе против республики.

Это так называемое «невмешательство» империалистических держав объяснялось очень просто. Оказывая негласную, но существенную помощь Гитлеру и Муссолини в Испании, они тем самым надеялись привлечь на свою сторону итало-немецкий блок для военного удара против СССР…

Впрочем, эта их линия начала обозначаться еще до мятежа Франко. 7 марта 1936 года Гитлер приказал своей армии вторгнуться в демилитаризованную после первой мировой войны Рейнскую область и немедленно включил ее в лихорадочное перевооружение Германии, невзирая на то, что ей было запрещено иметь свои вооруженные силы, о чем было указано в Локарнском договоре 1925 года.

Было ли это «прегрешение» последним? Тоталитарная национал-социалистская Германия открыто трубила на весь мир, что ее верховная цель состоит в том, чтобы присоединить всех немцев, находящихся пока вне границ Третьего рейха (лозунг о тысячелетнем «новом порядке» появился немного позднее). На практике это означало не только оккупацию Рейнской области, но и «присоединение» Австрии, Судетской области, значительной части Швейцарии, Дании, Южного Тироля, Данцига, польского «коридора», территорий Голландии. Где предел алчным аппетитам этого зверя, который уже вылезал из своего логова?..

Сделав ряд уступок Гитлеру, западные империалистические страны пошли на уступки фашистской Италии, когда она в октябре 1935 года вероломно, нарушая двусторонние договоры, напала на Абиссинию (Эфиопию). Муссолини цинично заявил перед корреспондентами западных агентств: «Посмотрите на Англию, Португалию, Бельгию, Голландию! Они имеют богатейшие колонии. Несомненно, Италия тоже должна иметь свои колонии…» 3 октября Муссолини вторгся со стотысячной армией в Абиссинию, с невероятным лицемерием объявив императора Хайле Селассье… «агрессором».

Весной 1936 года, поняв, что Англия и Франция не будут «пачкать руки» из-за Абиссинии, Муссолини высадил на африканский берег новые армии, снабженные танками и отравляющими газами. Хорошо вооруженные итальянские войска

подавили героическое сопротивление абиссинцев…

Эти события европейской и мировой истории предшествовали гражданской войне в Испании. Они красноречиво свидетельствовали об агрессивных намерениях двух крупнейших фашистских государств в Европе, являлись показателем настроения великих держав, представители которых все так же произносили с трибуны Лиги наций в Женеве речи о мире, спокойствии и безопасности.

Эти события оказались роковыми и в другом отношении. Когда Муссолини вторгся в Абиссинию, гитлеровская Германия высказала свое несогласие с «санкциями» в отношении Италии. В ответ на этот «жест» Муссолини, раздраженный принятыми санкциями (хотя и весьма безобидными), вообще забыл о своих обязательствах гаранта в отношении соблюдения Локарнского договора. До недавнего времени разделенные противоречивыми интересами касательно Австрии, Венгрии, Словении, Тироля, Гитлер и Муссолини вдруг сблизились. Их сблизило не только поразительное сходство в идеологии и государственно-политических концепциях, но и конкретная политическая конъюнктура в Европе. Их совместная открытая интервенция против республиканской Испании явилась первым результатом фактического соглашения, которое превратилось в пресловутую «ось Рим — Берлин…»

Думаю, что читатель проявит интерес к этим экскурсам в историю Европы во второй половине тридцатых годов. Ведь эти события представляли звенья одной и той же цепи, именно они и привели в конце концов к ужасам второй мировой войны.

Крупнейшим в ряду этих событий была гражданская война в Испании. Закрыв глаза на другие две предыдущие агрессивные «малые» войны Гитлера и Муссолини, западные державы вновь заняли жалкую позу сторонних наблюдателей. Единственным государством в мире, которое открыто осудило фашистский мятеж, «абиссинскую экспедицию» и немедленно выступило в поддержку Испанской республики, ставшей жертвой явной агрессии, был Советский Союз.

> «Дело Испанской республики является делом всего прогрессивного человечества, — говорилось в заявлении Советского правительства. — Советский Союз поддержит Испанскую демократическую республику всеми силами и средствами».

Это было конкретное проявление интернациональной солидарности с народом, подвергшимся нападению и имевшим все законные права на самозащиту. Это было проявление высшей

морали и справедливости в международных отношениях. Это была бескорыстная дружеская помощь. Было совершенно очевидно, что возможная победа мятежников усилит мощь агрессивных сил в Европе: Франко, который сражался с помощью оружия и армии фашистских государств, вероятно, намеревался отблагодарить их предоставлением баз на своей территории, вступлением в военные блоки и поставкой «пушечного мяса». Было ясно также, что возможная победа мятежников резко нарушит нестабильное политическое равновесие на континентах, она будет означать прелюдию к большой всеобщей войне, которую милитаристы во главе с германо-итальянским фашизмом подготавливали неистовыми темпами…

Мы с Галиной выехали из Москвы в начале ноября 1936 года, когда вся мировая печать комментировала обрушившиеся на Пиренейский полуостров события, а реакционные газеты злорадно возвещали:

> «Республика на краю гибели. Мадрид у ног Франко. До полного низвержения красного режима остаются считанные часы»…

А между прочим, находившийся под угрозой гибели, режим не был столь «опасным». Он имел добрые намерения и хорошие перспективы в деле обновления социально-политической жизни в Испании. Но это были только намерения, только перспективы. Республика терпела одну неудачу за другой. Народный фронт все еще не превратился в монолитную политическую силу, способную энергично решать актуальные проблемы Испании. Нужно было надеяться — и мы все надеялись, — что, несмотря на неудачи, республика все же продвигается вперед по трудному пути обновления, что даже в скромных рамках существующего режима она проведет реформы, о которых давно мечтает народ, даст землю тем, кто ее обрабатывает, вырвет социальные корни потомственного дворянства, которое истощало страну, разобьет касту военных, обуздает неограниченную власть церкви и крупного капитала, даст работу и хлеб миллионам бедствующих людей, часть которых вынуждена была покидать родину, чтобы искать пропитание за границей…

Тогда-то и вспыхнул мятеж.

Москва — Берлин — Брюссель — Париж — таков был наш маршрут. Вдвоем с Галиной, которая ехала со мной в качестве моей шифровальщицы и радистки, нам предстояло обосноваться под сенью Триумфальной арки. Франция нас не интересовала. В

сферу нашей деятельности входили Германия, Италия, Бельгия, Португалия и часть территории Испании, захваченная мятежниками. Мы должны были следить за характером и масштабами помощи, которую эти страны и прежде всего фашистские Германия и Италия оказывают мятежникам. Мы должны были стать одним из многочисленных отрядов армии борцов, которые в те времена помогали справедливому делу Испанской революции.

Задача была трудной. Но за спиной у меня уже были годы разведывательной работы, годы учебы. Сразу после возвращения из Вены я поступил в Военную академию имени Фрунзе. «Военный разведчик должен в совершенстве знать военное дело» — это правило Берзина стократно оправдывалось в разведывательной деятельности… Закончил я учебу в июле 1936 года, и, пока руководство Четвертого управления готовило меня к выполнению нового задания, разразилась гражданская война в Испании.

Первым туда отправились Павел Иванович Берзин и Гриша Салнин. Берзин поехал в качестве главного военного советника республиканского правительства, а Гриша Салнин — советником по вопросам контрразведки. С ними поехало несколько лучших работников управления. Уехал и Хаджи Умар Мамсуров, получивший уже к тому времени вторую шпалу — он стал майором.

Отряд разведчиков составлял только часть группы советских специалистов, которые откликнулись на просьбу республиканского правительства и оказали неоценимую помощь в деле стабилизации, обучения и реорганизации республиканской армии. Некоторые из этих советников погибли на полях сражений в Испании, другим удалось выжить, вернуться на родину, но все они без исключения достойно выполнили интернациональный долг и заслужили горячую благодарность испанского народа.

Одним из героев советской группы стал Хаджи.

— Ванко, правда, что у тебя на родине, точнее, в Македонии есть город Ксанти? — спросил он меня незадолго до отъезда в Испанию.

— Да, есть такой, — подтвердил я, удивленный его вопросом. — Есть такой город, только не в Македонии, а в Западной Фракии.

— Я выбрал название этого города для своего псевдонима в Испании. Ксанти… Нравится мне это название… Но главное, я думал, что этот город находится в Македонии… Слышал от своих соотечественников рассказы о македонских гайдуках, Илинденском восстании, о героизме восставших, Яне Санданском,

Тодоре Панине… Ксанти… Все-таки жалко…

— Хаджи, — я обнял его за плечи, — не жалей… Хороший ты выбрал себе псевдоним. Ксанти расположен во Фракии, но болгары из Фракии ни в чем не уступали борцам из Македонии. Вскоре после Илинденского восстания, о котором ты слышал, вспыхнуло Преображенское. Это было восстание порабощенных фракийцев. Они тоже умели бороться и умирать за свободу…

Хаджи Умар Мамсуров воевал в Испании как настоящий герой и вошел в историю испанского движения Сопротивления под именем Ксанти…

Наш маршрут до Парижа был прямым. Нигде нельзя было останавливаться по пути, чтобы не терять времени и не подвергаться излишнему риску. Этим же поездом, но отдельно от нас, ехал и греческий товарищ «Z-4» — тоже работник управления. Превосходный радиотехник, он должен был заботиться о техническом состоянии средств связи.

Согласно расписанию движения международных поездов экспрессу следовало прибыть в Париж на третий день. Но в Берлине поезд простоял почти целые сутки. Что случилось с немецкой железной дорогой, которая славилась безукоризненной точностью движения поездов и технической исправностью? Причину мы узнали позднее. Железнодорожные линии, ведущие от Берлина к западным границам страны, были забиты товарными составами, которые везли оружие, средства транспорта, целые дивизии «добровольцев» для интервенции в Испанию.

После Берлина поезд направился на запад, к Брюсселю, пересекая Рейнскую область. Гитлеровцы знали, зачем и для чего нужна им эта область: она была не только богатой и цветущей (в ней находился Рурский бассейн, угольное и стальное сердце старого рейхсвера и нового вермахта) — здесь уже полным ходом на заводах Круппа ковалось оружие для новой войны. На станциях, где останавливался наш поезд, развевались огромные знамена со свастикой. Обслуживающий персонал демонстративно отказывался разговаривать на французском, английском и других языках. Стены зданий были увешаны плакатами с портретом Гитлера и воинственными цитатами из его речей. Из рупоров громкоговорителей гремели нацистские марши. Это было невыносимо…

Наши спутники по вагону смотрели на все это с явным испугом, будто они проезжали по зачумленной земле. И когда наконец поезд пересек границу, дышать стало легче. Но тревога оставалась: оттуда, с германского севера, надвигалась угроза (это было очевидно для каждого) — на севере пробуждался зверь, которого никакие благочестивые речи и дипломатические

предупреждения не могли обуздать…

Было 7 ноября, когда наш поезд остановился на Северном парижском вокзале.

Утренние парижские газеты несколько рассеяли нашу тревогу — Мадрид не пал, Мадрид сражался. Враг подошел к самому пригороду республиканской столицы, но дальше ему не удавалось продвинуться ни на шаг. Тревога временно улеглась, но она все еще оставалась: сколько времени сможет продержаться незащищенный мирный город против танковых дивизий и бомбардировщиков Франко?..

Франция 1936 года была Францией Народного фронта, ее правительство, возглавляемое социалистическим лидером Леоном Блюмом, делало попытки реализовать социально-политическую программу. Как известно, Народный фронт в этой стране был создан в июле 1934 года, когда французская социалистическая партия под давлением масс после продолжительных внутриполитических дискуссий и мучительных переговоров наконец приняла предложенную Коммунистической партией, руководимой Морисом Торезом и Марселем Кашеном, платформу совместной борьбы против фашизма и войны. К ним сразу присоединилась радикально-социалистическая партия Эдуарда Эррио и Даладье. Это была значительная победа прогрессивных сил Франции и всей Европы, первый крупный шаг на пути создания Народного фронта. Морис Торез, руководитель французских коммунистов, предупреждал французский народ, что угроза гитлеровской агрессии может быть предотвращена только путем сплочения усилий всех подлинных патриотов, всех здоровых сил нации. Программа, на основе которой договорились две самые сильные левые партии, предусматривала национализацию военной промышленности, роспуск фашистских организаций, реорганизацию всесильного «Банка де Франс», укрепление северо-восточных границ страны (с Германией), введение сорокачасовой рабочей недели и др.

Примерно через два года после создания Народного фронта, по прошествии одного месяца со дня «Рейнского переворота» Гитлера, не на шутку испуганное правительство Франции передало управление страной в руки демократов. Во время состоявшихся в апреле — мае 1936 года выборов Народный фронт одержал повсеместную победу, благодаря огромной работе, проделанной Коммунистической партией. Правительство было образовано из социалистов и радикалов: Коммунистическая партия не вошла в кабинет, но выступила в его поддержку на основе принятой в 1934 году программы Народного фронта.

Реформы, осуществленные правительством Народного

фронта, являлись несомненным успехом прогрессивных сил Франции и в своей перспективе могли принести реальное улучшение жизни широких трудящихся масс. Но сумеет ли выдержать кабинет Блюма бешеный натиск объединенных внутренних сил реакций? Не поддадутся ли социалисты и радикалы в силу характерной для них раздвоенности колебаниям, когда потребуется перейти от слов к решительным действиям?

Не «нажмет ли на кнопку» финансово-промышленная олигархия, в руках которой находятся основные экономические рычаги страны, чтобы свергнуть правительство, ликвидировать одним махом завоевания трудящихся, не допустить проектируемых экономических реформ?

Все эти вопросы стояли не только перед Коммунистической партией, которая прилагала огромные усилия к укреплению и стабилизации морально-политических позиций Народного фронта. Монополистический капитал страны, крупные концерны и банки с их ненасытными империалистическими аппетитами навязали кабинету Блюма такую позицию по отношению к событиям в Испании, которая на практике означала помощь фашистским мятежникам и итало-немецко-португальским интервентам. «Комитет невмешательства» по-пилатовски умывал руки, полагая, что пожар на сеновале соседа не перекинется на его дом, что фашизм, в конце концов, не так страшен.

Заняв позицию невмешательства, французское правительство отказалось разрешить поставку давно заказанного и оплаченного вооружения для республиканской армии. Оно запретило провозить иностранное оружие в Испанию через французскую территорию. Закрыло свои южные границы, не давая возможности проходить военным частям, подкреплениям, добровольцам, которые уже прибывали на помощь республике. Проведение в жизнь этих мер было поручено французской тайной и явной полиции, которая старательно приступила к их выполнению…

Такая позиция кабинета Блюма пробила первую большую брешь в Народном фронте. Французская коммунистическая партия открыто высказала свою поддержку республиканским силам Испании, заклеймила фашистский мятеж и обвинила три фашистских государства в явной агрессии. Одновременно Французская компартия отвергла позорную и жалкую позицию невмешательства, занятую Леоном Блюмом.

8. РАДИОСИГНАЛЫ В ЭФИРЕ. ПЕРЕПИСКА С МУССОЛИНИ

В Париже шел сильный осенний дождь, когда мы вдвоем с Ибришимовым направились в часть города, расположенную к востоку от Булонского леса. Сначала мы взяли такси, но через некоторое время Ибришимов предложил выйти из машины, и мы пошли пешком.

— Доктор вне всяких подозрений… Зачем наводить на него полицию!

Я не возражал. Ибришимов, бывалый конспиратор, сам понимал возможный риск предстоящей встречи.

С ним меня познакомил Методий Шаторов, занимавшийся в Париже переброской через границу болгарских добровольцев, едущих в Испанию в интернациональные бригады. «Из ветеранов, — представил мне его Шаторов. — Друг Паницы и Чернопеева, работал с Поптомовым в Вене. Не раз ему грозила смерть… Верный человек».

«Раз Шаторов дает ему такую оценку, раз он сражался с Тодором Паницей, а позднее работал с Владимиром Поптомовым — значит, в самом деле надежный человек», — думал я, пока мы шли с ним, незаметно рассматривая его при свете сверкающих витрин. Это был один из тех ветеранов революции, которых ничто не может сломить. Ему было уже под шестьдесят. На его осунувшемся худом лице выделялись живые, умные глаза, лучившиеся энергией. Он был удивительно подвижный. Очевидно, он находился в трудном материальном положении — одет был чрезвычайно скромно. Большинству болгарских эмигрантов, живших в те годы в изгнании в Европе, приходилось туго. Несмотря на постоянное недоедание, придирки полиции, заботу о крыше над головой и документах, несмотря на грозившую опасность вызвать недовольство властей и быть высланным за границу, Ибришимов не покидал своего поста.

Он был близко знаком с врачом, к которому мы направлялись, знал, где он живет, и как только Шаторов его попросил, сразу согласился проводить меня туда. Мы шли под дождем, Ибришимов жаловался на «обстоятельства»:

— Понимаешь, Методий не хочет меня отправить. Как я его ни просил — мы знакомы с ним столько лет… «Стар ты уже, — твердит одно и то же. — Испания не приют для престарелых…» — Ибришимов внезапно остановился и повернулся ко мне. Его лицо, мокрое от дождя, было взволнованно, глаза горели. — Слушай,

будь братом, — произнес он, сжав мое плечо. — Вижу, вы друзья с Методием. Попроси его и ты, замолви словечко. Иначе мне каюк, понимаешь?..

Я его понимал. Я знал и других таких же ветеранов нашего дела, которые были готовы подняться со смертного ложа при сигнале к атаке и идти сражаться. Ибришимов был один из них. Но он давно перешагнул все рубежи призывного возраста, и Шаторову ничего не оставалось, как отклонять его настоятельные просьбы.

— Ты ведь годишься мне в отцы, — сказал я. — Мой отец умер три года назад примерно в твоем возрасте. И не мне говорить тебе о долге — ты сам лучше знаешь, что это такое… Хочу тебе напомнить, что настали такие времена, когда линия фронта проходит не только под Мадридом. Фронт повсюду. Фронт даже здесь. Ты и тут можешь быть полезен ничуть не меньше, чем под Мадридом…

— Методий мне твердит то же самое… Я сам все хорошо понимаю. Но все-таки в один прекрасный день сердце не выдержит. В свое время Паница как-то сказал: «Настоящий боец должен быть там, где жарче всего»… В Мадриде сейчас нуждаются в нас, опытных бойцах. Понимаешь, ведь революция погибает!..

Именно в тот момент я решил включить его в нашу группу. Но ему не сказал об этом, хотел еще раз проверить все, что касалось его жизни здесь. Однако про себя решил, что Ибришимова можно использовать для выполнения специальных поручений, можно вернуть его в строй.

Хочу сразу же добавить, что при отъезде центр предоставил мне право самому подбирать людей в группу, исключая, разумеется, Галину и специалиста по содержанию материальной части «Z-4», которые, так сказать, не входили в мою номенклатуру. Остальных сотрудников группы — а люди мне нужны были и для Германии, и для Италии, и для Португалии, и для франкистской Испании — я должен был подобрать на месте. В Португалии и Германии я имел надежные явки с нашими людьми, которые уже там работали и с которыми мне надлежало согласовать нашу деятельность. Изменившиеся обстоятельства, вызванные открытой войной, которую европейский фашизм уже разжег, вынуждали и нас искать сотрудников во всех политических партиях и группах, разделявших нашу ненависть к фашизму и готовых сражаться вместе с нами.

Дом доктора Томова оказался солидным зданием в полтора этажа, расположенным в одном из респектабельных кварталов Парижа. Он стоял среди заросшего двора в десяти метрах от

высокой ограды и почти сливался о мраком дождливой ночи. «Может, никого нет дома?» — подумал я, но Ибришимов уверенно просунул руку в железную решетку калитки, поколдовал над секретным запором и открыл ее.

— Доктор дома, — сказал он, — фасад здания выходит во двор.

Доктор Томов, к которому я шел, был мне рекомендован Василом Коларовым. «Непременно разыщи его, — сказал он мне, когда я зашел к нему накануне своего отъезда в Париж. — Это мой друг по студенческим годам в Женеве. Родом он из Омуртага. Это человек, за которого я всегда могу поручиться, где бы он ни находился. Беспредельно честен».

Разумеется, подобная рекомендация делала ненужной дополнительную проверку. И когда я спросил об адресе доктора, Методий Шаторов, а потом и Ибришимов дали о нем самые хорошие отзывы: доктор Томов пользуется полным доверием. До сих пор все шло хорошо, и я мог быть доволен. Особенно меня обрадовало сообщение Шаторова, что пока им не приходилось прибегать к «особым» услугам доктора; они берегли его для «экстренных случаев»; он требовал, чтобы и остальные болгарские политэмигранты не компрометировали его попусту. «Он наш, полностью наш», — заключил Ибришимов. Я попросил Шаторова, чтобы и впредь он продолжал держать доктора Томова в «резерве», намекнув ему, что, возможно, его час уже настал. Шаторов не пытался спорить — опытный революционер, он обладал способностью быстро ориентироваться в любой обстановке: он понимал, что доктор, как и Ибришимов, давно перешагнул призывной возраст и поэтому не может быть направлен в Испанию, иначе он сам бы давно послал его туда.

Доктор Томов действительно оказался человеком, внушавшим доверие с первого знакомства. Может быть, этому способствовали его великолепная осанка, прекрасное телосложение, седая голова, спокойный взгляд, отражавший глубину житейской мудрости.

— Привез вам самый горячий привет от товарища Коларова! Узнав, что я еду сюда, он настоятельно посоветовал найти вас, где бы вы ни находились.

— Боже мой, значит, вы приехали оттуда! И привезли привет от Коларова!..

Доктор засиял от радости. Он, видимо, сразу понял, что раз я пришел к нему в сопровождении Ибришимова, значит, свой человек. В те тревожные месяцы в Париж отовсюду стекались болгарские добровольцы, которые хотели сражаться в интернациональных бригадах в Испании, он, наверное, подумал,

что я один из них. А оказалось, что я из Москвы, от Васила Коларова…

Я надеялся на гостеприимный прием — как-никак я пришел к своему соотечественнику, но не предполагал, что встречу такую теплоту и сердечность.

Ибришимов помог доктору накрыть на стол.

— Мы с ним бобыли, — сказал доктор, — и все привыкли делать сами. В этом есть даже некоторое преимущество, не так ли, Ибришимов? Отвечать только за себя всегда легче и надежнее…

Разумеется, доктор шутил. Эгоисты, которые хотели «отвечать только за себя», стояли в стороне от политики и еще дальше от революции. Он шутил и накрывал на стол с большим вкусом, которому могла бы позавидовать даже опытная хозяйка. Не была забыта и бутылка бургундского вина, которую доктор принес откуда-то из подвала.

— С благополучным прибытием, дорогой друг, — поднял рюмку доктор Томов, и мы втроем чокнулись за победу революции.

Ибришимов, поужинав, встал из-за стола. Извинился, что у него «срочное дело». Доктор не стал его удерживать — он понял, что так нужно. С Ибришимовым я должен был встретиться на следующий день.

Я засиделся у доктора Томова допоздна. Он выглядел обуржуазившимся интеллигентом со всеми внешними признаками, манерами и поведением образованного человека, привыкшего к своей мещанской среде, чуждого политической борьбе, заинтересованного единственно в своем скромном бизнесе и постоянном уровне еженедельных доходов. Так можно было думать, глядя на приличный дом, который он снимал, на его великолепную спокойную манеру держаться, на его внешность…

Это не совсем так, потому что доктор Томов являлся одним из многочисленных болгарских политэмигрантов, которые всегда были готовы взвалить на себя бремя революционной ответственности.

Васил Коларов мимоходом заметил мне, что доктор Томов отказался от врачебной практики. Я понял, почему он это сделал. Чтобы создать себе клиентуру и авторитет хорошего врача в своем квартале, районе или городе, нужно прожить в нем долго. Это относилось к любому французу, а тем более к иностранцам, которых во Франции встречают с известной настороженностью, и нужны годы, а порой и десятилетия, чтобы эмигранты срослись с местной средой. И потому доктор Томов нашел другое решение

проблемы — он занялся торговлей.

Он продавал болгарское кислое молоко. Точнее, он его приготавливал, а продажей занимался молодой итальянец, покинувший свою родину в поисках заработка. Я был осведомлен обо всем перед тем как попасть в дом к доктору. Однако вынужденное положение мелкого бизнесмена заставляло его чувствовать себя несчастным — настоящее призвание доктора Томова было в другом.

— Правда, мой друг, с точки зрения интересов общества, производство нашего целебного кислого молока является благородным делом, как и лечение людей, — шутил доктор.

— Совершенно верно, — согласился я. — Можно только сожалеть, что оно попадает в слишком малое число парижских домов…

— Может быть, вы правы, мой друг. Но у меня нет никакого желания расширять оборот. И к тому же у меня просто нет условий для этого…

— Могли бы вы показать свою мастерскую?

Доктор охотно повел меня по лестнице на нижний этаж дома, где приготовлялось кислое молоко. В большой угловой комнате стоял десяток алюминиевых бидонов для свежего молока, а по стенам — от пола до потолка шли деревянные полки, на которых стояли сотни стеклянных банок с еще не свернувшимся кислым молоком. Одна стена комнаты была занята камином — глубоким и большим, но тщательно выметенным: очевидно, его уже не разжигали, в углу горела печка, топившаяся углем, она-то и поддерживала в помещении необходимую температуру. Комната была довольно высокая, и я в уме прикинул общую высоту дома. Результат меня удовлетворил — около десяти метров.

Меня интересовали еще некоторые вещи:

— Не вижу кровати итальянца, доктор. Или он спит в другой комнате?

Доктор отрицательно покачал головой.

— Он живет отдельно, в соседнем квартале. Так удобнее для нас обоих.

Мы осмотрели дом доктора — оказалось, что он мог отлично служить нашим целям.

Впрочем, читатель, наверное, уже догадался, почему я его знакомлю с болгарским эмигрантом доктором Томовым. Наша группа должна была поддерживать регулярную радиосвязь с центром и нужно было подыскать надежное место, где можно было бы установить радиостанцию. Дом доктора Томова вполне подходил для этого.

— Вы сказали, что одной из причин скромного уровня вашего

производства являются условия, — обратился я к доктору, когда мы снова сели за стол в холле. — Может, вы примете меня в компаньоны в целях расширения предприятия?

Доктор Томов с улыбкой развел руками:

— С большим удовольствием! Я давно ожидал своего ангела-хранителя…

Нетрудно было оценить, в чем нуждалась скромная фирма по производству кислого молока, чтобы завоевать больший авторитет в глазах квартальной общественности: небольшое увеличение оборотного капитала, расширение закупки свежего молока, десяток новых алюминиевых бидонов, несколько тысяч новых фарфоровых банок — нужно было заменить стеклянные — и, разумеется, небольшой автомобиль-грузовичок. До этого момента готовую продукцию разносил молодой итальянец, неутомимо с утра до вечера ходивший по Парижу с двумя полными сумками в руках. Сейчас, когда производство продукции должно было возрасти во много раз, это было бы ему не под силу. Более того, это не могло утвердить престиж фирмы.

— Может, нам следует нанять еще одного помощника, доктор, чтобы он заменил вас при приготовлении молока?

Доктор отрицательно покачал головой.

— Одним человеком больше — значит, больше риска, мой друг. Пока оставьте мне эту заботу. Завтра же, если годы дадут знать…

— Благодарю вас, доктор. Дело требует избегать риска.

Оставалось последнее — поднять престиж фирмы в глазах полиции: «аполитичный» доктор Томов должен был резко повысить акции своей «благонадежности».

У меня возникла идея. Васил Коларов, характеризуя своего приятеля по студенческим годам, заметил как бы вскользь: «В Женеве он, между прочим, был приятелем Муссолини. Они жили в одной квартире, ели за одним столом, вместе ухаживали за девушками… Но ты этого не бойся. Тогда Муссолини был социалистом, и на этой базе дружил с такими людьми как Томов…»

Помня об этом факте, я часто думал, что это обстоятельство не ухудшает, а, наоборот, может облегчить нашу будущую работу. Но, разумеется, только в том случае, если старое знакомство с Муссолини каким-то образом возобновится…

— Извините, доктор, — начал я, — нет ли у вас привычки вспоминать годы своей молодости?

— Все чаще и чаще, ловлю себя на этом, — улыбнулся доктор. — Людям моего возраста приятнее смотреть назад. Будущее не сулит ничего хорошего одинокому старику вроде

меня…

— А вы вспоминаете годы учебы в Женеве, доктор? Тогдашних своих друзей? Особенно одного из них, кто нынче достиг высокой точки жизненной орбиты?

Доктор усмехнулся.

— О, вы имеете в виду Васила Коларова! Он был хорошим студентом, верным товарищем, чудесным человеком! Еще тогда было видно, что он пойдет далеко.

И доктор принялся рассказывать о пережитых вместе с ним приключениях. От него я узнал, что раньше, когда Васил Коларов приезжал в Париж, он никогда не упускал случая навестить своего друга…

— А вспоминаете ли вы, доктор, еще одного бывшего приятеля, который стал мировой знаменитостью? Бенито Муссолини?

Доктор посмотрел на меня удивленно, вздохнул, в его глазах можно было прочесть искреннее сожаление.

— Звезда Бенито поднялась высоко. Но она не оставит ни света, ни следа, ни добрых воспоминаний… — Преодолев нахлынувшие давние чувства, он продолжал: — А знаете, каким он был страстным социалистом! Не просто красным, как нас называли буржуйчики, а кроваво-красным… Бенито жаждал, чтобы революция вспыхнула сразу и везде, он считал, что буржуазию не просто следует экспроприировать, а физически истребить… Это была его страсть. Иногда я даже его боялся, он казался просто буйно помешанным… Тех, кто не был согласен с его мнением, Бенито ругал самыми последними словами, иногда мне казалось, что он готов и растерзать. Я не пытался тогда на него влиять — я изучал медицину и уже знал, что это не просто мания величия: это какой-то особый вид психической неуравновешенности, которая непременно его погубит…

— Однако же теперь он в зените славы.

— Ничего хорошего ждать не приходится. Психическая неуравновешенность его погубит и принесет много горя его прекрасной стране, которая сильно нуждается в мудром, демократическом руководстве.

— А может, он изменился? Может, он сейчас не такой, каким вы его знали тридцать пять лет назад, доктор?

Доктор Томов посмотрел на меня с сожалением.

— Тридцать пять? Зачем возвращаться так далеко? Я ведь встречался с ним совсем недавно… Нет, дорогой. Молодой, нетерпеливый зверь, которого я видел в нем раньше, теперь превратился в страшного, безжалостного хищника. И сейчас он такой же крайний, как тогда, только в обратном смысле. Из

крайне левого он превратился в крайне правого. Он оказался там, где вообще нет никакой идеологии, где политика заменяется грубым насилием, где мораль превращена в фикцию, где человеческая этика служит темой для насмешек, где смерть грозит любому проявлению человечности, любой надежде на справедливость.

Я слушал его с удивлением. Значит, старая дружба не просто воспоминание о старых временах, значит, доктор так или иначе поддерживает связь с Муссолини?

— Доктор, простите, вы сказали, что виделись с дуче недавно?

— Перед началом «абиссинской экспедиции». По дороге из Стамбула. Из-за неисправности судна мы остановились на несколько дней в Неаполе, и мне пришла в голову мысль поехать в Рим. А там я решил дать ему знать о себе… И вот видите…

Доктор встал, достал из большого стенного шкафа альбом с письмами и фотографиями. На конвертах было почтовое клеймо Италии.

— Это его парк и вилла «Торлония» в Риме, — объяснил доктор Томов, показывая большую фотографию, где на переднем плане были запечатлены двое мужчин — он и Бенито Муссолини.

Затем доктор показал и другие фотографии, на которых он был снят вместе с дуче, — в легковом автомобиле в окрестностях Рима, на лодке, в кабине самолета, на месте пилота сидел Муссолини, а сзади него, также одетый в кожаную куртку летчика, — доктор Томов.

— Мы летали над Римом, Апеннинами, морем, — рассказывал доктор. — Сделали круг над Адриатическим морем, долетели до Ломбардии. Бенито сам вел самолет и гордился этим. Он говорил: «Эта страна только трамплин для меня. Итальянец превратится в римлянина, а Италия — в Древний Рим. Италия должна возродить свою древнюю славу или погибнуть…»

На одной из фотографий Бенито Муссолини был снят с доктором на теннисном корте. Дуче был в шортах, которые открывали его короткие толстые ноги, а футболка подчеркивала несоразмерные для его низкого роста мощные плечи штангиста. Некрасивая, даже уродливая фигура. Особенно гнетущее впечатление производила массивная, полысевшая, ненормально большая голова с властолюбивыми, суровыми чертами лица и огромной квадратной челюстью. Бенито держал доктора приятельски под руку. Дуче выглядел точно таким, каким мы его видели на широко распространенных в то время официальных портретах. В верхнем углу карточки надпись, сделанная рукой Муссолини. Я попросил доктора перевести мне ее.

«Моему незабываемому другу в память о незабываемой молодости, проведенной в незабываемой Швейцарии».

— Доктор, эту фотографию вам следует увеличить и поставить в рамку.

Доктор Томов с удивлением уставился на меня, — может быть, я шучу?

— В самом деле, доктор! При этом обратитесь к услугам квартального фотографа. Лучше всего сделать репродукцию. И попросите у него совета в отношении рамки…

Доктор Томов смотрел на меня все так же испуганно, не возражая, — его жизненный опыт, длительный политический стаж помогли ему ассимилировать только что услышанное и понять мою цель: квартальный фотограф, конечно, узнает в низкорослом плешивом мужчине, стоящем рядом с доктором Томовым, небезызвестного в то время Муссолини, прочтет дружескую надпись на фотографии, непременно поделится своим открытием с местной квартальной общественностью, квартальным полицейским, и престиж доктора в глазах властей сразу возрастет…

— Знаете, молодой друг, — вздохнул доктор Томов, — я сделаю все, что от меня требуется. Но не желал бы трезвонить о моей «дружбе» с Бенито. Нельзя ли обойтись без этого?

Я его понял. Укрепив доверие полиции, он одновременно потеряет доверие квартальной общественности, которая в течение ряда лет была его средой. И мысль об этом вызывала у него сомнение.

— К сожалению, доктор, нельзя.

Доктор больше не возражал.

— И еще одна просьба подобного характера, доктор. Вам нужно возобновить переписку с Муссолини. Прошу вас, переведите мне его последние письма.

Последние письма дуче, полученные около года назад, написаны собственноручно на бело-синей рисовой бумаге, на шикарных конвертах штамп «Личная канцелярия дуче». В текстах писем ничего примечательного не было. Обычные дружеские поздравления и добрые пожелания, приглашения приехать в гости в Италию. Однако в последнем письме бросилась в глаза фраза:

«Я не потерял надежду, что ты передумаешь и дашь согласие. Если ты решишь приехать, знай, тебя ожидает сердечная встреча…»

— Он на что-то намекает, доктор?

Доктор объяснил, что во время их последней встречи Муссолини настоятельно приглашал его остаться в Италии. «Сам решишь, — предлагал он ему. — Если тебя не устроит должность врача дуче, возглавишь какую-нибудь клинику или больницу. Или, если хочешь, я тебя сделаю крупным администратором в области здравоохранения…»

— Я, естественно, отклонил его предложение, — сказал доктор. — Я задыхался в Италии. Муссолини предоставил мне шикарные апартаменты в своей личной вилле-дворце, камердинеров, машину, приглашал на официальные приемы. А я стремился как можно быстрее покинуть Италию. Не знаю, будь я помоложе, возможно и соблазнился бы деньгами, почестями, блестящей перспективой сделать карьеру. Но в моем возрасте человек безошибочно знает настоящую цену вещей…

— Надеюсь, вы расстались не как враги, доктор?

— Он, может быть, почувствовал подлинную причину моего отказа, но внешне ничем не дал понять этого. Я по-прежнему получаю от него поздравительные письма…

— Вы ответили на последнее письмо?

— На все отвечал, хотя и с запозданием. На последнее не ответил. И не собираюсь. В противном случае пришлось бы высказать сбою ненависть к фашизму, выругать за «абиссинскую экспедицию» и за интервенцию в Испанию…

Еще не истек ноябрь, как наш передатчик послал свои первые радиосигналы в эфир. Как читатель догадывается, мы установили его в доме доктора Томова. Техник «Z-4» сумел закупить соответствующие радиолампы и детали в разных радиотехнических ателье и магазинах и за короткое время смонтировал рацию. Тайник устроили в камине. Он оказался вполне удобным для нашей цели. Антенну вывели через дымоходную трубу. Вертикальный проводник антенны длиной около десяти метров мы поднимали до антенны на крыше с помощью крепких бамбуковых палок, вставленных одна в другую. После каждого сеанса эту часть антенны убирали вместе с рацией.

Небольшой, компактный и весьма надежный передаточный пункт, устроенный в старом камине, был замаскирован новым щитом с полками, на которые доктор ставил банки с кислым молоком. Часть щита была подвижной. С помощью небольшого скрытого устройства подвижная часть открывалась, как небольшая дверца. Все это сделали, разумеется, мы сами. Поручить эту деликатную задачу было некому.

Никто, кроме доктора, не знал о радиостанции. Итальянец

продолжал добросовестно выполнять свою работу. Он развозил товар на грузовичке и после работы исчезал, чтобы явиться на следующее утро. По вечерам, обычно к 21 часу по парижскому времени, в точно установленные дни, три раза в неделю, к доктору приходили помощники — мужчина и женщина. Мужчина («Z-4») должен был привести рацию в техническую готовность и подключить к антенне; женщину (она вполне могла сойти за его жену) звали Анна. Это была Галина. Она зашифровывала очередное сообщение и передавала его в центр.

Галина жила отдельно от меня. Мы снимали ей удобную квартиру в одном из буржуазных кварталов Парижа. Свое присутствие в этом городе она узаконила весьма удачным образом: поступила учиться в парижский косметический институт. В этом центре мирской суеты существовали всевозможные школы, институты и курсы по косметике. Разумеется, Галина выбрала самый знаменитый, как и подобает «старой деве из Богемии», родители которой не жалели для нее денег. В институте обучение шло несколько месяцев. Преподавательский состав пользовался высоким авторитетом в парижских дамских салонах. Днем Галина посещала теоретические и практические занятия в своем «Институте дю боте», а по вечерам с энтузиазмом склонялась над учебниками и над… моими донесениями, чтобы перевести их на язык шифра для очередного сеанса…

С Галиной я встречался в разных местах Парижа, где у нас имелись явки, иногда эти встречи происходили в доме доктора Томова, куда я приходил по чисто «торговым» делам. Официально зарегистрированный у властей как торговец, я жил в отеле и часто должен был выезжать в портовые города Германии, Италии, Португалии, где в то время лихорадочно грузились и отправлялись в «неизвестном» направлении большие партии оружия и многочисленные фашистские части «добровольцев»…

Передатчик в доме доктора Томова продолжал свою работу до последнего дня нашего пребывания в Париже, т. е. до последнего дня существования республиканской Испании. Никаких неприятных происшествий не произошло. Бизнес доктора шел значительно лучше, чем раньше. Правда, он постепенно потерял (как и ожидал) симпатию многих своих старых приятелей-французов, но зато приобрел подчеркнутое уважение полиции. Полицейский префект района несколько раз предлагал доктору установить охрану у его дома. Доктор горячо благодарил за заботу, но неизменно отказывался от его предложения. Уважение полиции доктор завоевал не только благодаря фотографии дуче (она была увеличена, вставлена в

красивую рамку и повешена на видном месте в холле). Его акции «благонадежности» резко повысились особенно тогда, когда он стал регулярно получать по почте итальянский фашистский официоз «Пополо д'Италия» и главным образом после того, как в течение полугода обменялся с Бенито Муссолини несколькими письмами. Письма дуче приходили в роскошных конвертах с национальным итальянским гербом и штампом «Личная канцелярия дуче». Они резко выделялись среди других писем, которые поступали со всех уголков планеты. Можно было не сомневаться, что полиция, которая следила за корреспонденцией всех иностранцев, а также многих взятых на «заметку» французов, поддалась искушению, раньше получателя прочла строки, написанные самолично рукой Бенито Муссолини — такое ведь случается не каждый день…

Ответы дуче мы сочиняли вместе и отправляли на адрес его официальной резиденции в Риме «Палаццо Венеция». Доктор быстро перешел от «деликатной сдержанности» к открытому одобрению фашистских преобразований в Италии. В его письмах содержались поздравления Муссолини в связи с победами его частей в боях против «красной Испании», пожелания успехов на пути к грядущему величию…

Когда мы заканчивали очередное послание, доктор, стыдясь самого себя, сокрушался и шумно вздыхал — эти письма причиняли ему большие страдания.

— Иногда по ночам просыпаюсь весь в холодном поту, — жаловался он, — мне снится, что мои товарищи приговаривают меня к расстрелу и кричат мне в лицо: «Предатель! Фашистский изменник!»

В этих откровенных признаниях доктора было столько неподдельной чистоты, столько безграничной преданности нашему делу! Подобно истому французу, он начинал иронизировать над собой:

— Простите, мой молодой друг, не для моих это лет. Ничего подобного до сих пор мне не приходилось делать… — А после добавлял: — И все же я, кажется, должен благодарить судьбу, что вы не настаиваете на том, чтобы я отправился в Рим и занял там должность личного врача Муссолини.

— Обещаю вам, доктор, — успокаивал его я. — Пока я здесь, вы застрахованы от подобной жестокости…

…Доктор Томов помогал делу революции до последнего дня своего пребывания в Париже. После разгрома фашистской Германии он вернулся на родину, возместил нашу часть оборотного капитала своего парижского предприятия. В Болгарии его окружили заслуженными почестями и всеобщим признанием.

Доктор Томов скончался на родине, в городе Омуртаге.

9. ВЕСНА В ПОРТУГАЛИИ. ВСТРЕЧА С ГРИШЕЙ САЛНИНЫМ В МАДРИДЕ. ХЕМИНГУЭЙ И ХАДЖИ-КСАНТИ

Был конец марта 1937 года, когда я отправился на каботажном судне «Атлантик» из Сен-Назера в Лиссабон. Судно шло из самых северных районов Нормандии, из Кана и Булони, но его пассажирами были не только французы. В эту пору года, когда усталая от влажной зимы Северная Европа жаждала солнца, самые нетерпеливые, вернее, самые состоятельные ее обитатели спешили погреться на побережье Португалии, число туристов начинало расти в геометрической прогрессии. Но сейчас пассажиров на судне было не особенно много.

Мой спутник Жан многозначительно поглядывал на меня, когда мы, прогуливаясь по палубе, проходили мимо группы туристов. Это были иностранцы. Кто они? Вскоре выяснилось: немцы. При нашем приближении они замолкали. А обычные туристы не обращают внимания на остальных пассажиров — настоящие туристы, всегда заняты собою и пейзажем, ради чего, собственно говоря, они пускаются в путешествия…

Как уведомил нас центр, из Германии к Пиренеям устремились сотни немецких специалистов, которые ехали туда для оказания помощи Франко. Предполагалось, что это военные специалисты, они ехали отдельно от укомплектованных и полностью вооруженных еще в Германии фашистских частей, состоящих из «добровольцев». Срочное задание, которое я получил, требовало, в частности, проверить на месте достоверность этого сообщения.

Немецкие специалисты отправлялись в Португалию инкогнито, на иностранных судах. Они прибывали на поездах в какой-нибудь северный французский порт и оттуда на судах продолжали свой путь до «нейтральной» Португалии. Они ехали с небольшими чемоданами — остальной «багаж» перевозили немецкие грузовые суда, курсировавшие между побережьем Германии и Лиссабоном или следовавшие до Гибралтара…

Что это было? Маскировка? Но она уже была не в состоянии что-либо скрыть. Мировое общественное мнение было прекрасно осведомлено о военной интервенции Германии, Италии и Португалии и гневно ее заклеймило. Пожалуй, дело было не в том, чтобы ввести в заблуждение мировое общественное мнение, а речь шла о каком-то особом военно-тактическом приеме.

Так, впрочем, считал и центр: гитлеровцы скрывают объем и

характер своей военной помощи Франко, опасаясь нашей разведки…

— Жан, держу пари, что кое-кто из них, — я указал на немецких «туристов», — не знает, каким маршрутом, например, идет наше судно. У меня создается впечатление, что они смотрят, но не видят…

— Наши впечатления совпадают, — ответил Жан. — Смотрят, но не видят. И слушают, но не слышат… Они не знают маршрута корабля, но, бьюсь об заклад, отлично знают свой будущий маршрут Лиссабон — Толедо, подробно выучили топографию Наварры, Кастилии, Андалузии…

— Давай вызовем их на разговор, Жан? Хочется мне увидеть, как держатся в гражданской компании эти переодетые офицеры. И знают ли они другие приветствия, кроме «Хайль Гитлер»?

— Не стоит труда, — покачал головой Жан. — С ними я сражался у Вердена и в Вогезах, до сих пор ношу в своем теле осколок крупповской гранаты. Каждая встреча с немецким офицером мне причиняет боль. Правда, нет смысла…

Жан, с которым я ехал в Лиссабон, был французский патриот-народофронтовец. Мы включили его в нашу группу. Пока у него была только одна задача — сопровождать меня в непрестанных поездках по Франции и соседним странам. Он ездил со мной как переводчик (французским я владею слабо), помощник и курьер: в случае необходимости я немедленно отправлял его обратно в Париж, с соответствующим шифрованным письмом к Галине. Жан был на несколько лет старше меня, обременен большой семьей, которая жила в подвале где-то в предместье Парижа. По профессии он был рабочий-металлист, с крепкими, словно литыми из чугуна плечами и железной хваткой рук. Таким же твердым, словно отлитым из металла, был и дух этого человека, с которым я уже несколько раз ездил по стране. Короче говоря, он был из тех сынов Франции, которые позднее своей кровью вписали героические страницы в историю французского движения Сопротивления.

На этот раз Жан ехал со мной в качестве коммерсанта. Я тоже выдавал себя за торговца. В моем бумажнике имелись не только надлежащий паспорт, но и документы, согласно которым фирма «Александр и Макс Баучер и К°» уполномочивала меня вести переговоры и заключать сделки от ее имени.

Надо сказать, что торговая фирма «Александр и Макс Баучер и К°» действительно существовала и в самом деле вела торговые дела. Александр и Макс были давнишними компаньонами, перед тем как обосновать свою фирму в Париже, они занимались бизнесом в Софии, Бухаресте, Вене. Они не принадлежали ни к

какой партии, но были глубоко честными людьми и антифашистами. Этого было достаточно, чтобы прибегать к их помощи и пользоваться возможностью, которую их фирма, имеющая десятилетний стаж пребывания в Париже, предоставляла для нашей деятельности. Впрочем, их фирма не только была известна в столице Франции, но и имела солидный капитал, значительный годовой оборот и главное — филиалы в нескольких центральных провинциях страны. Более того, Александр и Макс поддерживали деловые связи с торговыми фирмами ряда стран Европы. Некоторые из этих стран находились в сфере нашей деятельности.

И вот теперь мы с Жаном, «торговые представители» фирмы Александра и Макса, ехали в Португалию, а затем должны были направиться в Южную Испанию и Италию через Гибралтар. Наша официальная миссия состояла в том, чтобы заключить сделки на поставку апельсинов, лимонов, мандаринов, маслин. Испания, бывшая в свое время главным поставщиком цитрусовых плодов во Францию, после мятежа Франко резко сократила экспорт и фактически оголила французский рынок. И в начале 1937 года Португалия, воспользовавшись отсутствием конкуренции, сразу же повысила цены на этот популярный во Франции товар. Представителям французских фирм в Лиссабоне оказывали любезный прием.

Но это была официальная версия нашей миссии. Разумеется, Александр и Макс не рассчитывали на заключение мной какой-либо сделки, а если бы мне и удалось что-нибудь сделать в этом плане, то они только приветствовали бы этот наш успех. Основная цель моего задания состояла не только в том, чтобы проверить — по указанию центра — достоверность информации о гитлеровских специалистах, которые инкогнито ехали морем, но и установить на месте, удалось ли гестапо раскрыть и уничтожить нашу нелегальную антифашистскую группу, которая с ноября 1936 года работала в лиссабонском порту. Мы должны были сделать все возможное, чтобы восстановить деятельность этой группы или сколотить новую. Там, в частности, действовала наша разведывательная группа в составе пяти человек, возглавляемая португальским патриотом и интернационалистом Мануэлем Оливейро, собственником и директором торговой фирмы «Мануэль Оливейро и К°». Приняв своевременно необходимые меры предосторожности по спасению людей, Оливейро при возникновении опасности провала укрыл в складах компании пятерых немецких антифашистов, непосредственно участвовавших в разведывательной работе.

Что же произошло дальше с пятью героями?

Полиция напала на их след, и им нужно было срочно покинуть страну. Получив указания центра, Оливейро составил дерзкий план их вывоза из Португалии. В срочном порядке он смог поставить (с помощью центра) десяток военных грузовиков марки «Фиат» из Италии для армии франкистского генерала де Льяно. Патриоты стали шоферами этих грузовиков. Теперь задача Оливейро состояла в том, чтобы довести колонну грузовиков в район Толедо, а там группа, направленная центром, должна была позаботиться об остальном…

План был осуществлен безукоризненно.

Оливейро получил из Италии дюжину тяжелых грузовиков, о чем по телеграфу уведомил генерала Кейпо де Льяно, с которым он был знаком лично. Франкистский вояка остался доволен. Он по телеграфу оплатил стоимость грузовиков и направил в Лиссабон своего адъютанта и конвой, которые должны сопровождать колонну. За колонной тяжелых «фиатов» следовала шикарная легковая автомашина «фиат-седан» — личный подарок Оливейро генералу…

Итак, под покровительством личного посланника генерала и полиции колонна беспрепятственно пересекла границу и въехала на испанскую территорию. За рулем пяти из двенадцати грузовиков сидели наши люди, а лимузин вел сам Оливейро.

В районе Толедо, который в то время находился примерно в тридцати километрах от линии фронта, колонна внезапно наткнулась на засаду. За поворотом дороги показались стволы орудий двух немецких танков и броневика. Конвойные облегченно вздохнули. Однако немецкие танкисты и их строгий офицер повели себя очень странно — они обезоружили франкистского офицера, а затем и конвой. Танкисты уничтожили «фиаты», оставив только два из них, в кузовах которых разместили пленных, и самой короткой дорогой отправились к линии фронта. Два танка и броневик были трофейными, отбитыми республиканской армией в боях под Толедо, а «немецкие» солдаты и офицер являлись республиканскими бойцами групп, действовавших в тылу Франко. Они успешно выполнили заключительный этап операции, разработанной центром по спасению пяти немецких антифашистов.

Читатель, наверное, спросит: а что стало после этого с Оливейро?

С фронта поступило сообщение, что он вместе с франкистским офицером и охраной взят в плен. Он был тайно переброшен в Мадрид, а затем в Париж. Оливейро пожелал вернуться в Лиссабон — безукоризненно осуществленная операция не создавала никакого риска для его будущей

деятельности. Но центр был непреклонен: Оливейро должен был провести определенное время в условиях полной безопасности до тех пор, пока не будет установлено, что его «торговая фирма» в Лиссабоне действительно находится вне всяких подозрений.

Это также входило в нашу задачу.

В Лиссабоне мы провели всего три дня. Во-первых, мы установили контакт с несколькими торговыми фирмами, которые щедро предлагали свои услуги в деле поставки свежих цитрусов по весьма сходным ценам. Первая наша телеграмма в Париж гласила: «Прибыли. Условия поставки благоприятные. Ведем переговоры». Эта телеграмма была адресована фирме «Александр и Макс Баучер и К°». Из фирмы ее немедленно должны были передать Галине. Телеграмма являлась шифрованным сообщением, которое Галина должна была передать в центр. Оно гласило: «Прибыли благополучно. Первые впечатления об обстановке хорошие. Продолжаем работу». Следует добавить, что Александру и Максу адресовались «торговые» телеграммы и других наших групп, которые уже действовали в Гибралтаре, Неаполе, Генуе, Киле, Гамбурге и других городах. В своих телеграммах, а иногда и срочных «коммерческих» письмах они шифрованно сообщали об очередных партиях оружия, транспортных средств, самолетов и живой силы, которые отправляются во франкистскую Испанию или прибыли в Гибралтар. Эти телеграммы Александр и Макс передавали мне, после чего необходимые сведения Галина сообщала надлежащей шифровкой в центр. Когда меня не было в Париже, Макс и Александр передавали поступившие телеграммы и письма прямо Галине. Такая практика существовала до конца нашего пребывания в Париже.

На второй день мы заключили сделки, и одно грузовое судно стало готовиться к отплытию из Лиссабона во Францию с маслинами и апельсинами. Но нас интересовали также ранние овощи, креветки, омары, копченая рыба — этим товаром до осени прошлого года торговала экспортная фирма «Мануэль Оливейро и К°». Торговцы, обычно очень словоохотливые и отлично осведомленные обо всем, реагировали, как и следовало ожидать:

— О, креветки и омары! С тех пор как случилось несчастье с Мануэлем Оливейро, никто не брался за торговлю этим товаром!..

— Несчастье? — искренне удивлялись мы. — О каком несчастье вы говорите, господа? А мы как раз собирались направиться в его контору! У Мануэля задолженность перед нашей фирмой в Париже…

Торговцы озабоченно покачивали головами.

— О платежах не беспокойтесь — у Мануэля солидный счет в

банке, он никогда не подведет партнера… Был бы только жив сам Мануэль!.. Разве вы не знаете? Он сопровождал партию грузовиков генералу Кейпо де Льяно, и красные партизаны взяли его в плен… И его, и личного адъютанта генерала, и десяток полицейских из конвоя… Это ужасно…

— И от него нет никаких вестей? — Мы с Жаном притворялись изумленными.

— Что вы, какие известия могут прийти из Мадрида? Дай бог, чтобы он не попал в руки анархистов, в таком случае вести придут из рая… Хоть бы в этом повезло..

Все шло хорошо, даже отлично. Раз даже сверхчувствительный слух торговцев ничего не уловил, значит, полиция не добралась до подозрительных сведений о подлинной роли Оливейро.

Все же мы были обязаны выполнить свою задачу до конца. И в тот же день заявились в дирекцию лиссабонской полиции.

— Ваше превосходительство, — обратились мы к ее директору, представив свои паспорта и гарантийные документы, выданные в Париже, — мы пришли к вам за советом. Дело в том, что фирма «Мануэль Оливейро и К°» задолжала нашей фирме в Париже. Мы случайно узнали от коллег в Лиссабоне, что с ним случилось несчастье… Вы не посоветуете, как нам урегулировать это дело?

Весь в аксельбантах и орденах, салазаровский полицейский, высокомерный и важный, восседал за высоким письменным столом, как на троне. Поняв, что речь идет о торговом бизнесе, он сразу обмяк и даже пригласил нас в небольшую приемную, где угостил виски.

— Ваша фирма не пострадает, господа, если поступит благоразумно, — произнес он, став похожим на обыкновенного вымогателя. Он намекал на процент, который мы должны были ему выделить за оказываемую услугу.

— Ваше превосходительство, наша фирма будет довольна, если ей удастся получить хотя бы половину долга… — И я назвал сумму.

Полицейский, растянув в улыбке рот до ушей, поднял рюмку; он прикинул в уме сумму, которую сможет присвоить.

— Мы будем счастливы, ваше превосходительство, если нам удастся урегулировать этот вопрос… Наша фирма, в сущности, мало интересуется личностями своих контрагентов. Но все же жаль, что Оливейро пропал ни за что — он был почтенным партнером…

Директор, довольный совершенной сделкой, сочувственно покачал головой.

— Я хорошо знал его. Приличный человек… Хотелось бы, чтобы он уцелел… Итак, — закончил деловой разговор полицейский, — Оливейро нет, но фирма существует… Жду вас завтра с его уполномоченными… Приятно было познакомиться, господа…

Когда на следующий день директор полиции получил причитающуюся ему пачку банкнот, картина была выяснена до конца. Вторая телеграмма, направленная в Париж, гласила: «Отправляем судно с товаром. Рынок здесь отличный. Перспективы благоприятные». Галина немедленно передала в центр наше успокоительное сообщение о том, что Мануэль Оливейро избежал опасности провала. Об остальном должен был позаботиться центр.

Пароход, которым мы отплыли из Лиссабона на юг к Кадису и Гибралтару, был уже другой — французское судно ушло в обратный рейс, на север, в Нормандию. Нам предстояло проверить на месте — в Гибралтаре и в нескольких итальянских портах — работу действующих там разведывательных групп наших сотрудников.

В Гибралтаре группа состояла из трех человек, одним из которых был болгарин. Мы направили их туда в начале года, когда немецкие и итальянские суда начали совершенно открыто, под своими национальными флагами, перевозить вооружение, живую силу, боеприпасы, медикаменты генералу Франко. Гестапо установило, что Лиссабон является давнишним и хорошо освоенным районом Интеллидженс сервис, а также и то, что советская разведка, хотя и проникла в эту страну не так давно, работает там весьма эффективно. Разумеется, гитлеровцы продолжали по-прежнему использовать Португалию для прямого провоза оружия и снаряжения армии Франко, но этот приток сильно сократился за счет Гибралтара. На этом куске оголенной скалы, превращенном англичанами в естественную крепость, немецкие суда чувствовали себя в большой безопасности. (Это поистине странно, если иметь в виду, что как раз в это время Комитет по невмешательству лорда Плимута усердно выполнял свою миссию. Этот комитет удивительным образом «не замечал» фашистские суда, которые бросали якоря в Гибралтаре, «не видел» поставок иностранного оружия мятежникам…)

В Италии мы пробыли немного дольше. Здесь у нас имелись группы в нескольких средиземноморских портах (Генуе, Неаполе и др.), включая Мессину в Сицилии. Большую часть групп составляли итальянцы — портовые рабочие, шоферы,

крановщики, железнодорожники. Соблюдая все меры абсолютной секретности при отправке партий оружия в Испанию, фашисты не могли скрыть правду от своего пролетариата. При каждой такой группе мы имели своих людей, которые поддерживали с нами регулярную связь.

Своих людей мы имели и в немецких портах Киле, Гамбурге, Вильгельмсгафене и других. Несмотря на угрозу явной гибели, несмотря на ужасы уже действующих камер пыток и концентрационных лагерей, немецкие антифашисты самоотверженно оказывали помощь делу революции. Гитлеровцы ошибались, считая, что им удалось отравить ядом нацистской пропаганды весь немецкий народ.

Читатель, наверное, заинтересуется, — что конкретно делали эти группы в портовых городах Германии, Италии, Португалии и в Гибралтаре? Я уже упоминал об одной стороне их деятельности — они регулярно информировали центр о переброске военной помощи генералу Франко. Вторая сторона их деятельности, которую они осуществляли с помощью местных антифашистов, состояла в том, чтобы всеми средствами препятствовать транспортировке военных грузов мятежникам.

Теперь о встрече с Гришей Салниным. На этот раз мы увиделись в самом Мадриде. Мятежникам и интервентам не удалось осуществить свой зловещий замысел. 7 ноября 1937 года в Мадриде состоялся парад воинских частей, но это были части республики, которые после парада сразу же отправились на передовые позиции, находившиеся в пригородах столицы, у зданий мадридского университета. Мятежники были отброшены, бои шли на севере — против армии Мола и на юге — против Франко и итало-немецко-португальских интервентов, которые сражались на линии, тянувшейся от португальской границы вплоть до Средиземного моря, главным образом в районе между Средиземным морем и горным массивом Сьерра-Морена, где проходила важная стратегическая дорога Малага — Альмерия.

Читатель знает, что при защите Мадрида в неистовых схватках с мятежниками в октябре-декабре 1936 года и во всех решающих сражениях с фашистами участвовали интернациональные бригады. Я не пишу об их деятельности потому, что ветераны интернациональных бригад уже описали подвиги этих добровольческих частей, состоявших из антифашистов, прибывших в Испанию из всех уголков мира. Организация этой благородной армии добровольцев свободы, а также мощной всеобщей кампании в защиту республиканской Испании явилась делом Коминтерна, во главе которого в то время

стоял его новый Генеральный секретарь Георгий Димитров.

Итак, с Гришей Салниным мы увиделись в Мадриде весной 1937 года, когда вдвоем с Жаном, объехав вдоль и поперек Пиренейский полуостров, а также посетив Италию, вернулись во Францию через Марсель, но отправились не на север, к Парижу, а на юг. Тогда поездки были довольно свободными, не нужны были никакие специальные заграничные паспорта или визы той или иной страны. Единственное, что требовалось от любого путешественника, — его личный паспорт и проездной билет… (Разумеется, это касалось только гражданских лиц — остальные попадали под контроль Комитета по невмешательству.)

Гриша не был удивлен — встреча была предварительно согласована с центром. Он жил в одном мадридском отеле, превращенном в общежитие для советских военных специалистов. Встреча состоялась не в отеле, так как я был обязан находиться в Испании в качестве торговца и не имел права встречаться ни с кем другим, кроме Гриши. А в Испании в то время сражались в качестве бойцов интернациональных бригад, советников, врачей множество старых боевых товарищей с моей родины. Здесь были Карло Луканов и Васил Додев из Плевена, Жечо Гюмюшев, Фердинанд Козовский, летчик Захарий Захариев, который участвовал в обороне Мадрида, два сына Васила Коларова — Петр и Никола, Антон Иванов, Цвятко Радойнов, Димо Дичев, Константин Мичев, Антон Недялков. Но я не имел права ехать в Альбасете — центр интернациональных бригад: никто из товарищей не должен был знать характера моих поручений.

Одетый в мундир офицера испанской армии, Гриша выглядел сильно похудевшим и постаревшим. Его лицо загорело под испанским солнцем, а русые волосы совсем выгорели. Под глазами были черно-синие круги, но глаза все так же излучали теплоту.

— Нет и года, как я здесь, а кажется, будто провел в этой стране тысячу лет… Испания погибает, Ванко, понимаешь ли ты это!..

Вот что надломило крылья этого орла. Боль за Испанию.

— Неужели это так, Гриша? — спросил я тихо. — Ведь республика все же сражается?

— Испанцы — прекрасный народ, Ванко! Его нельзя не полюбить. И воевать умеют. Если бы ты мог видеть, как обороняли Мадрид женщины, мужчины, старики и даже дети! А как терпеливо они переносят лишения, страдания, кровь!.. Но анархия погубит этот народ. Неизбежно… Коммунистическая партия и другие сознательные силы предпринимают неимоверные усилия, чтобы навести порядок, дисциплину, организованность…

Однако почти не добиваются результатов. В одном месте заштопают, в десяти местах рвется… Пятая колонна — это аркан на шее республики, а анархисты — стопудовые гири на ее ногах. Они тянут ее ко дну… Если же прибавить к этому интервенцию…

Наш разговор прервал незнакомый человек, который почтительно остановился у нашего стола.

— Извините, вы случайно не русский?

Это был пожилой испанец, который задал вопрос на смешанном испано-русском языке.

Гриша поднял голову и быстро осмотрел половину зала, откуда появился незнакомец. Там около большого стола сидело с десяток мужчин, таких же пожилых, скромно одетых, как и незнакомец. Они смотрели в нашу сторону.

— Совершенно точно! — кивнул энергично головой Гриша, установив, что эти люди друзья, которых нечего опасаться. — Мой товарищ нет, а я русский.

— Позвольте мне чокнуться с вами, камарадо! — сказал испанец.

— Наша компания предлагает выпить за Советскую Россию, за ее специалистов, за ее самолеты, которые обороняют небо Мадрида, за ее пушки и пулеметы! Салюд, камарада!

— Салюд, камарада! Салюд! — крикнули хором остальные, поднявшись на ноги и подняв рюмки. Встали и мы с Гришей.

— Пью за героическую Испанскую республику, за ее прекрасный народ! — предложил в свою очередь тост Гриша. — Пью за храбрых защитников Мадрида! Салюд!

— Салюд! Салюд!

Это была такая милая, такая искренняя демонстрация дружеских чувств испанского народа! Однако вести деловой разговор было невозможно. Поэтому мы пошли в другой ресторан в центре Мадрида, зиявший разбитыми окнами: поблизости разорвалась бомба.

— Видишь ли, Ванко, — сказал Гриша, когда мы сели друг против друга. — Народ без подсказки понимает, кто его друзья и открыто, шумно выражает свою благодарность… Так он относится и к бойцам интернациональных бригад, называя их русскими не потому, что путает их национальности. Это слово стало синонимом таких слов, как «брат», «друг», «товарищ»… Мы не опустили рук, — продолжал Гриша, — хотя уже и не питаем иллюзии о победе. Так думает и Старик. Мы все здесь работаем без сна и отдыха. Обучаем, организовываем, выступаем с лекциями, проводим практические занятия, составляем оперативные и тактические планы, чертим схемы внутренней охраны, а когда надо — беремся и за оружие… Нет, мы не сложим

его до тех пор, пока не будут исчерпаны все средства самозащиты… Это касается позиции, которую нельзя, которую мы не можем оставить врагу без сопротивления…

Он знал, что, хотя надежды на победу не существует, он останется до конца на своем боевом посту. Гриша Салнин, как и Берзин, как и много других советских товарищей, был выкован из самого прочного, самого благородного металла…

Задание, которое меня привело в Мадрид и в связи с которым была организована встреча с Гришей, касалось развертывания партизанских действий в тылу Франко. Эти действия начались еще в первые месяцы гражданской войны, когда войска генерала Франко рвались к Мадриду. Передовые колонны его дивизий продвигались далеко вперед, тесня республиканские части, а их фланги вдруг оказывались под убийственным огнем… Патриоты, которые остались по заданию в тылу или которых просто обходили моторизованные колонны Франко, заставляли фашистов замедлять темп наступления, чтобы прочесать каждую пядь захваченной земли. Но как можно очистить землю от ее народа?..

Стихийно возникшее партизанское движение со временем превратилось в массовое сопротивление, охватившее почти все горные районы оккупированной генералом Франко части страны. Однако большинство партизанских отрядов находилось под командованием неграмотных в военном отношении людей, и почти все они были плохо вооружены, не располагали взрывчаткой для диверсионной деятельности. Ввиду этого республиканское правительство, после настойчивых рекомендаций Берзина и Гриши Салнина, начало оказывать широкую и систематическую помощь партизанам. В отряды направлялись оружие и боеприпасы, инструкторы по военному делу, политкомиссары. Резко поднялся уровень партизанской деятельности. Партизанские отряды превратились в подлинную грозу для франкистов…

— А знаешь ли, Ванко, именно в этом направлении действует и Хаджи!

Сам прирожденный смельчак, Гриша горячо любил смелых людей. И когда он вспомнил о Хаджи, его глаза заблестели.

Гриша долго и горячо рассказывал о подвигах Хаджи Умара Джиоровича Мамсурова, который, как уже об этом говорилось раньше, сражался в Испании под псевдонимом Ксанти.

— Ты, наверное, слышал о Дурути, одном из вожаков испанских анархистов, — продолжал Гриша. — Он храбрый до безумия, честный, по-своему преданный революции человек. Когда он попросил направить ему советника, нашего военного

специалиста — большинство его людей было не обучено, — он пожелал лично его испытать, проверить, на что он годится. Первый ему не понравился. Тогда послали Хаджи. Дурути влюбился в него. Во время одной контратаки Дурути самому пришлось удерживать Хаджи, советовать ему быть благоразумным… Понимаешь, Ванко, Дурути дает совет быть благоразумным!..

Гриша смеялся от всего сердца — чужая храбрость и мужество могли рассеять мрачные мысли.

— А в последние дни к нему прилип один американец, — продолжал Гриша, искренне увлеченный рассказом о Хаджи. — Хемингуэй. Эрнест Хемингуэй. Известный писатель, журналист, корреспондент американских и английских газет. Приятель Кольцова и Эренбурга. Кольцов познакомил его с Хаджи, американец сам попросил его об этом. Он симпатяга, — рассказывал Гриша. — Большой, бородатый, настоящий медведь. С вечно дымящейся трубкой в зубах. И выпить любит. Я спрашивал Кольцова, когда этот человек находит время писать свои корреспонденции… Но Эренбург и Кольцов не дают и слова произнести против американца. «Может, он и выпивает, — спорит Михаил, — но наш. Понимаешь, честный и искренний друг республики! Я регулярно читаю его корреспонденции — они самые объективные в западной печати! А когда кончится все это здесь, он что-то и большее, может быть, напишет…»

Эрнест Хемингуэй, которого судьба случайно свела с Хаджи-Ксанти на фронтах гражданской войны в Испании, как известно, вскоре после разгрома республики написал роман «По ком звонит колокол» — одно из самых сильных и правдивых произведений о драме Испанской республики.

Прототипом главного героя в этом романе является Хаджи-Ксанти. Как-то позднее в Москве Хаджи рассказывал, что Хемингуэй записывал в свой блокнот все подробности его рассказа о нескольких операциях в тылу противника. Отсюда, наверное, и поразительная точность в описании действий минера, когда в романе Роберт Джордан взрывает мост.

Разумеется, как в любом художественном произведении, многие конфликты, действующие лица и обстановка видоизменены или просто сочинены автором на основе жизненной правды. Имеются в этом романе и нижения, атмосфереприемлемые вещи, особенно что касается характеристики испанского партизанского двы в Мадриде, образов некоторых руководителей и прочее. Но при всех недостатках роман «По ком звонит колокол» волнующее свидетельство героизма бойцов интернациональных бригад…

Задание, которое Гриша Салнин, а затем и Берзин поставили во время нашей встречи в Мадриде, было связано с действиями боевых групп и партизанских отрядов в тылу врага.

10. ПРОЩАНИЕ С ПАРИЖЕМ

Битва за республику подходила к своей последней фазе. Но о сигнале к отступлению не было и речи. Для всех настоящих антифашистов это был толчок к новым усилиям, чтобы остановить фашистского зверя.

Мы со своей стороны в несколько раз увеличили число людей, которые конспиративно работали в Италии, Германии, Португалии. Нелегальные группы были созданы и в ряде испанских городов, оккупированных фалангистами. Увеличился состав группы во Франции, которая координировала антифашистскую деятельность всей организации. Я включил в работу и болгарского политэмигранта «Z-6», который был рекомендован Методием Шаторовым. Его революционная биография красноречиво давала надежду, что он успешно справится с любым секретным заданием. При этом «Z-6», находившийся во Франции уже несколько лет и хорошо знавший язык, обладал рядом ценных качеств, которые облегчали работу любого разведчика. Ему были свойственны быстрота реакции, тонкий и гибкий ум. Он был молод, привлекателен и одарен несомненным артистическим талантом (в Болгарии когда-то даже выступал на сцене в составе рабочих коллективов художественной самодеятельности), он был способен исполнить любую роль, предложенную той или иной ситуацией.

По моей просьбе Методий Шаторов рекомендовал мне еще одного человека — «Z-7». Товарищ Ибришимова, соратник Тодора Паницы, сотрудник Поптомова, он, подобно Ибришимову, из-за преклонного возраста не был направлен в Испанию, несмотря на его просьбы, но был способен выполнять «мирные» задания. «Твердый человек, — представил его Шаторов, — умный, сообразительный. Его и Ибришимова я давно направил бы в Испанию, будь они на десяток лет помоложе… Бери и знай, можешь опереться на него в любом случае…»

Разумеется, я взял его. И «Z-7» оправдал доверие Шаторова. Он стал одним из надежнейших людей нашей организации.

В нашу группу был включен и Петр Григоров — ветеран, бывший офицер, сражавшийся на фронтах Первой мировой войны, участник кампании по вооружению нашей партии, участник Сентябрьского восстания 1923 года, а затем активно работавший над подготовкой нового восстания, после апреля 1925 года — политэмигрант. Закончив юридический институт в Швейцарии, Петр Григоров стал адвокатом, но эта профессия, которая для многих других открывала путь к сытой и

благополучной жизни, стала для него дополнительным средством служения революции. Повсюду в Европе, куда его засылал революционный долг, его юридические знания приносили большую пользу. Петр Григоров был одним из адвокатов, пожелавших защищать подсудимых Димитрова, Танева и Попова перед Лейпцигским судом. Эти адвокаты не были допущены на процесс. Еще до пожара рейхстага Петр Григоров, которого я лично знал по Вене, Праге, Берлину, заслужил высокую оценку и полное доверие Георгия Димитрова.

И вот теперь этот испытанный революционер, непримиримый антифашист включился в работу нашей группы. Читатель легко может понять, какую большую пользу был в состоянии принести нашему общему делу Петр Григоров — человек образованный, обладавший широкой, многосторонней культурой, владевший несколькими европейскими языками, детально знавший политическое положение в Европе, в каждой отдельной стране. Ничем «не скомпрометированный» перед властями, он свободно мог разъезжать со своим настоящим паспортом. Кроме того, Петр Григоров обладал еще одним качеством, которое в те времена имело исключительное значение. Он знал и поддерживал близкие контакты с широкими антифашистскими кругами целого ряда стран Средней и Западной Европы. Александр и Макс Баучер, которые оказывали неоценимую услугу нашей группе, были рекомендованы им. И не только они.

Мы нашли Петра Григорова в Женеве. В Швейцарию, на этот относительно мирный остров среди бушующего океана политических конфликтов, он прибыл в поисках пропитания. Но он не сидел там сложа руки. Будучи отличным журналистом, он сотрудничал в нескольких прогрессивных газетах Европы, включая и советскую печать. Петр Григоров жил со своей супругой-француженкой в скромном квартале Женевы. Но, разумеется, его приезд в нейтральную Швейцарию совсем не означал отказа от революционной борьбы. Он был готов взяться за выполнение любой задачи, идти туда, куда позовет его долг. Когда мы — я был с «Z-6» — разыскали его, Петр Григоров словно только и ждал нашего появления, чтобы уложить чемоданы и отправиться в Париж.

В год, предшествующий нашему отъезду из Франции, наша группа добилась новых положительных результатов.

Прежде всего мы увеличили число передатчиков. Тот, что мы установили в доме доктора Томова, работал безупречно. Но этого было недостаточно. В конце 1937 года радиопередатчиков стало три — другие два работали в различных кварталах Парижа. И их мы изготовили, так сказать, на месте из радиодеталей,

приобретенных в парижских магазинах и радиотехнических бюро. Их собирал наш новый сотрудник, которого мы нашли с помощью Петра Григорова. Это был болгарский политэмигрант «Z-11», уроженец Велинграда, вынужденный покинуть Болгарию после драматических событий 1923—1925 гг. Мы разыскали его на юге Франции, в Тулузе. Здесь он получил высшее техническое образование и стал инженером-радиотехником. Отличный радиотехник, «Z-11» нашел себе работу. Мы разыскали его в маленькой мастерской, где он собственноручно с помощью ученика изготавливал новые радиоприемники, которые продавал местной клиентуре. Жил он в скромной квартире по соседству с мастерской.

— Братец, друг дорогой! — обнял его Петр Григоров, когда мы, войдя в мастерскую, увидели его: он стоял в полумраке с небольшим электрическим паяльником в руках. — Вот и довелось снова свидеться!..

Бледный и похудевший, «Z-11» вмиг преобразился. Ведь мы прибыли к нему не просто в гости. Мы предложили ему покончить с карьерой ремесленника в Тулузе и перебраться в Париж, пообещав помочь открыть приличную радиотехническую мастерскую. «Z-11» знал, кто мы такие, и принял наше предложение спокойно и деловито, как подлинный антифашист.

Однако обстоятельства изменили наши планы, и ему не пришлось переезжать в Париж. И в Тулузе нужны были люди для тонкой работы. Мы вызвали его для инструктажа в столицу, а когда он снова вернулся в Тулузу, то вез с собой части мощного радиопередатчика. С ним ехал новый компаньон. Это был греческий товарищ «Z-4», отвечающий за материальную часть радиостанций. Они вдвоем должны были за короткое время изготовить два новых коротковолновых радиопередатчика. Кроме того, здесь в мастерской, в лучших технических условиях они произвели тщательный ремонт первого радиопередатчика, значительно увеличив его мощность. Вскоре после этого мы открыли в Париже на имя «Z-11» вполне современную радиотехническую мастерскую, которая была нам нужна главным образом как место явок.

Читатель, наверное, спросит: зачем нам были нужны не один а три радиопередатчика?

Одну из причин я уже назвал. Наша деятельность расширилась, и одна рация была не в состоянии передавать в центр всю поступающую информацию. К тому же в это время французская полиция начала проявлять явное недовольство по поводу возрастающей солидарности с борющейся Испанией. Мы заметили, что на улицах Парижа в любое время дня и ночи стали

разъезжать закрытые машины с пеленгаторами. Если бы наши передачи длились продолжительное время, провал наступил бы неминуемо.

Нам мешали не только пеленгаторные установки. В окрестностях Парижа вступили в строй мощные станции глушения, которые часто препятствовали сеансам связи с центром.

Таковы причины, из-за которых потребовалось увеличить число передатчиков, усилить их мощность и разместить в разных районах города. Вторая и третья радиостанции работали в квартирах французских рабочих-антифашистов, которые потеснились и сдали нам комнаты. Они не знали для каких целей мы используем комнаты, да и не интересовались этим. Им было известно одно: они помогают делу Испанской республики, и это наполняло их чувством удовлетворения. Мы, разумеется, не оставляли здесь никаких следов своего присутствия.

Для обслуживания новых раций из центра прислали двух новых сотрудников. Один был югославский товарищ, а другой — из Чехословакии. Они только «отстукивали» наши сообщения, а шифровала Галина.

В начале 1938 года наши группа лишилась сотрудника «Z-4». По настоянию Гриши Салнина я должен был быстро переправить его в Испанию.

Весной 1938 года мы получили срочное задание: нужно было немедленно проверить достоверность одного сигнала, поступившего в центр, — участвуют ли в интервенции против республиканской Испании панская Польша и Бельгия. Советское правительство требовало точной информации о фактическом состоянии дела.

Разумеется, нужно иметь в виду, что ни Бельгия, ни панская Польша не могли тогда открыто помогать Франко, хотя и ненавидели республику и были готовы в любой момент направить мятежникам вооружение, войска, продовольствие: они могли оказать помощь только втайне от своих народов, и нам надлежало проверить непосредственно на месте достоверность поступившего сообщения.

В Польшу сразу же уехал «Z-6» Он должен был установить контакты с нашими сотрудниками в Лодзи, Гданьске, Кракове и Варшаве и поступить учиться в один из университетов. Он уже выполнил целую серию оперативных поручений во Франции и соседних с нею странах, показав великолепные качества разведчика. В панской Польше «Z-6» должен был «прощупать» пульс правящей верхушки. Она не скрывала своей политической и военно-стратегической принадлежности к западному

империалистическому блоку, главным образом к буржуазной Франции. Тогдашняя Польша связывала с Францией свое прошлое, настоящее и будущее. Подобно Чехословакии, ошибочная политическая ориентация и враждебный национализм привели эту страну к самой страшной в его истории катастрофе… Но это произошло через год-два, а в тот момент — в начале 1938 года — Франция и Англия щедро обещали Польше военно-политическую поддержку, и она стремительно катилась к пропасти…

Через несколько месяцев после отправки «Z-6» вернулся здоровым и невредимым. Задание было выполнено. Сигнал оказался ложным. Вооружение, боеприпасы и продовольствие, которые хранились в складах «специального назначения» не предназначались для отправки в Испанию. Центр был соответственно уведомлен об этом.

Подобное сообщение центр получил и из Бельгии. Туда мы поехали втроем — Галина, Петр Григоров и я, составив небольшую дружескую компанию, совершавшую туристическую поездку. Мы провели несколько дней в одном курортном местечке на берегу моря и вернулись в Париж «отдохнувшими»; в тот же вечер Галина передала в центр сообщение: «Ничего тревожного. Погрузка оружия в бельгийских портах не производится». Мы убедились в этом не только своими глазами, это подтвердили и наши люди, которые действовали в Бельгии.

Тем временем деятельность остальных звеньев группы шла полным ходом. Борьба велась на земле и на море. Она велась и в эфире. Война в эфире предшествовала другой войне — той, которую впоследствии бесстрастно зафиксировала история в своих анналах, которая погубила десятки миллионов людей, грозила гибелью всей цивилизации…

Республиканская Испания сражалась храбро, самоотверженно, но интервенция фашистских государств, покровительствуемая политикой так называемого «невмешательства», делала свое черное дело. Летом 1938 года после переменных успехов для обеих сторон и после чудес героизма, проявленного интернациональными бригадами и республиканскими частями, фашисты Франко предприняли массированную атаку против Арагонского фронта и прорвались к Средиземному морю. Это было началом конца.

В июле 1938 года правительство республики официально объявило, что согласно принять предложение международной комиссии, учрежденной Лигой нации, о полной эвакуации интернациональных бригад только в том случае, если Франко

даст согласие на вывод итало-немецких частей. Разумеется, Франко сразу же дал обещание — что стоило этому черному изменнику родины дать обещание, которое он и не думал выполнять. А республиканское правительство, верное данному слову, отдало распоряжение интернациональным бригадам сдать оружие и подготовиться к эвакуации под наблюдением комиссии Лиги наций.

В конце 1938 года, когда бригады должны были отправиться к французско-испанской границе (комиссия Лиги наций деловито закончила свою лицемерную миссию), в Валенсии произошло одно из самых трогательных событий в истории Испанской революции. Народ Испании простился с тысячами бойцов интернациональных бригад — добровольцами свободы. От имени Народного фронта Пассионария произнесла взволнованную речь:

— И Харама, и Гвадалахара, и Брунете, и Белчите, и Ливанте, и Эбро воспевают в бессмертных строфах достоинство, самоотверженность, целеустремленность, дисциплину воинов интернациональных бригад. Коммунисты, социалисты, анархисты, республиканцы, люди разного цвета кожи, разной идеологии, религии, глубоко любящие свободу и справедливость, оказали нам огромную помощь. Они отдавали все, одни — молодость, другие — зрелость, отдавали знания и опыт, кровь и жизнь, надежды и мечты, ничего не требуя, кроме места в рядах борцов. Знамена Испании, славьте героев! Склонитесь в память о них!

В конце января 1939 года на испано-французской границе, которая тянется по заледеневшим вершинам Пиренеев, скопились сотни тысяч беженцев и десятки тысяч добровольцев. Разоружаемые французскими жандармами, бойцы интернациональных бригад строем переходили на французскую землю, там их ожидали наспех сооруженные и тщательно охраняемые лагеря. Гражданские беженцы также были взяты под контроль и наблюдение — ведь этот народ голосовал за «Красную Испанию», сражался за нее, от него всего можно было ожидать… Кабинет Леона Блюма уже пал, его место занял Даладье, после него должен был прийти Лаваль, но реакция, французская империалистическая буржуазия оставались неизменными…

Читатель, наверное, спросит: были ли выведены из другой части Испании военные группировки Гитлера и Муссолини, как это обещал Франко? Срочно прибывшие в Испанию по призыву мятежников, интервенты чрезвычайно медлили с эвакуацией, выжидая ухода интернациональных бригад, а потом вывод войск был вовсе прекращен, их наличные силы поддержали наступавшие полчища Франко. Обреченность республики стала

для всех очевидной.

Впрочем, о республике уже никто не думал — она была отдана фашизму в качестве жертвы, хотя все еще сражалась… Да и кто из «великих» западных стран мог думать о ней, когда опасность стучалась и в их двери… А она постучалась к ним еще в сентябре 1938 года, когда в Мюнхене Гитлер стукнул кулаком по «круглому столу переговоров». Отдав Испанскую республику агрессорам, «великие» державы поступились Чехословакией и Австрией, затем настал черед Польши… Чудовище вылезало из своей берлоги.

С падением республики наша работа в Париже, естественно, прекратилась. В начале 1939 года мы с Галиной собрали свои чемоданы в дорогу. Петр Григоров уехал с важными поручениями в США. Но в целом группа оставалась. Остались глубоко законспирированные наши сотрудники во Франции, Италии, Германии, Португалии, Испании. Войдя в новую оперативную организацию, в годы войны они самоотверженно сражались против «нового порядка», и многие из них погибли в гитлеровских концентрационных лагерях или были расстреляны. Ныне имена этих героев окружены заслуженным ореолом славы.

Война в Испании закончилась, а спустя некоторое время началась мировая война, увертюрой к которой была испанская трагедия. Приближались жестокие времена, вчерашние покровители фашизма и национализма должны были стать жертвой своего политического лицемерия. Подобно легенде о дровосеке и злом духе в бутылке, они с преступной политической наивностью откупорили пробку и выпустили злого духа, когда он превратился во всепоглощающее свирепое чудовище, они, в отличие от героя легенды, оказались перед лицом бедствия слабыми, жалкими и беспомощными… И только великая социалистическая Страна Советов, которая дальновидно предупреждала о приближающейся угрозе, взяла, на свои плечи тяжелое бремя спасения человечества.

Часть шестая

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА. НА ЗАЩИТУ МОСКВЫ. СОЛНЦЕ НАД БОЛГАРИЕЙ

1. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

Начало Отечественной войны — 22 июня 1941 года — застало меня в Москве. Я был преподавателем Военной академии имени М. В. Фрунзе. Кроме меня, в академии преподавали наши болгарские коммунисты Цвятко Радойнов и Иван Кинов-Чернов. В разные годы до этого здесь работали преподавателями Георгий Дамянов-Белов и Асен Греков — будущие создатели болгарской Народной армии. В последнее время Академия имени М. В. Фрунзе приобрела исключительно важное значение в деле повышения боеготовности и боеспособности вооруженных сил. Время не ждало, война в Европе уже бушевала, и только месяцы, недели, дни отделяли нас от ее пожара.

Весь преподавательский состав академии во главе с ее начальником Б. М. Шапошниковым прилагал огромные усилия, чтобы успеть при имевшихся возможностях подготовить как можно больше командных кадров. Все мы понимали: от уровня подготовки выпускников академии завтра будет зависеть многое, очень многое…

От перегруженности у меня часто болела голова. К концу недели боль становилась нестерпимой, и я откладывал в сторону книги и брался… за рубанок. Я любил столярное дело. Это занятие было для меня настоящим отдыхом. Встав за верстак, я забывал обо всем: этот труд приносил мне покой и наслаждение… Любил физический труд и Павел Иванович Берзин. Когда он узнал, что я люблю отдыхать за верстаком, он сказал: «Хорошо тебя понимаю. Ничто не может мне заменить часы, проведенные у токарного станка…»

Как-то потом Наташа Звонарева мне рассказала, что Берзин после особенно тяжелого дня спускался в авторемонтную мастерскую, расположенную в подвальном помещении Четвертого управления, и запускал станок — в прошлом он был рабочим-металлистом: надев комбинезон, работал час, а то и больше, а затем возвращался в свой рабочий кабинет планировать ожесточенные битвы «невидимого фронта»…

Когда мы вернулись из Парижа, я установил верстак под лестничной клеткой, отгородив небольшое помещение. Оно, конечно, было тесным и не особенно приветливым, но полностью устраивало меня: я просто нуждался в уголке, где можно было с наслаждением вдыхать аромат оструганного дерева, ощущать пальцами его гладкую поверхность…

В то роковое воскресенье — 22 июня 1941 года — я работал в своей импровизированной мастерской. Встал очень рано —

головная боль прогнала сон — и спустился вниз.

Увлеченный работой, я неожиданно почувствовал за спиной присутствие человека. Повернулся. Это была Галина. На ней буквально лица не было. Она смотрела на меня широко открытыми глазами, губы крепко сжаты, словно онемевшие, лицо белее снега. Я сразу понял: случилось ужасное.

— Галя, что случилось?

— Война… Война началась… Только что передали по радио… Немцы вторглись на всем протяжении от Балтики до Черного моря…

Я обнял ее. Столько тревожных дней мы пережили вместе. Она всегда была моим лучшим другом, советником и помощником, где бы мы ни были — ив Китае, и в Вене и в Париже. Но никогда я не видел ее такой потрясенной.

— Значит, началась… Но ты не падай духом, Галя, не бойся… Мы воевали столько лет… что ж, повоюем опять. Россию никто не мог покорить… Ее враги находили в ней себе могилу…

Наступили суровые времена. Советскому народу, сплоченному вокруг своей Коммунистической партии, предстояло показать свою неизмеримую твердость, стойкость, мощь.

Мобилизация началась сразу. Впрочем, к ней готовились и раньше, но до самого момента нападения она не была объявлена: советские руководители не подозревали всей меры вероломства гитлеровцев. Ведь совсем недавно в Москву прилетал фон Риббентроп для подписания договора о ненападении, а Гитлер и Геринг уверяли всех в «мирных» намерениях по отношению к СССР!

Мобилизация проходила успешно. Но если небольшой Болгарии для этого понадобились бы считанные дни, то при гигантских масштабах Советского Союза для мобилизации требуются недели, месяцы… За эти недели и месяцы гитлеровцы, стянув к западным границам огромные полчища, вторглись на советскую землю, подвергая опустошению мирные города и села Украины, Белоруссии…

Советское правительство предпринимало все меры, прилагало неимоверные усилия, чтобы обуздать агрессора путем создания военно-политических союзов. Известны его настоятельные предложения о заключении военно-оборонительных пактов с Францией, Англией, Чехословакией, Польшей, Югославией, Румынией, Болгарией, Турцией. По решению правительства промышленность сосредоточивалась на Урале и за Уралом, в Западной Сибири — там, куда не смогли бы проникнуть ни сухопутные силы, ни авиация возможного

агрессора.

Советское правительство издало директиву, имевшую кардинальное значение для реорганизации и дальнейшего развития военной авиации. С момента ее издания — февраля 1941 года — все военные заводы начали интенсивную работу по внедрению в производство новых типов скоростных и маневренных боевых самолетов. То же самое относилось к производству танков и артиллерии. Однако, как отмечают советские военные историки, работа по подготовке контрудара против будущего противника была недостаточна по масштабам, содержанию и запоздала по времени.

Гитлеровская Германия предприняла нападение на Советский Союз после того, как покорила уже почти всю Европу. Другими словами, на вооружение Германии и снабжение ее боеприпасами и всем остальным, необходимым для ведения тотальной войны, работала вся Европа — промышленность Франции, включая мощные военные заводы Лотарингии, тяжелая металлургия, машиностроение и военная промышленность Силезии и Померании, сильно разросшаяся после первой мировой войны военная и машиностроительная промышленность Чехословакии, оружейные заводы Венгрии, Испании, Бельгии, Голландии, Норвегии, Австрии, Румынии. К этому нужно добавить, что в руки гитлеровцев попало все оружие французской и польской армии, оружие Чехословакии. Следует иметь в виду, что в то время чехословацкая армия была не только большой и отлично обученной, но и хорошо вооруженной: только из ее арсеналов гитлеровцы забрали сотни тысяч современных пулеметов, скорострельных орудий, тяжелых мотоциклов, часть которых была использована Роммелем в его «африканском походе»…

Против СССР Гитлер бросил 190 дивизий (т. е. 5,5 миллионов человек) только сухопутных сил, могучие армады кораблей воздушного и военно-морского флота. Никакая армия в мире не смогла бы устоять против удара этой чудовищной военной машины.

Нужно иметь в виду также и то, что наряду с военным арсеналом Европы гитлеровская Германия располагала и ее людскими резервами (в составе полчищ захватчиков имелись румынские, венгерские, итальянские, испанские, финские и другие армии), резервами ее легкой промышленности, сельскохозяйственной продукцией, территорией, аэродромами, путями сообщения, портами…

Советский Союз был один. Пресловутый второй фронт западные союзники открыли поздно, очень поздно, когда фактически конец войны был предрешен. Унаследовав от царской

России крайне отсталое народное хозяйство, Советский Союз перед войной только начал разворачивать в современных масштабах металлургию и машиностроительную промышленность. Со времени первой пятилетки, когда были заложены основы крупной тяжелой индустрии, прошло всего десять лет. Советский Союз испытывал острую нужду в железе и стали, он хотел жить в мире, созидать и поэтому изготавливал из железа и стали не винтовки и орудия, а главным образом плуги и комбайны, строительный прокат, производил турбины для электростанций, провода для электрификации сел, выпускал тракторы для колхозов…

Народ, который не думал никому причинять зла, был всецело занят мирным созидательным трудом. Для производства достаточного количества оружия не хватало железа и стали…

Поэтому потребовались месяцы, пока советская промышленность была переведена на военные рельсы и вместо плугов и тракторов начала выпускать оружие. На оборону стали работать все лучшие научные силы страны. И уже в 1942 году Советская Армия смогла противопоставить вооруженным до зубов гитлеровским ордам достаточное количество более совершенных танков (КВ и Т-34 были грозой для врага), эффективной артиллерии (славные ракетные минометы «катюши» сеяли панику в рядах немецко-фашистских войск), быстролетных и маневренных самолетов…

Я уже не говорю, разумеется, о факторе, который сыграл огромную роль в победоносном исходе войны — о морально-политическом единстве советского народа, сплоченного вокруг своей героической партии, о несокрушимом духе советских воинов.

На второй день войны к Георгию Димитрову были вызваны три полковника Советской Армии: Христо Боев, Цвятко Радойнов и я. Мы явились вдвоем с Боевым. Цвятко Радойнов в тот момент находился по делам службы в районе западной границы Советского Союза, его возвращения ожидали с часу на час. Христо Боев был тот самый командир восставших солдат-фронтовиков, который повел их в сентябре 1918 года на Софию, чтобы расправиться с подлинными виновниками национальной катастрофы. Позднее Боев был вынужден эмигрировать. Двадцать лет, прошедшие с тех пор до момента нашего вызова, были для него годами выполнения революционного долга в Китае, на Ближнем Востоке, в Европе и в Африке. Боев окончил в Москве Академию бронетанковых войск и к своим исключительным качествам революционера присовокупил знания военного инженера.

Цвятко Радойнов, замечательный болгарский интернационалист, жизнь которого позднее превратилась в настоящую легенду, также имел яркую биографию. В свое время он вместе с Тодором Грудовым организовал восстание в Карабунаре и повел карабунарских повстанцев на Бургас. Позднее Радойнов эмигрировал в Советский Союз и по окончании Военной академии имени М. В. Фрунзе многие годы служил в рядах Красной Армии. В 1936 году, когда в Испании вспыхнула гражданская война, Радойнов вместе с группой советских военных специалистов уехал в качестве военного советника в один из корпусов республиканской армии. После возвращения из Испании он был назначен преподавателем в Академию имени М. В. Фрунзе.

Мы были близкими друзьями. Нас связывала не только любовь к своей родине, но и долголетняя борьба в защиту интернационального дела.

В кабинете Георгия Димитрова мы застали его самых близких соратников и помощников — Васила Коларова, Станке Димитрова и Георгия Дамянова (Антон Иванов еще в конце 1940 года был направлен на родину, чтобы оказать помощь в работе Центрального Комитета БКП).

— Знаете, для чего мы вас вызвали, товарищи? — начал Димитров. — Время теперь суровое… Советскому Союзу угрожает смертельная опасность… Страшная угроза нависла над делом революции. — Он в общих словах обрисовал создавшееся положение, потом сообщил: — Все наши политэмигранты немедленно должны включиться в борьбу против врага…

Исполнительный комитет Коминтерна предложил ЦК ВКП(б) и советскому правительству сформировать специальный полк в составе создающейся бригады и получил на это согласие. В этот полк Димитров решил направить политэмигрантов — испанцев, французов, англичан, немцев, чехов, словаков, австрийцев, болгар, румын, греков, поляков, итальянцев и других, — которые обрели в лице Советского Союза вторую родину. Бригада, численный состав которой превысит несколько тысяч человек, должна была формироваться в Москве и включиться в оборону советской столицы. Нас троих (Боева, Радойнова и меня) Коминтерн зачислил в интернациональный полк и поручил его формирование, гарантировав поддержку Коминтерна и лично Георгия Димитрова.

Еще до сформирования бригады Георгий Димитров потребовал, чтобы мы привели в боевую готовность находившихся в Москве и ближайших окрестностях болгарских политэмигрантов. Часть товарищей надлежало включить в состав

бригады для обороны Москвы, а другую — отправить со специальными заданиями в тыл немецко-фашистских войск.

— Вы понимаете, что я имею в виду, товарищи, — добавил Георгий Димитров. — Я имею в виду Болгарию… Заграничное бюро нашей партии решило, — продолжал Георгий Димитров, — направить группу из нескольких десятков политэмигрантов в помощь партии. Вы знаете, она находится на нелегальном положении с 1923 года. Многие тысячи болгарских коммунистов были уничтожены во время Сентябрьского восстания 1923 года и многие — в апрельские дни 1925 года. Тысячи позднее были брошены в тюрьмы, расстреляны, повешены. Несколько сот сражалось в Испании, многие сложили головы в боях на испанской земле. Часть бойцов интернациональных бригад сумела вернуться в Советский Союз или в Болгарию, но большинство попало в концентрационные лагеря во Франции. Ввиду этого партия в настоящий момент не имеет достаточного количества подготовленных кадров. Как же она поведет народ на вооруженную борьбу?

Задача группы состояла в том, чтобы проникнуть через линию фронта в Болгарию, которая фактически являлась гитлеровским тылом, и там оказать помощь Центральному Комитету по организации антифашистского движения Сопротивления.

— Состав группы, — сказал Георгий Димитров, — уточните с Георгием Дамяновым. Следует самым внимательным образом оценить возможности каждого человека. Сейчас на родине нужны не просто бойцы, которые могут стрелять, а командиры и организаторы, способные повести за собой массы, возглавить партизанские отряды… Действуйте как можно быстрее, — закончил Георгий Димитров. — Наш главный интернациональный долг теперь состоит в том, чтобы сделать все возможное для оказания помощи советскому народу.

Георгий Дамянов, который присутствовал на этой встрече и с которым мы должны были сделать все необходимое для комплектования группы, в то время был одним из видных деятелей Коминтерна и многие годы отвечал за его кадры. Старый боевой товарищ, командир славной Лопушанской дружины, прославившейся при взятии города Фердинанда (ныне Михайловград) и станции Бойчиновцы в дни Сентябрьского восстания, Георгий Дамянов был одним из видных болгарских политэмигрантов и самых пламенных сторонников сентябрьского курса. После выезда наших эмигрантов из Югославии Георгий Дамянов был направлен в Советский Союз и там в конце двадцатых годов закончил Военную академию имени

М. В. Фрунзе. Позднее два года был в ней преподавателем. В его лице Георгий Димитров нашел верного, всесторонне подготовленного соратника, которого привлек к работе в Коминтерн, где он выполнял ряд ответственных задач. В 1935—1937 гг. он вместе со Станке Димитровым нелегально находился в Болгарии, способствуя претворению в жизнь нового, димитровского курса нашей партии. После возвращения в Советский Союз он стал членом Заграничного бюро партии. Георгий Дамянов пользовался любовью и уважением всей болгарской политэмиграции. При этом он знал всех наших людей и лучше всех был осведомлен, кого и как можно использовать для работы во вражеском тылу.

Мы немедленно приступили к формированию группы. К концу июня мы уточнили, кого из людей следует включить в ее состав. В нее вошли военные инженеры, экономисты, партийные работники, журналисты, профессора. Большинство из них имели богатый революционный опыт, они участвовали в Сентябрьском восстании, сражались в рядах интернациональных бригад в Испании — это была лучшая часть болгарской политэмиграции, часть «золотого фонда» нашей партии, как в свое время сказал Васил Коларов.

На каждого члена группы мы составили краткую характеристику. В эту работу включился и Цвятко Радойнов, который вернулся из командировки, где смог, как он рассказывал, понюхать пороха. Подготовленный список был представлен в Заграничное бюро партии. И был одобрен.

В конце июня приступили к вызову намеченных людей.

Каждый болгарский политэмигрант считал своим долгом, делом личной и революционной чести быть направленным на самый опасный участок. Некоторых, кто не имел необходимого опыта работы во вражеском тылу, мы не вызывали, но каким-то образом они узнали, что наши группы готовятся к отправке туда, в Болгарию, и приходили сами, настаивали, просили зачислить их в ряды первых, кто отправится сражаться на родную землю. Все они с трогательным волнением высказывали свои просьбы. А ведь просили только о том, чтобы им разрешили сражаться.

2. «ПОДВОДНИКИ» И «ПАРАШЮТИСТЫ»

Группы, которые в нашей истории антифашистской борьбы получили название «подводников» и «парашютистов», вначале были единым целым, и никто в Заграничном бюро не думал делить это целое с точки зрения способов доставки на родную землю. Никто не думал о том, как эта сотня бойцов будет переправлена через линию фронта и доставлена на место назначения. Это было делом советских властей.

Между 15—18 июля 1941 года наша группа в составе около тридцати человек отправилась в Севастополь. Кроме нас троих, в нее были включены товарищи Сыби Димитров и Аврам Стоянов — испытанные деятели БКП на родине и в эмиграции. Нашу группу следовало перебросить в Болгарию как можно скорее. Другие группы должны были последовать за нами. Заботу об их комплектовании и направлении во вражеский тыл взял в свои руки Георгий Дамянов, которому помогали Фердинанд Козовский, Карло Луканов, Жечо Гюмюшев, Стоян Палаузов, Йордан Кискинов. Тридцать товарищей, членов второй группы, были, как известно, переброшены в Болгарию по воздуху пятью партиями. Они широко известны в нашей истории антифашистской борьбы как «парашютисты».

Нашу группу назвали группой «подводников».

Впрочем, как я уже упоминал, вначале никто из нас, организаторов этих групп, не знал, каким образом мы доберемся до родной земли. Мы предполагали, что для этого будет использован самолет. Это был самый легкий и самый быстрый способ передвижения — несколько часов лета через линию фронта или через море, высадка на парашютах в определенных пунктах и… все в порядке. За одну ночь боевая группа может оказаться в районе своей будущей деятельности.

Казалось бы, легко и просто. Но так это представляется только человеку, незнакомому с конкретными условиями полета и высадки во вражеском тылу. Высадка на парашютах в такой небольшой стране, как Болгария, при наличии густой сети полицейского и военно-фашистского аппарата, не представлялась, мягко говоря, перспективным решением проблемы. Так, по крайней мере, думали мы — Цвятко Радойнов, Христо Боев и я — и, к сожалению, наши опасения оказались верными: большинство парашютистов, сброшенных в сентябре — октябре 1941 года на нашу территорию с самолетов, попали в руки врага и погибли.

Идея переброски на родной берег по морю пришла в голову

Боеву и мне. Много лет назад мы вдвоем с Боевым много раз пересекали синие просторы и знали все плюсы и минусы подобного мероприятия. Разумеется, наши рейсы по Черному морю датировались очень давним временем. Теперь обстановка была другая — шла война. Болгарский берег тщательно охранялся немецко-фашистскими подразделениями береговой обороны, Варна, Балчик и Бургас были превращены в военно-морские базы немецкого флота и кишели гитлеровскими солдатами, которых постоянно отправляли морем на Восточный фронт. На Черном море все более активизировались военно-морские силы Германии, Италии, Румынии, оказывавшие поддержку операциям сухопутных войск в наступлении на Одессу — крупный советский порт на юге страны. Да, положение и обстановка летом 1941 года далеко не соответствовали обстановке 1921—1924 гг. И все же…

Все же мы решили (к нам сразу же присоединился Цвятко Радойнов), что наша группа должна добраться до цели именно морем. Это можно было осуществить с помощью любого судна — катера, моторной шхуны, парусной яхты или лодки. Мы с Боевым были уверены, что сумеем вывести доверенную нам группу на твердую землю, невзирая на все опасности. Так мы размышляли, и никто из нас и не мечтал о подводной лодке. В тот момент советский флот с огромными усилиями оборонял южную морскую границу, и каждый корабль, не говоря о подводной лодке, был на вес золота.

Так мы думали и так поставили вопрос перед советскими властями в Севастополе. Советские товарищи с полным вниманием выслушали наши аргументы в пользу морского десанта. Но когда мы конкретизировали свою просьбу и попросили какое-нибудь свободное в данный момент судно, они не согласились.

— Исключено. Как вы перейдете линию фронта? На моторной лодке мы даже в мирное время не взялись бы перебросить вас туда, тем более сейчас. Исключено.

Мы вернулись в расположение группы расстроенные. Но, разумеется, никому не дали понять о возникших осложнениях, тем более что вопрос пока еще находился в стадии разрешения. И все же мы тревожились: «Отказали в моторной лодке, слова не дали сказать о паруснике. Что же делать?»

В то время как три командира были заняты решением узловых проблем, группа начала усиленные занятия по боевой и специальной подготовке. Впрочем, подготовка была начата еще в Москве: там многие обучались стрельбе из разных видов огнестрельного оружия. Потом мы собрали людей в окрестностях

столицы и организовали теоретические и практические занятия по минно-подрывному и радиоделу, прыжкам с парашютом. Изучали обстановку и политическое положение в нашей стране. Занятия были продолжены в Севастополе. К этому прибавились усиленные тренировки в гребле, плавании, пользовании надувными десантными лодками. Несмотря ни на что, мы не теряли надежды быть переброшенными в Болгарию морем.

Занятия по минно-подрывному делу проводил инженер Васил Додев. Отличный электротехник, в недавнем прошлом главный инженер крупного московского завода, мой сотрудник по работе в 1924—1930 гг. в Вене, Васил Додев и теперь безо всяких колебаний отозвался на первый сигнал. На включении его в нашу группу настоял я. Кроме него в группу были включены еще несколько товарищей, которых я знал лично и с которыми в недавнем прошлом выполнял различные задания: это были Васил Цаков Йотов, Янко Комитов, Иван Маринов, Иван Крекманов. К ним следует прибавить и двух чехословацких товарищей «Z-17» и Иосифа Бейдо-Байера. Это были те два прекрасных патриота-интернационалиста, которые в 1932 году оказали большую помощь нашей разведке. Когда Интеллидженс сервис напала на их след, мы их переправили через границу. В Советском Союзе они были приняты очень радушно и сразу же получили работу по своей специальности. Они были специалистами высокого класса в области радиотехники и радиотелеграфии. Когда я им предложил принять участие в нашей группе, оба сразу же согласились без колебаний, несмотря на то, что нам предстояло сражаться в Болгарии. Они прекрасно понимали, что антифашистский фронт повсюду общий, что враг один и тот же и долг каждого интернационалиста бороться с ним. Чехословацкие товарищи обучали членов группы радиоделу, а сами готовились исполнять обязанности наших радистов, когда группа будет переброшена на болгарскую землю и начнет действовать.

Когда позволяло время, мы, три командира, регулярно знакомили членов группы с характером будущих наших задач, со спецификой работы во вражеском тылу, тактикой партизанского боя, некоторыми основными требованиями конспирации и правилами поведения в подполье и прочее. Несколько лекций о международном положении, обстановке на фронтах и конкретной ситуации в Болгарии прочитали Христо Боев и Цвятко Радойнов. Мы прилагали все усилия к тому, чтобы люди, которые завтра окажутся в условиях строгой конспирации, хотя и на родной земле, могли наиболее правильно решать конкретные задачи, умели скрываться от врага, избегая ненужных схваток с ним, усердно и терпеливо изучали условия, прежде чем приступить к

действию, строго соблюдали законы революционной дисциплины, отыскивали слабые стороны врага и наносили ему удары там, где он их меньше всего ожидал.

Почти все члены группы являлись старыми революционерами и опытными конспираторами с небольшим или большим стажем нелегальной борьбы. Они не раз смотрели смерти в глаза, сражались в партизанских отрядах или на фронтах в Испании, исполняли в течение многих лет ответственные задания. Одним словом, все они были люди опытные. Их подготовка фактически началась в тот далекий день, когда они впервые отозвались на призыв революционного долга.

Начало августа застало нас за лихорадочной подготовкой к отплытию. Именно к отплытию. Советские товарищи, которые всегда относились с пониманием к любой нашей просьбе, и теперь не заставили долго ждать. В ответ на нашу просьбу они выделили нам подводную лодку! Читатель может себе представить ликование, которое охватило наши сердца, когда мы узнали об этом решении. Мы не находили слов для выражения безграничной благодарности! Даже в этот грозный час советские вооруженные силы нашли возможность оказать нам помощь, выделив самое надежное и самое безопасное в тот момент транспортное средство, которое позволяло благополучно добраться до родных берегов!

Готовясь к отплытию, мы самым тщательным образом продумали вопрос об экипировке наших людей — позаботились об одежде, обуви, оружии, личных документах. Все эти вопросы были решены своевременно: одежда и обувь были пошиты по мерке, для каждого человека разные. Этот заказ был выполнен мастерской в Симферополе. Там же сшили и ранцы, которые могли вместить запасную гражданскую одежду, белье, питание на несколько дней, боеприпасы и прочее. Мы решили проблему уничтожения следов после высадки на родной берег.

Члены группы были снабжены надежными документами. При их изготовлении, а также как и при всей подготовке неоценимую помощь оказали нам севастопольские товарищи.

Наконец, подготовка включила и конкретное распределение людей по районам и областям, куда им следовало отправиться сразу же после высадки на берег. Здесь мы соблюдали принцип — каждый человек направляется в район, где он родился. Мы рассуждали так: любой из нас сможет легче законспирироваться среди родных, товарищей и близких людей и через них связаться с партией для организации повсеместной вооруженной борьбы. Что касается нас, троих командиров, то Георгий Димитров

распорядился, чтобы мы добрались до Софии, — связались с Центральным Комитетом БКП и поступили в его распоряжение. Центральный Комитет должен был нам дать конкретные задания и определить место, которое мы займем в предстоящей борьбе.

В конце июля нас разбили на три группы по десять человек. Каждый из трех командиров включил в свою группу людей, которых знал лично или которые были из одного с ним края. В мою группу вошли: Васил Додев, Васил Цаков, Георгий Павлов-Гоню, Иван Маринов, Коста Лагадинов, Кирилл Видинский, чехословацкий товарищ «Z-17», Густав Влахов и Янко Комитов. Мы должны были отправиться первыми. Второй была группа Христо Боева, а третьей — группа Цвятко Радойнова. В последние дни группы занимались отдельно, каждая под руководством своего командира — это облегчало и ускоряло подготовку к отплытию.

В начале августа настала пора ожидания сигнала к отправке. Каждый вечер кто-нибудь из трех командиров ехал на машине, предоставленной в наше распоряжение, в Севастополь, чтобы согласовать действия группы с советскими властями. И, разумеется, узнать, когда будет готова к отплытию подводная лодка.

Под вечер 4 августа, за три дня до отхода первой подводной лодки, в командирской комнате на вилле «Дельта» раздался продолжительный телефонный звонок. Я в это время проводил занятия с моей группой. Мне пришлось их прервать: Цвятко Радойнов, который снял трубку, послал за мной товарища.

— Ванко, с тобой хотят говорить товарищи из Москвы, — сказал он, когда я вошел.

Звонили из штаба бригады особого назначения. Мне приказали немедленно вернуться в Москву, взяв с собой четырех человек, говорящих на турецком языке. Дан боевой приказ — тут нельзя ни спорить, ни колебаться.

Я был несказанно огорчен. Подобное случалось со мной уже в третий раз. Первый раз Васил Коларов вернул меня с варненского берега, разлучив с Василом Каравасилевым, и я, вместо того чтобы принять участие в Сентябрьском восстании, отправился на выполнение другого задания; второй раз я попросился послать меня в Испанию вместе с другими болгарскими товарищами, я горел желанием сражаться на фронтах против Франко в рядах интернациональных бригад, а вынужден был сражаться на «невидимом фронте». И вот теперь… Я уже видел нашу подводную лодку, осмотрел ее, познакомился с командиром, будущим героем товарищем А. Девятко, обсудил с ним некоторые подробности высадки нашего десанта. Я уже сжился с мыслью о

Болгарии так, что каждый день, каждый час, который отделял нас от момента отплытия, угнетал меня, я чувствовал, что выдержка начинает изменять мне, удивлялся рассеянности — ибо все мои чувства, все мои тревоги и радости, все мои помыслы и заботы были устремлены на запад, за синий горизонт моря, к родному берегу.

Мы собрались в командирской комнате, чтобы решить внезапно возникшие проблемы. Выбрали людей, которых мне следовало взять с собой в Москву (это были Янко Комитов, Тодор Фотакиев, Георгий Павлов-Гоню и Атанас Мискетов). Перераспределили всех людей — в две группы, и решили, что первую группу поведет Цвятко Радойнов: Христо Боев в тот момент был болен.

В Москву мы отправились той же ночью. По-братски простились с Цвятко Радойновым и Христо Боевым. Настроение у меня было подавленное. Однако я понимал: если штаб бригады приказывает, значит, для этого, наверное, имеются достаточно серьезные основания. И все же, все же…

Первая подводная лодка ушла к родным берегам 7 августа. Группу возглавлял Цвятко Радойнов. Вторая подводная лодка отплыла 28 августа 1941 года. На ее борту находилось девять болгарских революционеров. Группу возглавлял Мирко Станков из ихтиманского села Василица, бывший боец отряда Кискинова, а затем политэмигрант, боец интернациональной бригады (Христо Боев из-за болезни остался в Севастополе).

Благополучно высадившись на болгарском берегу, двадцать три революционера приложили все усилия, чтобы добраться в районы назначения и связаться с местными партийными организациями с тем, чтобы включиться в антифашистское движение Сопротивления. Большинство из них смогли достичь этой цели, другие были схвачены фашистской полицией. Цвятко Радойнов сумел добраться до Софии, связаться с Центральным Комитетом работавшей в глубоком подполье партии и возглавить Центральную военную комиссию. Он осуществлял руководство ею с ноября 1941 по 24 апреля 1942 года, до тех пор, пока полиция не арестовала его, напав с помощью провокатора на след нелегальных деятелей партии. Цвятко Радойнов проделал огромную работу по организации и созданию единого военно-политического руководства, поднимавшейся в стране всенародной антифашистской борьбой. 26 июня 1942 года восемнадцать героев, членов групп подводников и парашютистов, во главе с Цвятко Радойновым были расстреляны в туннелях стрельбища школы офицеров запаса.

Что касается парашютистов (сведениями о них наша

историческая и мемуарная литература очень бедна), то они направлялись в Болгарию с середины сентября до первой половины октября 1941 года. Самолеты обычно вылетали из Симферополя, перелетали Черное море и сбрасывали группы парашютистов в заранее намеченных районах. Всего групп было пять.

Известные трудности таких полетов в тыл врага, отсутствие хороших ориентиров, немецкая противовоздушная оборона, незнакомая местность — все это явилось причиной того, что группы были сброшены не в предварительно намеченных районах. Большинство бойцов вскоре после приземления на родную землю были схвачены, осуждены и расстреляны вместе с Цвятко Радойновым. Остальные, которым удалось уцелеть, активно включились в антифашистское движение Сопротивления и внесли ценный вклад в дело окончательного разгрома немецко-фашистских оккупантов.

3. МОСКВА НЕПОБЕДИМА. БРИГАДА ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Вернулся я в Москву в начале октября 1941 года, после двухмесячного отсутствия. Я и еще пятеро сотрудников (среди них был и мой старый боевой товарищ по Китаю Леонид Этингон) выполняли очень сложную задачу в одной соседней стране. Этой страной являлась Турция, а наше задание было связано с настойчивыми попытками гитлеровцев и их дипломатического представителя — старого империалистического волка фон Папена — вовлечь южную соседку Советского Союза в свой агрессивный военный блок. В июле — августе 1941 года Турция, испугавшись угроз Гитлера, подступившего к самым Дарданеллам, готова была пожертвовать своим нейтралитетом. С привлечением Турции к «оси» Гитлер проектировал нанести удар по Советскому Союзу с юга, со стороны Кавказа, оттуда добраться до бакинской нефти и донбасского угля…

Советский Союз приложил все усилия, чтобы устранить эту опасность. Впрочем, такой ход событий был опасен и для Турции: в случае осуществления гитлеровского плана ее территория превратилась бы в арену жестоких боев, в результате которых страна подверглась бы ужасающему опустошению. Турция устояла перед шантажом Гитлера — Папена. Угроза границам Советского Союза с юга была устранена.

Страшная война на всем гигантском протяжении линии фронта, от Крайнего Севера до Одессы и Крыма, велась с невиданной силой. Когда я вернулся в Москву, столица находилась в боевой готовности. Пятимиллионный город, который был не просто столицей, а сердцем социалистической Родины, жил лихорадочной жизнью: все московские заводы и фабрики, перешедшие на режим военного времени, круглосуточно, с полным напряжением сил производили оружие и боеприпасы для фронта. У машин и заводских станков, доменных печей и паровых молотов стояли женщины. Почти все мужчины ушли на фронт. В те суровые времена советские женщины проявили чудеса героизма, и никакие поэмы не в состоянии воспеть их подвиг.

Одновременно с напряженной работой на промышленных предприятиях москвичи (опять же главным образом женщины, старики, даже дети) и день и ночь строили укрепления вокруг Москвы. Никто не говорил об этом, но в душу каждого закрадывалась страшная мысль: немцы рвутся к Москве, немцы

сделают все, чтобы ее захватить!..

Это было так. Об этом говорило предельно ясно стратегическое направление гитлеровского наступления. Хотя немецко-фашистские захватчики наступали одновременно по всей линии фронта от Балтики до дельты Дуная, они сконцентрировали основные силы на направлению Брест — Минск — Смоленск — Москва. Что касается Ленинграда, расположенного у самой западной границы Советскою Союза, то немецко-фашистское командование ожидало, то он падет уже в первые дни войны. Оно думало, что такая участь постигнет и многие другие пограничные населенные пункты, например, Брест. Но советский народ, несмотря на огромное военно-техническое превосходство противника, поднялся на защиту своей земли, своей великой Советской Родины. Ленинград не пал ни в первые дни после нападения, ни позднее, когда Гитлер обрушил на него всю свою ярость, чтобы сравнять его с землей и покорить, ни в конце войны, когда уже все надежды на успех на юге и в центре были погребены под горами трупов. Брест был взят, но фашисты очень дорого заплатили за эту победу…

Враг продвигался на восток.

Москва была основной целью «плана Барбаросса». «Взятие этого города, — говорилось в пресловутом плане, — означает решающий успех как с политической, так и с экономической точки зрения». Гитлер считал, что с захватом столицы Советский Союз автоматически капитулирует. На эту карту он поставил все.

> «Солдаты, перед вами Москва! — обратился фюрер со специальным воззванием к армиям на восточном фронте. — За два года все столицы континента преклонились перед вами, вы прошли по улицам самых красивых городов. Осталась Москва. Заставьте ее склониться, покажите ей силу вашего оружия, пройдите по ее площадям. Москва — это конец войны. Москва — это отдых. Вперед!»

Для удара Гитлер сосредоточил огромную материальную мощь. На московское направление была переброшена группа армии «Центр» во главе с фельдмаршалом Боком. Всего для наступления на Москву гитлеровские стратеги сосредоточили 77 дивизий, из них 14 танковых и 8 моторизованных. Это была колоссальная военная сила, которая составляла почти половину всех армий, выдвинутых на восточный фронт. На основное направление Минск — Смоленск — Москва было брошено огромное число самолетов, бронемашин, артиллерии.

Гитлер обещал принять парад своих «победоносных,

увенчанных лаврами величайших побед рейха» дивизий 7 ноября в Москве, на Красной площади, у стен Кремля. Он поклялся провидению, которое всегда помогало ему, что достигнет этой цели.

В начале октября немецко-фашистские войска глубоко вклинились в пределы Советской страны и приблизились к Москве. Под кованым сапогом оккупанта очутились вся Белоруссия, Прибалтийские республики, западные области России, значительная часть Украины. Пал и Смоленск, искони считавшийся «воротами» Москвы. После страшных кровопролитных боев в руках врага оказались Витебск, Вязьма, Можайск, Малоярославец. Чудовищная немецко-фашистская военная машина оказалась у стен Москвы. 20 октября в Москве было объявлено осадное положение. Город стал прифронтовым. Мир, затаив дыхание, следил, не перестанет ли биться великое сердце Советского Союза.

Сразу по прибытии в Москву я явился на доклад в штаб бригады, а затем к Георгию Димитрову. Коминтерн находился еще в Москве, но готовился к предстоящей эвакуации: упаковывались архивы, документы, первые партии людей уже были отправлены в Уфу и Куйбышев, чтобы подготовить условия для переезда туда остальных работников. Но Димитров еще находился в Москве. В Москве были и его соратники по Заграничному бюро партии — Васил Коларов, Станке Димитров, Георгий Дамянов. Когда Димитров пригласил меня в свой кабинет, там находился Георгий Дамянов.

— Хорошо, что ты приехал, — встретил меня Димитров. — Вовремя вернулся… Мы как раз обсуждаем вопрос о создании интернационального полка бригады… Хотим направить тебя туда комиссаром. Уже договорились об этом с товарищами из штаба бригады. Сам-то ты не возражаешь против этого?

Читатель уже знает о том, что была создана бригада особого назначения, она начала формироваться в период создания болгарских групп «подводников» и «парашютистов» (они входили в состав бригады), а интернациональный полк был одним из двух полков бригады, в котором сосредоточивались все наличные кадры политэмиграции в Советском Союзе. Статут бригады — она называлась Отдельная мотострелковая бригада особого назначения — мне был известен с первых дней ее формирования.

Разговор продолжался.

— Ты, наверное, знаешь о судьбе своих товарищей, отправившихся на подводных лодках, — сказал Димитров. — Некоторые из них, к сожалению, попали в руки полиции…

Об аресте некоторых наших людей, отплывших в Болгарию на

подводной лодке, я прочитал еще в Турции: турецкие газеты, перепечатывая сообщения немецкого телеграфного агентства, широко трубили об этой новости.

— А есть ли убитые? — спросил я.

— Об этом не сообщают. Если бы были, то, наверное, похвалились бы. Как, например, сообщили об убитых наших людях из группы Груди Филиппова… Самолет по ошибке сбросил их не в Старозагорском округе, а около города Добрич… Они дрались до последнего патрона.

Мы сидели молча, думая о погибших. Димитров выглядел неважно. Волосы у висков сильно поседели, лицо бледное, бросались в глаза синие вены на высоком открытом лбу. Коминтерн, во главе которого он стоял, в этот грозный час выполнял тяжелые и исключительно важные задачи: нужно было поднять на борьбу весь мировой пролетариат, все коммунистические партии, все народы в тылу немецко-фашистских захватчиков. От победы над агрессором зависела завтрашняя победа мировой социалистической революции, зависели судьбы человечества.

Интернациональный полк бригады особого назначения первоначально насчитывал в своем составе около тысячи бойцов. Почти треть его — человек триста — составляли испанские коммунисты, покинувшие родину после разгрома республики. В него входили также чехи, словаки, поляки, австрийцы, венгры, югославы, румыны, греки, болгары, итальянцы, немцы, шесть вьетнамцев, французы, финны. Все они были политэмигрантами. Имелось и несколько англичан, членов Коммунистической партии Великобритании, которых Отечественная война застала в Москве, куда они прибыли по партийным делам. Австрийцы по численности занимали второе место после испанцев. В своем большинстве это были шуцбундовцы, эмигрировавшие в Советский Союз после Июльского восстания 1927 года и второго Венского восстания 1934 года, жестоко подавленных австрийской реакцией.

Состав полка не был постоянным. Руководители коммунистических партий, которые в то время находились в Москве (Вильгельм Пик, Морис Торез, Пальмиро Тольятти, Хосе Диас и Долорес Ибаррури, Копленинг, Клемент Готвальд, Гарри Поллит и другие), делали все возможное, чтобы собрать своих соотечественников-политэмигрантов в Москве.

Болгар в составе бригады особого назначения было более сотни. Кроме товарищей, из которых были составлены группы «подводников» и «парашютистов» в Подмосковье и Крыму (до его оккупации) обучалось около шестидесяти болгарских

политэмигрантов, готовых в любой момент отправиться с боевым поручением в тыл врага. В интернациональный полк были зачислены также пятнадцать опытных деятелей партии, в него вошли и представители молодого поколения — сыновья и дочери ветеранов партии, выросшие в Советском Союзе и получившие там свое образование. Это были Георгий Павлов-Гоню, Петко Кацаров, Густав Влахов, Пенчо Стоилов, Илия Денев, Иван Крекманов, доктор Вера Павлова — дочь старого коммуниста, крупного философа-марксиста — Тодора Павлова, Вихра Атанасова, Анна Димитрова (дочь ветерана партии Стефана Димитрова), сыновья Георгия Михайлова — Огнян и Кремен, дочь Георгины Карастояновой — Лилия, сын Ивана Пашова — Жорж, дочь Георгия Дамянова — Роза и другие.

Второй полк бригады особого назначения был укомплектован из московских партийных и комсомольских работников, а также из членов московского спортивного общества «Динамо». Эта боевая единица располагала прекрасно подготовленным в военном и политическом отношении личным составом, способным выполнять специальные задания, которые на него возлагала Советская власть.

Первоначально бригада особого назначения участвовала в обороне Москвы. Позднее, после изменения обстановки на фронте, перед ней встали новые задачи. Бригада была увеличена численно и превратилась в одну из главных баз по подготовке и засылке во вражеский тыл разведывательных групп, в центр координации развернувшегося партизанского движения на оккупированной территории.

Но, повторяю, в октябре — ноябре 1941 года бригада имела одну-единственную задачу — участие в обороне Москвы.

Бригада особого назначения была укомплектована и вооружена в предельно короткие сроки. Командиром бригады был назначен полковник М. Ф. Орлов из пограничных войск (старый большевик, участник гражданской войны), комиссаром — подполковник Ф. И. Седловский. Командиром интернационального полка стал В. В. Гриднев, а комиссаром — я.

Размещенные в Москве полки бригады особого назначения немедленно приступили к усиленному, продолжавшемуся почти круглые сутки обучению.

Страшная угроза немецко-фашистского вторжения нависла в ноябре 1941 года. Москва переживала трудные дни. Немцы двигались к столице огромной тысячекилометровой дугой на тульском, малоярославском и волоколамском направлениях. Советская Армия отступала, отдавая каждую пядь земли после ожесточенных боев, которые стоили врагу огромных потерь в

живой силе и технике. Но несмотря на все это, враг продвигался вперед. К Москве стекались нескончаемые потоки женщин, стариков, детей, советские люди не хотели жить в оккупации. Человеческие лавины запрудили шоссе, железнодорожные линии, затрудняли снабжение фронта пополнением, боеприпасами, продовольствием.

«Юнкерсы», «фокке-вульфы», «мессершмитты» день и ночь кружили над предместьями Москвы. Они обстреливали и бомбили не только военные укрепления, заводы, железные дороги, мосты, шоссе. С каким-то особым остервенением фашистские летчики обстреливали из пулеметов женщин и детей.

Самолеты противника прорывались и в небо Москвы. К счастью, жертв было мало. В городе имелись надежные укрытия. Глубокие подземные станции метро были неуязвимы для любого калибра бомб. Часто вечером можно было наблюдать, как целые семьи — в основном женщины, старики и дети, захватив с собой необходимые вещи и еду, направлялись к спасительным станциям метро.

Метро приютило многие штабы армейских частей и некоторые неэвакуированные центральные ведомства, которые имели прямое отношение к обороне Москвы. На Кировской находился Генеральный штаб Красной Армии. Там же был оборудован кабинет Верховного Главнокомандующего, Председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина. Генеральный штаб был переведен туда после прямого попадания бомбы в здание штаба. Была разрушена часть главного корпуса. Но никто не видел, чтобы Верховный Главнокомандующий спускался в подземный кабинет. Он продолжал работать у себя в кабинете в Кремле. Излишне говорить о том, какое огромное моральное значение имело присутствие в Москве Председателя Государственного Комитета Обороны.

Свое генеральное наступление на Москву немецко-фашистские войска предприняли, как известно, еще 30 сентября, и для Советских Вооруженных Сил, для Москвы весь октябрь стал месяцем тяжелых испытаний. Ценой огромных потерь враг смог прорваться через оборонительные укрепления советской столицы и на отдельных участках фронта приблизился непосредственно к Москве. Гитлер заявил, что из расположения его войск видны в бинокль башни Кремля, и назвал не только день, но даже час, когда Москва будет взята.

Москва сражалась не на жизнь, а на смерть. «Велика Россия, а отступать некуда — за нами Москва!» — это был девиз солдат революции.

Участок фронта, занимаемый бригадой особого назначения,

был невелик — около тридцати километров в длину. На фоне нескольких сот километров (от Тулы на юге до Калинина на севере) это был только небольшой отрезок. Но этот «отрезок» включал часть самой Москвы. Передовая линия фронта проходила у подмосковных деревень Химки и Бабушкино, а тыл упирался в стены Кремля. В нашу полосу входил Большой театр, Дом Союзов и все государственные и общественные здания в западном направлении по Ленинградскому шоссе. Штаб бригады особого назначения размещался одно время в Доме Союзов.

В течение всего октября, когда началась генеральная битва за Москву, наша бригада проделала огромную работу по подготовке укреплений на вверенном ей участке фронта. Глубоко эшелонированный фронт должен был превратиться в неуязвимую для врага оборону. На помощь бригаде пришло славное московское ополчение, а также женщины, подростки, ветераны партии и активисты комсомола. Мы трудились день и ночь, не теряя ни часа, ни минуты. Мы работали под гул орудийных раскатов приближавшегося фронта. По ночам небо на западе было залито заревом. Душу невольно охватывала тревога. Мы работали под разрывами бомб, которые немецкие бомбардировщики сбрасывали бесприцельно на город: рыли окопы, минировали участки, строили блиндажи и укрытия для пехоты, строили противотанковые заграждения, прокладывали линии телефонной связи. И не только это. Допуская, что враг может проникнуть в Москву, мы подготавливали к обороне чуть ли не каждое здание в нашей полосе до Садового кольца — за каждый дом мы были готовы сражаться до последней капли крови. На улицах Москвы выросли баррикады.

Наряду со строительством укреплений на вверенном нам участке фронта мы ускоренными темпами подготавливали личный состав бригады к выполнению специальных заданий. Мы были призваны сражаться с врагом не только как обыкновенная армейская единица, нам было поручено организовать фронт и в его тылу. Перед нами стояла задача просачиваться во вражеский тыл небольшими группами, наносить молниеносные удары по штабам и центрам связи врага, взрывать мосты, железнодорожные составы о живой силой и техникой, сжигать склады с продовольствием и боеприпасами, минировать дороги и здания, где враг мог бы разместить свои командные пункты, вести разведку…

Специальное задание, которое бригада получила от командования, фактически состояло в том, чтобы вести активную, наступательную партизанскую войну.

4. 7 НОЯБРЯ 1941 ГОДА. ПАРАД НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ. В НАСТУПЛЕНИЕ

Множество драматических событий, войн и сражений пережил я за свою жизнь, но военный парад 7 ноября 1941 года у стен Кремля превзошел по своей исключительности все.

По сравнению с военными парадами прошлых лет ноябрьский парад 1941 года произвел незабываемое впечатление на всех советских людей. Мне кажется, что этот парад сыграл большую роль в закалке духа, повышении боеспособности, укреплении решимости защищать свою землю и дать отпор захватчику. В этом историческом параде участвовала и наша бригада.

Торжественное собрание по случаю годовщины Октябрьской революции состоялось, как обычно, вечером 6 ноября. На этот раз, по вполне понятным причинам, оно проходило не в зале Большого театра, как до сих пор, а на станции метро «Маяковская». Огромный, ярко освещенный зал станции был заполнен тысячами людей, собравшихся сюда, чтобы отметить очередную годовщину революции.

«Состоится ли парад 7 ноября?» — спрашивали себя мы, военные, и все сходились на мысли, что на этот раз парада и демонстрации московских трудящихся не будет: скопление воинских частей, боевой техники, демонстрантов в каких-то двадцати пяти — тридцати километрах от линии фронта было связано с большим риском. Гитлеровская авиация могла долететь до Кремля буквально в считанные минуты и превратить праздничный парад в парад смерти… Так думали мы, и никто из нас не связывал обучение отдельных войсковых соединений и их строевую подготовку с предстоящим праздником.

Однако рано утром 7 ноября был получен секретный приказ командующего войсками Московского военного округа П. А. Артемьева немедленно выделить несколько лучше всего подготовленных в строевом отношении подразделений для участия в военном параде на Красной площади. Выделенным подразделениям надлежало явиться при полном боевом вооружении в назначенный пункт, где они безо всякого промедления в точно определенное время должны были включиться в колонны парада и после прохождения по Красной площади, не теряя времени, снова вернуться на свои боевые позиции. Штабу бригады предписывалось направить на трибуны для официальных лиц несколько своих командиров.

В тот день Москва была скована суровым холодом, снег

звонко скрипел под сапогами, выдыхаемый воздух превращался в густые клубы пара. Свинцовые тучи низко нависли над городом, и вскоре крупными хлопьями повалил снег.

Мы сняли с боевых позиций три роты, в полном вооружении, во главе с командирами они направились в указанные пункты. Несколько старших командиров из штаба бригады поднялись на трибуны Красной площади. Никому не верилось, что парад будет. Все с опаской посматривали на горизонт, прислушивались — в любой момент могли появиться вражеские самолеты…

Парад состоялся. Точно в назначенный час на трибуну мавзолея В. И. Ленина поднялись руководители партии и правительства во главе с Верховным Главнокомандующим. Руководитель Советского правительства произнес приветственную речь. Голос его звучал спокойно, уверенно, а слова, которые он произносил, пронизывали, как электрический ток.

> «На вас смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков, — обратился Сталин к Вооруженным Силам Советского государства. — Порабощенные народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, смотрят на вас как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии!..»

С Красной площади речь Верховного Главнокомандующего транслировалась по радио по всем городам, областям и республикам Советского Союза, она звучала из громкоговорителей на улицах столицы, транслировалась во всех подразделениях, частях и соединениях огромного фронта. Ее слушал весь советский народ.

После выступления Верховного Главнокомандующего начался парад Вооруженных Сил.

В отличие от прошлых лет парад открыли не самолеты, — авиация вместе с противовоздушными аэростатами и зенитными батареями охраняла небо над Москвой и несла свою службу так бдительно, что ни одному вражескому самолету не удалось прорваться к Москве.

Тот памятный парад имел еще одну особенность: ранее войска двигались торжественным маршем с западной стороны площади к восточной, по направлению к храму Василия Блаженного. Теперь было наоборот. Колонны двигались с востока, обтекали с двух сторон величественный храм, соединялись, проходили перед мавзолеем В. И. Ленина и уходили на запад по

направлению к фронту. Я наблюдал за лицами проходящих солдат и командиров, одетых в серые шинели. Это были лица людей, полных решимости остановить грудью железные лавины врага, людей, в сердцах которых жила только одна любовь — любовь к Родине, одно стремление — победить… Прошли и наши роты. Одетые в маскировочные белые халаты и белые полушубки, с автоматами на одном плече и лыжами на другом, они прошли перед трибунами четким строем. Богатыри! Многие из них вскоре сложили головы на подступах к Москве, достойно выполнив свой долг перед матерью Родиной…

Вдруг по площади пронеслись восхищенные возгласы: «Идут! Идут!.. »

Шли славные сибирские дивизии.

Одетые в полушубки, прекрасно вооруженные, свежие пополнения из армий, расположенных в Сибири и на Дальнем Востоке, сотрясали Красную площадь своим чеканным шагом. Появление этих богатырей на беззаветно сражавшемся фронте явилось поддержкой, которая неимоверно увеличивала веру в победу.

Читатель, наверное, знает, что переброска сибирских дивизий из Приморья, Забайкалья и Хабаровского края в октябре — ноябре 1941 года, сыгравшая решающую роль в исходе Московской битвы, была связана с подвигом советского военного разведчика Рихарда Зорге. Работая в Токио и обладая хорошими связями в посольстве гитлеровской Германии, Рихард Зорге (Рамзай) своевременно разведал и сообщил в центр еще в июле 1941 года, что Япония не намерена вступать в войну против Советского Союза вплоть до наступления «благоприятных времен». Япония хорошо помнила поражение на озере Хасан и реке Халхин-Гол и второй раз не желала испытывать судьбу. Внимание и интерес Японии были направлены на Юго-Восточную Азию и колонии США и Англии в Тихом океане. Квантунская армия до поры, до времени предназначалась для действий в Китае. Япония усиленно готовилась к войне на Тихом океане… В последней телеграмме Рамзая, переданной 25 сентября 1941 года, говорилось, что после сентября советский Дальний Восток можно считать гарантированным от опасности нападения со стороны Японии.

И вот сибирские дивизии, только что выгрузившиеся из железнодорожных составов, чеканя шаг, шли по Красной площади. Пройдя мимо трибуны, где стояли руководители страны, они сразу же отправились на фронт. Гремели гусеницы мощных танков, огромные колеса артиллерийских орудий, ревели моторы тяжелых транспортеров и грузовиков, грозно поблескивали вороненые стволы автоматов.

Блицкриг гитлеровского вермахта под стенами Москвы не удался. Было уничтожено около полумиллиона отборных немецко-фашистских солдат. А самое главное состояло в том, что под Москвой был развеян миф о непобедимости немецкого оружия, и в этом заключалась самая большая победа.

Обескураженный и разъяренный поражением под Москвой Гитлер, обещавший всему миру принять парад «своих победоносных войск» на Красной площади, обрушил неистовый гнев на головы своих генералов. После поражения под Москвой были уволены или понижены в должности 35 генералов, командовавших различными войсками и соединениями на фронте под Москвой. Среди наказанных оказался командующий группой армий «Центр» фельдмаршал Бок, командующие армиями Гудериан, Гепнер и Штраус. Был снят со своего поста и сам главнокомандующий сухопутными войсками вермахта генерал-фельдмаршал фон Браухич.

Но не генералы были повинны в поражении. Под Москвой столкнулись две стратегии, две политики. И в этом поединке советская военная стратегия, советский общественный строй нанесли тяжелое, жестокое, заслуженное поражение стратегии блицкрига, политике агрессии, человеконенавистническому фашистскому строю.

Победоносное завершение битвы под Москвой для нас, бойцов бригады особого назначения, открывало возможность выполнения второй части наших задач — наступал период разведывательных, диверсионных и партизанских действий в тылу врага.

Впрочем, мы начали наносить свои удары во вражеском тылу еще в разгар битвы под Москвой. В то время как некоторые подразделения бригады грудью отстаивали вверенный им участок фронта, другие предпринимали дерзновенные рейды в тыл противника. Это задание главным образом выполняли спортсмены бригады.

О них хочется сказать самые теплые слова. Их подвиги в годы войны широко прославили имя бригады особого назначения.

Спортсменов в бригаде насчитывалось несколько тысяч. Это были воспитанники спортивного общества «Динамо», а также студенты и преподаватели Московского центрального института физической культуры. Среди динамовцев были велосипедисты, легкоатлеты, боксеры, конькобежцы, футболисты, штангисты, мотоциклисты, пловцы, парашютисты, любители-пилоты и радисты, снайперы, гребцы и главным образом лыжники. Все это были молодые люди, которых Генеральный штаб нашел целесообразным сосредоточить в нашей бригаде, чтобы

использовать их самым эффективным образом. Студенты и преподаватели Центрального института физической культуры влились в бригаду в качестве добровольцев, отозвавшихся на призыв партии и комсомола встать на защиту Москвы. Среди спортсменов и добровольцев-студентов было немало известных мастеров спорта, рекордсменов, любимцев советской молодежи. В подразделениях нашей бригады сражались, например, братья Серафим и Георгий Знаменские, Лев Темурян, Николай Шатов, Любовь Кунакова, Николай Королев, Алексей Долгоушек, Виктор Зайпольд, Георгий Иванов, Илья Давыдов, Борис Галушкин, Евгений Иванов, Борис Грачев, Павел Маркин, Валентина Гончаренко и многие другие.

Воплотившие в себе лучшие качества советского человека, бесстрашные, самоотверженные, прекрасно закаленные физически, беспредельно преданные своей Родине и делу революции, эти молодые люди в ходе суровых боев за Москву проявили образцы беспримерного героизма, высокого воинского мастерства, несокрушимой выдержки. Сколько раз их боевые отряды в белых маскхалатах, бесшумно скользя на лыжах, отправлялись в многокилометровые ночные рейды в тыл врага, ведя разведку, уничтожая боевую технику, сея панику в его рядах, взрывая мосты, минируя шоссейные и железные дороги… Они уходили молча, под гром артиллерийского огня и воздушных бомбардировок… И возвращались через день или два. Возвращались далеко не все. Опасные задания неизбежно стоили жизни многим из них. Но смерть была везде, она, казалось, уже никого не пугала. Сама мысль о возможном поражении была страшнее смерти. А на следующую ночь уцелевшие вместе с новым пополнением снова уходили в тыл оккупантов, бесшумно скользя на лыжах, скрывались в темной ночи, вооруженные автоматами, взрывчаткой и мужеством. Мужеством, которое обеспечило победу…

Погибли многие.

Смертью храбрых пали братья Серафим и Георгий Знаменские, Борис Галушкин, Лев Темурян и десятки других прекрасных советских спортсменов-патриотов, воспитанников Института физической культуры. Ныне в Советском Союзе ежегодно проводится легкоатлетический турнир имени братьев Знаменских, стал традиционным майский кросс имени Бориса Галушкина…

У стен Кремля, где покоятся останки неизвестного солдата, павшего под Москвой, горит вечный огонь. На камне выбиты слова: «Имя твое неизвестно. Подвиг твой бессмертен». Эти слова

прославляют подвиг и бойцов бригады особого назначения.

Нельзя писать без волнения о подвиге иностранных политэмигрантов, которые в те грозные годы грудью отстаивали стены Москвы. Они знали, что поражение великой Советской страны означало бы поражение революционного движения в целом. Они сознавали, что победа будущей мировой коммунистической революции немыслима без победы над гитлеровским фашизмом. И они сражались самоотверженно, рискуя жизнью. Многие из них погибли. Смертью храбрых пал под Сталинградом сын Долорес Ибаррури, боец-доброволец нашей бригады. Погибло еще много товарищей, прославившихся в бесчисленных классовых битвах интернационалистов. Испанские коммунисты, бывшие защитники Мадрида, с огромным мужеством отстаивали столицу своей второй родины… Москву. Образцы высокого героизма проявили австрийские шуцбундовцы. Героически сражались и все остальные интернационалисты полка. Здесь, на подступах к Москве, снова — в который раз! — была скреплена совместно пролитой кровью великая интернациональная солидарность. В дни битвы за Москву в интернациональный полк часто приезжали Долорес Ибаррури, Вильгельм Пик, Иоганн Копленig (генеральный секретарь Компартии Австрии) и другие. Они живо интересовались тем, как сражаются их соотечественники, проводили беседы, выступали с информациями, укрепляли боевой дух бойцов. Раз в неделю я являлся на доклад в Коминтерн, к Георгию Димитрову: он уделял много внимания интернациональному полку. Часто к нам приезжали с докладами Эренбург, Фадеев, Катаев, Симонов и другие.

После января 1942 года бригада особого назначения перешла, говоря военным языком, к выполнению специальных заданий. В тыл врага, отброшенного на сотни километров на запад, мы начали отправлять боевые и партизанские группы, командиров, политических комиссаров, инструкторов по радио- и подрывному делу, врачей, связных, оружейных техников… На оккупированной территории разгорелась гигантская партизанская война. Призыв Советского правительства поднял на борьбу огромное число истинных патриотов. Партизанами становились попавшие в окружение отдельные бойцы и целые воинские части, рабочие и колхозники, женщины и старики, юноши и девушки, все, кому было невыносимо видеть, как враг топчет кованым сапогом священную советскую землю. В начале 1942 года партизанская армия охватила своими активными наступательными действиями все без исключения оккупированные районы страны —

Белоруссию, Украину, Прибалтийские республики, оккупированные области РСФСР до Смоленска, весь Крымский полуостров, Молдавию. Борьба велась не на жизнь, а на смерть.

Только теперь, после первого контрудара под Москвой и развернувшейся партизанской войны, фашистский агрессор ощутил в полную меру страшную силу советского народа… А предстояли новые уроки: Сталинградская битва, катастрофический разгром на Курской дуге, после которого врагу не оставалось ничего другого, кроме отступления до полного краха…

На новом этапе войны бригада всеми силами помогала организовать разбросанные, потерявшие связь с командованием партизанские группы, привести их в боевую готовность, вооружить и поставить под единое руководство партизанской армии. Разумеется, четыре полка бригады (в ходе битвы под Москвой, их число из двух выросло до четырех) не в состоянии были справиться с этой огромной задачей, ведь партизанская армия насчитывала сотни тысяч бойцов, а партизанских отрядов было несколько тысяч, к тому же в тылу оккупантов действовали тысячи других нелегальных боевых групп, они, по существу, имелись во всех оккупированных городах и селах. По распоряжению Генерального штаба подобной деятельностью занимались и другие специальные соединения. Таким образом, в результате огромной организаторской работы партизанская армия превратилась в единый боевой организм, способный выполнять оперативно-тактические и стратегические задачи Генерального штаба, нарушать пути сообщения в тылу врага, взрывать железнодорожные линии, минировать мосты и дороги, уничтожать склады с продовольствием, боеприпасами, живую силу и боевую технику, вести разведку за передвижением вражеских соединений, своевременно информировать о нем командование Красной Армии. Партизанские соединения внесли немалый вклад в дело разгрома немецко-фашистских захватчиков.

После героической битвы под Москвой спортсмены, механики, оружейники, стрелки, врачи, радисты и все остальные бойцы бригады регулярно летали за линию фронта. В Москве оставались только штабные офицеры (при этом не все), связисты, которые должны были поддерживать связь с сотнями партизанских отрядов во вражеском тылу, автомеханики, интенданты. Штаб старался быть непрерывно в курсе местонахождения партизанских отрядов, их боеготовности, вооружения, численности. Боевые действия партизан уточнялись с главным командованием, которое увязывало их с общими

боевыми действиями на фронтах. Почти все партизанские отряды имели радиостанции и радистов, которых мы им направляли: у нас были коды и шифры, с помощью которых мы осуществляли регулярную радиосвязь. По радио партизанские отряды сообщали о скоплении немецких частей на том или ином направлении, о вновь прибывших эшелонах с войсками, запрашивали оружие, боеприпасы, медикаменты, получали конкретные боевые задания. Оружие и боеприпасы направлялись самолетами, которые сбрасывали их на парашютах. Таким же образом забрасывали во вражеский тыл и людей — инструкторов, врачей, корреспондентов. Когда позволяли условия, наши самолеты садились на партизанской территории, чтобы оставить людей или груз и взять на борт тяжелораненых партизан, нуждающихся в госпитализации, или вернуть обратно на базу бригады людей, выполнивших во вражеском тылу свое очередное задание. В тыл врага направляли группы по нескольку десятков человек, которые должны были составлять там ядро будущих партизанских формирований. Одна из наших групп во главе с майором М. С. Прудниковым, заброшенная в леса Белоруссии, переросла в партизанский отряд, который блестяще выполнил ряд боевых заданий. За беспримерное мужество, проявленное в боях, многие партизаны этого отряда во главе с командиром М. С. Прудниковым были удостоены звания Героя Советского Союза и награждены орденами и медалями.

В тыл отправлялись не только бойцы, но и офицеры бригады. Во вражеский тыл был заброшен на некоторое время даже сам командир бригады особого назначения полковник М. Ф. Орлов.

В тылу противника, разумеется, побывал и я. Нужно было на месте проверять выполнение некоторых специальных заданий, оказывать помощь вновь сформированным партизанским отрядам.

Бойцы интернационального полка бригады наравне с советскими воинами принимали участие в партизанской борьбе в тылу противника. Постепенно наш полк начал осуществлять особые задания: всесторонне подготовленные и отлично вооруженные группы, составленные из людей одной национальности, начали отправлять на самолетах в оккупированные гитлеровцами страны — Польшу, Чехословакию, Румынию, Венгрию, Австрию, Югославию и даже в Германию. Там, в своих странах, эти группы должны были оказывать помощь антифашистам в их партизанской и диверсионной деятельности. Первыми с подобной задачей, как я уже рассказывал, были переправлены на родину болгарские группы «подводников» и «парашютистов». В декабре 1941 года и январе 1942 года близ

Варшавы было сброшено на парашютах несколько групп поляков. За ними последовали группы югославов, чехословаков, австрийцев, румын, венгров… Некоторым из них не суждено было ступить на родную землю: самолеты, доставлявшие их, были сбиты вражескими истребителями или огнем зенитных батарей; часть смелых антифашистов позднее погибла в схватках с врагом. Многие все же остались живы и с радостью встретили победу над фашистской Германией.

Заканчивая свой рассказ о бригаде, чувствую своим долгом написать о входивших в ее состав болгарских интернационалистах (кроме тех, которые отправились на родину на подводных лодках и самолетах). Это прежде всего комсомолка Лилия Карастоянова, которая была заброшена во вражеский тыл в качестве военного корреспондента газеты «Комсомольская правда». Дочь видных деятелей Болгарской компартии — Александра и Георгицы Карастояновых, — Лилия погибла в бою. Асен Драганов, пришедший добровольцем в бригаду, который погиб в глубоком гитлеровском тылу при выполнении задания. Нельзя не вспомнить и Жоржа Пашова, который тоже пришел в бригаду добровольцем. За четыре года до начала второй мировой войны его старший брат Карл погиб в Испании. Жорж пал в боях за Смоленск. Сыновья старого партийного деятеля Георгия Михайлова — Кремен и Огнян — в октябре 1941 года, в дни самых жестоких боев под Москвой, были тяжело ранены и остались инвалидами. Дочь ветерана партии Тодора Павлова — врача Веру Давидову (Павлову) много раз забрасывали на самолете в тыл врага. В тяжелейших полевых условиях она с риском для жизни сделала сотни операций, спасая от смерти партизан, раненных в боях с фашистами. Вихра — дочь старого партийного функционера из города Русе Александра Атанасова, в течение всех дней боев за Москву была на передовой санитаркой, бойцом и разведчиком. В рядах бригады особого назначения сражалась группа болгарского революционера Жечо Гюмюшева, моего боевого друга с начала двадцатых годов, бывшего смелого военного разведчика на Дальнем Востоке, талантливого инженера, участника гражданской войны в Испании, одного из руководителей групп «парашютистов». В начале марта 1944 года группа Жечо Гюмюшева, состоявшая из пяти болгарских коммунистов и двух югославов, была направлена на свободную партизанскую территорию в Югославию, откуда болгары должны были перебраться на родину. Но, пролетая над Карпатами, самолет попал в снежную бурю, он весь обледенел, потерял управление, ориентировку и врезался в горную вершину. Нам сообщили об этом из советского радиопункта, державшего связь с

самолетом до последнего момента. Мы были потрясены гибелью наших товарищей…

Доблестно сражались в бригаде особого назначения и все остальные болгарские интернационалисты. Они достойно защитили честь нашего народа и нашей героической коммунистической партии. Почти все они по указу Советского правительства награждены орденами и медалями.

5. В ГРУППЕ СТАНКЕ ДИМИТРОВА-МАРЕКА. НА САМОЛЕТЕ К ЮГОСЛАВСКИМ ПАРТИЗАНАМ

Наступил февраль 1944 года. Великая Отечественная война близилась к победоносному концу. Если после битвы под Москвой противник все еще лелеял какую-то надежду и рассчитывал «поправить» свои дела и восстановить потерянный престиж, то после Сталинградской битвы и, особенно, после разгрома на Курской дуге его поражение стало очевидным. В конце февраля 1944 года Вооруженные Силы Советского Союза одержали новую победу — было прорвано кольцо блокады Ленинграда. По всему фронту, от Прибалтики до Одессы, наши войска перешли в неудержимое наступление. Огненный вал войны по-прежнему катился со страшной силой, но теперь уже в обратном направлении, а конечной целью, указываемой на стволах орудий и бронетанков, был Берлин!

Начало 1944 года внесло специфические изменения и в политическое положение Болгарии. Монархо-фашистские правящие круги впали в панику после гитлеровского поражения на Восточном фронте. Паника усилилась и в связи с изменениями, которые произошли на юге Европы: Апеннинский полуостров внезапно, будто перезревший плод, отпал от пресловутой «оси» Рим — Берлин. После высадки на полуостров англо-американских войск Италия капитулировала.

С начала 1944 года война постучалась, вернее забарабанила кулаками и в дверь монархо-фашистской Болгарии: из символической она вдруг превратилась в жестокую реальность. Англо-американские военно-воздушные силы подвергли массированной бомбардировке Софию и другие крупные города. Под развалинами домов погибли десятки тысяч жителей столицы. Столица охранялась лишь несколькими десятками болгарских «мессершмиттов» и четырьмя зенитными батареями, которые оказались беспомощными перед воздушными армадами «летающих крепостей», эскортируемых сотнями скоростных истребителей…

Народ платил кровью за продажность и преступное сумасбродство своих правителей.

Эти бомбардировки мирных городов не были вызваны военно-стратегическими соображениями: англо-американская военщина фактически совершила предумышленное массовое убийство мирного и беззащитного болгарского населения.

Буржуазия и правители лихорадочно организовывали политические комбинации, балансируя на грани пропасти. «Смена курса» для буржуазии означала попытку перебраться с явно гибнущего корабля гитлеровской Германии на более надежный корабль англо-американского империализма: на смену старому предательству интересов народа они готовили новое…

1 июня 1944 года был составлен кабинет во главе с бывшим деятелем правого крыла БЗНС, верным слугой реакционных сил Иваном Багряновым. Буржуазия поручила ему сложную двойственную игру — установить дружеские связи одновременно с гитлеровской Германией и Западом. Таким образом, болгарская буржуазия стремилась изменить своему вчерашнему «вечному» союзу с Гитлером, не поступаясь своими классовыми интересами…

Георгий Димитров и Заграничное бюро партии внимательно следили за малейшими изменениями во внешнеполитическом курсе страны, за каждым новым шагом правящих монархо-фашистских кругов, которые отчаянно искали политический выход из тупика. Еще в марте — апреле, когда в парламенте начались дебаты по поводу смены правительства, Димитров предвидел, что буржуазия непременно попытается, хотя бы для вида, сменить цвет своего политического знамени. Он опасался, что ловкие политиканы смогут путем демагогии ввести в заблуждение некоторые слои населения.

Опасения Георгия Димитрова были основательными. Существовала опасность, что на удочку политической демагогии могут попасться и некоторые деятели партии внутри страны. Подняв народ на всеобщую, бескомпромиссную борьбу против монархо-фашистской тирании, партия в начале 1944 года почувствовала острую нужду в руководящих кадрах. Прошедшие годы ожесточенной борьбы вырвали из ее рядов многих прекрасных руководителей. В июле 1942 года были расстреляны Антон Иванов — уполномоченный Заграничного бюро, Цвятко Радойнов — руководитель Военной комиссии ЦК, его первые помощники Никола Вапцаров, Атанас Романов, Антон Попов. В Пловдиве, летом 1942 года была казнена группа коммунистов во главе с членом ЦК Петром Ченгеловым. В то же время властям удалось схватить и бросить в тюрьму секретаря партии Трайчо Костова и ряд других видных партийных руководителей. Летом 1943 года погиб в неравном бою с полицией Эмил Марков, заместитель Цвятко Радойнова в Военной комиссии ЦК. В декабре 1943 года был убит из засады член ЦК Никола Парапунов. В феврале 1944 года пал от полицейской пули видный руководитель, ветеран революционного движения Христо

Михайлов. Избежать ареста и расстрела удалось очень немногим деятелям Центрального Комитета. Им заочно было вынесено по одному, а то и по два смертных приговора, приходилось работать в глубоком подполье… Георгий Димитров учитывал, что Центральному Комитету партии внутри страны, перед которым события и время ставят все более новые, сложные и ответственные задачи, нужно помочь опытными и подготовленными руководящими товарищами. И уже в декабре 1943 года Заграничное бюро решило направить на родину Станке Димитрова. Он должен был усилить Центральный Комитет и в случае необходимости возглавить антифашистское движение Сопротивления, перед которым в ближайшее время должна была встать во всей своей сложности и актуальности задача всенародного вооруженного восстания.

Выбор пал на него не случайно. Станке Димитров — Марек был одним из выдающихся деятелей нашей партии. Еще с двадцатых годов, когда он вошел в состав руководства партии, а затем после Сентябрьского восстания стал секретарем Центрального Комитета БКП и решительно отстаивал здоровый сентябрьский курс в борьбе против атак слева и справа, Марек выделялся как одна из самых талантливых личностей не только в нашем революционном движении, но и в рядах Коминтерна. Станке Димитров вместе с Георгием Дамяновым за десять лет до этого нелегально был послан в страну, где в течение 1935—1937 гг. проводил в жизнь новый, димитровский курс, закладывал основы Народного фронта. В годы войны Марек самым активным образом содействовал правильной политической ориентации трудящихся, развертыванию антифашистской борьбы на родине. Он являлся одним из самых деятельных сотрудников радиостанции имени Христо Ботева, а с октября 1941 года по февраль 1944 года непосредственно руководил деятельностью радиостанции «Народен глас», которая работала на волнах фашистского радио Софии.

В марте 1944 года я срочно был вызван к Георгию Димитрову на подмосковную дачу. Марек только что закончил работу на радиостанции «Народен глас». Кроме Марека, там находились Димитров, Васил Коларов и Георгий Дамянов. Я прибыл, когда они уже заканчивали совещание. Запоздал.

— Должен был встретить наших людей, прибывших из вражеского тыла, — извинился я.

Дело было в том, что в тот вечер из Словакии внезапно прибыл самолет, который прошлой ночью улетел туда, к словацким партизанам, чтобы доставить группу чехословацких бойцов, оружие и медикаменты. Во время обратного рейса

самолет, на борту которого находилось несколько раненых партизан и один офицер из нашей бригады, был поврежден зенитным огнем где-то в районе Кишинева.

— Что, навоевался, Ванко? — сказал мне с улыбкой Димитров после того как я поздоровался со всеми.

— До Берлина еще далеко, товарищ Димитров, — ответил я. — Пройдет год или два, пока мы доберемся до Унтер-ден-Линден. Хотелось бы побродить около рейхстага, взглянуть на Моабит…

Димитров рассмеялся:

— Должен признаться, что и я не прочь… До сих пор иногда снится процесс. Пожалуй, мне действительно полегчает, когда увижу Моабит в руинах, а над рейхстагом — знамя с серпом и молотом…

— Сдавай полк, — обратился ко мне Георгий Димитров. — Поедешь с Мареком…

Новая задача, которую выдвинуло Заграничное бюро, состояла в том, чтобы сопровождать с группой товарищей Станке Димитрова — Марека во время его возвращения на родину и быть полностью в его распоряжении в качестве военного специалиста. Димитров остановился на исключительном значении задания, которое возлагалось на Марека. Группа должна была вылететь на самолете и высадиться с парашютами на партизанской земле в Черногории, а оттуда в спешном порядке перебраться в Болгарию. Все это время группа должна была поддерживать регулярную радиосвязь с Димитровым.

Марек, руководитель нашей группы, выглядел неважно. Он был физически истощен, под глазами темнели круги, лицо покрыто сетью морщин, волосы почти совсем седые. А ведь он не был старым — в феврале 1944 года ему исполнилось пятьдесят лет. Но тяжелая жизнь подпольщика на родине, трудности эмиграции, напряженная работа в годы войны, особенно когда он начал работать на радиостанции «Народен глас», дали себя знать. К тому же здоровье у Марека было хрупким с молодых лет.

Но этот болгарский революционер был одним из тех непоколебимых борцов, которых никакая болезнь, никакая физическая слабость, никакая помеха не могли заставить свернуть с избранного пути.

Заграничное бюро еще раньше направило в Болгарию ряд старых и опытных революционных деятелей — Штерю Атанасова, Благоя Иванова, Ивана Пейчева, Павла Царвуланова. Я уже упоминал о группе Жечо Гюмюшева, все члены которой трагически погибли во время авиационной катастрофы в Карпатах.

В группу Марека, кроме меня, входили наши политэмигранты Димитр Гилин — майор Советской Армии, участник обороны Москвы; Петко Кацаров — боец интернационального полка бригады особого назначения; Илия Денев и Иван Цивинский — также бойцы интернационального полка; Радил Иванов (Сашо) — первоклассный радист-инструктор; Любен Жеков, сын старого партийного деятеля Жеко Димитрова, выросший и получивший образование в СССР, также опытный радист-инструктор; Елена Касабова — талантливая радистка, дочь варненского партийного руководителя Благоя Касабова, выросшая в Советском Союзе.

Кандидатура каждого члена группы Марека предварительно самым внимательным образом была обсуждена Заграничным бюро с учетом участия в революционном движении, боевых и политических качеств. Первые пятеро членов группы — Гилин, Кацаров, Денев, Цивинский и Иванов — прошли испытания во многих битвах революционерами, доказали свою преданность делу и готовность к самопожертвованию. Двое более молодых — Любен Жеков и Елена Касабова, — хотя и не имели такого революционного опыта, как их старшие товарищи, но были верны идеалам своих отцов, являлись пламенными коммунистами и интернационалистами, готовыми выполнить самое рискованное задание.

Еще на даче Димитрова, во время нашего первого разговора о полете в район партизанской земли, мы обсудили вопрос о способе приземления. Димитров был за посадку, считая этот способ самым надежным, но для посадки нужно было обеспечить подходящую площадку.

Поступило предложение сбросить группу на парашютах, и на первых порах на этом остановились. Обсуждался также вопрос о том, как полетит группа — вся сразу или в разбивку. Был принят второй вариант. В таком случае первая подгруппа, в которую входил я, должна была подготовить условия для приема второй подгруппы, с которой прилетит Марек. Окончательное решение по этому вопросу следовало принять на месте перед самым вылетом, после консультации с членами Заграничного бюро.

Группа Марека вылетела из Москвы в Калиновку: первыми отправились Марек с радистами Любеном и Еленой, а затем Гилин, Кацаров, Цивинский, Денев, Иванов и я.

После обсуждения в Заграничном бюро было решено перебросить нашу группу в Черногорию на самолетах и сбросить с парашютами. Первая подгруппа, командиром которой был я, состояла из Димитра Гилина, Петко Кацарова, Радила Иванова (Сашо), Илии Денева и Ивана Цивинского. Нас должны были доставить на партизанскую землю двумя самолетами, так как

машины не могли брать более трех пассажиров.

25 июня 1944 года двухмоторный самолет оторвался от покрытого травой аэродрома Калиновки. Под нами остались ангары военного аэродрома и небольшое украинское село, утонувшее в вечерних сумерках.

Мы летели в Югославию вторично. Первый раз мы улетали туда на этом же самолете неделю назад, держа курс к партизанской территории, расположенной южнее Белграда (координаты были уточнены по радиосвязи, которую советские товарищи поддерживали с югославскими партизанами). Мы не долетели. Самолет поднялся на высоту 4000 метров, перелетел Карпаты, пересек Дунай, под крыльями заблестел огнями Белград. После этого мы повернули на юг и начали снижаться, выключив моторы, чтобы не привлечь внимания вражеских зенитных батарей. На высоте 800 метров самолет начал планировать над территорией, где должны были гореть сигнальные огни. Мы их обнаружили легко. Они были зажжены в форме «запечатанного конверта»: четыре костра по углам воображаемого прямоугольника и один в середине. «Товарищи, готовьтесь, — предупредил нас советский майор — командир самолета. — Идем точно над нашими координатами…» Мы осмотрели парашюты и автоматы. Каждую секунду ожидали сигнала… И тут случилось неприятное. Майор, который напряженно смотрел через иллюминатор самолета, вдруг принялся оживленно обсуждать что-то с пилотами, у которых видимость была лучше. «Товарищ полковник, — обратился ко мне майор, — посмотрите налево», — и указал рукой.

Я ясно увидел «запечатанный конверт» сигнальных огней. «Да! — подтвердил я. — Это, должно быть, то самое место. Нет никакого сомнения». Но майор снова показал рукой: «А теперь посмотрите прямо». Прямо перед самолетом горели костры второго «запечатанного конверта»…

«Скажите, которые сигналы наши? Где вас выбрасывать?» — Майор был встревожен, он не знал, что делать…

Я посмотрел на него. Мы познакомились с ним на аэродроме в Калиновке. Он был молод, лет тридцати, ко мне относился с большим уважением (я летел по указанию Станке Димитрова в офицерской форме, хотя и без погон, а Иванов и Гилин были одеты в полувоенные костюмы). Командир самолета отвечал за благополучную высадку десанта — я не имел никакого права вмешиваться в его дела.

«Решайте вы, товарищ майор, — ответил я. — Сейчас я не полковник, а рядовой. Мы только выполняем ваше указание».

Майор пристально посмотрел на меня и покачал головой.

Потом снова посоветовался с пилотом и радистом, который поддерживал связь с базой. «Возвращаемся обратно, — сказал он решительно. — Один из «запечатанных конвертов» внизу — ловушка. Непременно ловушка… Домой!..»

«Ловушка?» Что имел в виду майор? Потом, когда самолет лег на обратный курс, он объяснил. Гитлеровцы ночью посылали свои самолеты, которые кружили с выключенными моторами высоко над партизанской территорией, чтобы установить места, где партизаны ожидают «гостей». Если замечали где-нибудь партизанские огни, фашистские летчики сообщали по радио на землю своим, и те быстро устраивали ловушку, зажигая на своих базах нечто вроде сигнальных огней. Некоторые наши самолеты, как объяснил майор, попались на эту вражескую уловку и погибли, а сброшенные на парашютах люди были уничтожены…

Самолет набрал высоту, снова стороной облетел Белград, миновал Карпаты и после полуночи приземлился на аэродроме у Калиновки…

Эта история случилась около недели тому назад. И сейчас, когда Марек и другие товарищи обнимали нас на прощанье, мы решили прыгать во что бы то ни стало, будь что будет. Время не ждало. Георгий Димитров из Москвы постоянно интересовался: «Когда полетите?» По его указанию после первой неудачи советские товарищи запросили у партизан новые координаты. Димитров категорически настоял, чтобы нас отправили дальше на запад от Белграда, в горы Черногории, где в это время были свободные партизанские территории.

Мы сидели молча, каждый думал о своем. Говорить при адском шуме было почти невозможно. Все готово к выброске. Готовы и грузовые парашюты: их шесть штук, в каждом — автоматическое оружие с большим количеством боеприпасов, продукты, радиостанция и два ручных генератора к ней, один аккумулятор.

Кроме этого груза, каждый из нас имел при себе личное оружие — по пистолету и автомату с боеприпасами, а я и Радил Иванов по одной рации. Их всего три. На таком количестве коротковолновых радиостанций настоял я: группы, улетевшие до нас в Югославию, не смогли установить прочной радиосвязи с Георгием Димитровым, несмотря на его категорическое указание. Не смогли связаться с ним ни Штерю Атанасов, ни Благой Иванов. Как мы узнали позднее, при приземлении грузовые парашюты с радиостанциями разбились. Этой опасности мы хотели избежать. Если грузовой парашют с рацией не раскроется, то у нас останется еще две, и мы непременно сможем установить

радиосвязь с Димитровым.

Радист Иванов имел соответствующий шифр для радиосвязи. Кроме того, у меня в одном из внутренних карманов лежала небольшая книжечка. Она служила для шифровки и расшифровки радиотелеграмм, которые Иванов должен был передавать Димитрову и принимать из Москвы. Я когда-то изучал шифровальное дело, но оно мне не требовалось в разведывательной работе — у меня почти всегда был специальный шифровальщик и радист: моя жена Галина или кто-либо другой. Сейчас мне впервые предстояло самому зашифровывать телеграммы. Перед отъездом в Калиновку я прошел под руководством Елены Димитровой краткосрочные курсы по шифровальному делу — Елена, в то время радистка и личная шифровальщица Георгия Димитрова, в совершенстве владела этим искусством. Она не только за короткий срок посвятила меня в тайны шифровального мастерства, но и уточнила конкретные тексты из книги, по которой нам предстояло работать. У нее, разумеется, была такая же книга. Она должна была принимать наши радиотелеграммы из Югославии и передавать нам очередные указания Георгия Димитрова до прибытия Марека, а после этого поддерживать регулярную радиосвязь между нашей группой и Заграничным бюро партии.

На этот раз сигнальные костры имели вид «дорожки»: четыре с одной стороны, четыре с другой. Внутрь этой «дорожки» самолет должен был сбросить людей и грузовые парашюты. Мы на всякий случай сделали широкий круг километров на десять в сторону от сигнальных огней. И когда командир самолета убедился, что внизу все «чисто», дал сигнал к выброске.

Местность, куда мы втроем — Радил Иванов, Димитр Гилин и я — приземлились в июне 1944 года, представляла собой широкую ровную поляну в горах Черногории. Неподалеку возвышались заснеженные вершины горного массива Цырни-Кук, зияли пропасти. Югославские товарищи выбрали подходящее место для приземления на парашютах, но погода, которая была неподвластна людям, оказалась неподходящей: поднявшийся ветер отнес несколько грузовых парашютов далеко в сторону от «дорожки». Иванов угодил в ущелье, к счастью, не глубокое. Гилин упал на ветви граба. Почти благополучно приземлился и я, слегка ударившись одним коленом.

Иванова мы нашли легко — югославские партизаны знали каждую пядь земли. Он был жив и здоров, хотя немного ушибся при ударе о скалу. Но некоторые грузовые парашюты, отнесенные ветром, приземлились на скалы, найдя их, мы обнаружили, что драгоценный груз испорчен. Разбилось несколько автоматов,

большая 25-ватная радиостанция с аккумулятором и один из двух ручных генераторов. Беда, разумеется, была не столь уж велика. Запасные рации — моя и Иванова — были в полном порядке. Ручной генератор Иванов исправил, и мы могли надеяться, что связь будет обеспечена. Иванову предстояло кое над чем подумать — при помощи маломощных портативных радиостанций было крайне трудно установить связь на расстоянии тысяч километров, пришлось ему употребить все свое мастерство, все свои радиотехнические знания.

Свободная территория, на которую мы приземлились, оказалась районом действия Босненской партизанской дивизии. Партизаны, которые были посланы на «дорожку» встретить нашу группу, отвели нас в штаб дивизии. После приземления и по дороге в партизанский штаб нас окружали сердечным вниманием. Для югославских партизан мы были советскими людьми, прибывшими с Большой земли, мы символизировали грядущую победу. Этот храбрый народ, поднявшийся на всеобщую борьбу против немецко-фашистских оккупантов, отлично сознавал, что его свобода немыслима без идущей с востока победоносной железной лавины. С освобождением всей Европы Красная Армия принесла свободу и югославскому народу, доказавшему на деле, что он ее полностью заслуживает.

В штабе дивизии, куда мы пришли, нас ожидал приятный сюрприз. Ее командир — генерал Пеко Дапчевич — оказался моим старым боевым товарищем. Мы были знакомы с ним по Парижу, где он бывал в годы гражданской войны в Испании для организации пересылки югославских добровольцев в интернациональные бригады, виделись перед самой войной, незадолго до начала которой Пеко Дапчевич выехал на родину, чтобы принять участие в укреплении рядов Коммунистической партии Югославии.

Конец июня, июль, август 1944 года мы участвовали в партизанском походе, продвигаясь по югославской территории на восток, к границе родины. В начале пути к нам присоединились еще двое наших: Петко Кацаров и Илия Денев. Они вслед за нами были сброшены на парашютах на поляне под Цырни-Кук. Иван Цивинский, который должен был прилететь с ними, в последний момент заболел, и Марек настоял, чтобы он подлечился. Со Станке Димитровым остались Любен Жеков и Елена Касабова. Вместо Цивинского Заграничное бюро включило в группу Васила Дончева, старого политэмигранта, партийного деятеля из Кюстендилского края.

Вскоре после этого, еще на территории Черногории, мы встретились со Штерю Атанасовым и Бояном Михневым. С апреля

1944 года до конца июня Штерю Атанасов и Благой Иванов находились при Главном штабе югославских партизан в качестве представителей нашей партии и участвовали в целом ряде тяжелых боев. (Благой Иванов в спешном порядке отправился в Болгарию.) Встреча была радостной. Им удалось связаться с югославскими партизанами, и они успешно продвигались к болгарской территории, но не смогли наладить связь с Димитровым. Когда это удалось сделать через нашу радиостанцию, Штерю Атанасов был по-настоящему счастлив.

Радиосвязь нашей группы с Димитровым и Мареком была регулярной с первого и до последнего дня нашего пребывания на югославской территории. С Георгием Димитровым (так было условлено с Еленой Димитровой) мы выходили на связь три раза в день — в 11 часов дня, в 7 часов вечера и в час ночи по московскому времени. Когда наступало назначенное время, Иванов включал радиостанцию, устанавливал антенну на дереве и принимался выстукивать сигналы морзянки. Если мы находились в населенном пункте, где имелось электричество, Радил включал станцию в обычную сеть. Однако в горах, вдали от селений, нужно было питать радиостанцию энергией, вырабатываемой ручным генератором. Все сообщения, передаваемые Радилом в Москву, мы зашифровывали. Шифровку и расшифровку полученных от Димитрова указаний производили втроем — Радил, Гилин и я. Регулярную радиосвязь — разумеется, шифрованную — мы поддерживали и с Мареком. За три месяца, которые мы провели на югославской территории до вступления на болгарскую землю, мы обменялись с Димитровым (через Елену) и Мареком (через Жекова и Касабову) более чем сотней телеграмм. Димитров и Марек интересовались всем: нашим маршрутом, подробностями встреч с югославскими партизанами, их отношением к нам. Они спрашивали также в чем они терпят нужду и делали все возможное для оказания им помощи оружием, боеприпасами, лекарствами.

Георгий Димитров интересовался также условиями для приземления самолета.

Мы сообщали несколько раз: вблизи того места, где нас сбросили на парашютах, вполне может сесть самолет. Ответ был таков: «Продвигайтесь в сторону Болгарии. Ищите площадку ближе к востоку». Южнее Белграда, в горах Шумадии, мы обнаружили просторную ровную поляну и тут же сообщили: «Удобная площадка. Может сесть любой самолет…» На этот раз ответ из Москвы был тот же: «Продвигайтесь дальше на восток. В настоящий момент Марек не может вылететь. Ищите площадку и поддерживайте связь!..»

Добро-Поле — небольшая горная деревушка на восточном склоне горы Ястребац в Сербии, вблизи границы с Болгарией. В то время, когда мы там очутились — в середине августа 1944 года, — она находилась в центре небольшой свободной партизанской территории, которая охватывала кроме Добро-Поля, села Цырна-Трава, Кална, Долно и Горно-Гаре и другие. Вся эта территория была освобождена от немецко-фашистских оккупантов и очищена от недичевцев и сторонников Д. Михайловича в результате совместных сражений югославских и болгарских партизан.

До Добро-Поля наша группа должна была пройти нелегкий путь длиной более чем в 500 километров через Черногорию, горы Комови, Цырна, Кочници, Шумадии. Форсировав сильно охраняемую реку Ибар, мы очутились в Сербии. Вместе с партизанами дивизии Пеко Дапчевича мы участвовали во многих ожесточенных сражениях. Партизанское соединение Дапчевича в то время получило задание перебазироваться из Черногории на территорию Сербии и принять участие в предстоящих операциях Советской Армии по освобождению страны.

Югославские партизаны, которые считали нас советскими военнослужащими, еще в начале похода предоставили нам коней. Это было просто великолепно: на крепких горных конях ездили штабные командиры партизан и связные. Каждая лошадь, единственное быстрое и удобное средство передвижения в горах, ценилась на вес золота.

Группа болгар, которая двигалась с партизанским соединением Дапчевича, вначале состояла только из нас пятерых, высадившихся у подножия горы Цырни-Кук. Но на свободной партизанской земле в Сербии кроме нас находилась еще сотня болгарских партизан и партийных деятелей. Здесь работал Димо Дичев, которого Центральный Комитет партии направил в Сербию в Главный штаб партизан с двойной задачей — встретить группу Станке Димитрова и позаботиться о формировании и вооружении Первой софийской партизанской дивизии. Здесь располагался и созданный в июне на югославской территории из бывших болгарских солдат партизанский батальон под командованием Бояна Михнева. Батальон был сформирован из болгарских военнослужащих, антифашистов, дезертировавших из частей оккупационного корпуса, чтобы бороться против гитлеровцев. Батальон, численность которого постепенно выросла до двухсот бойцов, участвовал в целом ряде жестоких сражений. Комиссаром батальона был Штерю Атанасов. Это был третий большой болгарский партизанский отряд, сформированный из

бывших военнослужащих, которые сражались в то время плечом к плечу с югославскими партизанами против общего врага; двумя другими партизанскими соединениями являлись солдатская бригада имени Георгия Димитрова во главе с капитаном А. Русевым и Кириллом Игнатовым и солдатский партизанский батальон имени Христо Ботева под командованием поручика Дичо Петрова.

Димо Дичева мы встретили на партизанской территории около куршумлийских бань, где в то время находился Главный штаб сербских партизан. Здесь мы установили контакт с ответственными деятелями сербского и югославского национально-освободительного движения, такими, как Коча Попович, представитель Национального Комитета Освобождения Югославии в Сербии, Нешкович-Михайлов, секретарь Коммунистической партии Сербии, Цона Бабович, член Политбюро ЦК КПЮ, и другими. Возле куршумлийских бань мы расстались с дивизией Пеко Дапчевича и до нашей границы продвигались в сопровождении специально приданной для нашей охраны югославской партизанской роты.

В Главном штабе сербских партизан мы встретили группу офицеров советской военной миссии, направленной сюда для оказания помощи партизанскому движению, Когда советские товарищи узнали о несчастье, случившемся с нашими грузовыми парашютами, они подарили нам небольшой генератор с двигателем и запасом горючего, который заменил ручной генератор и до конца обеспечивал электроэнергией нашу рацию.

Неподалеку от села Цырна-Трава мы узнали от сербских партизан, которые встретили нас и обеспечивали связь нашему отряду, что сюда направились Боян Болгаранов, член ЦК и уполномоченный нашей партии при штабе македонских партизан, и Благой Иванов.

Встреча нашей группы с Димо Дичевым имела существенное значение для дальнейшего решения наших задач. После установления контакта мы решили связаться с помощью курьера с ЦК БКП и Главным штабом Народно-освободительной повстанческой армии (НОВА).

Во второй половине августа Георгий Димитров прислал нам важную радиограмму. Она носила инструктивный характер и была адресована Центральному Комитету нашей партии:

> «Передайте срочно всеми возможными средствами ЦК партии следующее:
>
> 1. Сплотить все демократические, прогрессивные силы народа, все антигерманские группировки вокруг

Национального комитета Отечественного фронта — выразителя воли болгарского народа, организатора и руководителя борьбы против гитлеровских головорезов и их болгарской фашистской агентуры.

2. Принять меры к немедленному разоружению германских вооруженных частей, гестаповцев и пр., к их беспощадному обезвреживанию, а также к решительной ликвидации всякого сопротивления и враждебных действий против Отечественного фронта и Красной Армии.

3. Призвать народ, солдат и офицеров на борьбу против гитлеровцев и их агентуры и всеми силами поддерживать действия Национального комитета по созданию правительства Отечественного фронта.

4. Мобилизовать все силы с целью парализовать попытки ведения в стране военных действий против Красной Армии со стороны немцев и их фашистских агентов.

5. Принять срочные меры к обеспечению свободной деятельности Национального комитета Отечественного фронта, его партий, групп, бесцензурной печати и освобождения арестованных патриотов.

6. Болгарский народ и его вооруженные силы должны решительно перейти на сторону Красной Армии, освободительницы Болгарии от немецкого ига, и вместе с ней очистить болгарскую землю от гитлеровских бандитов и их подлых пособников.

Получение и передачу в ЦК подтвердите. Сообщите срочно, что происходит.

Г. Димитров».

Сразу же после расшифровки радиограммы специальный курьер отправился в Болгарию, чтобы передать Центральному Комитету новые указания Георгия Димитрова в решительный для страны политический момент.

Затем мы отправились в район Добро-Поле — Цырна-Трава, где надеялись застать вызванные Димо Дичевым болгарские партизанские отряды.

Во второй половине августа в районе Цырна-Трава — Добро-Поле было сосредоточено около тысячи болгарских антифашистов — от членов ЦК и его уполномоченных до рядовых партизанских бойцов. Кроме вышеуказанных членов и представителей ЦК БКП, здесь мы застали Трынский партизанский отряд, который перед этим вел трудный бой с

жандармерией и с трудом прорвался к свободной партизанской территории в Сербии, а также Радомирский и Брезницкий партизанские отряды во главе с Денчо Знепольским, большую группу партизан Кюстендилского отряда и солдат-антифашистов, которые дезертировали из Нишского гарнизона, чтобы присоединиться к народному движению Сопротивления. Вскоре после нашего прибытия около села Кална появилась группа партизан во главе со Здравко Георгиевым и Борисом Ташевым, которую Главный штаб НОВА направил в Македонию с заданием сосредоточить на старой границе страны болгарскую солдатскую бригаду имени Георгия Димитрова.

Как мы поняли из разговора с некоторыми партизанами, многие из них ожидали, что здесь, на свободной партизанской земле, где находилась английская военная миссия, они смогут получить оружие, надеялись, что это оружие сбросят — так обещала миссия — английские военные самолеты…

Оружие действительно прибыло, но его прислали советские братья.

Мы сначала обратились с соответствующей просьбой к английской миссии. Впрочем, эта просьба носила настоятельно-ультимативный характер. Мы заявили английским офицерам, которые неделями отделывались обещаниями или отговорками («буря над Италией», «плохие атмосферные условия над Средиземным морем», «плохая видимость», «отсутствие радиосвязи»), что больше мы не намерены ждать. Ввиду категорической постановки вопроса англичане наконец выдали себя: «Зачем вам оружие? В ближайшие дни болгарское правительство капитулирует. В таком случае вам не с кем будет воевать. Партизанская борьба становится ненужной!..»

Иными словами: не ждите от нас оружия, отпустите по домам прибывших сюда болгарских партизан. Предоставьте возможность вершить судьбы Болгарии ее нынешним правящим кругам, которые уже ведут в Каире переговоры о перемирии с западными державами…

Циничное поведение английских офицеров привело нас в бешенство, но потом мы осознали, что другого ответа от них не следовало и ожидать. Ведь Черчилль в свое время заявил, что коммунизм во всех случаях, всегда и везде был и останется главным врагом Британской империи. Мы узнали также о его «Балканском варианте» второго фронта, который в сущности преследовал цель оккупировать Балканы, включая Болгарию…

Тогда мы втроем с Димо Дичевым и Штерю Атанасовым составили радиограмму Георгию Димитрову, и Радил, наш неутомимый радист, в ту же ночь передал ее в эфир…

«Находимся около села Добро-Поле, вблизи болгаро-югославской границы, — сообщили мы. — Соединились с Трынским, Радомирским и Брезницким отрядами. Очень нуждаемся в оружии и боеприпасах. Товарищи из югославской Народно-освободительной армии не могут нам помочь, т. к. сами испытывают нужду — они проводят всеобщую мобилизацию… Союзники-англичане отказываются поставить оружие и боеприпасы. Для нас и югославских товарищей сейчас главное — оружие и боеприпасы. Моральный дух и боеготовность высокие».

Радиограмму мы подписали втроем: Димо Дичев, Штерю Атанасов и я.

Уже на следующее утро Радил принял ответ:

«Приготовьтесь встречать самолеты… С завтрашнего вечера три ночи подряд будем сбрасывать оружие и боеприпасы… Координаты — предложенные вами. Димитров».

Августовская ночь, тихая, звездная, давно накрыла отроги горы Ястребац, когда по данному нами знаку партизаны зажгли сигнальные огни. Их было пять, в одну линию на расстоянии нескольких десятков метров один от другого — так мы договорились по радио после уточнения координат. Костры ярко вспыхнули, а мы отошли в сторону от поляны. Ночь была теплая, тихая, звезды крупные и ясные, видимость — великолепная. К счастью, предсказания о дожде, низкой облачности, тумане не сбылись.

Держа в руках сигнальную ракетницу, я ждал вместе с Димо Дичевым и Штерю Атанасовым. Разговаривать старались негромко, чтобы вовремя услышать гул моторов самолета. Димо Дичев рассказывал о бое у Батулии, об атаке Первой софийской партизанской бригады, о дорогих жертвах. Рассказывал и о тяжелом Рильском походе Второй партизанской бригады, которой командовал в ту пору Боян Болгаранов, о товарищах, павших в боях. Почти во всех случаях партизаны несли потери вследствие нехватки оружия: «У врага пулеметы, автоматы, он бросает против нас самолеты, подвижные моторизованные части, — говорил Димо Дичев. — А наши вооружены в лучшем случае винтовкой, редко автоматами, пулеметами, отбитыми у врага…» Действительно, восстание, для участия в котором на этих днях должен был прибыть Станке Димитров, всенародный штурм, о котором писал в своих инструкциях Центральному Комитету

партии Георгий Димитров, — были бы неосуществимы без оружия и боеприпасов в достаточном количестве… Потому так велико было нетерпение, охватившее нас в ту ночь, первую из трех ночей, в которые должны были прилететь советские самолеты…

Послышался шум моторов. Спустя несколько минут шум превратился в рокот. Я по звуку узнал, что летят Ли-2, на которых советское командование забрасывало в начале войны наши группы в Болгарию и Югославию.

Когда самолеты приблизились к поляне с кострами, я выпустил из ракетницы одну за другой три ракеты. С высоты около 800 метров с самолетов начали сбрасывать на парашютах груз. В тихой безветренной ночи белые купола парашютов медленно опускались туда, где их поджидали мы. Их число превысило сотню.

Трудно описать ликование, вызванное появлением советских самолетов. Партизаны и местные жители, которые пришли помочь собирать парашюты, бросились к драгоценному грузу. Они складывали большие брезентовые мешки на вате, которая предохраняла их от удара о землю, на краю поляны. В мешках находились автоматы, пулеметы, гранаты, боеприпасы — то, что мы ожидали, в чем испытывали острую нужду тысячи народных борцов — болгарских партизан, часть которых собралась около села Цырна-Трава…

В последующие две ночи самолеты опять сбросили драгоценный груз. Всего с советских самолетов было сброшено несколько сот грузовых парашютов с оружием и боеприпасами, которых могло хватить для вооружения целой партизанской дивизии.

Оружие немедленно распределили среди сосредоточенных здесь болгарских партизан. Часть оружия выделили для отрядов, которые прислали к нам своих представителей. Каждый уполномоченный уносил с собой по нескольку автоматов, сотни патронов, гранат, их группы немедленно отправлялись в глубь Болгарии, где их с нетерпением поджидали боевые товарищи. Другую часть оружия и боеприпасов (чуть ли не половину полученного количества) мы передали для вооружения бойцов, мобилизованных в югославскую партизанскую армию.

Свою долю получило и местное население. Мы с Димо Дичевым и Штерю Атанасовым решили подарить полотно с куполов парашютов бедным людям — им можно было одеть жителей нескольких сел…

Оружие прибыло. Оставалось дождаться прилета Марека. В очередной телеграмме Димитров сообщил:

«Уточните координаты посадки самолета. С ним прибудет Марек и группа товарищей. Димитров».

Координаты, которые мы передали несколько часов спустя, были те же, что и ранее. Это была высокогорная поляна, покрытая низкой травой, без единого камня на ней. Расчистили остатки недогоревших костров, собрали сухие сучья для новых сигнальных костров. Мы должны были их зажечь в форме «дорожки» — по четыре костра параллельно один другому.

К вечеру 26 августа Радил Иванов принял телеграмму, в которой Георгий Димитров сообщил, чтобы мы ждали Марека. Мы поняли — в одну из ближайших ночей.

Наконец-то! Наконец-то Станке Димитров, с мыслью о котором мы пересекли почти всю Югославию, прилетит к нам. Значит, события назревают. Если Марек был нужен нашему Центральному Комитету несколько месяцев раньше, в начале весеннего подъема движения Сопротивления, то как он был нужен сейчас, когда нашему народу предстояло совершить величайший подвиг — подняться на победоносное восстание 9 сентября 1944 года!

Наступила ночь 27 августа. Мы были готовы к встрече.

Перед тем как приступить к конкретной подготовке для приема самолета и зажечь костры, нам следовало снова связаться с Димитровым в назначенный час. Радил включил радиостанцию. Вот раздались сигналы морзянки, и Радил, напряженный и сосредоточенный, начал записывать группы цифр нашей шифровки. Телеграмма была небольшая. Прием длился одну-две минуты от силы. Этого времени было достаточно, чтобы сообщить то, чего мы ожидали.

Мы спешно приступили к расшифровке.

Небольшая книжечка, верой и правдой служившая нам, в этот вечер помогла прочитать слова сообщения, которое нас потрясло:

«В результате авиационной катастрофы погиб Станке Димитров — Марек, выдающийся руководитель нашей партии, до последнего вздоха преданный своему народу и рабочему движению… рабочий класс и Болгарская коммунистическая партия понесли огромную потерю. Димитров».

Над поляной, окутанной безмолвием звездной летней ночи, воцарилась скорбь. Не стало замечательного руководителя, который мог бы принести неоценимую пользу идущему на штурм народу.

Позже, после победы, мы узнали подробности катастрофы

самолета, на котором Марек вылетел из Москвы в Калиновку, где к его группе должны были присоединиться опытные деятели партии Васил Димитров, Михаил Георгиев, Атанас Алтыпармаков, Георгий Глухачев, Гаврил Атанасов. Мы узнали также, что Марек вместе с радистами — Любеном Жековым и Еленой Касабовой, — и Василом Дончевым несколько раз в течение июля и августа предпринимал попытки добраться до партизанской земли. Как свидетельствуют Жеков, Касабова и Дончев, их самолет несколько раз натыкался на «ловушки», которые опытные советские летчики своевременно замечали.

С товарищами, которые нам рассказали все это, мы смогли увидеться только после победы. Среди них не было Цивинского. Марек задержал его в Москве и вместе с ним полетел в Калиновку. Цивинский погиб в том же самолете, под Брянском.

6. ПОБЕДА. С МИССИЕЙ К ТОЛБУХИНУ

8 сентября 1944 года 1-я Софийская партизанская дивизия перешла югославско-болгарскую границу и вечером того же дня вышла в район города Трын.

Дивизия насчитывала около тысячи партизан. В нее влились Трынский, Радомирский, Брезницкий и Босилеградский отряды, солдатский партизанский батальон и дезертировавшие из своих корпусов солдаты-антифашисты. В селе Кална было решено назначить командиром дивизии Славчо Трынского, а комиссаром — представителя Главного штаба НОВА Здравко Георгиева. В связи с тем, что Славчо Трынский был ранен, и его не было в районе Кална, временным командиром стал Димо Дичев. (Должен уточнить, что назначение командиром дивизии Славчо Трынского произошло в соответствии о рекомендацией Георгия Димитрова, он считал: крупное партизанское соединение, которому предстояло решать важные задачи, должен возглавлять популярный среди народа партизанский руководитель.) Дивизия состояла из трех бригад. Она была превосходно вооружена советскими автоматами, ручными пулеметами, имела достаточное количество боеприпасов, гранат. Это партизанское соединение, созданное по указанию ЦК партии и Главного штаба НОВА, должно было обезвредить воинские подразделения, расположенные на вершине Тумба, а затем немедленно направиться к Трыну и Софии, чтобы принять участие в предстоящем всенародном вооруженном восстании. Рассчитывая на мощь Первой партизанской дивизии, а также на удары с флангов партизанской бригады «Чавдар», Ихтиманского и Шопского отрядов, и в первую очередь, Софийской партийной и боевой организации, ЦК партии уверенно разрабатывал свой оперативный план. Был намечен день восстания. В помощь восставшему народу и партизанам партии удалось подключить, как известно, и небольшие воинские части, находившиеся в столице и ее окрестностях, во главе с перешедшими на сторону Отечественного фронта офицерами.

Вечером 7 сентября подразделения были обезврежены. Многие солдаты с радостью влились в наши ряды, а запятнанные кровью офицеры получили по заслугам. На вершине Тумба состоялся митинг партизан и побратавшихся с ними солдат воинской части. На митинге выступили Димо Дичев, Здравко Георгиев и я.

На рассвете следующего дня, 8 сентября, мы достигли Трынской котловины, в которой приютилась небольшая

деревенька Милославцы. Жители деревни встретили нас с восторгом. Здесь мы узнали, что вся администрация города Трын и окрестных сел, полицейские и военные чины бесследно исчезли. Почувствовали крысы, что их корабль идет ко дну, и побежали, спасаясь от народного гнева…

Мы вошли в село и на следующий день созвали митинг. Площадь едва вместила невиданное множество людей — партизан дивизии и население окрестных сел. Митинг в Милославцах состоялся по решению штаба. Здесь Первую софийскую партизанскую дивизию официально должен был принять ее командир Славчо Трынский.

Все произошло так, как было предусмотрено. Славчо выступил перед дивизией. Народ встретил его с восторгом. Пробыв в селе не более двух часов, он уехал, так как еще не полностью поправился после ранения. Через некоторое время после его отъезда дивизия в походном порядке отправилась к городу Трын. На всем протяжении пути народ с огромным воодушевлением встречал партизан, внимательно слушал речи ораторов…

В Трыне повторилась та же картина. Ликование было поистине всеобщим. Да и было чему радоваться. Была перевернута страница тяжелого прошлого, полного муки, несправедливости. Впервые в многовековой истории народ стал хозяином своей собственной судьбы…

А дивизия? По приказу Главного штаба НОВА она двинулась к Софии.

События развивались с молниеносной быстротой — менялись обстановка и задачи. Центральный Комитет партии и Главный штаб НОВА, реально оценив создавшуюся обстановку, решили поднять вооруженное восстание в ночь на 9 сентября 1944 года. По этой причине 1-я Софийская дивизия не участвовала в ликвидации монархо-фашистской власти в самой Софии. Там и без нее оказалось вполне достаточно сил, власть в столице перешла в руки народа. Дивизия получила задание установить власть Отечественного фронта во всей Западной Болгарии. Очистить район от вражеских лиц и группировок, которые пытались найти спасение в горах или перейти в расположение своих вчерашних союзников — гитлеровцев; а также остановить возможное наступление немецких частей, которые с боем отступали из Греции и Эгейской Фракии на северо-запад по направлению Скопле — Ниш — Белград.

День победы революции мы отпраздновали в освобожденном Трыне. Рано утром на следующий день мы с Димо Дичевым, Штерю Атанасовым и Радилом Ивановым отправились в Софию,

чтобы связаться с Центральным Комитетом партии.

София в первые дни после победы переживала неописуемое опьянение свободой. Ее улицы и площади были заполнены ликующим народом. Вблизи дворца, на сбитом на скорую руку большом дощатом помосте, с утра до вечера выступали ораторы, пели хоры, играли оркестры. Временно остановились фабрики и заводы, нарушился обычный трудовой ритм города. Народ сознавал, что наступил великий, счастливейший миг в его истории, достигнута новая отправная точка в судьбах Болгарии, перед которой раскрывались перспективы социалистического строительства. Пришла долгожданная свобода, за которую пролили кровь тысячи людей, а тысячи других томились и тюрьмах и концлагерях, годами жили в изгнании. И опять, как семь десятилетий назад, свободу принесли северные братья, великая Советская Армия — Армия-освободительница…

Центральный Комитет партии в первые дни после 9 сентября помещался на улице Врабча, 10 (ныне улица Янко Забунова). Наша группа, запыленная в походе по горам и долам, была братски принята ответственными партийными деятелями: Антоном Юговым, Цолой Драгойчевой, Георгием Чанковым, Добри Терпешевым, Раденко Видинским, Димитром Ганевым, Кириллом Драмалиевым, Тодором Павловым, бывшим в то время одним из трех регентов малолетнего царя. С нетерпением ожидался приезд Трайчо Костова, освобожденного 8 сентября из Плевенской тюрьмы, где он отбывал пожизненное заключение. Он должен был встать во главе секретариата Центрального Комитета партии.

Первой ко мне бросилась Цола Драгойчева, привлеченная тем, что на мне была форма офицера Красной Армии. Но она тут же меня узнала. С ней мы встречались в Москве, куда она приезжала в самом конце 1940 года по поручению Центрального Комитета партии, чтобы поставить перед Георгием Димитровым и Заграничным бюро вопрос о присылке в Болгарию подготовленных партийных кадров. Тогда болел ее сын Чавдар, который жил в Москве у Стеллы и Наташи Благоевых, которые его любили, как сына.

— Как Чавдар? Скажи, как чувствует себя мой сын? — нетерпеливо спросила она меня, когда мы сердечно поздоровались. — От него нет вестей вот уже четыре года…

Признаться, я ничего не знал о ее сыне — со дня моего отъезда из Москвы прошло более четырех месяцев. Но разве мог я остаться равнодушным к тревоге этой заботливой матери, замечательной героини, отдавшей всю жизнь делу революции,

дважды приговоренной к смертной казни, взвалившей на себя все тяготы ответственного партийного поста в годы антифашистского Сопротивления!

— Не беспокойся о своем сыне! — ответил я бодро, глядя прямо в широко открытые глаза, ждавшие хорошей вести. — Здоров, вытянулся, как тополь. Заканчивает учебу. А как играет на пианино! Умный, смекалистый парень. И характер у него чудесный!..

Глаза Цолы Драгойчевой радостно засияли. Она благодарно стиснула мне руку, а затем отошла в сторону и залилась счастливыми слезами. Я смотрел на нее и с волнением думал о силе ее материнской любви, о том, что ничто, никакие трудности борьбы, никакие суровые страдания в тюрьмах и концлагерях, никакие муки тяжелой четырехлетней нелегальной жизни не убили в ней нежности. А некоторые из нас представляли себе женщину-борца как существо, лишенное нежности, материнских чувств и привязанности, способности любить…

С Тодором Павловым я познакомился в Москве: его имя было хорошо известно каждому болгарскому коммунисту. Он пользовался заслуженной популярностью как философ-теоретик и страстный пропагандист. Стараясь держаться как можно более сдержанно, он отвел меня в сторону и стал расспрашивать о своей дочери Вере…

— Не думайте ничего плохого, — прервал я его. — Вера жива и здорова. Мы с ней несколько лет воевали плечом к плечу. Она была в бригаде особого назначения, затем стала партизанкой… Гордитесь своей дочерью — она блестяще выполнила долг врача и коммуниста на фронте под Москвой и в тылу врага, у партизан…

Революция победила, но проблемы, которые в те сентябрьские дни 1944 года приходилось решать партии, были сложными, трудными, многообразными. Каждый старый деятель, участвовавший в десятилетней антифашистской борьбе, получил боевую задачу, от выполнения которой зависела окончательная победа, дальнейшее развитие революции, упрочение власти Отечественного фронта. Я был кооптирован в члены Центрального Комитета партии, и на меня возложили руководство его военным отделом. Дел было невпроворот, одно сложнее другого. Армия, доставшаяся в наследство народной власти, была призвана защищать Болгарию Отечественного фронта не столько от ее внутренних врагов, сколько от угрозы, нависшей над нашей родиной с запада. Гитлеровские оккупационные войска, отступавшие из Греции, разоружив нашу

Пятую армию и перебив сопротивлявшихся солдат и офицеров, подошли на танках к нашей западной границе в районе Кюстендила и Гюешево. А оттуда до Софии было каких-нибудь сто километров… Армию старой Болгарии нужно было заново реорганизовать, очистить от профашистски настроенных офицеров, руки которых были обагрены кровью народа, пополнить новым командным составом, подобранным из партизанских бригад, усилить коммунистами и ремсистами, целыми партизанскими соединениями, — чтобы она могла достойно защитить свое отечество.

И не только это. Реорганизованная армия Болгарии Отечественного фронта должна была немедленно включиться в войну против гитлеровской Германии, чтобы смыть позорное пятно, которым запятнали нашу родину монархо-фашистские правители. В войне против вчерашнего «союзника» армия Отечественного фронта должна была сражаться плечом к плечу с нашими освободителями, воинами славной и победоносной Красной Армии, до полного разгрома немецко-фашистских захватчиков.

Несколько дней спустя, успев заехать в родной Плевен и наскоро увидеться с дорогими боевыми товарищами, уцелевшими в борьбе, знакомыми и близкими, я должен был приступить к выполнению ответственной задачи, порученной мне Центральным Комитетом партии. Вместе с Димитром Ганевым, членом Политбюро ЦК БКП, мы должны были вылететь в штаб 3-го Украинского фронта для установления прямой связи между командующим фронтом маршалом Ф. И. Толбухиным и Центральным Комитетом партии. Эта связь была необходима для уточнения и согласования важных задач по стабилизации новой власти, которые партия намеревалась осуществить в ближайшие дни. Одновременно с этим следовало урегулировать некоторые вопросы, связанные с размещением находившихся на болгарской территории частей 3-го Украинского фронта, воинов которого народ встречал хлебом и солью — так, как встречают братьев-освободителей.

Задание мы получили поздно вечером 15 сентября после очередного заседания Центрального Комитета. В те дни ЦК партии и все партийные руководители, вся партия сверху донизу круглые сутки находились на революционном посту — враг не только не был ликвидирован окончательно, но и надеялся на поддержку находившихся в Болгарии англичан и американцев из союзнической миссии: ввиду этого все коммунисты и члены Отечественного фронта, все здоровые силы нации, весь трудовой

народ, празднуя победу, держали оружие наготове.

Центральный Комитет партии работал круглые сутки. Каждый член Политбюро ЦК БКП по нескольку раз в день выступал на митингах, закрытых партийных и общих собраниях — народ жаждал услышать своих сынов, которые до вчерашнего дня работали в глубоком подполье и могли выступать только на страницах нелегальной печати. Легендарные герои антифашистской борьбы разъясняли с трибун программу Отечественного фронта, призывали народ к единству и сплоченности для закрепления достигнутой победы, звали к претворению в жизнь идеалов, за которые погибли лучшие сыны и дочери Болгарии.

Рано утром 16 сентября мы вдвоем с Димитром Ганевым отправились в Добрич (ныне город Толбухин). Полетели на советском военном самолете, об этом позаботился генерал-полковник С. С. Бирюзов, прибывший в Софию в качестве представителя штаба 3-го Украинского фронта.

Я раньше не был знаком с Димитром Ганевым, но за несколько дней между нами установились теплые товарищеские отношения. Мне была известна его революционная биография. Я слышал о нем еще в 1930—1932 гг. в Вене во время съездов Добруджанской революционной организации, членом ЦК которой он являлся. Ганеву было около сорока пяти лет, но вид у него был изможденный. Впрочем, не отличались цветущим здоровьем и остальные члены Политбюро и Центрального Комитета партии — эти люди, вышедшие из глубокого подполья или тюрем, годами недоедали и недосыпали, ежедневно рисковали жизнью…

Ганев перенес все тяготы нелегальной жизни. Победа, за которую до вчерашнего дня приходилось проливать кровь, теперь требовала нечеловеческих усилий. Димитр Ганев работал самоотверженно, до полного изнеможения.

Советский самолет доставил нас в Добрич примерно за полчаса. Димитр Ганев, руководитель делегации, был уполномочен Центральным Комитетом добиться встречи с маршалом Толбухиным, проинформировать его о положении в стране и принципиально урегулировать основные вопросы взаимоотношений между властью Отечественного фронта и советскими войсками. Я был уполномочен представлять ЦК партии при штабе 3-го Украинского фронта в деле разработки и конкретного решения некоторых военных проблем. Ввиду этого по решению ЦК Димитру Ганеву предписывалось немедленно вернуться в Софию, а я должен был остаться на некоторое время при штабе Толбухина.

Командующий 3-м Украинским фронтом, талантливый стратег и военный организатор Ф. И. Толбухин принял делегацию в день нашего прилета в Добрич, т. е. 16 сентября. У него не было возможности сразу уделить нам время — на всех направлениях центрального и северного участков фронта шли ожесточенные бои с немецко-фашистскими войсками, и он со своим штабом работал круглые сутки, анализировал соотношение сил, определял направления очередных ударов по врагу, который оборонялся с отчаянной злобой. Нам сказали, что маршал нас примет сразу же, как только будет возможно. Тогда Димитр Ганев решил заехать к своим близким. Только теперь я узнал, что здесь, в этом добруджанском городе, находилась его семья, которую он не видел очень долго.

К 10 часам вечера военный автомобиль пронесся по тесным городским улицам и остановился перед домом Ганева. Я же по вызову маршала Толбухина отправился к нему, чтобы предварительно обсудить некоторые вопросы встречи, о которой советское посольство в Софии своевременно уведомило штаб Толбухина.

Маршал Ф. И. Толбухин принял меня в своем кабинете. Он стоял у стола с непрерывно звонившими телефонами. Встав по стойке «смирно», я по-военному доложил, кто я такой, откуда и с какой целью прилетел из Софии. Докладывал на русском языке, по-военному.

Маршал смотрел на меня удивленно. Разумеется, он был предупрежден о том, какие люди и для чего прилетели из Софии, но, наверное, ему забыли сообщить, что один из членов болгарской делегации — полковник Советской Армии.

— Добро пожаловать! Мне очень приятно, — маршал протянул мне руку, осматривая с головы до ног. — Простите, что не смог сразу вас принять… Расскажите о себе. Сами понимаете, некоторые вещи меня удивляют…

Но говорить о себе мне не пришлось. Открылась дверь, и в кабинет вошел человек. Спустя секунду вошедший, которого я еще не видел, удивленно воскликнул:

— Кого я вижу? Ванко? Неужели это ты?

Я обернулся. Вошедший был советский генерал. Я всмотрелся в его лицо и узнал. Это был мой товарищ А. С. Рогов, работник Четвертого управления, в 1939—1940 гг. слушатель Академии имени Фрунзе. В штабе Толбухина, как я потом узнал, он возглавлял военную разведку.

Мы обнялись и трижды по славянскому обычаю расцеловались, обрадованные неожиданной встречей.

Маршал с удивлением смотрел на эту сцену. Пока Рогов

забрасывал меня неизбежными при таких встречах вопросами, Толбухин позвонил и приказал принести закуску на троих, — разве можно не отметить такую встречу!

А. С. Рогов рассказал Федору Ивановичу о нашей совместной работе в Четвертом управлении, о моем участии в обороне Москвы в составе бригады особого назначения, упомянул о моей деятельности по организации партизанских отрядов, о том, как я был переправлен во вражеский тыл…

Поняв, что моя группа несколько дней назад прибыла из Югославии и что до последнего времени я поддерживал регулярную радиосвязь с Георгием Димитровым, Толбухин сказал:

— Я беседовал с Георгием Михайловичем сегодня утром. Мы с ним чуть ли не каждый день обсуждаем по телефону разные вопросы. — Хотите поговорить с ним? — предложил Толбухин.

Я горячо поблагодарил его, сказав, что даже хотел просить об этом, так как мне нужно было сообщить некоторые факты, которыми Димитров очень интересовался.

Толбухин медленно встал и снял телефонную трубку. Через минуту по прямому проводу Толбухин позвонил Димитрову. Была уже поздняя ночь. Застанет ли он его в рабочем кабинете?

Димитров оказался на месте. Толбухин обменялся с ним сердечными приветствиями, а затем сказал, что у него находится один из посланцев Центрального Комитета партии, и назвал мое имя.

— Георгий Михайлович хочет поговорить с вами, Иван Цолович, — сказал с улыбкой Толбухин и передал мне телефонную трубку.

Я поздоровался с Георгием Димитровым, коротко доложил о проделанном с момента нашей последней радиограммы, а она была направлена накануне отъезда в Добрич, рассказал о миссии, которую делегация во главе с Димитром Ганевым должна была выполнить.

Димитров слушал и задавал вопросы о работе Центрального Комитета, о состоянии дел в Отечественном фронте, стабилизации народной власти, т. е. обо всех жизненно важных, коренных проблемах, от правильного решения которых в огромной степени зависел дальнейший успех социалистической революции. Получив информацию о том, что его интересовало, Димитров распорядился, чтобы я, как только моя миссия у Толбухина будет завершена, немедленно возвратился в Софию, и поручил мне ряд задач. Димитру Ганеву было приказано вылететь в Москву на советском самолете.

Официальная беседа с командующим 3-м Украинским фронтом маршалом Ф. И. Толбухиным, его заместителем и начальником разведки А. С. Роговым началась утром на следующий день. Димитр Ганев подробно ознакомил их с характером происшедших в стране социально-политических изменений, рассказал о сущности Отечественного фронта, описал события последних дней после 9 сентября, обрисовал успешный ход народного восстания в Софии и во всей стране, подвел итог решительной победы антифашистских сил, изложил основные задачи программы Отечественного фронта и его решимость немедленно включиться в войну против гитлеровской Германии до ее окончательного разгрома.

Димитр Ганев говорил об этом пламенно, страстно. Я подробно переводил его речь на русский язык. Слова Ганева произвели на маршала и его заместителей глубокое впечатление. Они, разумеется, были осведомлены о происшедших в Болгарии исторических событиях, победоносном народном восстании, организованном и руководимом БКП, но сейчас, после подробного рассказа Димитра Ганева, все факты приобрели для них вполне реальные и четкие очертания.

В заключение Димитр Ганев уведомил маршала о нависшей над нашей западной границей угрозе нападения со стороны немецко-фашистских оккупационных войск, уходящих из Греции. Заняв все стратегические высоты и дороги на югославской территории в районе Гюешево — Ниш — Бяла-Паланка — Кула, гитлеровцы готовились нанести удар по революционной Софии и, возможно, создать угрозу флангу наступающим к северу от Дуная частям 3 то Украинского фронта. От имени ЦК партии и правительства Отечественного фронта Димитр Ганев обратился к Толбухину с просьбой по возможности ускорить переброску войск в направлении Кула — Ниш — Белград. Первые реорганизованные части болгарской армии, усиленные партизанскими отрядами, уже вели ожесточенные бои, но силы были неравные, без немедленной помощи Красной Армии трудно было бы сдержать натиск врага.

Когда Димитр Ганев кончил, Федор Иванович заверил его в том, что не в ближайшие дни, а в ближайшие часы к Куле, Видину и Нишу будут направлены моторизованные артиллерийские дивизионы и гвардейские минометы («катюши») для оказания немедленной помощи болгарским товарищам. Эту задачу он уже поручил генералу С. С. Бирюзову: разведка доложила об этой опасности.

Когда беседа окончилась, Ф. И. Толбухин предложил тост:

— За полное торжество социалистической революции в

братской Болгарии!

В ответ Димитр Ганев провозгласил здравицу:

— За славную и непобедимую Красную Армию — освободительницу Болгарии и всего человечества от ига фашизма! За нашу братскую дружбу!

Мы сердечно простились с маршалом Ф. И. Толбухиным и сотрудниками его штаба, после чего Димитр Ганев немедленно вылетел в Москву, чтобы доложить лично Георгию Димитрову и Верховному командованию Красной Армии о положении в стране. Я вернулся в Софию. Связь с командующим 3-м Украинским фронтом была установлена. В Софии ждали неотложные дела.

Сейчас, когда я заканчиваю, свои записки о прошлом и пережитом, нашей социалистической революции исполняется четверть века. Двадцать пять лет мы идем верным путем, начертанным Георгием Димитровым, под руководством партии коммунистов. И в эпоху кровавых битв, и в эпоху мирного строительства партия доказала, что она способна вести наш народ к свободе, счастью, благоденствию.

Наша родина стала такой, какой мы ее видели в мечтах в годы лишений и бедствий. Наше поколение сделало все, на что было способно. Новые поколения должны сделать ее еще более сильной, более богатой, более счастливой. И пусть помнят, что как вчера, так и сегодня и в будущем счастливая судьба Болгарии тесно связана с судьбой братского советского народа, судьбами мировой социалистической революции. Это урок истории, это завет павших.

notes

Примечания

1

«Долгоносый» — прозвище болгарского царя Фердинанда. — Прим. ред.

2

В то время у власти находился Земледельческий союз, возглавлявшийся Александром Стамболийским. — Прим. ред.

3

«Народный сговор» — фашистская организация, осуществлявшая руководство военно-фашистским переворотом 9 июня 1923 г. — Прим. ред.

4

Широкие социалисты — правое крыло Болгарской социал-демократической партии. — Прим. ред.

5

Оранжевый цвет — партийный цвет Земледельческого союза. Здесь речь идет о его гвардии. — Прим. ред.

6

Странджа — область в юго-восточной Болгарии, примыкающая к границе с Турцией. — Прим. ред.

7

После смерти Сунь Ятсена — председатель национально-революционного правительства. Погиб от рук убийц-контрреволюционеров в августе 1925 года. — Прим. ред.